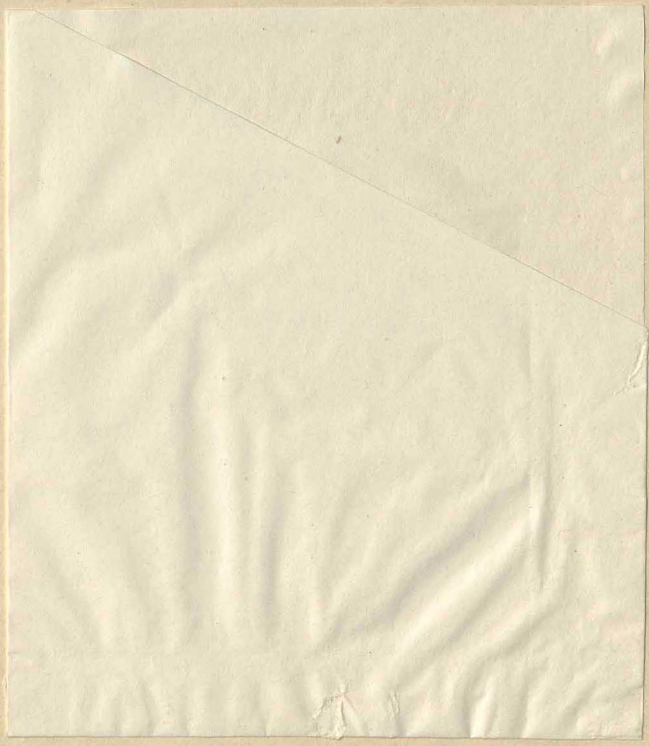
Pδ 19/2621

Р 19/5 2621

П. СТУЧКА

УЧЕНИЕ О СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ И ЕГО КОНСТИТУЦИИ

СССР и РСФСР

1929

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

Ананов И. Н. — Очерки федерального управления СССР. (Народные комиссариаты Союза ССР.) (Проблемы советского права.) Стр. 211. Ц. 75 к.

Давая в первой части книжки очерк основных моментов исторического развития государственной системы и ее политических основ, автор вторую, большую часть книжки посвящает анализу структуры и деятельности аппарата управления, его взаимоотношений с органами союзных республик и отдельному разбору положений об общесоюзных и объединенных наркоматах Союза ССР. В тринадцати приложениях к книге дан законодательный материал: общее положение о наркоматах СССР, положения об общесоюзных и объединенных наркоматах и пр.

Архипов К. — Советские автономные области и республики. (Институт советского права.) Стр. 124. Ц. 50 к.

Работа разделяется на три главы, с общим документальным приложением. В первой главе автор освещает общую проблему автономии в связи с федерализмом и конфедерализмом. Вторая и третья главы трактуют об юридическом статусе советских автономных областей и республик.

Гурвич Г. С., проф. — Основы советской конституции. Изд. 7-е с шестого дополн. и исправл. Стр. 261. Ц. 1 р.

Научно-политической секцией Гуса рекомендовано в качестве учебного пособия для вузов.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

П. СТУЧКА

Р 19
Р 262

УЧЕНИЕ О СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ И ЕГО КОНСТИТУЦИИ

СССР и РСФСР

★

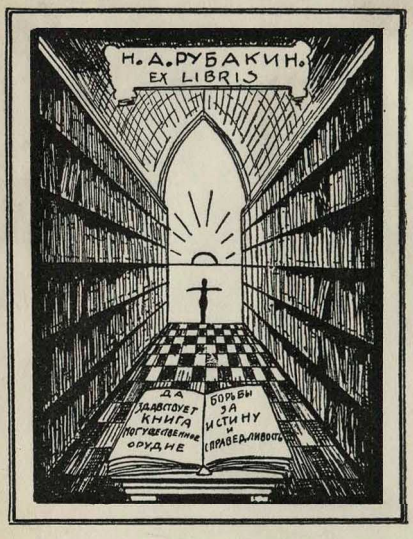
ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ, ПЕРЕРАБОТАННОЕ

Научно-политической секцией Государственного ученого совета допущено в качестве учебного пособия для Вузов

9Н38

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1929 ★ ЛЕНИНГРАД

Государственное Издательство
типография
ПЕЧАТНЫЙ ДВОР
Ленинград
Волынская 14

Государственная ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. Н. И. Ленина
108096-48

С, 70. Гиз № 30705.
Ленинградский Областлит № 35821.
20 л. Тираж 15.000.

2011147351

КНИГА ИМЕЕТ

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	19~~3~~1 г.
20						1144		

627/16 — 250 тыс.

521

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие к шестому изданию	7
Предисловие ко второму изданию	8
Предисловие к первому изданию	10
Введение: Что такое право	15

I. История государства.

А. Происхождение государства вообще	24
Б. Историческая схема государств угнетательских	26
а) У власти феодал-землевладелец	28
б) Абсолютизм — переходное государство к власти класса капиталистов	29
в) Государство и буржуазная революция	—
г) Буржуазное государство	31
д) Буржуазное учение о государстве	33
1. Территория государства	39
2. Народ-нация	40
3. Государственная власть	41
4. Суверенность власти	44
В. Переходное государство угнетенных классов	45
а) Революционная теория Маркса и Ленина о государстве	
б) Пролетарская революция	54
в) У власти пролетариат в одной из великих держав	59
1. Период гражданской войны и наступление революции	
2. Революционное отступление	61
3. Новое социалистическое наступление	64

II. Формы государства и формы правительства.

А. Классовая организация господства имущих	67
Б. Классовая организация неимущих, или советская форма государственной власти	71
В. Федерации, или союзы государств, и союзные государства	74

III. Конституции и декларации.

А. Буржуазная и Советская конституции	86
Б. Декларация прав человека-гражданина и декларация прав трудящегося народа	101

IV. Общие положения конституций РСФСР и СССР.

А. Буржуазная демократия или пролетарская диктатура	109
Б. РСФСР и СССР	116
«Р»	117
«С»	—

*

Стр.

«Ф» 119
«С» . . . . . —
«Р» . . . . . —
«СССР» 120
В. «Хартии (грамоты) вольностей». 121
1. Личность (индивид) и Советы 127
2. Свобода совести 129
3. Доступ к знанию 134
4. Свобода печати 136
5. Свобода собраний 138
6. Свобода обществ и союзов 139
7. Буржуазное право и пролетарская трудовая повинность 143
8. Буржуазная оборона и защита социалистического отечества 144
9. Национальное равноправие 146
10. Положение иностранцев 151
11. Исключения 153

V. Организация советского государства.

А. Территория 155
Б. Население 158
В. Организация Советской власти 164
а) Схема (лестница) Советской власти . . . . . —
Советы — низшая ячейка 165
Съезды и их исполкомы . . . . . —
1. Районный съезд советов 166
2. Окружной съезд . . . . . —
3. Краевой (областной) съезд . . . . . —
4. Съезды Советов фед. частей Республики 167
5. Всероссийский Съезд Советов . . . . . —
6. Союзный Съезд Советов . . . . . —
б) Советские выборы 168
1. Избирательное право . . . . . —
2. Практика наших выборов 176

VI. Построение (конструкция) государственной власти.

А. Буржуазное разделение властей 183
а) Монарх (царь, император, король, князь и т. п.) или суррогат его, — президент республики 185
б) Парламент и «парламентское» правительство 186
в) «Независимый» суд 188
Б. Вся власть Советам . . . . . —
а) Пролетарская партия (ВКП) и ее отношение к диктатуре пролетариата 189
б) Верховная власть Союза Сов. Соц. Республик . . .
Компетенция (круг ведения). 196
Верховные органы власти Союза 198
1. Съезд Советов Союза 199
2. ЦИК Союза 200
3. Президиум ЦИК'а Союза 202
4. Совет Народных Комиссаров (СНК) Союза . . . 203
5. Народные комиссариаты 204
6. Разные учреждения в составе центральной власти 205
в) Верховная власть РСФСР как Союзной Республики
Компетенция 206
Верховные органы РСФСР 208

Стр.

1. Всероссийский Съезд Советов 208
2. «Рабочий Парламент» — ВЦИК . . . . . —
3. Совнарком РСФСР 211
4. Наркомы и их коллегии 213

VII. Управление государством. 215

А. Бюрократия и буржуазный парламентаризм 217
Б. Деловой метод управления 222
В. Советская власть и бюрократизм 229
Г. Заветы Ленина 234

VIII. Революционная законность. 238

А. Законодательство 241
а) Законодательство общесоюзное 242
б) Законодательство РСФСР 243
в) Законодательство автономных республик 244
г) Местные обязательные постановления . . . . . —
Б. Применение закона 245
а) Судебная власть . . . . . —
б) Прокурорский надзор 247

IX. Советский аппарат государственного управления. . . . 249

Общесоюзный аппарат управления 250
А. Народный Комиссариат Рабоче-Крестьянской Инспекции (Рабкрин, или РКИ) . . . . . —
Б. Внешнее представительство Сов. власти — Наркоминдел . 254
В. Хозяйственные Народные Комиссариаты Союза 255
а) СТО: как объединяющий орган . . . . . —
б) Отдельные хозяйственные Наркоматы Союза 256
1. ВСНХ . . . . . —
2. Наркомторг . . . . . —
3. Наркомфин 257
4. Наркомтруд . . . . . —
5. Наркомпуть (НКПС) 258
6. Нарком Почт и телеграфов (Наркомпочтель) . . . —
Г. Государственная оборона (внешняя и внутренняя) . . . —
а) Наркомвоенмор и Красная армия . . . . . —
б) ОГПУ 262
Д. Некоторые особые общесоюзные центральные учреждения . —
а) ЦСУ . . . . . —
б) ВЦСПС 263
Аппарат госуправления РСФСР как Союзной Республики. . —
А. Внутреннее представительство РСФСР . . . . . —
Б. Хозяйственные Наркоматы РСФСР 264
а) Экосо РСФСР . . . . . —
б) Наркомзем 265
В. Культурные и просветительные Наркоматы РСФСР . . . —
а) Наркомюст . . . . . —
б) Наркомпрос . . . . . —
в) Наркомздрав . . . . . —
г) Наркомсоцобес 266

X. Автономные Советские Социалистические Республики и Области. 267

XI. Власть на местах и местное самоуправление. 271

А. Общее значение власти на местах . . . . . —
Б. История и теория самоуправления 272

Стр.

В. Советская власть на местах 276
Г. Краевой, областной и окружный исполкомы 282
а) Общее положение 283
б) Отделы 285
в) Члены Исполкома 286
г) Народный Суд . . . . . —
д) Окружный Исполком 287
Отделы Окружных Исполкомов . . . . . —

XII. Советы — местная власть. 288

А. Город и Городские Советы 289
а) Порядок выборов 290
б) Функции Городского Совета . . . . . —
в) Порядок заседания Советов 291
г) Права Пленума Горсовета . . . . . —
д) Исполнительные органы Горсоветов 292
е) Секции Городских Советов . . . . . —
Б. Селение и Сельский Совет 293
а) Сельские советы 295
б) Районный с'езд и их исполкомы 297
в) Крестьянские общества взаимопомощи и их комитеты (Крестькомы) 299
г) Порядок сношений сельских властей . . . . . —

XIII. Государственный бюджет 300

XIV. Эмблемы Советской власти 305

XV. Последнее действие: государство отмирает 308

ПРЕДИСЛОВИЕ К ШЕСТОМУ ИЗДАНИЮ

Прошло шесть лет с первого издания моей работы, тогда наспех набросанной. Многое изменилось в нашем революционном строе; соответственно тому изменилась и моя работа. Но я остался верным коренному принципу моего метода: последовательному противопоставлению нашего государства государственному строю буржуазии и резкому осуждению всякого сближения в этом отношении. Для нас государство не вечная идея, а находящийся в движении институт, для которого мы намечаем только твердую тенденцию, а не готовую схему. И в этом отношении расхождение взглядов буржуазии и пролетариата все усиливается: в то время, как буржуазия постепенно всюду чрез парламент идет от своей демократии к фашизму, как открытой форме диктатуры буржуазии, мы ведем свою революцию решительно в направлении к вовлечению всего трудового населения в управление советским государством. Там уходят даже от своей, буржуазной демократии; у нас все более развертывается действительный, пролетарский демократизм.

По сравнению с V изданием мне пришлось внести лишь немного изменений в свою систему изложения, но пришлось дополнить особенно практические отделы работы, напр. о выборах, о власти на местах и т. д. Я все более и более выбрасываю из книги то, что стало лишним, при наличии других работ, но все-таки я кое-где оставил и личные воспоминания, в целях оживления изложения. Я стараюсь дать возможно больше практических сведений, но меньше «словесности». Так я, по сравнению с четвертым изданием, выбросил отдел об историческом соотношении между пониманием государства и революции, но зато расширил отдел о ленинизме. Я собирался зачеркнуть и часть отдела об управлении государством, но вспомнил, что этот отдел, затрагивающий, между прочим, и вопрос о научном построении нашего госаппарата, мною был помещен уже в первом издании работы, когда у нас этот вопрос еще не был выдвинут на первое место; и я решил, лишь немного переделав, сохранить его и в настоящем издании.

Надеюсь, что книга в нынешнем виде облегчит изучение нашего государственного строя и одновременно более выпукло выдвинет все значение государства Советов в условиях новой экономической политики и нового отношения к крестьянству, учитывая наш новый сдвиг в сторону социализма как в городе, так и в деревне.

Если XV Съезд снова подчеркнул, что Советская власть является вообще необходимою предпосылкою возможности социалистического строительства, то общесоюзные «начала земельного законодательства» это еще особо подчеркивают для социализации сельского хозяйства.

П. Стучка.

4 февраля 1929 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Скорее, чем я ожидал, потребовалось второе издание моей книжки. Остается слишком мало времени, чтобы внести в нее серьезные изменения и поправки. Поэтому я ограничусь лишь самым необходимым в теоретической части и постараюсь по мере печатания внести и в практическую часть ее те изменения, какие вызываются переходом к новой экономической политике. Эти формальные изменения, хотя отступление и объявлено уже законченным, потребуют еще много поправок в жизни наших советских учреждений.

Для облегчения пользования книжкой я ввел в нее небольшое, может быть, слишком сжатое введение под заглавием «Что такое право?». Оно должно заменить ссылку на первую мою книжку «Революционная роль права и государства», I часть, «Общее учение о праве» — поскольку эти общие сведения необходимы для верного понимания сущности государства. В тех же целях я ввел в книжку краткие отделы «о государственной власти» и «о происхождении государства». Конечно, читателей, желающих подробнее знакомиться с революционно-марксистским пониманием права, я должен отослать к моей первой работе.

Ясно, что изменения в управлении государственной промышленности и трестирование ее, разрешение и поощрение частной инициативы и т. д. совершенно изменяют функции государственного аппарата. Он должен после этого получить значительно более упрощенный вид. Но он все-таки не может быть простою копиею буржуазного аппарата, ибо национализация земли и прочих средств производства является тем определяющим моментом, который необходимо учесть в каждом нашем институте. Национализация в буржуазном государстве, во главе которого стоит «коллективный капиталист» (слова Энгельса), изменяет сравнительно мало и структуру государственного

строя; не то в государстве, во главе которого находится правительство трудящихся.

Диктатура остается. Советская система совершенствуется в революционном направлении, а не по пути сближения с западноевропейским, т. е. буржуазным демократизмом. Основная цель моей работы подчеркнуть в сравнениях нашего строя с соответственными органами западной демократии принципиальные особенности нашей системы. Значит, я подчеркиваю не сближение, а отчуждение.

Второй вопрос — вопрос о нашем отступлении. Многие толкуют это отступление как простой возврат. Такое понимание нашего отступления прямо контр-революционно. Напротив, мы говорим, что, хотя мы и отступили, но отступаем только в видах будущего наступления. Поэтому всякое отступление должно истолковываться лишь ограничительно, а не распространительно.

Мне придется включить в практическую часть текста и пояснение таких понятий, как законность, ее революционное и контрреволюционное толкование и т. п. И в то же время, как в теоретической части в одном и другом месте можно будет выкинуть лишнюю полемику, этот отдел невозможен будет без полемического задора. Ибо я смотрю на свою работу не как на мертвый учебник окаменелого права погибающего класса, но как на борьбу в умах рабоче-крестьянской молодежи за ныне только нарождающееся право восходящего класса.

Мои первые возражения против тех наших спецов-юристов, которые, «твердо стоя на советской площадке», пытались проводить взгляды о близком родстве нашего строя с «западной» демократиею, некоторыми товарищами понимались как выступление против спецов. Я мог бы быть свободен от таких упреков; это именно я пытался привлечь еще в 1918 г. к работе частных спецов, но для всякого ясно, что юрист из всех спецов менее всего для того приспособлен. Их надо использовать, но под марксистским теоретическим контролем. Но каков может быть наш контроль, если мы сами иногда повторяем слова, напоминающие то же «сближение».

Прочтите книжку Бауера «Новый курс в Советской России»: «мыслимо, что в России господствующая партия сама, признавая историческую необходимость, постепенно и мирным путем снесет на слом (abbaut) свою диктатуру, привлекая все более широкие круги русского общества к участию во власти, смягчая кандалы, наложенные на общество террором, восстанавливая те правовые гарантии неприкосновенности личности и собственности, без которых не может существовать ни одно буржуазное государство, никакое капиталистическое хозяйство. И в этом случае конечным результатом революции может быть только буржуазная демократия». Бауер — человек

«умный и дальновидный». Это его политика довела демократическую Австрию до нынешней катастрофы. Но для многих читателей его слова кажутся убедительными. В самом деле, стоит лишь нашему рабочему парламенту, ВЦИКу и Советам, дать другую избирательную систему общих (с буржуазиею) выборов, свести Совнарком к роли кабинета министров и т. д. — и незаметно при старых же названиях образуется буржуазная демократия, а вслед за тем — реставрация. Но не в одних названиях тут дело. Место коммунистов тогда займут кадеты, место рабочих и крестьян в правительстве — помещики и капиталисты.

Мы можем поздравить Отто Бауера с подобным успехом в Вене: недавно газеты принесли известие, что Лига Наций обещает Австрии заем при условии изменения ее государственного строя. Мы, однако, останемся тверды. Ни один победивший класс во всемирной истории не сдавал добровольно своей власти побежденному противнику и не лез сам добровольно на виселицу. Не сделает того и русское рабоче-крестьянское правительство, особенно после пятилетнего славного существования. Это надо подчеркнуть и в теории: мы идем вперед по пути усовершенствования советского строя. Но для того, чтобы верно оценить этот строй, необходимо и теоретическое его познание.

Я жалею, что краткость времени мне не дает возможности дальше развить свой метод наглядного обучения теории государственного права. Готовя книгу в первую очередь для пролетарской молодежи, я исхожу, конечно, как от естественного права — от советского строя и лишь для сравнений привлекаю пережитки искусственного права буржуазии.

Я старался всюду вместо лишнего теоретического балласта давать на первом месте сведения практически необходимые. Но основная моя цель была дать для всего этого материала правильную марксистскую точку зрения.

П. Стучка.

15 октября 1922 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Я выпускаю вторую часть своей работы «Революционная роль права и государства», [1] но она появляется на свет самостоятельною работою, а не вторым томом. Когда я написал свое общее учение о праве, я даже предполагал ограничиться этою

[1] П. Стучка, «Революционная роль права и государства», I. «Общее учение о праве». Госиздат, 1921 г.

первою частью, ибо, как я тогда же писал, я считал, что вопрос о государстве принципиально уже верно поставлен. Но так как в это время я получил, независимо от прежнего, новое поручение написать «учение о государстве и Советской конституции с изложением функций местных властей», то я решил соединить в этой работе две задачи: дать общее или теоретическое и практическое учение о государстве в одной книжке, а первое именно в дополнение моей работы о праве.

Я имел в виду построить свою работу по системе наглядного обучения, т. е. пройти нашу конституцию по методу сравнительной популярно-научной работы. Рассматривая отдельные институты и учреждения, я хотел одновременно знакомить читателя и с теориями буржуазной науки. Это вносит больше ясности и заодно обогащает кругозор читателя. К сожалению, эту работу удалось провести лишь отчасти, так как книжка иначе вышла бы слишком громоздкою и превысила бы размеры практического руководства для партийных школ.

С другой стороны, я считал своею обязанностью ввести в свою работу и вопросы, которые выходят за пределы изложения конституции, но которые мне неоднократно задавались во время чтения лекций о конституции перед коммунистическою или, вообще, рабочею аудиториею как на русском, так и на немецком (1918 г.) и латышском языках. Таковы, например, вопросы о пролетарской государственной власти при государственном капитализме, о понимании революционной борьбы в зависимости от взгляда на сущность государства, о партийном правительстве, о бюрократизме и т. д. Я не мог обойти молчанием и общих понятий из буржуазной науки о государстве, но я отказался от исторического обзора этих понятий и довел до минимума теоретическую часть работы, всюду, где только возможно, пользуясь подлинными словами Маркса и Энгельса на эти темы. Я считал себя в праве так облегчить себе задачу уже потому, что в своей работе о праве я показал бесплодность потуг буржуазных ученых создать науку о праве и о государстве, не став на классовую точку зрения.

По поводу государства эта картина вышла бы еще более яркою, но она не дала бы ничего принципиально нового. Вопрос о государстве верно поставлен тов. Лениным, и ответ на вопрос для нас уже свободен от всякого мистицизма. Для прочих же стран он все равно пока имеет в общем лишь характер веры или неверия, в убеждение масс его превратит только революция сама.

Я не буду извиняться относительно случайности цитированных мною буржуазных авторов; я нигде не имел в виду исчерпывающего обзора их мнений и учений. Я даже думаю, что авторы, которые будут писать у нас по вопросам науки о государстве, и впредь принесут больше пользы, если они, вместо бесконечного пересказа всех этих теорий, обратят больше внимания на

прообраз буржуазного государства без примеси остатков старого режима, т. е. на конституции и практику всяких торговых, акционерных и прочих видов обществ и товариществ. Оттуда мы извлечем больше реальной пользы для будущего развития наших учреждений, чем из старого хлама буржуазной науки, которая и в теории и на практике нередко еще пережевывает отжившие свой век мысли и слова древней Греции и старого Рима.

Только таким путем мы дойдем до новой системы à la Тэйлор для «конторской» работы государственных учреждений с искоренением всякого лишнего «движения», т. е. лишних бумаг, копий, подписей и росписей и всякого лишнего, т. е. общественно бесполезного, а стало быть, вредного работника. В этом отношении у нас, кроме обильного пустословия, сделано еще весьма мало на практике, а в теории ничего не сделано. Я когда-то высказал мысль, что объединение в один профсоюз торговых и государственных служащих внесет новую струю в ряды и умы последних. Я боюсь, не случилось ли наоборот, и не заразили ли последние первых. Впрочем, поживем — увидим.

П. Стучка.

УЧЕНИЕ О СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

ВВЕДЕНИЕ

ЧТО ТАКОЕ ПРАВО

ЛИТЕРАТУРА. П. Стучка. Курс Сов. гражданского права I, стр. 12 — 17. П. Стучка, Рев. роль права и государства (уже несколько устарела); Энциклопедия государства и права III, 415 и сл. (Право), II, 396 и сл. (Класс). Е. Пашуканис, Общая теория права и марксизм.

Прежде чем приступить к изучению государства, необходимо несколько остановиться на определении понятия права постольку, поскольку оно необходимо для верного понимания государства. Тесная связь права с государством теперь вне спора. Еще Великая французская революция, выставляя в своей декларации лозунг — обеспечение священного права частной собственности, из которого прямо или косвенно вытекают все остальные права буржуазного мира, провозгласила, что государство является лишь средством поддержки, обеспечения права. Буржуазная теория в своем «последнем слове» (теория так называемых нормативистов) дошла даже до полного отождествления права или правопорядка с государством.

Но что же в действительности представляет собой это всеобъемлющее понятие право? Мне ответят: «Нет более простой вещи, чем узнать это: стоит только взять любой энциклопедический словарь». Исполняю совет, беру «Большой энциклопедический словарь» (правда, старое, дореволюционное издание) и читаю под рубрикой «Право»: «Вопрос о существе права принадлежит к числу наиболее трудных и до сих пор нерешенных проблем. До настоящего времени в общем учении о праве оспаривает друг у друга исключительное господство значительное число существенно друг от друга отличных теорий». Итак, о том самом праве, которое веками «правит» человечеством, во имя которого происходили смуты, восстания, революции, с одной стороны, и которому строили храмы правосудия, которому приписывали священное и божественное происхождение, с другой стороны, до сих пор

остаются в силе слова Канта: «юристы все еще ищут определения для своего понятия права». [1]

Целые библиотеки посвящены вопросам права. Ему служило веками целое «сословие» (так оно и называлось) юристов, докторов права, присяжных и неприсяжных «служителей» права и т. д., не говоря уже о целой науке права и целых юридических факультетах этой науки. Мало того. Нет взрослого человека, которому не приходилось бы на деле сталкиваться с правовыми вопросами, осуществлять свое «право» или быть его жертвою. В самом ли деле оно является неизменным понятием? Нет, — ведь мы говорим о феодальном, о буржуазном, ныне даже о советском праве. Значит, право не вечно, оно изменчиво.

Право относится к самым обычным взаимоотношениям людей; значит, оно вместе с взаимоотношениями людей должно и меняться. Но почему в таком случае марксисты, которые в лице своих учителей вскрывали существо всех общественных отношений, не поспешили на помощь и не дали определения права, как они это сделали относительно государства, доказав, что оно по существу является организацией господства того или иного класса. О классовом характере права лишь у нас, и то недавно, впервые заговорили марксисты.

Чем это объясняется? В научном с.-д. журнале «Neue Zeit» за 1887 г. мы находим статью против «социалистов-юристов», автором которой показан Ф. Энгельс вместе с Каутским. В этой недавно еще забытой статье мы читаем следующие замечательные слова: «Еще в XVII столетии религиозное мировоззрение теряет свое господствующее положение, и уже 50 лет позже его заменяет новое, юридическое, которому суждено сделаться классическим мировоззрением для буржуазного общества вообще. Оно представляет собою превращение богословского мировоззрения в светское. Место догмы божественного права заняло право человека, на место церкви — вступило государство». Нам становится яснее мистический, таинственный оттенок этого «священного» института буржуазии. Но только Октябрьская революция окончательно сорвала маску и с права. Должно было предшествовать окончательное разоблачение буржуазного, «правового» государства, а для этого потребовалось не мало времени и усилий.

В самом деле, социал-демократы, давно уже сознавая классовый характер буржуазного государства, буржуазному классовому государству противопоставляли бесклассовую социальную демократию. Они десятками лет разоблачали клас-

---

[1] И у нас встречаются голоса, считающие попытки дать общее понятие права схоластическою мудростью. Я с ними не согласен, ибо это означает просто обход трудного, но жизненного вопроса и вносит известную неясность в рассуждения о праве.

совую юстицию буржуазии, не говоря уже о феодальной, но они и поныне противопоставляют ей «демократический» или, как последняя программа германских с.-д. ее называет, социалистический, «независимый, сверхклассовый» суд. Классовый характер «диктатуры пролетариата» вскрыли почти одновременно тов. Ленин — в теории («Государство и революция») и Октябрьская революция 1917 г. — на деле. Дальнейший ход этой революции выдвинул и лозунг классового пролетарского суда переходного периода. О классовом праве впервые робко заявили отдельные коммунисты в 1918 г., дав теоретическое определение ему в Наркомюсте впервые в 1919 г. (см. «Собр. узак.» 1919 г., № 66, ст. 590, в известных «руководящих началах» по уголовному праву). Еще поныне оспаривает этот классовый характер права кое-кто даже из коммунистов, но зато уже признают его и отдельные буржуазные профессора.[1] Но классовый характер права должны признать все коммунисты и всякая пролетарская революция. С ним вынужденно считаются даже так наз. «великие державы», признавая наш строй «de jure». Но его не могла и не может признать буржуазная наука в целом, ибо для последней признание буржуазного права классовым было бы моральным самоубийством. Оно означало бы и признание классового права пролетарской диктатуры переходного периода, другими словами, — легализацию, узаконение пролетарской революции.

Определение, формулированное нами в 1919 г. наспех в Наркомюсте, основано скорее на революционном чутье, чем на теоретическом изучении вопроса. Оно гласит: «Право — это система (или порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованною силою его (т. е. этого класса)», другими словами — государством. Не будем останавливаться здесь на формулировке. Ей тогда еще противопоставляли у нас другое определение, по которому право является не самою системою отношений, а «системою социальных норм», охраняющих тою же классовою силою этот порядок общественных отношений от всяких нарушений. Но и это определенно в одинаковой мере признает классовый характер всякого права в классовом обществе. Этим мы сделали гигантский шаг вперед, достигнув почти полного единогласия среди коммунистов по вопросу о классовом характере государства, о применении права (юстиции) и, наконец, об определении самого права, как классового понятия; мы ныне знаем, что в каждом классовом обществе должно быть свое классовое право, но что в свою очередь право существует только в классовом обществе.

---

[1] См., напр., в № 1 журнала «Право и Жизнь», где проф. Трайнин пишет: «Каждый класс — свое право».

Но этого одного недостаточно для полного понимания сущности права. Зная, что каждому классу свойственно свое право, мы говорим, например, о феодальном и буржуазном праве. Феодальное право совершенно открыто носит характер классового, т. е. сословного (сословие ведь также класс) права, но не равного для всех, а привилегированного преимущественного права, основанного на открытом насилии («кулачное право» — но здесь от слова кулак = сила), вытекающем из владения землею, ее обитателями и их трудом. Буржуазное же право господство буржуазии скрывает под видом равноправия. Откуда происходит это понятие равенства (равное за равное)? Оно происходит из обмена продуктов, принявших форму товаров, т. е. из обмена на основе трудовой стоимости, свойственного только обществу товаропроизводителей. «Равное количество труда за равное количество труда». С обращающихся на рынке товаров это равенство (равная стоимость = эквивалент) переходит на самого товаровладельца, как субъекта права, осуществляющего этот обмен. Товаровладелец в своей воле представляет как бы душу неоживленного товара. Так как равенство стоимости практически устанавливается соглашением двух воль, которое мы называем договором, то для всего общества товаропроизводителей из договора, как свободного соглашения двух воль, создается отвлеченное от первоначальной трудовой стоимости понятие особого права, договорного права. А так как эти договоры принимают, как ныне говорят — типовый, стандартный характер, то они, превращаются в краткую формулу понятия данного типа договора («Институт гражданского права»), т. е. закон (в древнем Риме слово lex так и означало и договор и закон), напр., статья о том, что такое договор купли-продажи и т. п. Но в буржуазном понимании этот закон вытесняет совершенно понимание скрывающегося за ним отношения живых людей или, по крайней мере, придает этому отношению лишь второстепенное значение. «Я требую уплаты мне данных взаймы 50 рублей потому, что существует закон о договоре займа», говорит буржуазный юрист, а не потому, что я дал взаймы 50 рублей. Создается фетишизм закона, идолопоклонство, только перед законом: правом является только закон, и всякий закон является правом!

Равенство права с повсеместною победою буржуазии завоевывает не только одну территорию за другой, оно подчиняет своему влиянию и остальные области права, в том числе и вещное право господства,[1] превращая сосредоточение

[1] См. К. Маркс, «Нищета философии», стр. 124. «Рента в смысле Рикардо есть поземельная собственность в буржуазном состоянии, т. е. феодальная собственность, подчиненная условиям буржуазного производства».

в руках имущих классов всех средств производства, в том числе и даже землю, в простые титулы права («документы») на вещи, заменяющие эти вещи в свободном обороте на рынке, т. е. в так называемом гражданском обороте, где они простою договорною передачею меняют личность субъекта права. Даже политические права принимают форму простого буржуазного гражданского права на «известные порции (пайки) свободы» в лице его равноправного субъекта.

Но поскольку само понятие товара возможно лишь при существовании господства частной собственности, классовое господство субъекта вещного права частной собственности, как преимущественно права производства («производственных отношений», по выражению К. Маркса), только в скрытой форме, играет решающую роль и на рынке, в товарообмене, т. е. в обязательственном-буржуазном праве. Классовый характер права остается бесспорным.«Ибо право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права» (Ленин, XIV, 2, стр. 377).

Таким образом и «буржуазное право» остается «порядком общественных отношений», как бы оно ни скрывалось за формулою, буквой закона. Оно остается таким же классовым правом неравенства, как бы оно ни было затуманено принципом возможного равенства людей, при одном лишь условии: имения для этого достаточно денег (или вообще имущества). Оно продолжает быть принудительным порядком, ибо свободное обладание и пользование («по своему усмотрению») всеми средствами производства охраняется государством класса имущих. Значит, и по отношению к праву буржуазного общества наше определение остается в силе: право и тут является не просто законом, а порядком общественных отношений, соответствующим интересам господствующего класса буржуазии и охраняемым его государством, только скрытым под формальным равенством всех пред законом, под формально равною правоспособностью субъекта права.

Но совершилась победа трудящихся; настала диктатура пролетариата. «Буржуазное право отменяется» (но отменяется) не вполне, а лишь отчасти... лишь по отношению к средствам производства. „Буржуазное право“ признает их частной собственностью отдельных лиц. Социализм делает их общей собственностью. Постольку и лишь постольку „буржуазное право“ отпадает. Но оно остается все же в другой своей части, остается в качестве регулятора (определителя) распределения продуктов и распределения труда между членами общества... за равное количество труда равное количество продукта» («Равное за равное» — принцип эквивалента. П. Ст.). «А других норм, кроме буржуазного права, нет. И постольку остается еще необходимость в государстве, которое бы, охраняя общую собствен-

*

ность на средства производства, охраняло равенство труда и равенство дележа продукта и т. д.» (Ленин, XIV, 2, стр. 374).

Тут ясно выражена целая программа советского права, которое образуется и у нас, правда, как право лишь переходного периода, но явно классовое, особенно поскольку мы даже не достигли еще этой ступени развития, а к нему лишь приближаемся. Классы и у нас еще существуют и существуют классовые интересы как в производстве, так в обмене. Если и часть общественных отношений (в социалистическом секторе государственных предприятий) постепенно уже освобождается от действия буржуазного права, то правовое урегулирование вообще, т. е. урегулирование путем общих законов, еще остается.

Нам остается еще пояснить несколько общих понятий. Под «общественными отношениями» мы понимаем, по Марксу, только такие взаимоотношения людей, которые вытекают из производства и обмена; суть права заключается в системе или порядке лишь этих отношений.

Остановимся, далее, вкратце на выяснении понятия о б щественного класса. Редко встречается слово, употребляемое так часто, как слово класс, классовая борьба и т. д. Но еще не так давно преобладало объяснение класса, данное Каутским, сводящееся к тому, что «класс образуется не только общностью источника дохода, но и вытекающею оттуда общностью интересов и общностью противоположности прочим классам, из которых каждый стремится суживать источник доходов другого, чтобы обогатить источник своего дохода». Если сделать логический вывод из этого определения, то классовая борьба должна была бы ограничиться одною борьбою за распределение продукта труда. Но это понятие слишком узко и не революционно.

Теперь у нас имеется классическое революционное пояснение марксовых понятий класса и классовой борьбы у Ленина («Великий почин»): «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большею частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это — такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства».

Таким образом революционное понимание Марксом класса сводится к тому, что «классом называется категория лиц, связан-

ных общностью интересов, каковая категория определяется ее ролью в производстве и распределении средств производства». А так как это распределение средств производства получило в буржуазном обществе форму частной собственности на средства производства, то эта собственность и определяет состав классов и их борьбу. Распределение же средств производства определяет и распределение продукта труда.

Для примера мы берем буржуазное общество; в нем основных классов, собственно, два: класс угнетателей, разделяющихся на капиталистов и землевладельцев (преимущественно дворян), и класс угнетенных, т. е. рабочий класс. Капиталистам принадлежат средства производства, они, в силу этого, получают прибыль; землевладельцам — земля, за что они получают земельную ренту, рабочие же, продавая свою рабочую силу, получают наемную плату. Кроме этих трех классов имеются и средние слои, которые примыкают к одному или другому классу или колеблются между ними, но своего класса не составляют.

Классовая борьба является, таким образом, борьбою за роль в производстве, за распределение средств производства, за или против частной собственности на средства производства. Но так как право частной собственности, как и всякое иное право, основывается на авторитете классового государства, то классовая борьба одновременно является и политическою борьбою, т. е. борьбою за сохранение государственной власти в руках своего класса, или за свержение власти господствующего класса. Победивший класс проводит свое право при посредстве государственной власти, а так как современное государство действует обыкновенно не отдельными мероприятиями, а общими мерами, законами, т. е. организованно, то получается видимость, будто бы закон или сам и есть право или произвольно творит право. Между тем закон не всемогущее оружие и может лишь провести в жизнь такое право, такую систему или такой порядок общественных отношений, для которых уже созрели материальные условия. Всякий иной закон бессилен, мертв, он просто «не гласит».

Остаются еще понятия классового сознания и классового правосознания. Я уже указал, какую роль играет в классовой борьбе классовый интерес. Классы существуют в силу экономических условий, даже помимо воли и сознания людей. Классовое сознание появляется поздно и развивается медленно, ибо классовое сознание есть не что иное, как сознание класса «классом для себя», как говорит Маркс, т. е. сознание своих общих интересов, как класса. Это сознание по мере развития

класса [1] развивается и меняется, пока оно не сделается революционным классовым сознанием. Свое высшее напряжение классовая борьба получает в революции. Победив в революции, класс создает свою государственную власть, организовывает себя, — говоря словами «Коммунистического манифеста», — в государство. Он ниспровергает существовавшее право, поскольку оно противоречит его классовому интересу, сжигает законы «свергнутого класса» и вводит в жизнь свое классовое право. Классовое правосознание, таким образом, можно определить классовым сознанием победившего класса, сознанием со стороны победившего класса своего классового интереса, до революции выраженного лишь в его программе, после победы уже охраняемого его организованною властью путем законов. Сама классовая борьба отнюдь не завершается первою победою. Она продолжается и после образования новой государственной власти, но только иными средствами. По мере развития этой борьбы и лишь после победы классовые интересы становятся достоянием сознания действительно всего класса, а не только его авангарда.

Итак, право является не вечной, а исторически меняющейся категорией. Оно не вносится извне, а вытекает из развития производительных сил. Материальная сущность права заключается в известной системе, в известном порядке экономических отношений, т. е. людских взаимоотношений в производстве и обмене, она выражается в том классовом интересе, который является определяющим моментом данного права. Из этого положения вытекает и отношение права к революции: право восходящего класса является революционным; напротив, право погибающего, отходящего класса — консервативным, даже контр-революционным правом. Но тут же видна и тесная связь права и государства. Неразрывная связь между правом и государством делает бесплодными намерения некоторых авторов, хотя и стоящих на почве классового понимания государства, но все-таки пытающихся защищать общечеловеческий характер права. И лишь в классовом сознании значение развития материальных производительных сил для данного класса претворяется в его классовый интерес. Правосознание

[1] Интересны пояснения К. Маркса и Ф. Энгельса о классах в их «нем. идеологии» (см. «Архив Маркса — Энгельса» I, стр. 243): «отдельные индивиды образуют классы лишь постольку, поскольку им приходится вести общую борьбу против некоторого другого класса, в остальном они сами противостоят друг другу враждебно, как конкуренты. С другой стороны, класс объективируется, в свою очередь становясь тем самостоятельным по отношению к индивидам, так что последние находят предустановленными условия своей жизни и класс указывает им их житейское положение, а вместе с тем и их личное развитие, он подчиняет их себе . . . Это подчинение индивидов классу превращается в то же время в подчинение их всякого рода представлениям».

является лишь частью сознания победившего класса.

После этого краткого очерка о значении права и о роли государства по отношению к праву легче будет вникнуть в правильное понимание государства.

I. ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА

А. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА ВООБЩЕ[1]

Вопрос о происхождении государства в марксистской литературе споров не вызывает и более или менее известен марксисту. С этим вопросом знакомит нас капитальный труд Ленина «Государство и революция», и основной работой по этому вопросу является «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса. Энгельс впервые научно рассмотрел с революционно-марксистской точки зрения вопрос о возникновении государства. Он показывает, как образовались семья, род и т. д. и как появившаяся частная собственность нарушает экономическое равенство людей. Пока труд человека был настолько малопроизводителен, что его еле хватало на поддержание жизни трудящегося, не было излишков и запасов и, следовательно, не могло и быть никакой эксплуатации человека человеком. Как только появился продукт сверх самых необходимых средств существования, образовались запасы, появились частная собственность и разделение рода на экономически неравных людей. Одновременно прирост населения сузил территорию каждого рода, заставил перейти к оседлой жизни и вызвал между отдельными родами беспрерывные войны. Последние создали необходимость вооружения сначала всего взрослого населения, а затем образования особых отрядов вооруженных людей.

Фр. Энгельс пишет: «Государство отнюдь не является силою, извне навязанною обществу. Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимых противоречиях с самим собою, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы, с противоречивыми экономическими интересами не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе — для этого стала необходимой сила, стоящая как бы

---

[1] Литература указана в тексте. Кроме того см. Е. Пашуканис, «Учение о классах, государстве и революции» (доклад); В. Адоратский, «О государстве»; Г. Гурвич, «Основы советской конституции».

над обществом, сила, которая умеряла бы столкновения, держала бы его в границах порядка. И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство».

Энгельс пишет о древних Афинах («Происхождение и т. д.», стр. 75): «А между тем незаметно развивалось государство... Оно создавало общественную силу, уже не совпадавшую с совокупностью вооруженного народа; во-вторых, оно впервые разделяло народ для общественных целей не по родственным группам, но по территориальному сожительству».

Значит, по Энгельсу, 1) «государство предполагает отделенную от всей массы составляющих его членов особую общественную власть с «особыми вооруженными дружинами в своем распоряжении», 2) «в основу нового государственного устройства были положены: а) территориальное деление» и б) «имущественное различие» людей.

Здесь возникновение государства излагается лишь в самых общих чертах; на деле возможности весьма разнообразны. Но всюду решающую роль играла власть: вооруженная сила, с одной стороны, духовная сила (касты жрецов и вообще религия, церковь) — с другой.

По словам Энгельса, «так как государство возникло из потребности сдерживать классовые противоречия, но вместе с тем порождено в разгаре столкновений этих классов, то, по общему правилу, оно является государством наиболее сильного экономически общественного класса, который при посредстве его становится также господствующим политически и, таким образом, приобретает новые средства, чтобы держать в подчинении и эксплуатировать угнетенный класс. Так, античное (древнее) государство было преимущественно государством рабовладельцев для подчинения рабов, так, феодальное государство являлось органом дворянства для подчинения и обуздания крепостных и зависимых крестьян, а современное представительное государство играет роль орудия эксплуатации наемного труда капиталом». «В большинстве исторических государств предоставляемые гражданам права соразмеряются с их имущественным положением, и тем открыто признается, что государство является организацией имущего класса для защиты его от неимущего класса». Таким образом всякое государство является государством классовым.

Ленин, впервые создавший пролетарский тип государства, и впервые определяет его как государство, имеющее целью не эксплуатацию, а борьбу против эксплуата-

ции, защиту неимущих классов от имущих, «государство как организованный в господствующий класс пролетариат» «для подавления», для держания в «подчинении» класса бывших угнетателей буржуазии.

Некоторые теоретики представляют себе дело возникновения первоначального государства исключительно как результат одного лишь внешнего воздействия. Это ошибочно. Вполне возможно, что в недрах самого рода или племени постепенно количественно нарастали данные для перехода к новому строю и качественно отличному от рода. Но помимо такого диалектического скачка возможны и иные формы возникновения государства через войны как внутренние («смуты», восстание, гражданская война), так и внешние (завоевания), а равно вполне допустимы и вероятны известные образования переходного периода от бесклассового рода или племени к классовому государству. Таким переходным государством можно считать так называемое патриархальное государство, как переходную формацию к рабовладельческому государству, т. е. к первобытной демократии, ограниченному королевству или республике «свободных граждан» древних времен. Такие переходные ступени государства переходной эпохи необходимы и бывают при каждой смене у власти одного общества другим, в классовом обществе — одного класса другим.

Разные направления науки точно отражают в своих теориях происхождения государства эти разные фактические типы государства. Теория богословская (теологическая) учит, что сам бог является творцом государства и лично властелином в нем. Его уполномоченный на земле или «помазанник» — монарх. Это — теория всех государств общества рабовладельцев и крепостников. Нет, говорят теоретики абсолютизма, как преемника феодальной монархии, монарх — власть самодовлеющая, это — владелец «на правах собственности» вотчины-государства (теория вотчины, или патримониальная). Их противники — школа естественного права буржуазии. Она основывает государство на теории социального договора. Против нее восстает теория анархически-революционная, теория насилия (ср. Гумпловича) и т. д.

Революционный марксизм всем этим учениям противопоставляет свою революционно-классовую теорию возникновения государства (Маркса, Энгельса, Ленина). Коммунисты твердо стоят на этой почве.

Б. ИСТОРИЧЕСКАЯ СХЕМА ГОСУДАРСТВ УГНЕТАТЕЛЬСКИХ

Менялись у власти классы, а вместе с тем естественно менялось и государство, его роль, задача, цель. Но пока у власти сменяли друг друга классы угнетателей, у всех них было нечто общее: обеспечение свободы эксплуатации

способом, соответствующим состоянию производительных сил данной эпохи и данного общества. Сменялись как бы разные поколения одного и того же, единого класса угнетателей.

«Старое общество было основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя, либо ты рабовладелец, либо ты раб» (Ленин, XVII, стр. 233).

Еще Энгельс писал: «Государство было официальным представителем всего общества, его сосредоточением в одной корпорации, но оно было таковым лишь постольку, поскольку оно было государством того класса, который для своей эпохи один представлял все общество; в древности оно было государством рабовладельцев, граждан государства, в средние века — феодального дворянства, в наше время — буржуазии» («Анти-Дюринг»).

Изменение классового характера государства естественно влекло за собою каждый раз и изменение целей, задач, структуры (построения) государства, как говорится, всего государственного строя. В древнем обществе это — государство-город, «синойкия»,[1] т. е. объединение рабовладельческих хозяйственных ячеек. В феодальном строе — государство сословное, во главе которого главный дворянин, сверхфеодал, монарх (царь, король, князь). Наконец, в буржуазном обществе, это — государство национальное, демократия, государство типа акционерного общества, во главе которого — «коллективный капиталист», в конце концов — финансовый капитал. Человек творит не только своего бога по своему же образу и подобию: господствующий класс свой образ переносит и на государственную власть. Будучи в корне орудием подавления человека, владения и управления людьми, государство к этой своей задаче постепенно присоединяет задачи владения и управления вещами, принимает на себя не только политические, но и экономические функции.

А если самый общественный класс в своем существе определяется его ролью в производстве, то, став у власти, класс в государстве или, вернее, в государственной власти, в первую голову, создает аппарат завоевания, упрочения, развития, сохранения этой своей роли в производстве. Вот откуда вытекает истинный смысл слов Маркса, что всякая классовая борьба (т. е. борьба из-за роли в производстве) есть борьба политическая (т. е. борьба, имеющая в виду охрану этой роли организованною властью государства или завоевание этой власти).

---

[1] Объединение домов, дворов — поселок, волость. От «ойкос» — дом, двор.

Для всякого ясна, при таких условиях, роль государства в так назыв. политической или, как немцы говорят, национальной экономии. Каждая смена у власти класса или классовой группы вносит и новые взгляды на роль государства, как в теорию, так и в практику.

а) У власти феодал-землевладелец

У власти один из трех великих общественных классов: землевладелец-феодал, т. е. дворянин. Государство соответствует этому сословному общественному строю. Это, собственно говоря, федерация феодальных волостных государств, и федерация вначале довольно слабая. Вся власть здесь на местах в руках помещика-дворянина. Его классовый интерес — владеть землею и владеть экономическими единицами, прикрепленными к этой земле, т. е. собирать с них дань, как со своих подданных. Суть всякого землевладения заключается в получении, в той или иной форме, поземельной ренты. Феодальное устройство государства заключается в сословной иерархии с подчинением (принудительным или даже добровольным) низшего феодала высшему, причем эти последние (сюзерены) свою дань получают с низших феодалов. Ее форма — феодальная монархия. Это — организация взимания дани-ренты.

У помещика, однако, было и свое мызное хозяйство, расширяющееся со времени окончательного введения крепостной зависимости. Соответственно тому и у высшего феодала имеется свое хозяйство, свой двор. Прибавляются еще известный запас дани и известный хозяйственный аппарат, имеющие целью снабжение военных дружин оружием и прочими военными запасами. Это — первые зачатки государственного хозяйства, управления государством вещами.

Дворянское сословие, как класс, было заинтересовано в свободном владении (мы знаем, что «владение» означало — собирать дань) землею и крестьянами. Это должно было им гарантировать их сословное государство. Но в самом классе был большой антагонизм интересов низшего и высшего феодала. Последний проявлял сильную тенденцию к расширению своего аппетита: грабить награбленное его вассалами. Центральная власть — король, князь, государь — постепенно стремится превратиться во владельца монополиста на все государство, как вотчину, не говоря уже о том, что этот владелец со своим двором был сам одновременно и самым крупным помещиком. [1]

---

[1] Король, как сверхфеодал, во Франции 1789 г. был самым крупным помещиком: «Королевские домены вместе с общими землями составляли приблизительно $^1/_5$ всей почвы Франции» (Л. де-Лаверн). Королевские леса для охоты занимали 1 млн моргов. Сюда следует прибавить землевладения принцев, около $^1/_7$ всей Франции. $^1/_5$ часть земель принадлежала церкви и, притом наиболее плодородная и обработанная часть.

б) Абсолютизм — переходное государство к власти класса капиталистов

Разделение труда приводит к образованию и быстрому экономическому росту нового класса — класса капиталистов, который в связи с новою морской торговлей крепнет и вскоре делается в качестве ядра третьего сословия равносильным классу-сословию феодалов. Естественным последствием являются изменения и в государственной власти.

Это тот период, по поводу которого пишет Энгельс: «В виде исключения встречаются, однако, периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними». «Такова абсолютная монархия XVII и XVIII веков, бонапартизм 1-й и 2-й империи во Франции, Бисмарк — в Германии».

Абсолютизм, таким образом, является чем-то в виде государства переходной ступени к буржуазному государству. Этот абсолютизм-самодержавие был своеобразным строем. Весь аппарат попрежнему состоял из той же дворянской сословной иерархии, но не как сословия, избирающего короля, а как служилого сословия, набираемого королем. С другой стороны, в экономической политике «все его мероприятия являются почти во всех деталях снимком с экономической политики средневековых городов». Экономическою системою этого переходного периода является меркантилизм, лозунг которого: создание замкнутого по отношению к внешнему миру государственного хозяйства. Характернейшею его стороною является чрезвычайно широкое вмешательство государства в экономическую сферу. В этой последней стадии абсолютизма государство получает название полицейского государства.

Это был исторически первый тип государственного капитализма. Власть, вышедшая из феодального сословия, превратилась в носительницу новой системы хозяйства. Недоставало лишь захвата этой власти выросшим новым классом, буржуазиею.

в) Государство и буржуазная революция

Переходной ступенью между государствами двух разных классов должна быть революция. Мы читаем у Ленина, что «переходною ступенью между государством, органом господства класса капиталистов, и государством, органом господства пролетариата, является именно революция» и т. д. (XV, стр. 529). Но это правило, отмеченное Лениным по поводу пролетарской революции, имеет значение общее, ибо мирной, добро-

вольной передачи одним классом другому своей власти в истории не бывает. Еще молодые, Маркс и Энгельс доказали эту мысль словами: «Прошедший интерес, особенная форма оборота (Verkehr), которая уже вытеснена формой оборота, соответствующей позднейшему интересу, еще долго продолжает по традиции обладать властью в объективировавшейся против индивидов (отдельных лиц) иллюзорной коллективности (государство, право), властью, которая в конечном счете может быть сломлена только путем революции» (Маркс и Энгельс о Фейербахе, стр. 247).

У нас, к сожалению, имеются данные только относительно перехода от феодального государства к буржуазному и от буржуазного — к советскому строю, так как крестьянские войны, эти крестьянские революции средних веков, всюду в результате их поражения привели путем контр-революции лишь к укреплению феодального государства. Таким образом первая революция угнетенных провалилась. Между всеми прочими революциями и революцией пролетарской существует принципиальная разница в том, что в последней впервые побеждает эксплуатируемый класс (пролетариат) вместе с крестьянством, тоже хотя и иного рода, классом эксплуатируемым. Поэтому во всех прежних революциях класс у власти меняется, власть по существу изменяется, но преемственность власти остается. О пролетарской же революции Ленин продолжает приведенную выше цитату словами, что это — «революция, состоящая в свержении буржуазии и в ломке, в разбитии ее государственной машины».

Необходима ли вообще для буржуазии во что бы то ни стало политическая революция? Ленин на этот вопрос отвечает: «Вообще политическая демократия есть лишь одна из возможных (хотя теоретически для «чистого» капитализма и нормальная) форм надстройки над капитализмом. И капитализм, и империализм, как показывают факты, развиваются при всяких политических формах, подчиняя себе все эти формы» (Ленин, XIX, стр. 186).

В самом деле, с какою ненавистью поныне английский буржуа вспоминает о революции 1640 годов и его республике. Он «славною» (glorious) называет лишь революцию 1689 г., представляющую по форме лишь смену династий, «королевских домов» и без кровопролития. Мы видим, как медленно, напр., во Франции буржуазия согласилась, даже под революционным давлением радикальной мелкой буржуазии и рабочих, на буржуазную республику. (Та же картина в России 1917 г. с кадетами.) А ныне профессора истории французской революции (напр., Олар) стараются доказать, что революции насилия во Франции, собственно говоря, и не было!

Вдобавок, при абсолютизме вся экономическая организация

буржуазии уже была готова. «Одно из основных различий между буржуазной и социалистической революцией состоит в том, что для буржуазной революции, всегда вырастающей из феодализма, новые экономические организации постепенно создаются в недрах старого строя путем развития хотя бы торговых отношений, которые изменяют постепенно все стороны феодального общества. Перед буржуазной революцией была только одна задача: смести, отбросить, разрушить все путы прежнего общества. Выполняя эту задачу, всякая буржуазная революция выполняет все, что от нее требуется, ибо она в итоге создает товарное производство и усиливает рост капитализма» (Ленин, XV, стр. 124).

Мы видели, как самодержавная власть, выросшая из феодального общества, всюду превращалась в носительницу новой системы хозяйства. Но эта власть была чрезмерно расточительна и этим вызвала недовольство даже среди части дворянства. С другой стороны, она препятствовала свободной конкуренции, необходимой для капитализма. В-третьих, она слишком опиралась на придворную дворянскую банду и тем вызвала недовольство не только среди буржуазии, но и среди другой обиженной или обойденной части дворянства, попавшей в разряд разночинной интеллигенции.

Так было во Франции, так было и у нас (вспомните канун 1917 года). Эти слои, объединяясь с третьим сословием, хотели сделать «маленькую» революцию для ограничения короля в области финансов (во Франции), для ведения патриотической войны (у нас). Буржуазия не любит вообще слова «революция». И даже если революция совершилась, то создается вид, фикция, как будто бы ее и не было, как будто бы произошла лишь смена у власти лиц, а не класса. Отсюда всякие теории о вечности, беспрерывности («Continuität») государства и его власти. Еще Маркс писал о буржуазных революциях: «они кратковременны, скоро достигают кульминационной точки, и долгое похмелье охватывает общество» («18 Брюмера»).

Но чрезмерно угнетенные крестьяне и голодные рабочие на этом не остановились: они подняли восстание, превратившееся в великую революцию, и ниспровергли как абсолютизм, так и феодализм. Однако государственная власть как во Франции, так и у нас попала в руки не их, а буржуазии, которой переходная эпоха дала возможность лучше сорганизоваться.

г) Буржуазное государство

Какие изменения внесла победа буржуазной революции в государство? Основною чертою феодального строя является его деление на привилегированные сословия (духовенство, дворянство и третье сословие, т. е. городскую буржуазию) и на трудящуюся чернь, не организованную вовсе в сословие или при-

писанную, как у нас до революции, к так наз. податным или «подлым» сословиям. Сословия представлены во власти их «генеральными штатами», сословным представительством. Местами и король является представителем своего сословия, «штата» (état), напр., в Англии (three estates of realm — три штата королевства: король и обе палаты парламента). Буржуазная революция началась с того, что она разрушила это деление на сословия, что она объявила себя «национальною», «нациею», собрание третьего сословия — «Национальным собранием», одновременно отменяя и третье сословие. Она отменила понятие сословия, но на деле не отменила деления общества на общественные классы; напротив, в своей декларации она объявила это деление на классы в силу права частной собственности священным, личным делом (Privatsache) каждого, для государства безразличным, значит неприкосновенным. Государство интересуется отдельным индивидом лишь в сфере, в кругу его равенства, равноправия, т. е. в процессе товарообмена. Поэтому нацией буржуазной объявляется совокупность потребителей-жителей, без различия классов.

Что же объединяет этих распыленных индивидов в единую нацию? Общие интересы? Нет, по крайней мере, пока нет, а простой договор обмена товаров, бесконечное количество взаимных соглашений на основе эквивалента, т. е. равной стоимости, равноправия.

Буржуазная революция не разрушала ни прежнего государства, ни его власти; она захватила его лишь в свои руки. До тех пор феодал владел своей вотчиною; абсолютный король смотрел на всю землю, т. е. на всю территорию государства, как на свою вотчину: «государство это я» (l'état c'est moi), как заявлял еще Людовик XIV. Как к этому вопросу относилась буржуазная революция? В американской революции некоторые штаты так и потребовали провозглашения общего права нации на всю землю, но эти предложения не были приняты. В французскую декларацию, напротив, в 1789 г. было сразу внесено прямое отрицание права нации или крестьян на землю, допускалось лишь «отчуждение ее за справедливое вознаграждение», т. е. выкуп. Но вместо этого все буржуазные революции объявили формальную национализацию всей территории, введя понятие «священного отечества». «Allons, enfants, de la patrie» и т. д. (Вперед, ребята, за отечество!) — начинается гимн французской революции. Не «оседлость», а сама территория, ее границы-межи стали неприкосновенным для внешнего мира признаком государства, как совокупность частной собственности всех членов нации, на деле совокупность частной собственности имущих классов (The wealth of nations, «богатство нации»).

Остался вопрос власти. Герберт Спенсер, исходящий из того взгляда, что «государство начинается вообще лишь с индустриального периода, т. е. с момента объявления договора универсальным отношением, под влиянием кот. действия отдельных индивидов объединяются для взаимной пользы», представляет себе государство лишь «под видом гигантского торгового предприятия или компании с качествами товарищеского союза в целях содействия благосостоянию его членов». Спенсер верно поставил вопрос. И впоследствии буржуазная демократия принимает даже вид безымянного акционерного общества или треста, этих новейших форм торговых, финансовых и промышленных предприятий. Мы знаем целый ряд случаев, когда частное акционерное общество обладало даже непосредственно политическою властью, как, напр., в Голландской Индии, в Британской Индии, Канаде и друг. колониях. Экономисты говорят о приспособлении формы акционерного общества к развитию государственных форм, доказывая, как проникла республиканская форма правления и в акционерные об-ва, необратное влияние форм экономического объединения на форму буржуазного государства безусловно сильнее. И если Гильфердинг в своем «Финансовом капитале» показал, как незначительный капитал, вложенный в банк, может управлять громадными «независимыми» предприятиями, то его слова — mutatis mutandis (с известными изменениями) — можно перенести почти дословно на политическую власть в буржуазной демократии.

Формально эта власть принадлежит либо раздельно с королем, либо нераздельно одному законодательному органу, избранному формальным большинством голосов избирателей. Это общее «собрание депутатов» выдает свою срочную или бессрочную доверенность кабинету министров, а само занимается болтовнею (дебатами), или по проекту Муссолини, распускается по домам. На деле эта власть всюду, благодаря «хитрой механике», является диктатурою буржуазии, класса капиталистов, цель которой — «свобода прибыли». Система организованного грабежа, «грабежа по закону» (Щедрин)!

Буржуазия сама при победе, которую за нее одержали угнетенные классы, не сознавала, в какую ложную роль она попала. Лишь впоследствии она эту роль поняла, но продолжала и тогда вести себя уже сознательно и систематически, обманом и иллюзиями, как представительница всей нации, всего общества, будучи представительницею лишь части общества и злейшим, ибо корыстным, врагом, т. е. эксплуататором, громадного большинства этой нации.

д) Буржуазное учение о государстве

«Политическая литература дает множество разнообразных определений государства, и нет ни одного общепринятого» (Кор-

кунов). Таков вывод почти всех теоретиков буржуазной науки о государстве. Одни, из того обстоятельства, что «в этих спорах не только имеются разногласия во взгляде на внутреннюю суть государства, на последнее его основание и конечную цель, но не достигнуто соглашения даже насчет внешней формулировки и постановки решающего основного понятия», делают только вывод «о глубине существующего несогласия» (Гирке), другие идут еще дальше и прямо заявляют, что «основное и самое общее понятие этой науки, может быть, навсегда останется вне области нашего полного сознания» (Ленинг, Loening). Французу П. Леруа-Болье «представление современников о государстве, его природе и роли кажется исключительно путаным», «их мысли по этим вопросам тонут в тумане». Но вслед за тем все эти критики сами дают новые определения, не менее путаные и не менее туманные. В то время как государство для одних является чем-то вполне конкретным (вспомните слова Людовика XIV: «Государство — это я»), и не только чем-то конкретным, но чем-то одаренным сверхъестественной силой, «всемогущим государством», — для других (напр., Петражицкого) оно представляет «лишь особое, отвлеченное, ничем невиданное существо», которое «люди выдумали и назвали государством и которому они требуют подчинения», тогда как оно в действительности — «простое психическое переживание».

Почему все буржуазные теории о государстве так расходятся между собой? Остроумный ответ на этот вопрос дает Франц Оппенгеймер: «Потому, что все они являются теориями классовыми, нуждающимися в своих аргументах не для вскрытия истины, но в качестве орудия в борьбе за материальные интересы. . . и вот почему мы из понимания государства можем познать суть государственных теорий, но никак не из государственных теорий — суть государства» («Der Staat», стр. 8). Но Оппенгеймер, как типичнейший представитель идеологов мелкой буржуазии сам недалеко ушел от своих коллег, ибо и сам не решился смело и откровенно стать на классовую точку зрения. Для него, конечно, полуанархистски мыслящий Гумплович выше и ближе, чем революционно-диалектическая мысль Маркса. Нелепый дуализм, противопоставление политического и экономического «средств», ему ближе монизма Маркса.

Но, не став на классовую точку зрения, буржуазная наука так же мало могла удовлетворительно разрешить вопрос о государстве, как и вопрос о праве. Даже хуже, ибо последнее слово науки «государствоведения» заключается в теории буржуазной или «чистой» демократии правового, т. е. парламентского государства: [1] «Истинное демократическое государство не может

[1] См., напр., Г. Мейер, «Парламентское избирательное право» (по-немецки): «Государство должно быть нейтральным элементом.

не быть парламентарным, ибо парламентаризм является венцом конституционного режима». [1]

В своем стремлении к абстрактному обобщению буржуазная наука и здесь приходит или к чисто техническому перечислению разных признаков государства, или же к пустым формулам без всякого содержания. Так, например, Леон Дюги, обративший на себя особое внимание русских марксистов, пишет: «В своем наиболее общем смысле слова государство обозначает всякое человеческое общество, в котором существует политическая дифференциация между правящими и управляемыми, одним словом, — политическая власть». Если бы Дюги понимал слово политика в том смысле, какой ему придает Ленин, а именно, как «отношение между классами», то мы получили бы приблизительно верную характеристику государства, как организации общества с классовою властью во главе. Но буржуазия слово «политический» смешивает со словом «государственный», и определение Л. Дюги сводится к тому, что государство обозначает всякое человеческое общество, в котором имеется государственная власть, т. е. что государство есть государство. Было бы бесплодной потерей времени заниматься разбором подобных теорий.

Чисто описательная наука публичного или государственного права ограничивается перечнем и разбором отдельных признаков или элементов государства и затем объединением их в краткой формуле, обычно на началах равноправия каждого признака или элемента. Я выхватываю наугад такую готовую формулу: «Государством называется соединение людей, подчиненных одной верховной (или суверенной) власти в границах определенной территории». В этом определении буржуазная наука едина.

Мы видели, что и Энгельс, в сущности, признает эти три признака государства, только в несколько ином смысле. Во всяком случае тут не может быть и речи об элементах, а лишь о признаках государства.

С классовой точки зрения всякое, значит и буржуазное, государство есть, прежде всего, организация человеческого общества и притом организация власти и классовая, в отличие от всех прочих возможных видов организации общества, или, вернее, организация самого класса в этом обществе.[2] Все остальные признаки, как бы они ни были

Критерием государственной деятельности должно быть не благо отдельного сословия или класса, а общее благо народа». «Тот факт, что депутат избирается различными общественными классами, является могущественною сдержкою узко-эгоистичной классовой политики».

[1] См. В. Гессен, «Основы конституционного права». У него же (стр. 66): «Отождествление понятия правового и конституционного государства является общим местом современной германской доктрины государственного права».

[2] См. «Коммунистический манифест».

*

важны и, повидимому, определенны, теряют не только значение, но часто и свою определенность пред этим основным признаком. Не было государства там, где не было еще классов, как и не будет государства после уничтожения классовых антагонизмов и самих классов. Так мы получаем последовательно, по ходу истории: 1) первобытную коммунистическую организацию человеческого общества, или первобытный род и общину; 2) классовую организацию человеческого общества [1] или государство, и 3) коммунистическую организацию человеческого общества будущего. Между этими видами организации общества должны быть разные формации переходного времени.

Нас здесь интересует только период классовой организации общества или государства. Но нам, прежде всего, возразят: о какой организации общества здесь идет речь, когда история государства как раз представляет собою сплошную историю дезорганизации общества. [2] Ведь это развитие государства разрушило систему коммунизма и полукоммунизма, распылило личность, разлагая все первоначальные виды взаимной связи и организации людей, и привело к «системе» экономической анархии, называемой капиталистическим или буржуазным «порядком» или обществом. Совершенно верно, но в том-то и дело, что под этим видом анархии, подобно стихийным силам природы, на основе свободной конкуренции выработалась новая организация общества, представляющая одновременно все элементы для новой и последней социальной революции на экономической почве, для перехода к новому обществу — бесклассовому социализму, а вслед затем и к коммунизму, как высшей ступени социализма.

Как могла буржуазная наука решиться на критику этого «созданного буржуазией» чудного здания? От конкретного единичного договора товарообмена до «основного», общественного договора (Contrat social), от отдельного закона-договора к основному договору-закону (конституции) был шаг громадный. Но то, что в результате дал этот «основной договор» или «основной закон», обеспечивающий свободу частной собственности, превзошло всякие ожидания. Создался «лучший из лучших миров», достойный быть вечным. При виде этих чудес, результатов буржуазной анархии, т. е. конкуренции, даже великий искатель и скептик буржуазии, Фауст, отписавший свою душу Мефисто-

[1] По существу, смена видов эксплоатации представляет собой лишь видоизменение эксплоатации, т. е. присвоение продукта чужого неоплаченного труда и распределение этого присвоенного труда (напр., между классом капиталистов и землевладельцев); класс угнетателей в этом смысле является единым.

[2] См. Котляревский, «Власть и право», 1915 . . . «Но как ни разнообразны причины, ускоряющие образование государства . . . прежде чем государство станет силою правообразующею, оно является по преимуществу силою праворазрушающею». Автор, конечно, слово «право» относит и к доклассовому периоду.

фелю на тот миг, когда он скажет: «Остановись, мгновение, ты так прекрасно», не выдержал и увлекся, невзирая на угрожающие за это цепи Мефистофеля.

Буржуазная наука изобрела даже соответствующую теорию, принципиально отрицающую всякий перелом: теорию мирной («незаметной для глаз») эволюции. Но угнетенные классы вырастают, а накануне своей гибели и буржуазные умы делаются зрячими. Их охватывают ужас и пессимизм, или они закрывают глаза и, пряча голову, становятся апологетами (защитниками во что бы то ни стало) старого мира и государства, или, наконец, предаются «прожиганию жизни»: «*после нас хоть потоп*!». Как убедительно это показал еще К. Маркс в предисловии ко второму изданию «Капитала»: «Последний великий представитель английской классической экономии Рикардо сознательно берет исходным пунктом своего исследования противоположность классовых интересов, заработной платы и прибыли и земельной ренты, наивно рассматривая эту противоположность как естественный закон общественной жизни. Вместе с этим буржуазная наука достигла в области политической экономии *своего последнего, непереходимого предела*». Шаг дальше — это уже была критика буржуазной экономии, которая уже выступала в лице пролетариата. Если это было так в абстрактной науке политической экономии, то каково было выдержать критику пролетариата в политической области, которую рабочий класс вел на улице с оружием в руках? Маркс продолжает свое предисловие: «Буржуазия во Франции и Англии завоевала политическую власть. Начиная с этого момента, классовая борьба, практическая и теоретическая, принимает все более ярко выраженные и угрожающие формы. Вместе с тем *пробил смертный час для научно-буржуазной экономии*. Отныне для буржуазного экономиста вопрос заключается уже не в том, *правильна или неправильна* та или другая теорема, а о том, *полезна* ли она для капитала или *вредна*, удобна или неудобна, согласуется ли с полицейскими соображениями или нет... Это — банкротство „буржуазной" политической экономии». То же самое, лишь в более яркой форме, случилось с теориею о государстве. До этого момента и буржуазным теоретикам было по дороге с марксизмом (ср. Лоренца Штейна начала 1840-х годов и его учение о классовом характере общества, или у нас — Струве, Туган-Барановского, даже Милюкова до кануна 1905 г.). 1848 год или у нас 1905 год были для них «пределом». Ленин писал: «главное в изучении Маркса есть *классовая борьба*. — Так говорят и пишут очень часто. Но это неверно. И из этой неверности сплошь да рядом получается оппортунистическое искажение марксизма, подделка его в духе приемлемости для буржуазии. Ибо учение о классовой борьбе *не* Марксом, а буржуазией *до* Маркса создано и для буржуазии, вообще говоря, приемлемо. Кто признает *только*

борьбу классов, тот еще не марксист, тот может оказаться еще не выходящим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики. Ограничивать марксизм учением о борьбе классов — значит урезывать марксизм, искажать его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии. Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытать действительное понимание и признание марксизма» (XIV, 2, стр. 323). Вот почему буржуазная теория права не могла стать на революционно-классовую точку зрения, а обычно ограничивалась узко-правовыми формулами, объявляя все остальное «метаюридическим» (сверх- или внеправовым), а значит для государственного права — чуждым или безразличным («иррелевантным»). А последний «крик» юридической моды, австрийская школа нормативистов, с Кельсеном во главе, объявляет полное тождество, совпадение государства и права (правопорядка — идеи долженствования), очищенных от всего земного: социального, экономического и т. д.

Технически же наука о государстве ограничивается, как мы видели, разбором внешних признаков или «элементов» государства. Но и тут она вынуждена остановиться на полупути. И буржуазным юристам не совсем чужда мысль, что государство-нация представляет собою известную организацию людей, а не простую совокупность, сумму человеческих единиц. Так, мы читаем, напр.: «Совокупность людей (Personengesammtheit) образует государственный организм (Staatskörper) не как сумма равных между собою атомов (единиц), но только. . . в определенном государственно-правовом расчленении» (Gliederung). [1] А в чем заключается эта организация?

Французский профессор Ориу (реакционер, но давший ценную и интересную работу о буржуазном государстве) приравнивает эту организацию нации — организации публики, севшей на пароход для совместного путешествия. Он говорит об организации нации «для совместной маршировки». Но маршировки куда? Ориу признает и классы; он откровенно высказывает мысль, что в буржуазном государстве «потенциально» (в смысле возможности) все равноправны, но на деле громадные массы «осуждены исключительно на трудовую жизнь». Для охраны этого-то «порядка» и призвано государство с его средствами удерживать необходимое «равновесие».

Мы всякое государство называем классовою органи-

[1] Gierke, «Die Grundbegriffe des Staatsrechts», 1915, стр. 116. Его последователь Прейс государство определяет как собирательную личность (Gesammtpersönlichkeit).

зациею человеческого общества или, что в действительности то же самое, организациею господствующего класса, имеющею основною своею задачею или целью господство этого класса. Мы можем одновременно принять и общепризнанные внешние признаки этой организации: территорию, нацию и государственную власть, на которых мы должны подробнее остановиться уже просто по практическим соображениям. Мы таким путем можем притти к пояснению, что «государство является классовою организациею общества, охватывающего определенную территорию и относящееся к этой территории население в его совокупности и формально объединенною[1] под суверенною государственною властью».

1. Территория государства

В настоящее время обязательным признаком государства является определенная государственною границею территория. «Территорией называется та страна (Land), на которой находится государственный союз или, с правовой точки зрения, то пространство, на котором государственная власть может осуществлять свою специфическую деятельность, а именно — свое господство». «В отрицательном смысле это означает то, что на этой территории ни одна другая государственная власть такой же деятельности осуществлять не может, а в положительном смысле, что это государственное господство подчиняет себе всех находящихся на этой территории лиц» (проф. Еллинек). То, что за этой границею (заграница) является «иностранной» территорией, территорией иных стран.

Этот признак, который ныне, когда мир разделен, единогласно считается обязательным условием существования государства, не всегда считался таковым, но является впервые требованием буржуазного общества. Можно прибавить, что он на деле таковым снова не является в полной мере и в империалистический период, когда господство великих держав простирается далеко за границы их территорий по отношению к так называемым «сферам влияния». Понятие государства эпохи классической древности, как мы видели, представляло государство как совокупность граждан (civitas), которая не обязательно отождествлялась с объединяющим их местом жительства. Ни одно научное определение древнего мира, а равно и периода с XVI до XIX столетия не приводит определенной территории в числе обязательных признаков

[1] Некий критик к слову «объединенная» здесь поставил вопросительный знак. Поясняю слово: «объединенною» относится к организации классов. Что́ эту организацию формально объединяет, если не государственная власть?

государства. Впервые Еллинек это требование находит в 1817 г. (у Кербера, определяющего «государство, как гражданское общество в определенных земельных границах»).

Этот факт и для нас имеет значение весьма существенное, ибо он тесно связан с историей возникновения государства, именно как классового господства над «оседлым населением». [1] Еще Энгельс показывает, как оседлость, территориальность, ломает родовой быт. Для всякого понятно, что строгое размежевание государств в эпоху, когда государство только-что развивается из отчасти еще кочевого населения или когда государственная власть является господством над громадной территорией независимых общин и прочих первобытных организаций человечества, вплоть до мирового государства Рима, было просто физически невозможно. Понятие территории стало существенным по мере того, как та или иная часть мира, а ныне весь мир уже были р а з д е л е н ы. Она снова теряет прежнее значение с того момента, как победоносный империализм превращает в свои колонии $^2/_3$ всего мира, невзирая на границы существующих государств. Так империализм, как предтеча социализма, начинает разрушение территориальных границ.

Но как раз в буржуазном государстве наукою и дипломатиею, в одинаковой мере отдающими дань буржуазному лицемерию, территория, границы государства и ныне выдвигаются, как самое безусловное условие всякого существования государства. Буржуазная наука достигает этого, конечно, лишь допуская юридическую ф и к ц и ю с а м о с т о я т е л ь н ы х г о с у д а р с т в вместо р е а л ь н о г о ф а к т а и х п о л н о й з а в и с и м о с т и.

Но мы еще увидим, как буржуазная революция и под это понятие подвела «идеологический фундамент» (с точки зрения буржуазии; мы тут говорим, наоборот, о надстройке) в понятии отечества и его обороны.

2. Народ-нация

«Все относящиеся к данному государству люди в совокупности составляют нацию (народ, Staatsvolk)». Нация понимается в двояком смысле: нация, как субъект, и нация, как объект власти (сумма подданных). [2] И это слово обозначает понятие новое. В древние времена, когда на территории государства находились свободные люди и рабы, и когда политическое участие в государстве принимали только свободные граждане — cives, имелось

[1] См. Е л л и н е к, «Allgemeine Staatslehre», II Auflage, 1905, стр. 410: «Государство, с точки зрения права, это — корпорация (Körperschaft) о с е д л о г о народа, снабженная элементарною властью господства».

[2] См. того же Е л л и н е к а.

и соответствующее название для их объединения — civitas, буквально — гражданство. Рабы являлись не частью нации, а принадлежностью этих граждан. Подданные же вообще представляли собою лишь предмет обложения, как люди, находящиеся «под данью». Их так же, как в средние века крепостных, считали «по сказкам», в виде показателя богатства того или иного феодала и для определения размеров дани последнего его сюзерену, т. е. высшему феодалу. Тогда народом (в Риме — populus) назывались либо одни свободные граждане, либо слово народ превратилось в одно воображение философа, в силу которого Гоббс провозглашал, что в монархии король является народом («in monarchia rex est populus»), либо, наоборот, народом называли себя крестьяне, как мы читаем у Чехова: «Мы, народ, климковские мужики то-есть».

Из этого вытекает естественный вывод, что понятие народа-нации могло появиться лишь там, где исчезло или исчезает деление людей на касты, на сословия и т. д. В этом обществе народ означает или население в противоположность господствующим касте, сословию и т. п., или же объединение только свободных граждан. Лишь в буржуазном государстве, разделенном на классы, понятие нации получает особый смысл, как обозначение государственной совокупности всех классов и даже как отрицание классов вообще. Это является одною из коренных фикций буржуазного строя. И в этом отношении много способствует то различное значение, которое придается нации, то как синониму государства, то как совокупности всех жителей государства — без различия классов, т. е. смешивая понятие политическое с этнографическим. Существенным, связывающим элементом для нации объявляли историю, традицию (реальную или вымышленную). «Существенный элемент национального единства следует искать в общности традиций, потребностей, стремлений. Человечество, как говорят, создано больше из мертвых, чем из живых, нация — так же» (Леон Дюги).

Лишь Ленин впервые научно поставил вопрос о буржуазном происхождении нации и ее значении для буржуазного государства. Ленинизм определяет нацию как «исторически сложившуюся устойчивую общность людей — по языку, территории, экономической жизни (связности) и психическому складу, проявляющемуся в общности культуры».[1]

К нации нам придется возвращаться еще неоднократно.

3. Государственная власть

Если мы рассматриваем государство как организацию господствующего класса, имеющую своею задачею держать в подчинении угнетенные классы, то нам нетрудно определить и сущность

[1] См. Сталин, «Марксизм и национальный вопрос».

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

государственной власти. Ныне, конечно, не весь класс лично участвует в этом подавлении, но в былые времена, на первых ступенях организованности, это личное участие всего класса в государственной власти было возможно и даже обычно:

«Сравнительно со старой родовой организацией, государство, прежде всего, отличается подразделением своих жителей по территориальному признаку... Вторым отличием является учреждение общественной власти, уже непосредственно не совпадающей с населением, самостоятельно организующимся в вооруженную силу. Эта особая общественная сила необходима, так как самостоятельная вооруженная организация населения сделалась невозможной после раскола его на классы... Оказалась необходимой и жандармерия. Такая общественная власть существует во всех государствах: она состоит не только из вооруженных людей, но и из вещественных придатков к ним, каковы тюрьмы и всякого рода принудительные учреждения, которых не знало родовое общество. Эта власть... возрастает по мере того, как обостряются внутри государства классовые противоречия» (см. Фр. Энгельс, «Происхождение семьи и т. д.»).

Фр. Энгельс понимал первоначальную государственную власть как реальную вооруженную силу, организованную господствующим классом. Вначале эта сила, однако, действует мало организованно, напротив, стихийно и фактически. Но она совершенствуется, постепенно переходит к организованным действиям путем закона и централизованных учреждений. Она расширяет не только свою территорию (князья-собиратели земли русской), но и свои функции, и превращается во всеобъемлющую на своей территории власть, всемогущую по существу. Достигши роли монополистки, государственная власть объявляет себя правовой, основанной на законе (божьем или человеческом), но одновременно издающею законы на основании своих же законов (знаменитое «самоограничение» власти). Но тем, кто твердит, что «современная власть, в идее, должна быть только правом», мы можем ответить словами другого, буржуазного же государствоведа: «То, что есть, только в силу того, что оно есть, превращается в то, что должно быть». Значит, не в силу идеи, но в силу факта существует государственная власть.

Одно бесспорно, что первоначальной государственной властью была фактическая сила, даже там, где она была в руках жрецов или ими поддерживалась, фактическая власть, опирающаяся на вооруженную силу. Монарх патриархальный и феодальный, как и впоследствии самодержавный, в своем титуле обыкновенно подробно описывает все отдельные территории, которыми он «владеет» (ср. полный титул бывшего

императора всей России). Владеть «землею», как показывает тов. М. Н. Покровский в своей истории России, означало «собирать дань» со своих «подданных», т. е. с «дворов» крестьян, живущих на принадлежащей ему земле. Монарх, сначала лишь верховный «двор» над прочими дворами, стал считать эту территорию своею «вотчиною». К своему титулу он прибавил (в дополнение к силе принуждения) еще благословение церкви словами: «божьею милостью» (первоначальный способ «убеждения»). К этому титулу со временем в конституционном государстве прибавляется дополнение: «и волею народа», т. е. «в силу договора» с народом. Короля свергают и назначают президента, суррогат монарха, который «господствует» только «волею народа», т. е. в силу «публичного торга». За этим внешним маскарадом скрывается, конечно, изменение и сущности самой власти, а именно — ее классовое содержание. Так, «божьею милостью» прикрывается монарх феодального периода и переходной эпохи абсолютизма (самодержавия), прибавка — «волею народа» отмечает участие во власти буржуазии; а одною «волею народа», наконец, прикрывается диктатура буржуазии или так называемая «демократия».

Эти титулы уже своею буквою указывают на медленное развитие самой власти: от первоначального примитивного военного начальника с двором-дружиною, чрез монарха с его все более и более разрастающимся двором и, сверх того, ведомственным аппаратом — бюрократиею, до чистой формы фактически самодержавной исполнительной власти буржуазной демократии во главе с президентом или, вернее, председателем кабинета министров. Представительство всего государства-вотчины, как живого организма, — такова внешняя суть единства верховной власти. К этому единству присоединяется еще «суверенность», к которой еще вернемся и которая, собственно, не означает ничего иного, как выражение монополизации власти в масштабе данного государства. Монополия представительства во внешних отношениях, монополия управления в самом широком смысле внутри страны — таково последнее слово развития всякой государственной власти. Лишь в переходные эпохи образуется двоевластие. Но как раз в такие моменты больше всего ссылаются на государственную власть как на правовой институт, как на власть в идее, то есть на власть, внесшую порядок.

Итак, государственная власть есть власть фактическая, реальная, ибо классовая. Когда она, как факт, становится лишнею, наступает бесклассовое общество, государство само в лице его власти отмирает. Она держится, как всякая власть вообще, на принуждении и на убеждении или, как механически выражаются буржуазные ученые старой школы, на «внешнем» и «внутреннем» воздействии или принуждении.

4. Суверенность власти

Суверенная или верховная власть означает власть, которой, с одной стороны, подчинены, подвластны все лица, относящиеся к данной территории, но которая, с другой стороны, сама по праву, «de jure», не подчинена никакой другой власти. Словечко «de jure», которое здесь так часто означает одну фикцию права, противопоставляется слову «de facto», означающему фактическую, реальную власть. «В старину противоположности государственной власти другим властям не существовало; современное государство свое существование отвоевало только в тяжелой борьбе... Что означает суверенитет? Не ученые открыли его, нет — мощные силы, борьба которых дала содержание целым столетиям, породили это понятие». «Суверенитет, это — понятие полемическое, сперва оборонительного, а затем и наступательного характера» (Еллинек).

Еллинек, который играет выдающуюся роль в буржуазной науке государственного права, здесь верно отмечает борьбу, но он не проникает в суть этой борьбы, как борьбы классов, а видит лишь борьбу государства современного типа против иных сил прошлого: церкви, Римской империи и крупных вассалов и корпораций средних веков.

Отношение христианской церкви к государству играло большую роль в истории. В те времена, когда светское правительство было далеко от угнетенного «народа», от рабов и крестьян, церковь стояла к ним гораздо ближе. Церковь в своей иерархии имела сильный централизованный аппарат, какого не было у государства. Наконец, государство одновременно было самым крупным землевладельцем, а вслед затем и капиталистом. Церковь в силу этого властвовала над государством, не говоря уже о том, что она одновременно и определяла господствующее, т. е. христианское мировоззрение. Потребовалась целая церковная революция (реформация) и настоящая война между государством и церковью, пока государство завоевало свой «суверенитет», свое верховенство.

В этой борьбе мы видим последовательно три ступени развития: 1) государственная власть подчинена церкви, 2) существует параллельно и 3) государство подчиняет себе церковь, как орудие порабощения масс. Больше для суверенности государственной власти ничего не требуется.

Вторая борьба шла за «самостоятельность» отдельных государств, в своем роде самоопределение против империалистического Рима. Одновременно же идет другая, противоположная борьба — за уничтожение самоопределения местных, волостных государств феодалов.

В результате этих разных видов борьбы получается та суверенная, абсолютная государственная власть, какую закрепила

буржуазная революция. С этого момента суверенность начинает терять свое определенное значение, и мы начинаем говорить то о суверенной власти нации в государстве, то о суверенной государственной власти в международном праве. Как в одном, так и в другом случае это понятие принимает лицемерный, часто иллюзорный характер, когда мы говорим о суверенности нации в классовом государстве, да еще при буржуазной диктатуре, или когда мы говорим о суверенности мелких, целиком зависимых государств. Тут получается какая-то несуразность, если говорят о «de jure» независимости по отношению к государствам, «de facto» лишенным всякой самостоятельности, а в то же время «Лига Наций» или отдельные государства признавали «de facto» независимость, например, Советского правительства России, отрицая за ним это признание «de jure».

Первый период развития капиталистического или буржуазного общества обнаруживает стремление к единому государству, к централизации сначала национальной, в узком смысле слова, а затем к централизации империалистической. Это стремление создать новую мировую империю с единою «суверенною» властью является фактическим устранением «суверенности» каждого отдельного зависимого государства. Понятие суверенности империалистического периода теснейшим образом связано, или даже отождествляется с понятием самоопределения, точнее, национального самоопределения. Империалистическое буржуазное объединение, которое основывается исключительно на силе и на отрицании самостоятельности или самоопределения для угнетенных наций, находит прямую противоположность в объединении Советской федерации, основанном на действительном праве самоопределения.

В. ПЕРЕХОДНОЕ ГОСУДАРСТВО УГНЕТЕННЫХ КЛАССОВ

а) Революционная теория Маркса и Ленина о государстве[1]

Еще в уставе I Интернационала К. Маркс выдвинул лозунг, что «завоевание государственной власти пролетариатом есть не конечная цель, а только средство для освобождения этого класса». Это положение является прямым выводом из великих буржуазных революций в применении к пролетариату. «Экономическое освобождение рабочих есть великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство». Но какой вывод из этого сделали последователи Маркса? Правда, II Интернационал с самого своего возникновения вел борьбу против анархистов, в своих

[1] Кроме работ Ленина, см. И. Сталина, «Вопросы ленинизма», особенно стр. 104 — 114.

рядах выставляющих своею и притом конечною целью немедленное уничтожение государства; он эту борьбу вел во имя безусловного участия в политике. На Брюссельской конференции (1900 г.) это условие было формулировано словами, что «к II Интернационалу могут принадлежать все организации, примыкающие к основным пунктам социализма и ставящие целью социалистическое завоевание государственной власти со стороны пролетариата, организованного в классовую партию». В 1903 — 1904 г. II Интернационал (на Дрезденском съезде германской с.-д. партии и на Амстердамском международном съезде) запрещает с.-д. партиям участвовать в буржуазном как угнетательском правительстве и голосовать за военные кредиты, но война 1914 г. опрокидывает все эти торжественные резолюции: с.-д. партии голосуют за военные кредиты и почти всюду входят в коалиционные правительства, т. е. в правительства, смешанные с буржуазиею (местами вплоть до реакционеров). А Каутский, автор «радикальной» резолюции 1903 г. в Дрездене, ныне официально высказывается за коалиционные правительства с буржуазиею, как принцип.

Эти предатели марксизма еще продолжают называться марксистами, но только на словах, да и то с оговорками. Но еще в 1851 г. К. Маркс в своем «18 Брюмера», подробно показав, как развилась буржуазная машина государственной власти, закончил это изложение словами: «все перевороты усовершенствовали эту машину (исполнительной власти), вместо того, чтобы сломать ее».

Началась парижская пролетарская революция в 1871 г., и еще во время Коммуны (12 апреля 1871 г.) Маркс пишет в письме к Кугельману: «Если ты заглянешь в последнюю главу моего «18 Брюмера», ты увидишь, что следующею задачею французской революции я объявляю: «не перенять из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а сломать ее, и именно таково предварительное условие всякой действительно народной революции на континенте. Как раз в том и состоит попытка наших геройских парижских товарищей». А после падения Коммуны Маркс и Энгельс пишут: «В особенности Коммуна доказала, что рабочий класс не может просто завладеть готовой государственною машиною и пустить ее в ход для своих собственных целей» (см. их предисловие к «Коммунистич. манифесту» от 24 июня 1872 г., а равно К. Маркса: «Гражданская война во Франции»). «Борьба рабочего класса с классом капиталистов и их государством, благодаря парижской борьбе, вступила в новую фазу. Чем бы непосредственно дело ни кончилось, на этот раз новый исходный пункт всемирно-исторического значения все-таки завоеван» (Маркс, «Письма к Кугельману», стр. 90).

Ленин, исходя из этих и других отрывков из работ Маркса и Энгельса, построил свою революционно-марксистскую теорию о государстве. Для него «коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве» (XVIII, 1, стр. 309). «Партия, поставившая себе целью свергнуть правительство, необходимо должна подумать о том, каким правительством заменить старое, свергаемое правительство. Возникает вопрос о временном революционном правительстве» (VI, стр. 308).

Выводом из этого взгляда является капитальный труд Ленина «Государство и революция», вышедший из печати почти одновременно с Октябрьской революцией. Это — образец революционно-диалектической научной работы, в которой одно сопоставление в заглавии государства и революции обращало на себя внимание всего мира своей смелостью и оригинальностью. Эта чисто теоретическая работа настолько слилась с практикой пролетарской революции, что теория и практика ленинизма стали нераздельными. Впоследствии сам Ленин новую намеченную в его работе власть определил как «величайшее историческое изобретение»: «Ведь мы живем в XX веке, и единственный народ, который вышел революционным путем не в пользу того или другого правительства, а сорвав их, это — русский народ, и вывела его русская революция. И то, что завоевано русскою революциею, — неотъемлемо. Этого никакая сила не может взять, как никакая сила в мире не может взять назад того, что советским государством было создано. Сотни лет государственного строительства по буржуазному типу, и впервые была найдена форма государства небуржуазного. Может быть, наш аппарат и плох, но говорят, что первая паровая машина, которая была изобретена, была тоже плоха, и даже неизвестно, работала ли она... Пусть наш аппарат из рук вон плох, но все-таки он создан, величайшее историческое изобретение сделано и государство пролетарского типа создано... Весь гвоздь состоит в том, чтобы отделить твердо, ясно и трезво, что у нас составляет всемирно-историческую заслугу русской революции, от того, что нами исполняется до последней степени плохо, что еще не создано и что много раз надо переделывать» (27 марта 1922 г., XVIII, 2, стр. 52, 53).

Как Ленин дошел до этого своего изобретения? Благодаря революционной диалектике, унаследованной им от Маркса, но нашедшей в нем в условиях империализма и всемирной революции гениальное олицетворение. Ленин был величайшим диалектиком не только мысли, но и слова и дела.

Еще до революции 1905 года он уже ставил задачи, нашедшие почти буквальное осуществление лишь в 1917 г., одновременно никогда не забегая вперед, но оставаясь всегда на конкретной почве. Когда некоторые революционеры

1905 г. (Парвус, Троцкий) в разгаре октябрьских дней объявили лозунг перманентной (беспрерывной) революции, т. е. непосредственного перехода власти к одному рабочему классу, рабочему революционному правительству, против всех прочих классов, в особенности крестьянства, — Ленин стоял на своем, что первый этап революции еще не пройден, еще не победила окончательно буржуазная революция, ибо еще нет демократической диктатуры (республики пролетариата и крестьянства).

«Если в России уже противостоит пролетариат буржуазной нации, тогда, значит, он стоит прямо перед социалистической революцией... Тогда неверен лозунг конфискации помещичьих земель... тогда надо говорить не о „революционном рабочем", а о „рабочем социалистическом" правительстве» (XIII, стр. 213). Ленин стоит твердо на своем лозунге: «Если пролетариат увлечет непролетарские массы деревни на конфискацию помещичьей земли и свергнет монархию, то это и будет завершением „национально-буржуазной" революции в России, это и будет революционной демократической диктатурой пролетариата и крестьянства» (там же). А когда прошла Февральская революция 1917 г., Ленин сразу определил: «Первый этап пройден». Не надо ли было в таком случае уже весною 1917 г. свергнуть новую буржуазную власть? Ленин откровенно говорит: «Отвечаю: 1) его надо свергнуть, ибо оно олигархическое, буржуазное, а не общенародное, оно не может дать ни мира, ни хлеба, ни полной свободы; 2) его нельзя сейчас свергнуть, ибо оно держится прямым и косвенным, формальным и фактическим соглашением с Советами Рабочих Депутатов и главным Советом Питерским, прежде всего; 3) его вообще нельзя „свергнуть" обычным способом, ибо оно опирается на „поддержку" буржуазии вторым правительством, Советом Рабочих Депутатов, а это правительство есть единственно возможное революционное правительство, прямо выражающее сознание и волю большинства рабочих и крестьян. Выше, лучше такого типа правительства, как Советы Рабочих, Батрацких, Крестьянских, Солдатских Депутатов, человечество не выработало, и мы до сих пор не знаем...

«Чтобы стать властью, сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону; пока нет насилия над массами, нет иного пути к власти. Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством. Мы — марксисты, сторонники пролетарской классовой борьбы против мелкобуржуазного угара, — зависимости от буржуазии» (9 апреля 1917 г., XIV, 1, стр. 25 — 26).

«Только тогда мы будем за переход власти в руки пролетариев и полупролетариев, когда Советы Рабочих и Солдатских Депутатов станут на сторону нашей политики и захотят взять эту власть в свои руки» (XIV, 1, стр. 111).

А в октябре Ленин уже пишет: «События так ясно предписывают нам нашу задачу, что промедление становится положительно преступным... Большевики не вправе ждать съезда Советов, они должны взять власть тотчас же. Этим они спасают и всемирную революцию... и русскую революцию (иначе волна настоящей анархии может стать сильнее, чем мы), и жизнь сотен тысяч людей на войне. Медлить — преступление. Ждать съезда Советов — ребяческая игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции. Если нельзя взять власти без восстания, надо итти на восстание тотчас... Ждать — преступление перед революцией» (XIV, 2, стр. 266).

Мы уже видели, что, по словам Ленина, переходною ступенью между двумя государствами разных классов является революция. Каковы отличительные черты пролетарской революции? Прежде всего, «смена буржуазного государства пролетарским невозможна без насильственной революции» (XIV, 2, стр. 313).

Далее, пролетарские революции, в отличие от буржуазных, крайне длительны. Октябрьской победе предшествовало длительное двоевластие. «Это двоевластие проявляется в существовании двух правительств: главного, настоящего, действительного правительства буржуазии, Временного Правительства Львова и К°, которое имеет в своих руках все органы власти, и добавочного, побочного, „контролирующего" правительства в лице Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, которое не имеет в своих руках органов государственной власти, но опирается непосредственно на заведомо безусловное большинство народа, на вооруженных рабочих и солдат. Классовый источник этого двоевластия и классовое значение его состоит в том, что русская революция марта 1917 г. не только смела всю царскую монархию, не только передала всю власть буржуазии, но и дошла вплотную до революционно-крестьянской диктатуры пролетариата и крестьянства... Двоевластие выражает лишь переходный момент в развитии революции, когда она зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции, но не дошла еще до „чистой" диктатуры пролетариата и крестьянства... она сразу втянула в движение неслыханно громадное количество обывателей». Значит, вторая особенность этой революции — ее громадные массы участников.

Мы видели выше, что, по характеристике Ленина, буржузная революция свои новые экономические организации создает в недрах старого строя. «В совершенно ином положении стоит социалистическая революция. Чем более отсталой является страна, которой пришлось в силу зигзагов истории начать социальную революцию, тем труднее для нее переход от старых капиталистических отно-

шений к социалистическим. Здесь к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности задачи — организационные» (XV, стр. 121).

Вот чем объясняется и сравнительно легкая победа в октябре у нас. «Если бы народное творчество русской революции, прошедшее через великий опыт 1905 г., не создало Советов еще в феврале 1917 г., то ни в коем случае они не могли бы взять власть в октябре, так как успех зависит от наличности уже готовых организационных форм движения, охватившего миллионы. Этой готовой формой явились Советы не потому, что в политической области нас ждали те блестящие успехи, то сплошное триумфальное шествие, которое мы пережили, а потому, что политическая новая форма была наготове, и нам оставалось только несколькими декретами превратить Советскую власть из того эмбрионального состояния, в котором она находилась в первые месяцы революции, в официально признанную форму российского государства— Российскую Советскую Республику. Она родилась сразу, так легко родилась потому, что в феврале 1917 года массы создали Советы раньше, чем какая бы то ни было партия успела провозгласить даже этот лозунг» (XV, стр. 124).

Но из этого факта вытекает и длительность диктатуры пролетариата.

Основную часть теоретической работы Ленина и составляет вопрос о диктатуре. Как известно, Маркс своею заслугою считал не открытие существования классов и их взаимной борьбы, а «того вывода, что борьба классов неминуемо ведет к диктатуре пролетариата, и что эта диктатура сама является только переходом к отмене всех классов и к обществу без классов». И если в 1891 г. Энгельс в предисловии к «Коммунистич. манифесту» указал на Коммуну 1871 г.: «Взгляните на Парижскую Коммуну; то была диктатура пролетариата», то Ленин с замечательною прозорливостью еще в тезисах 4 апреля 1917 г. указал на Советы рабочих и солдатских депутатов как на будущую коммуну, на государство советов, на будущую диктатуру пролетариата в России.

Ленин берет за исходную точку своей теории о пролетарском государстве слова Маркса из его «Критики Готской программы германской социал-демократии» (1875 г.): «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть не чем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата». Оригинальною можно назвать переделку этих слов в работе с.-д. ренегата Каутского 1922 г.: «Между периодом чисто буржуазной и чисто пролетарской демократической госуд. власти лежит период превраще-

ния первой во вторую. Этому периоду соответствует политический переходный период, и правительство этого периода, по общему правилу, будет иметь форму коалиционного правительства с буржуазией». К сожалению, Ленин не успел ответить на эту наглую контр-революционную подделку слов Маркса Каутским.

Какова цель диктатуры пролетариата в смысле ленинизма? Замена ею разбитого буржуазного государственного аппарата. Но каковы задачи этой новой власти?

Во-первых, продолжение классовой борьбы вплоть до уничтожения или «переработки в работников» всех прочих классов. Во-вторых, отвоевание у буржуазии всех колеблющихся элементов, например, отсталых слоев пролетариев и полупролетариев и крестьянства. В-третьих, вовлечение широких масс в строительство социализма и борьба за недостающие предпосылки социализма. Остановимся на этих трех задачах подробнее.

До Ленина с.-д. представляли себе, что с победою пролетариата сразу окончится классовая борьба.

«Они (вожди „желтого" интернационала) боятся признать, что диктатура пролетариата есть тоже период классовой борьбы, которая неизбежна, пока не уничтожены классы, и которая меняет свои формы, становясь первое время после свержения капитала особенно ожесточенной и своеобразной. Завоевав политическую власть, пролетариат не прекращает классовой борьбы, а продолжает ее — впредь до уничтожения классов, но, разумеется, в иной обстановке, в иной форме, иными средствами» (Ленин, XV, стр. 249).

Ведь и буржуазная революция не обходилась без открытой диктатуры. «Сама буржуазия, власть которой теперь защищается социалистами, высказывающимися против „диктатуры вообще", и душою, и телом стоящими за „демократию вообще", получила свою власть в цивилизованных странах, благодаря целому ряду восстаний, гражданских войн, насильственному свержению королевской власти, феодальных рабовладельцев и подавлению попыток реставрации» (XVI, стр. 37).

Значит, и «диктатура пролетариата означает не прекращение классовой борьбы, а продолжение ее в иной форме новыми орудиями» (XVIII, 1, стр. 317). «Переход от капитализма к коммунизму есть целая историческая эпоха. Пока она не закончилась, у эксплуататоров неизбежно остается надежда на реставрацию, а эта надежда превращается в попытки реставрации» (XV, стр. 466). Но «вы говорите, что миллионам не нужно насилия против тысяч? Вы ошибаетесь, и ошибаетесь оттого, что рассматриваете явление не в его развитии. Вы забываете, что новая власть не с неба сваливается, а вырастает

*

возникает на ряду со старой, против старой власти, в борьбе против нее. Без насилия по отношению к насильникам, имеющим в руках орудия и органы власти, нельзя избавить народ от насильников» (XVII, стр. 360).

Во-вторых, лишь после победы пролетариат может отвоевать у буржуазии колеблющиеся классы: «Этой диалектики никогда не могли понять представители II Интернационала: пролетариат не может победить, не завоевывая на свою сторону большинства населения... Чтобы завоевать большинство населения на свою сторону, пролетариат должен, во-первых, свергнуть буржуазию и захватить государственную власть в свои руки; он должен, во-вторых, ввести Советскую власть, разбив вдребезги старый государственный аппарат, чем он сразу подрывает господство, авторитет, влияние буржуазии и мелкобуржуазных соглашателей в среде непролетарских трудящихся масс. Он должен, в-третьих, добить влияние буржуазии и мелкобуржуазных соглашателей среди большинства непролетарских трудящихся масс революционным осуществлением их экономических нужд за счет эксплуататоров» (XVI, стр. 450).

Третья задача, это — задача строительства.

«Советская власть есть аппарат для того, чтобы масса начала немедленно учиться управлению государством и организации производства в общенациональном масштабе... Граждане должны участвовать поголовно в суде и управлении страны. Для нас важно привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся. Это гигантски трудная задача. Социализм не может ввести партийное меньшинство. Его могут ввести только десятки миллионов, когда они научатся все делать сами. Свою заслугу мы видим в стремлении к тому, чтобы помочь массе немедленно взяться за это самой, а не учиться этому из книг, из лекций» (XV, стр. 154).

Но перед диктатурой пролетариата еще стоит задача способствовать борьбе за предпосылки социализма.

«Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм». С этим положением все герои II Интернационала... носятся, поистине, как с писаной торбой. Это бесспорное положение они пережевывают на тысячу ладов, а мне кажется, что оно не является решающим для оценки нашей революции». «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать — каков этот определенный «уровень культуры»), то

почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы» (XVIII, 2, стр. 118).

Эта борьба превращается в борьбу за культуру:

«После решенной задачи величайшего в мире политического переворота перед нами стали иные задачи — задачи культурные, которые можно назвать «маленькими делами». Надо этот политический переворот переварить, сделать его доступным массам населения, добиться, чтобы этот политический переворот остался не только декларацией. . .

Пора, когда надо было политически рисовать великие задачи, прошла, и наступила пора, когда их надо проводить практически. Теперь перед нами задачи культурные, задачи переваривания того политического опыта, который должен и может превратиться в жизнь» (XVIII, 1, стр. 381).

Я ограничиваюсь этими общими вводными словами о государственной теории ленинизма и ее особенностях; все дальнейшее изложение заключается в более подробном ознакомлении с ленинским «государством пролетарского типа» с Советскою социалистическою республикой.

На основании подробного изучения ленинизма по вопросу о государстве мы можем и определить, в чем заключаются отличительные черты ленинизма по вопросу о государстве. Они заключаются: [1]

1) в его революционно-диалектическом подходе к изучению государства и революции;

2) в его взгляде на сущность, назначение и классовый характер всякого государства, не исключая и так называемой «чистой» демократии;

3) в его понимании сущности общественного класса и революционно-классовой борьбы, в частности, в новой оценке в этой борьбе роли крестьянства;

4) в практической постановке значения пролетарского государства и в изобретении формы государства пролетарского типа в виде диктатуры пролетариата или Советской власти;

5) в новом разрешении, теоретически и практически, вопроса соотношения государства и масс;

6) в его взгляде на роль партии в этом государстве трудящихся масс;

---

[1] Подробнее см. И. Сталин, «Вопросы ленинизма»; далее «Ленинизм в вопросах и ответах». П. Стучка, «Ленинизм и государство», 1925 г., где я пытался эти ответы давать исключительно словами самого Ленина.

7) в новой постановке вопроса о самоопределении нации как о проблеме государственного значения и

8) в объявлении временного, преходящего характера всякого государства, не исключая и пролетарского.

б) Пролетарская революция

«Октябрьское восстание было, так сказать, заранее назначено на определенное число, на 25 октября, назначено не на тайном заседании, а открыто, всенародно, — и произошло это победоносное восстание в день 25 октября 1917 года, как было намечено». Так упрощенно излагается планомерность Октбярьской революции в статье Троцкого к октябрю 1919 г. в «Комм. Интерн.» № 6. Против такого календарного плана Ленин выступил довольно резко еще между 3 и 7 окт. 1917 г., когда он писал: «Медлить преступление. Ждать съезда Советов — ребяческая игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции», а впоследствии (в 1920 г.) по поводу календарной программы вообще он писал: «Связывать себе наперед руки, говорить открыто врагу, который сейчас вооружен лучше нас, будем ли мы воевать с ним и когда, есть глупость, а не революционность. Принимать бой, когда это заведомо выгодно неприятелю, а не нам, есть преступление, и никуда негодны такие политики революционного класса, которые не сумеют проделать „лавирование, соглашательство, компромиссы", чтобы уклониться от заведомо невыгодного сражения» (XVII, стр. 164).

Да и само восстание было тайно назначено и победило уже накануне открытия съезда. Но остается факт, что Октябрьская революция нам дала наиболее планомерный вид революции в истории. Тогда как прежде революция сама организовывалась лишь на ее ходу, а революционные правительства образовывались стихийно, революция 1917 г. еще в феврале началась организованно. «Назначенному» председателем совета министровкн. Львову достаточно было разослать по всей России телеграмму, что губернаторов заменяют под названием комиссаров вр. правительства б. председатели земских управ, ибо за время войны буржуазия сделалась наиболее организованным классом. «Она была почти совсем у власти . . . Класс капиталистических помещиков и буржуазии. . . за время войны 1914 — 1917 годов чрезвычайно быстро организовался политически, забирая в свои руки и местное самоуправление, и народное образование, и съезды разных видов, и думу, и военно-промышленные комитеты и т. д. Этот новый класс „почти совсем" был уже у власти к 1917 году; поэтому и

достаточно было первых ударов царизму, чтобы он развалился, очистив место буржуазии» (Ленин, XIV, 1, стр. 19).

И для легкой победы Октябрьской революции Ленин находит объяснение «в наличности уже готовых организационных форм движения, охвативших миллионы. . . Р. С. Республика родилась сразу, родилась так легко, потому что в феврале 1917 года массы создали Советы раньше, чем какая бы то ни было партия успела провозгласить даже этот лозунг». «Если бы народное творчество русской революции, прошедшее через великий опыт 1905 г., не создало Советов еще в феврале 1917 г., то ни в коем случае они не могли бы взять власть в октябре».

А как возникли Советы в 1905 году?

«Стачка быстро распространилась, — пишет Радин («Первый Совет раб. депутатов» 1906 г.), — необходимо было создать для руководства более широкий и приспособленный аппарат, чем партийные организации. Результатом этой необходимости и явился Совет Рабочих депутатов. Инициатива его создания принадлежит меньшевикам, которые всегда стояли за широкие массовые организации. Но ни они, ни мы, большевики, не предполагали, что новая организации примет такие громадные размеры и получит такое влияние на дело. Большевики смотрели на новое учреждение, как на стачечный комитет, меньшевики — как на орган «революционного самоуправления пролетариата». На самом деле, Совет сделался больше чем стачечным комитетом, а вместо рабочего самоуправления стал руководить всеми боевыми действиями петербургского пролетариата в октябрьские и ноябрьские дни. . .». В воззвании учредительного собрания самого Совета задачи его формулируются словами: «Мы постановили объединить руководство движением в руках общего рабочего комитета и предложить выбрать по 1 представителю на 500 рабочих». [1]

В Москве Совет рабочих депутатов образовался лишь во второй половине ноября, и накануне вооруженного восстания, 7 декабря, вышел первый номер его «Известий». И этот Совет являлся организациею массовою, ибо на первом его заседании, 22 ноября, уже были представлены 80 000 человек в лице 180 депутатов; впоследствии участвовало свыше 100 000 рабочих. Но, объявляя 7 декабря в 12 часов всеобщую политическую забастовку, Моск. совет рабочих депутатов уже прибавил в своем постановлении: и «стремиться перевести ее в вооруженное восстание». Московскому совету еще

---

[1] Реакционеры тогда же кричали о Ленинградском Совете, как о втором правительстве, более влиятельном, чем правительство Витте. Так, Суворин в «Новом Времени» писал: «Я смотрю, где живые люди; я их ясно вижу у правительства незаконного, и они лишь в тумане мне видятся у правительства законного».

не суждено было стать органом власти; московское вооруженное восстание было подавлено. . .

Ленин в 1906 г. характеризует значение этих Советов словами: «Создание новых органов революционной власти — советы рабочих, солдатских, железнодорожных, крестьянских депутатов, новые сельские и городские власти и пр. и т. п. Эти органы создавались исключительно революционными слоями населения, они создавались вне всяких законов и норм, всецело революционным путем. . . Это были, наконец, именно органы власти, несмотря на всю их зачаточность, стихийность, неоформленность, расплывчатость в составе и функционировании. . . Да, это были, несомненно, зародыши нового, народного или, если хотите, революционного правительства». «По своему социально-политическому характеру это была в зачатке диктатура революционных элементов народа». «Описанные нами органы власти были, в зародыше, диктатурою, ибо эта власть не признавала никакой другой власти, никакого закона, никакой нормы, от кого бы то ни было исходящей. Неограниченная, внезаконная, опирающаяся на силу, в самом прямом смысле слова, власть — это «есть диктатура» (VII, 1, стр. 121).

Организационный опыт предыдущей революции 1905 г., как во всех революциях, целиком перешел в следующую революцию 1917 г. Если бы кто-либо, заснув в декабре 1905 года в вагоне Николаевской ж. д. в Москве, накануне подавления декабрьского восстания, когда часть революционеров-большевиков уже была арестована, а войска все еще не выходили из казарм, куда их запрятали, и проснулся бы в Петербурге лишь 27 февраля 1917 года, когда петербургские войска уже вышли из казарм и победили в тот момент, когда большевики еще сидели в тюрьме (или находились в ссылке), — ему показалось бы, что он проспал всего одну ночь. С такою математическою точностью революция 1917 г. начала как раз с того места, где она была остановлена в 1905 г. В действительности, это была бесконечная, кошмарная ночь контр-революционных ужасов. А утро началось с тех же Советов, на которых «вчера» остановилась революция 1905 г., только на этот раз уже Советов не одних рабочих, но и вооруженных рабочих и крестьян, т. е. солдат. То, о чем спорили в 1905 г., а именно — о роли Советов, как органов власти, здесь было сразу налицо. Петербургский, а вскоре за ним и Московский Советы стали фактическими даже органами всей власти, причем первый из них — органом центральной власти. Они были тою властью, из рук которой Временное правительство фактически получило свои полномочия, сохранив, однако, то двоевластие, о котором я уже цитировал слова Ленина.

Конечно, как я уже сказал, в этом захвате основной власти буржуазиею играла решающую роль ее бо́льшая организованность. Но история могла итти и иным путем. Для всякого очевидца первых дней революции ясно, что первый Исп. ком. Петроградского совета был бы большевистским при сколько-нибудь нормальных выборах, ибо первый И. К. был избран более или менее случайною группою, собравшейся вечером 27 февраля в Гос. думе. А на другой день требование перевыборов было отвергнуто ссылкою на неимение времени. Только вмешательство солдатских организаций привело к приказу № 1 и вместе с тем к более радикальному поведению И. К. в переговорах с кадетами. А декларация по поводу правительства и его поддержки все-таки не прошла бы в этом Совете, если бы Чхеидзе не изобрел знаменитой формулы поддержки Временного правительства: «постольку, поскольку». Позже, когда Петроградский совет полевел, на его место выдвинули Всеросс. совещание, а затем съезд с представителями армии, все новыми слоями, еще не охваченными волною революции, потом всякие демократические совещания, предпарламенты и прочие способы измены, коими социал-предатели пытались спасти власть буржуазии путем коалиции с нею.

Тогда, может быть, еще в феврале, имелась бы не прямо власть рабочая, но та демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, которая буржуазную часть революции до конца довела бы уже весною, а не осенью 1917 года.

Как ленинцы оценили Советы, образовавшиеся в феврале? «Ясно для всех, что залог окончательной победы русской революции — в упрочении союза революционного рабочего с революционным солдатом. Органами этого союза и являются Советы рабочих и солд. депутатов. . . Укрепить эти Советы, сделать их повсеместными, связывать их между собою во главе с Центр. советом раб. и солд. депутатов, как органом революционной власти народа, — вот в каком направлении должны работать революционные с.-д.». Так писал т. Сталин в «Правде» от 14 марта 1917 г., а через 7 дней печаталось первое письмо т. Ленина, где он называет Совет раб. и солд. депутатов уже «новым, неофициальным, неразвитым, еще сравнительно слабым рабочим правительством».

Я сейчас не могу установить, когда впервые в своей первоначальной форме появился лозунг — «Вся власть Советам». Но лозунга Советской власти, как революции пролетарской, у нас не было до приезда т. Ленина из эмиграции, до его знаменитых тезисов 4-го апреля 1917 г. В этих тезисах Ленин нам впервые прямо сказал по существу то, что, несколько иными словами, выразил Маркс в 1871 г.: «Вы хотите знать, что такое Советы? Взгляните на Парижскую коммуну».

Эта правда пред нашими глазами открылась лишь в тезисах 4-го апреля. Поэтому мы с полным правом должны считать на-

чало пролетарской революции в России, так сказать, перелом в революции, с 4 апреля 1917 г.

Я не знаю другой революции, которая открылась бы такою блестящею феериею, как российская Октябрьская. 3/16 апреля, когда газеты не выходили и заводы не работали, а на Неве был ледоход, в 3 часа дня Петр. Ком. партии оповестил районы, что к полуночи на Финляндский вокзал прибудет тов. Ленин. Узнали об этом и кронштадтцы, и вечером, несмотря на ледоход, на Финляндском вокзале стояло шпалерами 3 000 революционных матросов Кронштадта. Дорогого Ильича товарищи подняли на руки и понесли к вокзалу. На площади перед вокзалом несметная толпа рабочих и солдат. С броневого автомобиля, вместо трибуны, т. Ленин говорит на волшебно освещенной «красным» военным рефлектором площади свое первое слово пролетарской революции в России.

На другой день, по инициативе т. Гольденберга, тогда «интернационалиста», и др., было созвано «объединительное» собрание большевиков и в подавляющем большинстве меньшевиков, съехавшихся на первое Всеросс. совещание Совета раб. и солд. депутатов. И здесь, по настоянию товарищей, Ленин нехотя повторил свои тезисы о задачах пролетариата в российской революции. Я не помню более бурного заседания; под свистки и выкрики социал-предателей, под оглушительные аплодисменты революционеров, Ленин впервые провозгласил: «Разъясните массам, что Совет Раб. Деп. есть единственная возможная форма революционного правительства». «Первый этап революции пройден». «Не парламентарная республика — возвращение к ней от Совета раб. депутатов было бы шагом назад — а республика Советов Раб., Батрацких и Крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху». «Требование Государства Коммуны, т. е. такого государства, прообраз которого дала Парижская Коммуна».

Советы Рабочих Депутатов, это — Парижская Коммуна! Такова квинт-эссенция всей речи т. Ленина. Меньшевики с Плехановым ее назвали «бредовою»; твердо убежденным большевикам она показалась вдохновением; неуверенных она оттолкнула из рядов революции или посеяла в сердцах их смуту. Но всем нам она открыла глаза на такую простую шараду: Советы, это — Коммуна! Да здравствует Российская Коммуна, — т. е. всю властью Советам!

Впервые российский пролетариат открыто услышал лозунг второго этапа революции.

Но после такого блестящего объявления второго этапа Российская пролетарская революция была и наиболее организованно проведенная революция в истории. Прямое подражание Коммуне 1871 г., она была прямою противоположностью 1871 г. в смысле организованного и сознательного ее проведения.

Восемь месяцев было у власти демократическое и коалицион-

ное временное правительство буржуазии. Революция, сменяясь волною контр-революции (июльский разгром большевиков, наступление Корнилова и т. д.), нарастала. Большевики завоевывали один слой угнетенных за другим, наступил момент действовать. Это — небывалые в истории страницы борьбы вождя за победу революции, достигающие своего кульминационного пункта в сентябре — октябре. (См. выше теорию Ленина). «Если нельзя взять власти без восстания, надо итти на восстание тотчас. . . Ждать — преступление пред революцией». «Успехи русской и всемирной революции зависят от 2 — 3 дней борьбы».

Ночью на 25 октября 1917 года победили Советы, и второй Всероссийский съезд Советов мог ограничиться краткою телеграммою нового Временного правительства, Совета народных комиссаров, Губернским и Уездным Советам рабочих и крестьянских депутатов: «Вся власть отныне принадлежит Советам. Комиссары Временного правительства отстраняются. Председатели советов сносятся непосредственно с Революционным Правительством». В Советах большинство всюду было уже за большевиками. Если телеграмма Временного правительства Львова (см. выше) означала только замену одного класса угнетателей другим или, вернее, компромисс двух классов угнетателей, то эта телеграмма означала замену власти класса угнетателей властью класса угнетенного.

в) У власти пролетариат в одной из великих держав

1. Период гражданской войны и наступление революции

Мы видели, как Маркс еще в 1851 г. писал про французскую революцию после 1848 г.: «Революция основательна. . . Теперь. . . она доводит до совершенства исполнительную власть, сводит ее к самому чистому выражению, изолирует ее и противопоставляет ее себе, как единственный объект (Vorwurf), чтобы все свои силы разрушения концентрировать против нее» («18-е Брюмера»). Но этого урока империи 1851 г. было недостаточно. Необходимо было пройти еще стадию мировой войны, чтобы довести концентрацию «самого всестороннего господства» до немыслимых прежде размеров и чтобы, соответственно тому, поставить революцию лицом к лицу против власти буржуазии в мировом масштабе.

Октябрьская революция в России сыграла в политической жизни Европы и всего мира роль химического реактива, разлагающего национальную сплоченность великих государственных объединений (Тройственного союза, с одной, — Антанты, с другой стороны). В Париже 1871 г. стечение обстоя-

тельств произвело такой раскол нации на ее классовый состав, противопоставив рабочее правительство Парижской Коммуны Версальскому буржуазному правительству всей Франции — диктатуру пролетариата столицы диктатуре буржуазии всей страны. В России 1917 года победа пролетариата этот раскол провела в мировом масштабе: противопоставив диктатуру российского пролетариата диктатуре мировой буржуазии (заодно с российскою). Как в первом, так и во втором случае последствием была гражданская война, но в первом случае лишь в национальном, во втором же — сразу в интернациональном масштабе. Здесь нас занимает не самый факт гражданской войны, но ее влияние на роль и значение государства.

Что означает классовая борьба в интернациональном масштабе? Это — та же борьба за роль в производстве, за монопольное право собственности на средства производства. Но, с одной стороны, на этот раз создается нечто новое. Пролетариат победившей страны в борьбу своего класса вводит средства и организованность государства. Но, с другой стороны, национальное единство сразу разрушено лишь в России, социалистическое отечество образовалось лишь в СССР, в остальных странах разложение протекает более или менее медленно и постепенно. А что означает разложение «священного национального единения», «Burgfrieden», в смысле государственном? Это означает и разложение классового государства военного времени, и разложение среди трудящихся веры в национальное отечество и его оборону. Всюду проявляется тенденция к двоевластию, т. е. к образованию новой революционной власти или временных коалиций разных сил. И всюду, вследствие такого равновесия сил основных классовых противников, организуется средний межклассовый слой, более или менее решающий борьбу, смотря по тому, на чью сторону он становится.

В России этот средний слой, — в лице преобладающего здесь крестьянства, — стал на сторону пролетариата. В остальном мире средние слои или примыкают еще к буржуазии, или колеблются,— то «правеют», то «левеют». Они сначала боятся революции пролетариата, как они боятся и сами взять власть; они, боясь и контр-революции, склоняются все более и более в сторону власти коалиционной. Это мы видим в Швеции, в Германии, а потом и в Англии, Франции, где мелкая буржуазия вместе с мелкобуржуазно мыслящей частью рабочих образовала нечто вроде «третьей» партии, становящейся у власти. Правительства эти отнюдь не революционны, они усердно ведут ту же буржуазную политику.

Создается своеобразный единый фронт всего капиталистического мира. Но экономическое развитие идет по «неумолимым» законам. Одним из таких законов является не-

равномерное развитие капитализма в разных странах. Рядом с ним законы международного рынка. Они приводят все снова к разрыву единого фронта класса капиталистов.

На противоположном полюсе — коммунистическая Россия, а потом СССР и пролетариат всего мира борются действительно единым фронтом, ибо, невзирая на предательство вождей, пролетариат Запада поддерживал Советскую Россию, и, как Ленин неоднократно подчеркивал, без этой поддержки мы не просуществовали бы ни одного месяца, ни одной недели.

Такие грандиозные формы принимает классовая борьба, борьба за роль в производстве, за монопольное право на орудия труда, за государственную власть в последней стадии государства буржуазии.

Внутри государства пролетариат Сов. России вел определенное «наступление». То был период так называемого «военного коммунизма». Роль пролетариата в классовом обществе — роль эксплуатируемого класса. Содержание его классовой борьбы — борьба за уничтожение класса эксплуататоров и классов вообще. Став у власти, он приступает к этому уничтожению. Для этой цели он, в первую очередь, объявляет национализацию земельной собственности, одним ударом уничтожая класс землевладельцев, помещиков. Он тем довершает великую буржуазную революцию. Но так как у власти пролетариат, как класс, то эта земельная собственность становится достоянием не буржуазии, а трудящихся, эксплуатируемых.

На этом шагу революционный пролетариат остановиться не может. Он идет по пути социализации. Победоносного пролетариата никакая сила от этого удержать не могла бы. Проведена национализация всей крупной промышленности в самом широком смысле, значит, национализация всех капиталистически организованных средств производства и всего капиталистически эксплуатированного транспорта, наконец, монополизирована вся внешняя торговля. Но производство (промышленность) не налажено, и пролетариат одной России оказывается не в силах наладить свое хозяйство. Средства производства лежат неиспользованными. Несметные земельные пространства, промышленные средства производства и пр. богатства, представляющие неисчислимые потенциальные ценности, находятся в застывшем состоянии, т. е. временно без ценности. Сказывается капиталистическая отсталость России.

2. Революционное отступление

«Политическая надстройка должна будет приспособляться к экономическим силам». Значит: «назад к буржуазной демократии». Так поет весь хор всемирного союза социал-предателей. Предсказывают «термидор», т. е. провал большевиков по примеру Конвента 1793 г.

Но вообще механическое понимание экономического материализма, тот ревизионизм и экономизм былых времен, является буржуазным пониманием марксизма. Революционный марксизм понимает связь роста производительных сил с классовой борьбой. «Организация революционных элементов в классе уже заранее предполагает существование всех тех производительных сил, которые могли зародиться в недрах старого общества», [1] и, стало быть, от исхода классовой борьбы и зависит власть в государстве. Там, где рабочий класс победил и держит власть в своих руках, он многократно сильнее в классовой борьбе, чем прежде, ибо в его, как класса, руках находятся национализированные средства производства.

Значит, рабочий класс ныне, идя на уступки и одновременно продолжая классовую борьбу до ее революционной цели, имеет в своих руках несравненно больше средств борьбы, чем прежде, не говоря уже о том, что это только передышка — до восстания рабочих других стран. Должен ли был победивший рабочий класс добровольно сдать свою власть в руки своих побежденных палачей? Нет.

Я это печатал еще в издании 1922 года, а вот что говорит тов. Ленин в заметке от 16 января 1923 года (XVIII, 2, стр. 118):

«Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм. С этим положением все герои II Интернационала. . . носятся, поистине, как с писаной торбой. Это бесспорное положение они пережевывают на тысячу ладов, а мне кажется, что оно не является решающим для оценки нашей революции». «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы».

А в его статье, напечатанной 26 мая 1923 года (XVIII, 2, стр. 145) мы читаем:

«Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, пред лицом которой мы все-таки теперь стоим. Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистическою страною».

Значит, ныне наша Советская власть = власть

[1] См. К. Маркс «Нищета философии».

для поддержки борьбы рабочего класса за предпосылки социализма и за самый социализм.

Теперь уже нет надобности доказывать правильность отступления к новой экономической политике: рост промышленности, увеличение количества рабочих на заводах и фабриках, повышение производительности труда, подъем заработной платы — и все это без всякой помощи иностранного капитала — говорят за укрепление базы для социализма. Признание державами одною за другою нашего строя de jure, т. е. по праву, доказывает наше укрепление. Остаются заботы об упрочении нашего Союза с крестьянством.

Отступление к новой экономической политике означает отступление экономическое, а не политическое. Невзирая на советы Каутских и Адлеров (см. предисловие ко 2-му изд.), политического отступления нет. Диктатура остается, но изменяется несколько ее отношение к крестьянству, не только к бедняку, но и к середняку, в сторону еще большего их к нам приближения, для чего крестьянство фактически более привлекается к сотрудничеству.

«Многое, — говорил Ленин весною 1919 года, — зависит от того, как мы определим наше отношение к среднему крестьянству. Теоретически этот вопрос решен, но мы превосходно испытали, мы по себе знаем разницу между теоретическим решением вопроса и практическим проведением решения в жизнь. Мы подошли вплотную к этой разнице, которая так характерна для Великой французской революции, когда французский конвент (1793 г.) размахивался широкими предприятиями, а для проведения их не имел должной опоры, не знал даже, на какой класс надо опираться для проведения той или иной меры» (XVI, стр. 146).

После поражения и почти полного уничтожения классов землевладельцев и капиталистов, Советская Россия, а ныне Союз ССР оказалась государством, где остаются лишь два класса: пролетариат (город) и крестьянство (деревня). «Впервые в истории существует государство, где имеются только эти два класса, только пролетариат и крестьянство. Крестьянство образует громадное большинство населения. Оно, конечно, очень отстало. Как выражается практически в развитии революции отношение пролетариата, держащего в своих руках власть к крестьянству? Первая форма — союз, тесный союз. Это очень трудная задача, но во всяком случае экономически и политически возможная» (Ленин, XVIII, I, стр. 326).

Пока остались два класса, продолжается и классовая борьба, но только формы, цель и средства борьбы изменяются. Цель — превратить трудящегося крестьянина в настоящего работника, поднимая его на городской уровень. Форма

борьбы — сотрудничество обоих этих классов, а средства борьбы — соответственно тому — мирные, путем примера, а не принуждения. Надо дать по возможности больше конкретных мер, чтобы «простому, рядовому трудящемуся человеку было понятно, что он получит какое-нибудь улучшение».

Экономически это означает необходимость смычки между городскою промышленностью, с одной стороны, и крестьянским хозяйством, — с другой, смычки — пока просто путем торговли; лучше всего через кооперацию. Первою задачею: поднять городское хозяйство и крестьянское хозяйство хотя бы без перемены системы производства и связать эти хозяйства путем смычки, но «не хуже», чем это делал капитализм.

«Если окажется правильным отступление, то сомкнуться, отступивши, с крестьянской массой и вместе с ней в сто раз медленнее, но зато твердо и неуклонно итти вперед, чтобы она всегда, видела, что мы все-таки идем вперед. Тогда наше дело будет абсолютно непобедимо, и никакие силы в мире нас не победят». «Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудящимся крестьянством и начать двигаться вперед и неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем. Это, первый основной политический урок новой экономической политики» (Ленин, XVIII, 2, стр. 29).

Наше отступление в городе оказалось правильным. Теперь, значит, от нас зависит достигнуть и второго условия: поднять хозяйство в деревне и создать с нею надежную экономическую смычку. Но каковы выводы из этой предпосылки для Советской государственной власти?

3. Новое, социалистическое наступление

Еще в начале 1922 года Ленин объявил отступление законченным: «Отступление кончилось, дело теперь в перегруппировке сил» (XVIII, 2, стр. 37). Начинается и идет быстрыми шагами восстановление хозяйства на базе нэпа. Но за это время происходили крупные события отрицательного характера на международном фронте. С одной стороны, диктатура буржуазии принимает нагло открытую форму в фашизме, голой силе подавления революции трудящихся. Он побеждает в Италии, Испании, Болгарии, Польше открыто; но мы имеем очень близкую к нему форму в Англии, Франции. А всякие социал-демократические коалиции с буржуазией против коммунизма мало чем отличаются по методам от фашизма, открыто отвергающего парламентаризм или превращающего его в на-

смешку. В то же время крупные поражения борющегося пролетариата: в Италии, Германии (1923 г.), Болгарии, Англии (разбитая генеральная забастовка). Пред СССР открыто встает вопрос о возможности строительства социализма в $^1/_6$ всего мира, но в одной стране. Одновременно колебания среди коммунистов, уклоны направо и налево, дискуссии и фракции на основе этих неудач. Пролетариат СССР в союзе с трудящимся крестьянством (не только беднотою, но и середняком) под гегемонией пролетариата, руководимого ВКП(б), не взирая ни на какие экономические блокады и ведя беспощадную борьбу против всяких внутрипартийных уклонов, шагает смело вперед по пути индустриализации и социализации страны. На XIV съезде партия провозглашает наступление на базе нэпа по пути к социализму. На XV съезде она поднимает знамя социализации и сельского хозяйства по пути гигантских совхозов и массовых колхозов. Результаты экономического процесса строительства социализма поразительны.

Еще 13 ноября 1922 г. Ленин говорит о большом успехе следующими словами: «Мы начали накапливать средства, необходимые для того, чтобы поставить «тяжелую индустрию на ноги. Для начала, в этом году мы накопили еще очень мало, немногим больше двадцати миллионов золотых рублей. Но, во всяком случае, эта сумма имеется...» (XVIII, II, стр. 89). А взгляните на нынешние цифры капитальных вложений в миллионах золотых рублей:

на 1925/26 г.	на 1926/27 г.	на 1927/28 г.	на 1928/29 г.
811	1 010	1 330	1 650

Такому базису безусловно более соответствует надстройка государства пролетариата, чем при самом основании Советской власти. Теория Ленина наглядно подтверждена фактами.

Но замедление темпа мировой революции не могло остаться без влияния на неустойчивую часть даже среди коммунистов. Левый и правый уклоны вызвали дискуссии в самой партии, нанося не мало вреда революционному движению. Но, с другой стороны, эта дискуссия, сигнализируя опасности, одновременно внесла еще больше ясности в понимание роли и значения государства пролетариата и советской власти. Таким образом XIV и XV съезды партии означают новый этап по пути к социализму как в городе, так и в деревне. А программа, принятая VI конгрессом Коминтерна, лишь закрепляет в своих положениях то, что «завоевано и записано».

Тов. Сталин определяет три основные стороны диктатуры следующими словами: [1]

[1] Сталин, «Об оппозиции», стр. 248.

«1. Использование власти пролетариата для подавления эксплоататоров, для обороны страны, для упрочения связей с пролетариями других стран, для развития и победы революции во всех странах.

2. Использование власти пролетариата для окончательного отрыва трудящихся и эксплоатируемых масс от буржуазии, для упрочения союза пролетариата с этими массами, для вовлечения этих масс в дело социалистического строительства, для государственного руководства этими массами со стороны пролетариата.

3. Использование власти пролетариата для организации социализма, для уничтожения классов, для перехода в общество без классов, в общество без государства.

Пролетарская диктатура есть соединение всех этих трех сторон».

Но, продолжает тов. Сталин, «диктатура пролетариата имеет свои периоды, свои особые формы, разнообразные методы работы. В период гражданской войны особенно бьет в глаза насильственная сторона диктатуры. Но из этого вовсе не следует, что в период гражданской войны не происходит никакой строительной работы. Без строительной работы вести гражданскую войну невозможно. В период строительства социализма, наоборот, особенно бьет в глаза мирная, организаторская, культурная работа диктатуры, революционная законность и т. д. Но из этого опять-таки вовсе не следует, что насильственная сторона диктатуры отпала или может отпасть в период строительства. Органы подавления, армия и другие организации необходимы теперь, в момент строительства, так же, как в период гражданской войны. Без наличия этих органов невозможна сколько-нибудь обеспеченная строительная работа диктатуры. Не следует забывать, что революция победила, пока что, всего лишь в одной стране».

Программа Коминтерна, как «высшее критическое обобщение всего исторического опыта международного революционного движения пролетариата», в сжатом виде «записывает» то, что «завоевано» в жизни в СССР. Из этой практики она делает свои выводы для будущего. По ее определению: «Советская демократия есть демократия пролетариата, демократия трудящихся масс, демократия против эксплуататоров».

Такова руководящая нить для конкретного изложения нашей конституции и нашего государственного строя.

Программа дает определение характера Советского классового государства, конкретно «пролетарской диктатуры в СССР», как «гегемона всего мирового революционного движения».

II. ФОРМЫ ГОСУДАРСТВА И ФОРМЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА

А. КЛАССОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСПОДСТВА ИМУЩИХ

При нашем взгляде на государство, как на классовую организацию господства, вопрос о форме буржуазного государства и о форме его правления теряет свое прежнее значение. Ибо, какова бы ни была форма, ее содержание одно — господство класса. Мы уже читали выше слова Ленина, что «капитализм и империализм, как показывают факты, развиваются при всяких политических формах, подчиняя себе всех их». Поэтому, выдвигая новое определение государства, мы должны пересмотреть и прежние классификации форм государства. Надо сказать, что в области классификации наука государственного права ушла лишь немногим дальше древнего мира, хотя содержание этих форм, как мы уже видели, коренным образом изменилось. Еще греческий философ Аристотель делил государства на монархии или тирании, на аристократии или олигархии и на политии или демократии. При этом делении он руководствовался или целью, определяющею деятельность власти, или различным составом правительства. Деление Аристотеля развил дальше Полибий (во II ст. до нашего летосчисления), внеся в развитие этих форм известного рода закономерность движения. По его теории, на ходу развития всякая монархия превращается в тиранию; тирания падает, и ее заменяет аристократия, которая, перейдя в олигархию, вызывает общее недовольство, снова ниспровергается и заменяется демократией. А так как, по мнению Полибия, всякая демократия превращается в охлократию — правильство черни, толпы, то и это правительство ниспровергается и заменяется вновь монархиею и т. д. Вроде сказки про белого бычка! Поэтому Полибий рекомендует смешанный вид государства, как он это видит в Риме, где консул представляет монархическое начало (ср. ныне президента республики), сенат — аристократию, а народное собрание — демократию. Этою бедною по содержанию классификацией наука и политика обходились вплоть до настоящего времени, заимствуя лишь из Рима новое название «республика», как противопоставление монархии, т. е. как бы «немонархия».

*

В Риме слово «республика» первоначально обозначало государство вообще, но в противопоставлении возникшей позже ее Империи она получила свое нынешнее значение — немонархии.

Буржуазная наука сознает, что это деление случайно, и что его содержание меняется по времени: на классификацию древнего мира, средневековую, новую и новейшего времени. Для нее в действительности речь идет лишь о взаимоотношениях государства и личности, и только. Еще Кант начал различать форму властвования (Form der Beherrschung) и форму правления (Form der Regierung) и совершенно правильно отметил, что республика вовсе не то же самое, что демократия. Но лишь у Л. Ф. Штейна (т. е. с 1840-х годов) мы встречаем новый момент при определении, а вслед затем и классификации государств. Штейн правильно указывает на то, что в республике народ, которому там присваивается верховенство власти, не представляет собою простой совокупности равных и свободных людей. Республика представляет собою в абстракции идеальную форму государства, но в практическом осуществлении она приводит к тому же порабощению личности капиталом. Ибо так как народ делится на богатых и бедных, зависящих от богатых, то народное верховенство превращается на деле во власть имущих над неимущими.

Л. Ф. Штейн из всего этого делает вывод соглашательский, предлагая примирение классов, [1] особенно указывая на средний класс, мелкую буржуазию, как на примирительный элемент. Мы, напротив, должны притти к тому заключению, что политическое равенство людей остается пустым звуком, пока не обеспечено экономическое их равенство, т. е. пока не уничтожены классовые противоречия, и что поэтому государства вообще, а в особенности и республики, надо делить прежде всего на республики буржуазные и республики рабочие, трудовые.

Таким образом, можно сказать, что деление государств на аристократии или олигархии и демократии устарело. Такое деление не имеет никакой ценности, ни теоретической, ни практической. Мы говорим серьезно еще о демократии, и то с оговорками — «буржуазная» или «чистая» демократия, рабочая или советская демократия, но это уже не относится к классификации форм государства или правления.

Мы имеем по классовому характеру: государство первобытное, государство феодальное, абсолютизм, государство буржуазное, иногда смешанное феодально-буржуазное и, наконец, советское или пролетарское. И во всех этих государствах, за исключением последнего, форма может быть либо монархическая, либо республиканская.

---

[1] «С середины нашего столетия . . . выступает сознание противоположности классов и становится ясным, что конечный пункт всякого внутреннего управления должен заключаться в вопросе: что же должно и что может сделать по отношению к этому движению классовое государство?».

Монархия от республики отличается тем, что во главе ее находится монарх, по общему правилу, наследственный или, по крайней мере, пожизненный, обязательно юридически безответственный. «Возглавление» это может быть как фактическое, так и просто иллюзорное, воображаемое, но оно придает всему строю известный характер даже в том случае, когда монархия называется ограниченною или конституционною. Она в свое время являлась единственною формою того чистого абсолютизма, когда государство становилось выше классов, вследствие равновесия власти двух борющихся между собою классов. Но буржуазная республика по существу так близко подходит к монархии, особенно если, как в Норвегии, король — выборный, что Кант был прав, когда он ввел, хотя и в другом смысле, новые понятия: республиканской монархии и деспотической демократии.

В республике [1] в правительственных учреждениях исчезает всякое наследственное или пожизненное начало, и она представляется чистым типом государства буржуазного господства. В высшей степени интересен в «18 Брюмера» Маркса разбор парламентарной республики, как единственной формы государства, в котором враждебные фракции буржуазии могут объединиться для установления господства всего класса, так сказать, единого буржуазного фронта. Но Маркс там же показывает, как буржуазия в своей классовой борьбе против пролетариата сама охотно соглашается освободиться от своего политического господства, его забот и опасностей, предоставляя таковое любому авантюристу. [2]

Мы, коммунисты, с полной определенностью вернулись к взгляду Маркса и Энгельса, что вместе с отменою классов и клас-

---

[1] Мы берем для примера составленную проф. Коркуновым из теорий разных ученых формулу различия монархии и республики: «Монархию можно определить как государственное устройство, при котором функция представлять государство, как целое, осуществляется, как собственное право, безответственным лицом; республику — тем, что функция эта осуществляется по поручению народа».

Энгельс был иного мнения о роли монарха, когда он писал: «Власть короля в Англии сводится к нулю . . . Но чем незначительнее сделался монархический элемент в действительности, тем более значения он приобрел для англичанина. Нигде, как известно, неправящая личность не более обожаема, чем в Англии . . . Но этот противный культ короля, как такового, обоготворение лишенного всякого содержания понятия — даже не понятия, но пустого слова «король» — является завершением монархии» (Энгельс, «Положение Англии», 1884 г., стр. 283). Что сказал бы Энгельс, если бы дожил до рабочего первого министра Макдональда в средневековом придворном костюме на приеме у этого короля. А в 1928 г. тот же Макдональд публично молится за выздоровление короля!

[2] Эти слова являются пророческими для поведения буржуазии и всей демократии в настоящее время; в Италии они с восторгом сдают власть фашисту Муссолини, а в Германии в президенты республики избирают всенародным голосованием монархиста Гинденбурга!

совых противоречий отменяется всякая форма государства вообще, как монархия, так и республика.

Типы буржуазного государства на деле чрезвычайно друг к другу приближаются. Американская республика, еще Марксом выдвинутая рядом с английскими колониями, как тип действительно демократического государства в отличие от бюрократической Европы, превратилась в самое откровенное орудие капиталистического, а ныне империалистического насилия. Она стала государством не просто кулачного, но, если можно так выразиться, «пулеметного» права, где для подавления рабочего класса не только выставляются особые пулеметные отряды добровольцев и официальной армии, но строятся в промышленных центрах целые форты, готовятся против рабочих танки, газовые атаки, воздушные нападения и т. д. А «республиканская или демократическая монархия» в Англии мало отстает от Америки, не говоря уже о «самой демократической республике» — Германии, с б. рабочим президентом во главе, где ужасы всяких Носке, Зеверингов и тому подобных социал-демократических светил вполне выдерживали сравнение с Галифе или Кавеньяками французской «монархической» республики и где ныне президентом республики избран верноподданный генерал Гинденбург!

Для современного конституционного или представительного государства, или так называемой буржуазной демократии выставляют, как основной признак, участие народного элемента в правительстве. Для нас, стоящих на точке зрения классового характера государства и ее власти, этого признака недостаточно, и он даже неприемлем, как неправильный. Если мы сравниваем абсолютизм или до него феодально-вассальное государство с современною демократиею, то мы говорим, что все эти формы государства были формами классового господства. Но в то время как в первом случае участие класса в господстве было лишь фактическим или неорганизованным, оно ныне является правовым, т. е. организованным.

Таким образом основным признаком для деления государств должна служить организованность или неорганизованность участия класса в господстве и степень этой организованности. В абсолютизме — там, где он еще не завоевал себе известной независимости вследствие равновесия классов, или в тех случаях, когда он балансирует между классами, как, например, в царской России, — государство было тем же орудием классового господства, но господствующие классы участвовали в нем лишь фактически. Парламент, это — организованное участие класса во власти, а республика — чистый вид организации классового господства без примеси монархической традиции.

Великая Российская Революция выдвинула новый тип государства — Советское государство, как форму

диктатуры пролетариата. Это новый, пролетарский тип республики, тип организованного господства рабочего класса, государства переходного времени к коммунизму.

Б. КЛАССОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НЕИМУЩИХ, ИЛИ СОВЕТСКАЯ ФОРМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

В настоящее время нет в мире слов, более популярных, — с одной, и более ненавистных, с другой стороны, чем слова «советы», «советский строй», «советская организация». Для рабочего класса всего мира в этих словах целая бездна чаяний и надежд; для буржуазии это — грядущий кошмар, коммунизм. После неожиданной для Европы победы пролетариата в России мысль о советской форме революции приняла в головах западно-европейского пролетариата несколько искаженную форму. Пролетарскую революцию стали понимать в несколько утопическом виде. Когда, например, в Германии, в Австрии и т. д. вспыхнула революция 1918 года, то она во всех этих странах прошла в советской форме, но никакого социализма эти советы не принесли. Советы умерли естественною смертью как в Германии, или как в Австрии служили лучшею опорою для буржуазии и ныне отменены самим с.-д. вождем Ф. Адлером, как отжившие свой век. Ибо вожди рабочего класса в этих советах в первую голову были озабочены скорейшим отказом от завоеванной ими власти, отречением от достигнутого советского строя, с тем, чтобы вернуться к старой же, казалось бы, даже и для буржуазии уже изжитой форме государства — парламентаризму. Нашлись даже люди, серьезно мечтавшие или, чаще всего, с предательскою целью заговорившие о своеобразном примирении советов с парламентаризмом («Verankerung» — закрепление их в Веймарской конституции).

Как трудящееся человечество дошло до новой формы государства одних трудящихся?

Было бы весьма интересно изучить формы революционных правительств, в которых деятельное участие принимали трудящиеся массы. Солдатские комитеты («комиссары» или «агитаторы») английской революции 1647 и сл. годов; «секции» рабочих кварталов Парижа Великой, да и всех последующих французских революций вплоть до Коммуны 1871 года, так наз. «охвостье» парламента после удаления правого крыла в 1648 году в Англии, Французский Конвент 1793 г., освободившийся от контр-революционеров и в течение 8 месяцев проведший самые крупные завоевания революции (безвозмездную отмену помещичьей собственности, конституцию республики 1793 г. и т. д.), освободившаяся от буржуазии Парижская Коммуна 1871 г., — все это интереснейшие моменты для изучения революционной власти трудящихся.

Коммуна объявила себя впервые рабочим правительством всей Франции. Маркс и Энгельс расшифровали значение Коммуны: «То была диктатура пролетариата». А между тем Коммуна сделалась прообразом диктатуры пролетариата помимо своей воли. Стихийные события разъединили и раздвоили созданную «великою», буржуазною революциею нацию, как единство. В Парижской Коммуне 1871 г. власть попала в руки пролетариата, в конце концов, совершенно неожиданно для него и случайно.

Вместо того чтобы использовать аппарат своей фактической власти, центральный комитет национальной гвардии революционных секций после известного колебания устроил демократические выборы, в которых не участвовала не только та часть буржуазии, которая ушла в Версаль, но и часть, находящаяся на месте, в Париже. Участвовавшая же в выборах буржуазия или не явилась вовсе в заседание, или ушла из собрания. Пролетариат остался один с одною только примыкающею к нему мелкою буржуазиею. Он волею-неволею должен был взять на себя всю власть, и он в этой роли провел громадные политические преобразования, известные под именем диктатуры пролетариата, так блестяще изложенные в «Гражданской войне» Маркса и так ярко оцененные в капитальном труде тов. Ленина «Государство и революция». Но до настоящих, крупных экономических преобразований Коммуна не дожила, если не считать конфискации церковных имуществ и имущества Тьера и реквизиции промышленных заведений сбежавших промышленников. По отношению же к крестьянам она ограничилась хотя и блестящим, но запоздалым воззванием, подписанным вдобавок не Коммуною, а именем парижских рабочих. Это малоизвестное воззвание «Крестьянам» очень эффектно заканчивается словами: «Помогите нам победить и, что бы ни случилось, хорошо помните наши слова, ибо революции будут продолжаться в мире, пока не исполнятся наши слова. А эти слова гласят: «Землю — крестьянам! (дословно — землеробам). Орудия труда — рабочим! Работу — всем! Парижские рабочие».

Так проблема пополнения рабочих депутатов депутатами крестьянскими несознательно была выдвинута еще в 1871 г. Она разрешена на деле и сознательно в 1917 году для России, а на II съезде Коммунистического Интернационала и вслед затем в программе Коминтерна 1928 г. — для всего мира . . .

«Совершенно несомненно, — писал т. Ленин в июне 1905 г., — что Энгельс, называя Коммуну диктатурой пролетариата, имел в виду лишь участие, и притом идейно-руководящее участие представителей пролетариата в революционном правительстве Парижа» (VI, стр. 281).

Но «в Парижской Коммуне новый тип (рабочего государства) просуществовал несколько недель в одном городе . . . Коммуны не понимали те, кто ее творил, ибо они творили при помощи чу-

тья гениально проснувшихся масс, но ни одна фракция французских социалистов не сознавала, что она делает. Мы находимся в других условиях благодаря тому, что мы стоим на плечах Парижской Коммуны». «В наших Советах еще масса грубого, недоделанного, но что в них важно, что исторически ценно, что представляет шаг вперед во всемирном развитии социализма, это то, что здесь создан новый тип государства... Несмотря на всю эту грубость, недисциплинированность, что есть в Советах, что является отражением мелко-крестьянского характера нашей страны, несмотря на все это, народными массами новый тип государства создан. Он применяется не неделями, а месяцами, не в одном городе, а в громадной стране» (XV, стр. 153).

Ленин очень высоко ценил это величайшее историческое изобретение: «Советский тип государства нами завоеван, это есть шаг вперед всего человечества» (XVIII, 2, стр. 54), — и он был прав на деле.

Теперь «Советская власть окончательно упрочилась в России. Власть, создавшая неслыханный в истории тип государственного самоуправления, являющаяся продолжением Парижской Коммуны и создавшая подлинный демократизм для трудовых масс, с неслыханною силою отметая эксплоататоров, угнетателей пролетариата, является наиболее совершенным видом государственной революционной организации» (XV, стр. 174).

И в чем заключается основное его отличие от буржуазной демократии? «Советский строй есть максимум демократизма для рабочих и крестьян и в то же время он означает разрыв с буржуазным демократизмом и возникновение нового, всемирно-исторического типа демократии: именно пролетарского демократизма, или диктатуры пролетариата» (Ленин, XVIII, 1, стр. 366).

Но Ленин предупреждает от чрезмерного увлечения и этою формою государства. И оно остается лишь временным, хотя и необходимым явлением, пока еще будут существовать классы, хотя бы только два класса трудящихся, пролетариат и крестьянство. Для него ныне «лучшая политика — поменьше политики». «Ясно, однако, что не может быть и речи об определении момента будущего „отмирания“ (государства), тем более, что оно представляет из себя заведомо процесс длительный» (Ленин, XIV, 2, стр. 367).

При этих условиях длительности Ленин видит две опасности. Во-первых, в стремлениях сближения советского строя с буржуазною демократией. Так, например, «сменовеховцы» из буржуазии рассуждают: «Большевики придут к обычному буржуазному государству, и мы (сменовеховцы) должны их поддерживать; история идет разными путями». И эти слова — действительно классовая правда, указывающая на ту опасность,

которая пред нами стоит (XVIII, 2, стр. 41). Этот «правый уклон» играл и играет значительную роль.

Второе предупреждение его относится к вере в вечность Советской власти: «Сейчас, проходя ваш зал, я встретил плакат с надписью: «Царству рабочих и крестьян не будет конца». И когда я прочитал этот странный плакат, который, правда, висел не на обычном месте, а стоял в углу, — может быть, кто-нибудь догадался, что плакат неудачен, и отодвинул его, — когда я прочитал этот странный плакат, я подумал: а ведь вот относительно каких азбучных и основных вещей существуют у нас недоразумения и неправильное понимание. В самом деле, ежели бы царству рабочих и крестьян не было конца, то это означало бы, что никогда не будет социализма, ибо социализм означает уничтожение классов, а пока остаются рабочие и крестьяне, до тех пор остаются разные классы, и, следовательно, не может быть полного социализма» (XVIII, 1, стр. 173).

Но не надо представлять себе, что этот последний период существования государства есть мирная идиллия. Нет, «это есть отчаянная, бешеная, если не последняя, то близкая к тому, борьба не на живот, а на смерть между капитализмом и коммунизмом» (XVIII, II, 42).

В. ФЕДЕРАЦИИ, ИЛИ СОЮЗЫ ГОСУДАРСТВ, И СОЮЗНЫЕ ГОСУДАРСТВА[1]

Вопрос об объединениях государств является вопросом, сравнительно новым в науке государственного права. И не удивительно, что и по этому вопросу «не имеется общепринятой теории союзного государства и даже нет господствующего взгляда» (проф. Жилин). Но как раз на нем мы должны остановиться, ибо это в значительной степени вопрос международного права, имеющий чисто практическое значение и для Советской России в ее сношениях с буржуазными государствами.

СССР имеет в своем составе 6 независимых союзных и несколько десятков автономных республик и автономных областей (мы их рассмотрим подробнее ниже), и условия связи их с РСФСР весьма различны. Нелегко к ним применять терминологию и теории буржуазной науки государственного права. Проф. Корф в своей работе об «автономных колониях Великобритании» (1914 г.) тщетно пытался найти удовлетворительное юридическое решение относительно этих, не менее сложных отношений чисто буржуазного мира.

Мне кажется, основная ошибка буржуазных ученых в данном случае в том и заключалась, что они искали решения теории

---

[1] См. Г. С. Гурвич, «Принципы автономизма и федерализма в сов. системе», М. 1924.

объединения государств только в юриспруденции, в праве, с прибавлением туда еще разве немного политики. А между тем политика, как буржуазная наука, совсем еще не существует и рассматривается лишь как «искусство». А право, применительно к междугосударственным отношениям, пока в значительной степени относится к области фикций или, если хотите, к социологии. Но есть точка зрения, при помощи которой мы можем внести некоторый свет в сущность и характер этих отношений: это — политическая экономия или экономическая политика.

Я уже сказал, что первоначальные взаимоотношения людей сводились к отношениям общины к общине, рода к роду и т. д., и что на этой ступени развития эти отношения имели характер как бы отношений международных. Эти отношения соответствовали тогдашнему состоянию экономического развития. Следующим характерным типом междугосударственных сношений или длительных объединений было более или менее тесное сближение феодальных ячеек, волостных государств, сначала между собою, а затем, или же сразу, под верховною властью высшего феодала (сюзерена) вроде вассальского государства или *государства государств*. Наконец, мы имеем пред собой целый ряд образовавшихся в буржуазном мире объединений государств: альянсов, антант, союзов государств и союзных государств.

Буржуазный ученый, даже наиболее современный, берет эти различные виды государственных объединений всех исторических и даже доисторических эпох и ищет в них общих признаков, пытается свести их всех к единой абстрактной формуле, [1] совершенно так же, как мы это видим на примере социологов относительно абстрактного понятия общества вообще. Такая работа бесплодна и ничего дать не может, кроме более или менее удачных, остроумных, даже блестящих формул без всякого реального содержания.

Если мы могли рассматривать государство с точки зрения класса, классового интереса и классового господства, то к взаимоотношениям государств, пока классовая борьба не приняла определенно международного характера, эта мерка не подходит.

Мы, конечно, не должны забывать, что в основе образования класса лежит хозяйство, роль в производстве, распределение элементов производства. Следовательно, экономика сама должна указать и путь для верной оценки и классификации взаимоотношений государств.

Это правда, но не *вся* правда. Экономический элемент в образовании государств и объединений государств, а равно и форма *объединений* имеет громадное значение. Он раз-

[1] См., напр., определение Г. *Еллинека*: «Под государственным объединением, в широком значении этого слова, следует понимать всякое, основанное *на правовом титуле, длящееся отношение* между двумя или несколькими государствами» («Общее учение о государстве», стр. 506).

деляет все человечество на классы и образовывает солидарность интересов, не связывающих себя границами государств. Но в государственных взаимоотношениях существенную роль играет еще и другой, разъединяющий элемент: национальные различия. Но и одного подчеркивания национального момента мало; надо к нему подходить диалектически, а не вне времени и пространства, конкретно, а не чисто абстрактно. В этом отношении почти в одинаковой степени, хотя и в различной плоскости, ошибались как буржуазные ученые, так и социалисты и даже такие видные марксисты, как Роза Люксембург. Резкое исключение представляет собою лишь один Ленин. Две тенденции: экономический, а значит и классовый, централизм и национальный децентрализм являются тем реальным противоречием, которое тут подлежит разрешению.

Нация является исторически сложившимся социальным единством людей, основанным на общности языка, территории, экономических, культурных и прочих исторических особенностей, причем объединяющим по отношению к данной и разъединяющим по отношению ко всем остальным нациям моментом надо признать главным образом язык. Класс, напротив, как мы уже видели, является расслоением нации по экономическому признаку, а именно — по распределению средств производства с тенденциею к объединению своих членов, за пределы нации и государства, в международном общении, основанном на сознании общего классового интереса. Национальный интерес объединяет, так сказать, вертикально, по территории, классовый — горизонтально, независимо от данной территории. Таков же процесс, только, наоборот, разъединения.

Национальные противоречия приводят к национальным войнам; классовые противоречия — к классовой борьбе и гражданской войне. Ни тех, ни других противоречий и войн буржуазное общество устранить не в состоянии, почему вера в длительное мирное сотрудничество наций или классов в буржуазном обществе является результатом наивных иллюзий или злостного обмана.

Мы уже видели, что образование понятия нации в нынешнем смысле слова есть дело буржуазной революции. До того национального единства не было; даже языка единого не было, ибо господствующие классы обыкновенно пользовались иным языком, чем угнетенные массы (ср. духовенство — латынь или древнеславянский язык; дворянство — французский и т. д.). У простолюдина были наречия (волостные, областные), а не было единого, литературного языка, как связи культурной, ибо не было и самой культуры. Буржуазная революция выдвинула лозунг национального объединения, и мы знаем, что моменты нации и отечества, начиная с начала XIX сто-

летия, играли в Европе громадную, преобладающую роль.

«Когда буржуазия боролась за свободу вместе с народом, вместе с трудящимися, она отстаивала полную свободу и полное равноправие наций. Передовые страны, Швейцария, Бельгия, Норвегия и др., дают нам образец того, как мирно уживаются вместе или мирно отделяются друг от друга свободные нации при действительном демократическом строе» (Ленин, XIX, стр. 28).

«Для первой эпохи (капитализма) типично пробуждение национальных движений, вовлечение в них крестьянства, как наиболее многочисленного и наиболее «тяжелого на подъем» слоя населения, в связи с борьбою за политическую свободу вообще и за права национальностей — в частности» (там же, стр. 102 — 103).

Это движение, естественно, приняло определенную идеологическую форму: форму национализма.

В чем заключается национализм вообще? В том, что члены одной нации подчеркивают свое национальное единство и свои национальные особенности по отношению к другой нации или к другим нациям. На деле он проявляется внутри нации в затушевании классовых противоречий и классовой борьбы в целях или под предлогом национальной борьбы против другой нации или других наций. Так, напр., царская Россия натравливала все классы господствующей национальности против своих национальных меньшинств; во время войны воюющие нации всякими способами призывали все свои классы к вражде против неприятеля и т. д. А во взаимоотношениях национальных государств оно ведет к империализму, к стремлениям к аннексии, к превращению в колонии, денационализации прочих наций.

В вопросе о формах государств и их объединений эти различные тенденции играют различную роль, смотря по ступени, периоду развития. Объединение, стремление к единству и единому национальному государству, имело прогрессивный характер в период освободительных войн и движений. Оно приняло совсем иной характер с наступлением периода империализма.

«Принцип национальности исторически неизбежен в буржуазном обществе, и, считаясь с этим обществом, марксист вполне признает историческую законность национальных движений... Образование национальных государств, наиболее удовлетворяющих... требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения. Самые глубокие экономические факторы толкают к этому, а для всей западной Европы — более того: для всего цивилизованного мира — типичным, нормальным для капиталистического периода является поэтому национальное государство» (Ленин, XIX, стр. 52 и 98).

«Империалистическая эпоха превратила все великие державы в угнетателей ряда наций» (XIX, стр. 216).

Для буржуазных ученых по государственному праву национального вопроса не существует. И самое характерное, что так наз. школа нормативистов (Кельсен и др.), по своему происхождению и характеру довоенная австрийская, всякие такие соображения, как национальность, экономика и т. д., объявляет «метаюридическими», т. е. лежащими вне сферы права, а значит и государства. Это — политика птицы-страуса.

Соответственно этому, с.-д. Бауер, с своей стороны, и свою знаменитую теорию разрешения национального вопроса ставил вне государственных соображений, по крайней мере, экстерриториально. В результате — шовинизм в социал-демократии, а все государственное объединение наций Австрии разлетелось вдребезги.

Ленин, напротив, еще до войны определенно выступил за национальное самоопределение, как права государственного отделения угнетенных наций и за свободный союз национальных самоопределившихся государственных единиц. Но Ленин всегда мыслил диалектически: для него «федерация является переходной формою к полному единству трудящихся наций» (XVII, стр. 213).

Значит, два основных момента решают форму всякого объединения государств: экономический и национальный. Первый из них централизующий, второй — центробежный, децентрализующий. Я уже указал, что буржуазия не в состоянии разрешить этого вопроса: ее федерации, напротив, либо первый шаг к полному порабощению, либо шаг к полному отделению.

После всего сказанного вполне понятно, что буржуазнее юридические учения о государственных объединениях и их формах теоретически представляют мало ценности.

Но мы для практических целей должны, хотя бы вкратце, ознакомиться и с буржуазною теориею о союзах государств и союзных государствах, ибо при заключении любого мирного или иного соглашения с буржуазным государством мы должны говорить на понятном для них языке и дать практический и реальный ответ о характере нашей Республики и ее составных частей, с точки зрения буржуазной. Является ли наша федерация союзом государств или союзным государством, это — вопрос, имеющий значение чисто практическое и для нас.

Теоретически объединение современных государств должно объясняться, главным образом, из экономических условий. Если мы, напр., знаем, что феодальное государство характеризуется данью, в самом широком смысле слова, то то же самое мы можем сказать и про объединения вассальных государств. Дань, это — основа «государства государств» в начале его существования. Если же буржуаз-

ное государство характеризуют капиталистическая прибыль и ее охрана, то ясно, что и объединения государств этой эпохи должны иметь тот же отпечаток, т. е. стремление ко все более широким, централизованным объединениям.

Империализм, как последняя стадия капитализма, характеризуется стремлением к вовлечению в сферу своего влияния, а в конце концов, и к полному завоеванию всего или, по крайней мере, части всего мира. Эта цель осуществляется в союзном колониальном государстве в виде фиктивной самостоятельности на словах, а порабощения — на деле. Такова цель империалистически-финансового капитала и его государства. Остатки дворянско-феодального строя, напротив, тянут назад к союзу самостоятельных государств. Так, в Германии ход развития государственной власти, по направлению от дворянско-юнкерского к чисто буржуазно-капиталистическому режиму и наоборот, заставил еще до войны такие научные светила государственного права, как Еллинека и Лабанда, коренным образом менять свой научный взгляд на государственную сущность Германского союза. «И логика подчиняется интересу», говорил еще проф. Иеринг, в данном случае, конечно, интересу классовому.

Но нигде, как в вопросах права и государства, не играют такой роли пережитки, традиции, наконец, привходящие элементы, смысл которых для нас не всегда ясен. А прежде всего вопрос национальный. Наша теория занимается всеми этими моментами, буржуазные юристы их игнорируют, как «иррелевантные» — безразличные для права.

Возьмем для освещения буржуазной теории объединений государств такой авторитет, как проф. Еллинек, им и ограничиваясь. Еллинек группирует все государственные объединения, какие только известны в истории и современности, в группы. Он оставляет в стороне всякие временные, договорные соглашения, как альянсы и т. д., и подробнее останавливается на разных длительных объединениях государственно-правового характера. Он различает:

1. Основанную на международно-правовых отношениях зависимость одного государства от другого (протекторат-покровительство).

2. Государство сюзеренное и вассальное, остаток феодального государственного строя (государство государств).

3. Монархические соединения государств:

а) личную унию — непреднамеренное или случайное единство монарха, — это Еллинек считает мнимым объединением;

б) реальную унию — преднамеренный, т. е. основанный на соглашении, длительный союз двух или нескольких государств, имеющих общего монарха. После распадения австро-венгерской унии эта форма принадлежит истории.

4. Союз государств-конфедерацию и

5. Союзное государство.

В сущности только, различием между этими последними формами объединения занимаются как Еллинек, так и все прочие ученые, останавливающиеся на вопросе об объединениях современных государств.

Союз государств, по определению Еллинека, постоянное, основанное на соглашении соединение двух или нескольких независимых государств с целью внешней защиты союзников и охраны внутреннего порядка между союзными государствами. Тут нет единой суверенной власти, а суверенитет принадлежит каждому отдельному государству союза. В действительности такого объединения государств сейчас не существует.

Союзное государство, «это — государство, в котором единая центральная суверенная государственная власть распределяет функции своего властвования таким образом, что она сама осуществляет непосредственно лишь известную часть их, а остальную часть как в отношении установления норм, их определяющих, так и в отношении проведения в жизнь этих норм, передает в самостоятельное, бесконтрольное заведывание несуверенным государствам — членам союза, создаваемым союзной конституциею и обязанным действовать с соблюдением пределов, установленных этой конституциею». Три основных начала служат признаком союзного государства по этому определению Еллинека: 1) суверенная центральная власть; 2) непосредственное подчинение всего населения этой власти в известных, определенных конституцией, пределах и 3) существование союзных государств — членов союза. Безразлична форма союзного государства, распределение задач между союзом и членами и даже сама союзная власть, напр., вопрос об участии в ней отдельных союзных государств. Это участие может быть равное или неравное, его может и вовсе не быть. Основою союзного государства является конституция, как закон, а то, что оно возникло на основании договора, не имеет значения для его юридической оценки.

«Как во время революции, когда прежняя власть уничтожается, — говорит Еллинек, — новое государственное устройство вырабатывается особым временным правительством или Учредительным собранием, так и в образовании союзного государства эту роль играет выработанная союзная конституция, а не предыдущие ей акты. Это — акт народный, национальный: народ чувствует себя единым и стремится к созданию единой политической формы жизни».

Для всякого ясно, что Еллинек тут дает определение германского союза. Оттуда взяты: равное и неравное участие в союзном правительстве, отсутствие суверенитета у составных частей союза и т. п.

Для всякого, далее, ясно, что германская республика (импе-

рия),[1] как централизованное капиталистическое государство, — безусловно имеет суверенную государственную власть. Значит, перед нами унитарное, единое государство. Но как этот факт соединить с фактом существования отдельных государств со своими «государями», а ныне президентами, парламентами и т. д.? С одной стороны, рейхстаг, выбираемый на основании прямого избирательного права всем населением республики, а рядом — союзный совет, как федеративная власть, только с весьма неравным представительством. Проф. Лаванд так и заявляет, что «в Германии союзный строй построен из двух этажей». И на типе этого ненормального государства переходного периода хотели строить общечеловеческую теорию, что является явным абсурдом, ибо, если конституция, а не договор определяет соотношения государств, если союзное законодательство само определяет, что́ подлежит ведению союзного правительства (так наз. Kompetenz-Kompetenz — право определить свою компетенцию, подведомственность), то чем отличается союзное государство от обыкновенного государства? Чем союзное государство отличается от других союзов вообще? Встречаются ученые, отрицающие вообще это различие. Другие доказывают, что в одном случае права членов союза, это — собственные права, тогда как в провинции, самоуправлении — эта власть только делегирована центром, т. е. право чужое. Сам Еллинек должен признать, что положение привилегированных провинций похоже на положение небольшого государства. Но вполне резонно спрашивает Корф (в цит. выше работе): «Можно ли утверждать, что Аппенцель-иннер-Роден (кантон в Швейцарии) или какая-нибудь Оклагама (Сев. Америка) — государства, а Канада и Австралия (и, прибавим, ныне Ирландия и т. д.), — провинции? Градации между провинциею и самостоятельным государством в наши дни имеют десятки ступеней».

Остается признать, что всякие союзы являются только переходною стадиею к единому государству, или, наоборот, к полному «отделению», т. е. самостоятельному государству (ср. английские так наз. доминионы, как-то: Австралию, Канаду, Ирландию и т. д.), и что приближение к этому состоянию — вопрос лишь количества, а не качества. А что определяет приближение к этой цели или удаление от нее (напр., отделение)? Политическая экономия. Если мы видели, что государство является гранью для той системы общественных отношений, которую мы называем правом, то эти общественные отношения, расширение или сужение их системы, определяют и судьбу подобного рода сближения, и самый характер государственных объединений. Но мы же знаем, что для класса угнетателей, напр., капиталистов, решающую роль в экономике

[1] Германия не называется республикою, а сохранила прежнее обозначение «Reich», которое прежде переводилось словом «Империя».

играет интерес прибыли, эксплоатации, что и на прочие нации они смотрят лишь с этой точки зрения, почему в капиталистическом обществе и нации делятся на «угнетающие и угнетенные», т. е. господствующий класс угнетающей нации сверх своей отечественной прибыли получает еще того или иного рода дань с угнетенной нации. Поэтому всякие разговоры о «самоопределении» — ложь и лицемерие. Конституция СССР в своей декларации так и поясняет: «Попытки капиталистического мира... разрешить вопрос о национальности путем совмещения свободного развития народов с системою эксплоатации человека человеком оказались бесплодными». «Там — национальная вражда и неравенство, колониальное рабство и шовинизм, национальное угнетение и погромы, империалистические зверства и войны».

С победою пролетариата условия сожительства народов, взаимоотношений государств меняются. Конечно, не в духе того наивного или лицемерного «марксизма», который сразу объявляет национальный вопрос несуществующим. [1]

Вполне естественно, что и мы, рассматривая вопрос о федерации, исходим из того фактического материала, какой представляет нам наша (российская) действительность. Наследство от старого режима ничего, кроме вражды, к централизованной «русской» власти со стороны миллионов «инородцев» не представляло. Как известно, эту политику продолжали и временные правительства Милюкова, Керенского и др. Только Ленин выступил со своею программою права на самоопределение и протеста против всяких аннексий. Уже III съезд Советов утвердил резолюцию о федерации: «Российская Советская Республика утверждается на основе добровольного Союза России, как федерация советских республик этих народов». Декларация определенно подтвердила право самоопределения как право на отделение. На Ленина и большевиков посыпались упреки в том, что они разбили «великую Империю». А между тем, «только благодаря политике Ленина мог создаться в 1922 — 1923 гг. Союз Социалистических Советских Республик, как действительная форма мирного сотрудничества народов». «Здесь, в лагере социализма — взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство, мирное сожительство и братское сотрудничество народов».

---

[1] Характерны, например, пышные слова известного социал-предателя Криспина на Лейпцигском съезде независимых с.-д. в конце 1921 года: «Капитализм разделил (?) людей на нации и нации на классы. Народы отделены друг от друга политическими границами, соответствующими капиталистической идеологии национализма . . . Мы не знаем немецкого отечества, наше отечество — весь земной шар («Die Erde» и только!), пролетариат (пролетариат — отечество?)». А тот же Криспин ныне, через 8 лет, является в лагере с.-д. патриотом германской буржуазной республики.

Декларация о СССР 1923 г. откровенно поясняет, в чем основа этого союза: во-первых, в невозможности при раздельном существовании республик построить социалистическое хозяйство и, во-вторых, в необходимости совместной и строго согласованной организации внешней обороны и вообще единства внешних отношений. Соответственно этому создается и центральное правительство, суверенное во внешних отношениях и в народном хозяйстве с оставлением в остальном суверенитета за союзными частями. Более тесными является единство союзных республик, по отношению к составным частям РСФСР, напр., автономным республикам. Сам Союз называет себя «Союзом Республик», а в то же время поясняет, что он представляет собою «союзное государство». Как будто авторы нарочно хотели подразнить буржуазных ученых с их формально правовыми теориями. Но мы не связаны буржуазною фразеологиею и смело, самостоятельно строим свой союз.

Особенно смущает буржуазных ученых еще одна статья конституции нашего Союза и текст декларации о том, что членам Союза предоставляется свободное право выхода из союза.

Когда-то и буржуазные ученые (напр., Еллинек) высказывали предположение, что в союзе государств, каковым они в свое время признавали Германию, отдельные части могут и разорвать союз. Но эти сомнения германских ученых Бисмарк в своих мемуарах рассеивает следующими ироническими словами: «Положение, что никто не может принять на себя обязательства свыше сил, не может быть отменено никаким договором, точно также нельзя установить договором ту меру серьезности (Ernst) и умения, с которой договор будет исполнен, как только собственный интерес исполняющего перестанет соответствовать писанному тексту и его прежнему толкованию». Значит, для буржуазии вопрос не в праве, а в силе. В капиталистическом обществе в основе каждого союза лежит классовая сила, и только в пролетарском союзе может существовать единство по добровольному самоопределению трудящихся масс.

Но менее всего как раз в пролетарском союзе право на самоопределение, т. е. отделение, совпадает с пропагандою отделения. Ленин это определенно формулировал словами:

«Вопрос о праве наций на самоопределение... непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации. Этот последний вопрос (революционная) с.-д. партия должна решить в каждом отдельном случае самостоятельно с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм» (XIX, стр. 37).

Социалистический Союз национальных государств есть един-

*

ственный способ разрешить, изжить национальный вопрос.

Пролетарский принцип заключается в централизации, и Ленин выражает это по отношению к истинно-пролетарской партии словами:

«Это отнюдь не означает, что РКП должна, в свою очередь, сорганизоваться на основе федерации самостоятельных коммунистических партий. . . Необходимо существование единой централизованной Комм. партии с единым ЦК». «Партии, принадлежащие к Комм. Интернационалу, должны быть построены по принципу демократического централизма», а программа Коминтерн (1928 г.) окончательно закрепила за Коминтерном значение единой мировой, международной Коммунистической партии.

Напротив, крестьянство пока представляет децентрализующий элемент. Так называемые культурные задачи по союзной конституции остаются целиком на разрешение автономных и союзных национальных республик. В этом факте отражаются особые и исключительные условия переходного периода советской власти: двухклассовое общество пролетариата и крестьянства.

В то время как в пролетариате классовый интерес играет роль централизующую, выходящую даже за пределы государственных границ, крестьянство играет децентрализующую роль, в нем нет и экономически централистических тенденций. Вот почему для него борьба за культуру одновременно означает борьбу за развитие языка и вообще национальных культурных особенностей (см. подробнее ниже). Лишь превращение и крестьянина в работника, т. е. уничтожение классовых различий между классами рабочих и крестьян, совпадает с изжитием взаимной национальной отчужденности между нациями, ибо тогда разовьется единый интерес трудовой солидарности вместо прежнего классового интереса.

Не забудем слов Ленина, сказанных еще в 1920 году:

«Признавая федерацию переходной формой к полному единству, необходимо стремиться к более и более тесному федеративному строю, имея в виду, во-первых, невозможность отстоять существование советских республик, окруженных несравненно более могущественными в военном отношении империалистскими державами всего мира, без теснейшего союза советских республик; во-вторых, необходимость тесного экономического союза советских республик, без чего неосуществимо восстановление разрушенных империализмом производительных сил и обеспечение благосостояния трудящихся; в-третьих, тенденцию к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства, как целого, каковая тенденция вполне явственно обнаружена уже при капитализме и без-

условно подлежит дальнейшему развитию и полному завершению при социализме» (XIX, стр. 238).

А по отношению к буржуазным государствам наши слова и определения будут иметь значение не в зависимости от той или иной теории, а от фактической нашей силы.

То было признаком слабости советской власти, когда отдельные государства, напр., Украина, должны были против своего желания выступать как суверенные государства, или когда Англия признавала Мурманск, Архангельск или Баку «независимыми государствами», имеющими «суверенное» право продать себя в рабство. Напротив, то было безусловным признаком мощи, когда РСФСР послала единую делегацию от всей федерации (включая и Украину и так далее) в Геную, а вслед за тем, невзирая на неудачу переговоров, получала одно признание «de jure» за другим.

III. КОНСТИТУЦИИ И ДЕКЛАРАЦИИ

А. БУРЖУАЗНАЯ И СОВЕТСКАЯ КОНСТИТУЦИИ

«Я начинаю свою лекцию вопросом: что такое конституция? Каждый человек в нынешние времена с утра до вечера говорит о конституции. Во всех газетах, во всех ресторанах, во всех гостиных без передышки говорят о конституции. И все-таки, если я серьезно поставлю вопрос: «что такое конституция?», то я боюсь, что из числа произносящих это слово лишь немногие будут в состоянии дать удовлетворительный ответ».

Эти слова Ф. Лассаля относятся к очень отдаленному прошлому, к 1862 г. С тех пор прошло немало революций и возникло много конституций, но вопрос для буржуазной науки [1] остается все еще нерешенным. Как известно, Лассаль ответил, что действительная конституция, это — реальное соотношение сил в государстве, и противопоставил эту неписанную конституцию конституциям писанным.

Мы уже видели, как буржуазная революция умов от господствующего между людьми взаимоотношения договора товарообмена пришла к идее политического равенства и к мысли об основном общественном договоре; как от соответствующего договорному обороту (commerce) права-закона она дошла до мысли об основном законе, законе законов — конституции. Но в чем суть этой конституции, этот вопрос для них яснее не стал, ибо если так называемый «общественный договор» не реальный договор, а является одним лишь воображением, то чем от него отличается основной закон и в чем он заключается? Почему вообще мог возникнуть разговор о писанной и неписанной конституциях? И в чем разница между основными законами царского режима и конституцией, за произношение одного названия которой люди когда-то, в царские времена, попадали в ссылку и заточение?

Что в вопросе о конституции именно ее письменная форма указывала на нее как на результат

[1] Практики в лице фашистов (Муссолини и др.) давно уже «плюнули» на свои конституции.

борьбы, это сознают и буржуазные ученые. Так, проф. Еллинек по этому поводу говорит: «Идея писанной конституции основана на возникающем только в дуалистических государствах представлении о письменном закреплении прав одной стороны другой; она является своего рода мирным договором, которому предшествовала продолжительная борьба. Правда, эти исторические условия возникновения письменных конституций в настоящее время уже не сознаются в каждом отдельном случае». Но Еллинек и его коллеги видят тут только «борьбу между монархом и народом», они не замечают борьбы классовой. Ведь, противоречие это остается и там, где нет монарха, т. е. в республике. Они беспомощно останавливаются пред антагонизмом писанной и неписанной или реальной конституции и либо отрицают таковое противоречие, либо усматривают в нем лишь случайное явление, в то время как это противоречие является самым характерным явлением всего буржуазного общества.

В виду этого наиболее добросовестные представители буржуазной науки ограничиваются простым кратким изложением содержания конституций по создавшемуся трафарету. Так, проф. Градовский, знаменитость восьмидесятых годов прошлого столетия, пишет: «В демократии конституционной отличительным признаком являются способ и форма осуществления принадлежащих народу верховных прав», а в конституционной монархии— «те условия, в которых действует государственная власть (народное представительство совместно с монархом), определяют существо конституционализма». А дальше он уже основное отличие усматривает в самоограничении государственной власти, что очень плохо вяжется с описанною им же реальною борьбою, закончившеюся принудительным договором, т. е. конституциею, установившею роль того и другого класса в государственной власти.

Оригинальное, не лишенное основания определение конституции дал президент С.-Амер. Соед. Штатов Тафт в послании своем 1911 г.: «Это совокупность политических гарантий против численного большинства нации».

Англия считается первоисточником для нового типа буржуазной демократии, которая путем рецепции перешла в остальную Европу. В Англии нет вовсе писанной конституции, и известны слова Пальмерстона в ответ ссылающимся на английскую конституцию: «Я готов дать хорошую награду тому, кто принесет мне экземпляр английской конституции». Но это не спасает и Англии от того же лицемерия. Так, англичане (напр., Блекстон— комментатор конституции 1765 г.) охотно ссылается на сильную власть, которая, как в Англии, должна быть концентрирована в личности короля. А ему отвечает Дайси («Основы госуд. права», 1907 г.): в этой характеристике «есть только один недостаток: все, что в ней говорится, прямо противоположно истине. Исполнительная власть в Англии находится в дей-

ствительности в руках учреждения, называемого кабинетом, а лицо, держащее эту власть, это — первый министр».

Тот же комментатор Блекстон говорит о всемогуществе, о деспотической власти парламента, а прочтите, что пишет про этот старый парламент Ф. Энгельс в 1844 г. («Schriften der Frühzeit», стр. 285 и сл.): «В действительности нижняя палата делает законы и управляет страною через министров, составляющих лишь ее комиссию. . ., но старая нижняя палата была не что иное, как закрытая, независимая от народа средневековая корпорация, которая. . . сама, в 1794 г. в лице своего комитета, отрицала, что она является представительным собранием и Англия — представительным государством». Энгельс там же описывает, как лорды назначали представителей от деревни в парламент или подкупом получали представительство от городов.

Но если и здесь, в стране неписанной конституции, существует такое разноречие между воображаемой и реальной конституциею, то писанная конституция в прочих буржуазных государствах, это — клочок бумаги и ничего больше. И как бы ни изменялась реальная конституция, писанная конституция там остается неизменною.

«Божьею ли милостью» (монарх), или «волею народа» (республика), или вместе то и другое (конституционная монархия) — властвует господствующий класс над эксплоатируемыми массами.

Лассаль был плохим учеником Маркса, хотя ему нельзя отказать в революционной смелости мысли. Он не усвоил себе от Маркса, о каких реальных силах он говорит, иначе он должен был бы сказать: «о реальном соотношении сил общественных классов». С этой поправкой получается и для конституции вполне реальный смысл.

Если мы определили государство вообще как классовую организацию общества или организацию власти господствующего класса, то государство конституционное является особою, высоко развитою организациею господствующего класса. Так, например, в феодальном строе класс (или сословие) дворян господствовал фактически, реально, но он не имел никакой конституции, и даже в революционные времена Англии Кромвелю при всем его горячем желании так и не удалось провести писанной конституции. Король исполнял желания господствующего сословия или господствующих сословий, под видом которых тогда скрывались классы имущих, но еще не было конституции. Что это означает? Это означает, что участие класса в господстве было слабо организованным. Конституция появляется там, где это участие в господстве того или иного класса сознательно-организованно, или так, как об организации в собственном смысле слова можно говорить только при организованности сознательной, то конституция есть выражение способа и формы организованного участия

господствующего класса в господстве, т. е. в государственной власти. Мы тогда поймем, почему,— хотя и при самодержавии царя в России или при абсолютизме в Западной Европе участвовали в господстве монарха имущие классы, — там не было конституции. Это участие не имело еще организованной формы. Конституция, как результат классовой борьбы, это — организация участия господствующего класса во власти. А высший тип развития такой организации в буржуазном обществе, это — парламентарная республика, организация чистого господства буржуазии, — «чистая демократия».

Исторически дело обыкновенно происходило так, что писанные конституции возникали вследствие уступок царя или короля перед революционным народом. Но прошли революции, цари и короли одну уступку за другой брали назад, не изменяя писанного основного закона. Или ставшая у власти буржуазия — бессознательно или сознательно-лицемерно — обнародовывала в пышных словах конституцию, обеспечивающую всем гражданам свободу, равенство и братство, но тут же на деле всякими ограничениями отменяла все свободы, отнюдь не изменяя самого текста конституции. И, наоборот, бывало нередко, что тот или иной класс в действительности имел гораздо больше влияния на дела государственные, чем это было изложено в конституции.

Итак, суть конституции заключается в том, что она не только определяет организацию и характер государственной власти и соответственно тому и вольности граждан в данном государстве; она накладывает свою печать и на весь государственный строй, на все прочие законы вообще.[1] В ней излагаются форма правления данной страны (монархия или республика) и характер классового господства (буржуазная или мелкобуржуазная демократия, аристократия или, наконец, диктатура пролетариата), но только в том случае, если конституция все это отображает верно. В буржуазной конституции этого, как мы видели, принципиально нет.

Незыблемость конституции, как основного закона, «закона, поставленного над всеми факторами власти... в области законодательства, суда и управления» (Градовский), это — догма буржуазного политического мира. «Существенный правовой признак конституционных законов заключается исключительно в их квалифицированных формах законной силы» (Лабанд). Выражаясь более современно, — в незыблемости завоеваний (буржуазной, разумеется) революции. Поэтому запрещается пере-

---

[1] См. определение конституции у т. Гурвича («Энциклопедия права», II, 503): «Конституция — основной закон, согласно которому должна организоваться государственная власть и должны определяться порядок и форма участия населения в законодательстве и управлении».

смотр конституции [1] или обставляется особыми затруднениями (особое учредительное собрание, $^3/_4$ или $^2/_3$ голосов, неоднократное голосование, в Швейцарии — даже референдум). «Тщетная предосторожность», ибо в Италии, Болгарии, Польше и т. д. господствует фашизм при прежней же демократической конституции! И напрасно возводятся письменные укрепления против всемирной революции. Надо сказать, что сама буржуазная наука, да и практика постепенно отходят от строгого принципа незыблемости и приравнивает пересмотр «основного закона» — пересмотру законов вообще. Даже умеренный буржуазный ученый Еллинек о таких политических гарантиях говорит: «Против потока мировой истории нельзя создать прочных плотин; он снесет бесследно такое создание рук человеческих. Политические гарантии — в реальном соотношении сил организованных государственных факторов» (стр. 583). Но что же здесь разумеется под «организованными факторами»? Те же король и народ (т. е. парламент), а не класс.

До сих пор нигде в буржуазном мире не достигнута, по силе революционности, французская конституция 1793 года, единственный недостаток которой заключался в том, что она никогда не была приведена в исполнение, в виду победы контр-революции. И эта конституция с воодушевлением революционного подъема была составлена в шесть дней, — ее автор — член пятичленной комиссии Эро де Сешель (Herault de Sechelles), — а принята в Конвенте в 13 дней (с 11 по 24 июня 1793 г.). [2] Это был лозунг демократии, искренно проведенный в жизнь. Она, конечно, не была свободна от излюбленной тогда революционной фразеологии. Она, конечно, оставалась верною буржуазной революции, но без всякого лицемерия. И когда она писала в ст. 120: «Он, т. е. французский народ, дает убежище иностранцам, изгнанным из своего отечества ради дела свободы; он отказывает в этом тиранам», — то это не было только красивым жестом. Конституция 1793 года голосовалась Конвентом во Франции, окруженной со всех сторон неприятелем, и там искренно прозвучал ответ Базира на иронический вопрос: «Разве вы заключили договор с победою?» — «Мы заключили договор со смертью».

Когда для Франции наступил серьезный час внешних угроз, автор этой конституции в заседании 10 августа 1793 г. с полным правом мог произнести горячие слова: «Год тому назад наша

---

[1] По дополнению к конституции III Республики от 14 августа 1884 г., во Франции вопрос об отмене республиканской формы правления не может быть вовсе предметом предложений о пересмотре.

[2] Эта быстрота и решительность в осуществлении назревших задач революции характеризует Конвент лишь после удаления жирондистов. Вначале на решительные шаги Конвент побудила лишь «улица». Так, в первом заседании (21 сентября 1792 г.) Конвент декретирует лишь отмену королевской власти. В вечернем заседании Конвент узнает, что народ на улице кричал: «да здравствует республика», и лишь на другой день, 22 сентября, Конвент декретирует первый год французской республики.

территория была занята чужестранцами; мы объявили республику и оказались победителями. Теперь, когда мы устанавливаем конституцию во Франции, Европа нападает на нас со всех сторон. Поклянемся защищать конституцию до самой смерти. Республика бессмертна». Всем известно, что момент принятия советской конституции в России представлял много общего с тогдашнею Францией. Но первая буржуазная республика во Франции погибла, Российская же Советская Республика существует и здравствует.

Все остальные писанные конституции оказались более прочными и незыблемыми, чем французская. Но эта прочность и незыблемость достигались за счет их реальности. И слова Маркса: «Прусская конституция осталась только клочком бумаги» относятся и ко всем прочим.

И русская буржуазия достигла своей конституции, невзирая на свою трусость, ибо ни одна буржуазия в мире не сделала так мало для своей победы, как она. Она и тут использовала «неоплаченный» революционный «труд» трудящихся, как в 1905 г., так и в 1917 г. Ибо она мечтала о конституции, но только не о революции. «О дайте, дайте мне свободу», иначе — «они» (рабочие) поднимут восстание!

Много говорилось о чрезвычайно быстром ходе российской буржуазной революции в 1917 году. Мы, напротив, отмечаем чрезвычайно медленный и длительный ход буржуазной революции в России, если считать начало ее хотя бы со времени восстания декабристов (1825 г.). Но победа буржуазии была не особенно долговечна, и до настоящей буржуазной конституции она и не дожила. Булыгинскую думу, на которой мирилась буржуазия, «разогнала» революция 1905 года до ее осуществления. Манифест 17 октября 1905 г. «даровал» лишь обещания конституции, отмечая вкратце ее принципы: «Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великою и тяжкою скорбью преисполняют сердце наше... Повелеваем надлежащим властям принять меры... Мы... признали необходимым объединить деятельность высшего правительства. На обязанность правительства возлагаем мы выполнение непреклонной нашей воли:

1. Даровать «населению основы гражданской свободы на началах действительной» неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний, союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности соответственно краткости остающегося до созыва Думы срока, все классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив за сим дальнейшее развитие начал общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

3. Установить, как незыблемое право, чтобы никакой закон

не мог воспринять силу без одобрения Госуд. Думы, и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность д е й с т в и т е л ь н о г о участия в надзоре за закономерностью поставленных от нас властей». . . Подпись: Николай II. [1]

Таковы были обещания. Но «основные законы» и «органические законы» 1906 г. не ввели конституционного строя, и Готский альманах (официозный международный придворный календарь) и впредь характеризовал государственный строй России лишь как «конституционный строй с самодержавным царем во главе». Этот взгляд вскоре усвоил и сам оправившийся от страха царь, разогнал I Думу и совершил переворот.

Февральская революция 1917 г. сразу сделала Россию фактически самым свободным демократическим государством, но Временное правительство, получившее свою власть от Петербургского Совета, начало со лжи, и все его существование было — одна сплошная ложь. Если судить по одному официальному Собранию Узаконений, то получается следующая картина: 2 марта 1917 года в 15 час. в гор. Пскове царь Николай подписал документ, в котором он объявил: «признали М ы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с себя Верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном Нашим, мы передаем наследие Наше Брату нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и т. д. на путь п о б е д ы, благоденствия и славы». А одним днем позже такой же «добровольный» отказ подписал и Михаил в том, что «Он принял твердое решение в том лишь случае воспринять Верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего. . . чрез. . . Учредительное Собрание». «Посему. . . прошу всех граждан. . . подчиниться Временному Правительству, по п о ч и н у Г о с у д. Д у м ы в о з н и к ш е м у и облеченному всею полнотою власти (кем?) впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразит волю народа».

4 августа Временное правительство (уже 3-го состава!) опу-

---

[1] Обращая внимание на одновременное распоряжение о «принятии мер», мы все-таки должны сказать, что сам царь и его советники, повидимому, в этот момент считали «ограниченность монарха» делом окончательно решенным. Просматривая дневник Николая II, мы под 17 октября 1905 г. читаем: «Завтракали с Николашею. Сидели, разговаривали, ожидали приезда Витте. Подписал Манифест в 5 часов. После такого тяжелого дня голова сделалась тяжелою и мысли стали путаться. Господи, помоги, спаси и умири Россию». 18 о к т я б р я: «Сегодня состояние духа улучшилось, так как р е ш е н и е у ж е с о с т о я л о с ь и п е р е ж и т о. Утро было солнечное и радостное, хорошее предзнаменование . . .»

Зато годом позже — 17 октября 1906 г. — мы читаем: «Годовщина дня крушения и мучительных часов прошлого года. С л а в а б о г у, ч т о о н о у ж е п е р е ж и т о. День стоял отличный, солнечный . . .»

бликовало постановление, изменяющее (только!) текст ст. 100 Угол. Уложения, что «виновный в насильственном посягательстве на изменение существующего государственного строя в России... или на смещение органов Верховной в государстве власти и т. д. наказывается каторгою без срока или срочною». Но каков был тогда наш государственный строй? Монархический? В таком случае сам Керенский и Зарудный, подписавшие этот акт — не совсем без вины были в «отречении», т. е. ««смещении», монарха. И только в «Известиях Пет. Исп. Ком.» от 3/IX 1917 г. (а отнюдь не в Собрании Узаконений) мы читаем, в виду мятежа Корнилова, что Временное правительство, «считая нужным положить предел неопределенности государственного строя... объявляет, что государственный порядок, которым управляется Российское Государство, есть порядок республиканский, и провозглашает Российскую Республику». А только в октябре 1917 года (Собран. узак., ст. 1846) была объявлена распущенною Государственная Дума николаевского самодержавного режима. [1] Так пишется первая и последняя Российская «буржуазная» конституция официально.

В действительности в Петербурге с вечера 27-го или, вернее, с утра 28 февраля существовали две власти: Временный комитет членов Государственной Думы номинально, а фактическая власть — Петроградские Советы Рабочих и Солдатских Депутатов — пока отдельно. Но первые два дня эти Советы «царствовали, а не управляли», ибо управлял составившийся на случайном собрании зачатков Совета вечером 27 февраля и упорно не переизбиравшийся Исполнительный Комитет. 1 марта «самоуправно» ворвались в комнату № 41 Таврического Дворца, где заседал Совет Рабочих Депутатов, солдаты и требовали объединенного заседания. В результате этого довольно бурного заседания появилось постановление о дополнении Исполкома солдатскими представителями, о выборе в ночь на 2 марта представителей от всего гарнизона Петрограда и об издании приказа № 1, своего рода декларации «человека с ружьем» (слово Ленина), т. е. солдата. Без этих фактов, при тогдашнем составе Исполкома, он покончил бы соглашательски на «ограниченной монархии», как первой ступени буржуазной конституции, но эти решительные факты спасли революционную Россию от подобного позора, и в результате получилась «конституция», писанная буквально на клочке бумаги рукою члена Петроградского Исполнительного Комитета Стеклова, по соглашению с представителями буржуазии, в два приема за время с 12 часов ночи 1 марта до 3 часов дня

[1] Не лишено интереса, что «республиканец» Керенский и 3-го и в следующие дни марта подписывался: «Член Государственной Думы, министр юстиции, гражданин Керенский». Значит, звание члена царской думы — на первом месте! (Цитирую его приказы из «Русских Ведомостей», от 3-го, 5-го и следующих дней).

2 марта 1917 года. Оригинал этого «клочка бумаги» так и остался в частных руках. В газетах он изложен в следующих словах:

«В своей настоящей деятельности Временное правительство (кабинет) будет руководствоваться следующими основаниями:

1. Нужна немедленная полная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористических покушений, восстаний, аграрных выступлений и т. д.

2. Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политической свободы на военнослужащих в пределах, допускаемых военными и техническими условиями.

3. Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений.

4. Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования Учредительного Собрания, которое установит форму правления и конституцию страны.

5. Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления.

6. Выборы в органы местного самоуправления на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

7. Неразоружение и невывод из Петрограда военных частей, принимавших участие в революционном движении.

8. При сохранении старой военной дисциплины в строю и при несении военной службы устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам».

Россия в этот момент, при нахождении власти в руках вооруженного народа, была самым демократическим государством в мире. Но как определить ее строй? Даже кадетский журнал «Право» от 30 марта 1917 г. спрашивает: «Республика или монархия?» Он делает вывод, что — республика, ибо «еще со времени Маккиавели сущность республики в том и заключается, что она есть немонархия». Но Милюков имел иное «личное мнение» и твердо держался мысли о существовании монархии и о необходимости регентства. И ему уступили примиренческие члены Исполкома, чтобы не предрешить дел Учредительного Собрания. Но в таком случае надо было выкинуть и слово «конституция», ибо неограниченная монархия, если таковая будет проголосована Учредительным Собранием, напр., не знает конституции.

Вдобавок этот документ был снабжен предисловием Врем. Комитета Гос. Думы: «Временный комитет членов Гос. Думы при содействии (!) и при сочувствии (!!) столичных войск и населения достиг в настоящее время такой степени успеха над темными силами (это пишет Родзянко!) старого режима, который позволяет ему приступить к более прочному (!) устройству власти. Для этой цели Врем. Комитет Госуд. Думы назначает министрами первого общественного кабинета следующих лиц, доверие к которым страны обеспечено и в прошлой общественной и политической деятельности». Председателем «Со-

вета» был назначен «князь» Львов, который не считал даже нужным откинуть словечко «князь». И когда Милюков в своей первой министерской речи ссылался на Львова, как на «главу русского земства», и из публики раздался возглас «цензового» (вернее, черносотенного!), то Милюков спокойно возразил: «Вы говорите: цензовая общественность. Да, но общественность организованная, которая потом даст возможность организоваться и другим слоям русской общественности».

Но все-таки без скрепы Петроградского Исполкома эта бумажка была «простым клочком бумаги». Чтобы получить эту скрепу, потребовалось немало усилий и хитрости.

Я дам несколько штрихов для характеристики этого исторического заседания. В комнате 41 с 8 ч. утра 2 марта заседала солдатская секция в 200 — 300 человек. После 12 часов туда же собралось еще столько же членов рабочего Совета, а в комнате было достаточно места лишь для одной из этих двух составных частей, да и то с трудом. Потребовали перевода собрания в зал заседаний Таврического Дворца, но «хозяин» Думы (Родзянко) не разрешил туда перейти, так как там на хорах, мол, находятся арестованные министры. Эта обстановка необходима была для «проведения» — в температуре настоящей русской бани — во что бы то ни стало этой конституции. Я не могу касаться произнесенной (стоя на столе) речи скомороха Керенского, «республиканца», каким он тогда объявил себя. Все-таки конституция едва ли прошла бы гладко, если бы не остроумная дипломатия председателя Чхеидзе о поддержке этого правительства — «постольку, поскольку». Формулировка этого в известной мере решительного «постольку, поскольку» в смягченном в воззвании Исполкома виде гласила так: после нескольких слов для характеристики «новой власти, создавшейся из очень умеренных слоев общества», Исполком продолжает: «и мы полагаем, что в той мере, в какой нарождающаяся власть будет действовать в направлении осуществления этого обязательства и решительной борьбы со старой властью — демократия должна оказывать ей свою поддержку».

Таков был интересный случай рождения буржуазной конституции как соглашения между держащим власть вооруженным трудовым народом и буржуазными дельцами [1] октябристского и кадетского толка. А честные маклера этого соглашения почти 8 месяцев старались окончательно передать власть буржуазии, пока их всех вместе не опрокинула Октябрьская революция... 28 октября (ст. ст.) было опубликовано постановление II Всероссийского Съезда Советов Р. К. и С. Депутатов об образовании Рабоче-Крестьянского Пра-

[1] Характерно в этом отношении то, что уже 10 марта 1917 года Временное правительство успело опубликовать «облегчение» образования акционерных обществ в России, тогда как «выработка» даже безобразного «Положения о местном самоуправлении» потребовала более трех месяцев.

вительства (Собр. Уз. Р. и Кр. Прав., № 1, ст. 1): «Образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного Собрания, временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров. Заведывание отдельными отраслями поручается комиссиям, состав которых должен обеспечить проведение в жизнь провозглашенной Съездом программы, в тесном единении с массовыми организациями рабочих, работниц, матросов, солдат, крестьян и служащих. Правительственная власть принадлежит коллегии председателей этих комиссий, т. е. Совету Народных Комиссаров. Контроль над деятельностью Народных Комиссаров и право смещения их принадлежит Всероссийскому Съезду Советов Р. К. и С. депутатов и его ЦИК (идет перечень состава Сов. Нар. Ком.)». В том же № (ст. 9) опубликована телеграмма Совнаркома «всем губ. и уездным Сов. Раб., Солд. и Крест. Депутатов — о переходе власти к Советам»: «Вся власть отныне принадлежит Советам. Комиссары Врем. Правительства отстраняются. Председатели Советов сносятся непосредственно с Революционным Правительством».

Такова была в немногих словах первая реальная советская конституция после 27 октября 1917 г.

Третий Съезд Советов в январе 1918 г. принял лишь краткую резолюцию о федерации:

«1. Р. С. Р. утверждается на основе добровольного союза народов России, как федерация Советских Республик этих народов.

2. Высшим органом власти в пределах федерации является Всероссийский Съезд Советов Рабочих и Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов, созываемый не реже чем через 3 месяца.

3. Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов избирает Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет. В период между Съездами верховным органом является Всероссийский ЦИК.

4. Правительство федерации, Совет Народных Комиссаров, избирается и смещается в целом и частях Всероссийским Съездом Советов или Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом.

5. Способ участия в федеральном правительстве Советских Республик и отдельных областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, равно как и разграничение сферы деятельности федеральных и областных учреждений Росс. Республики определяются немедленно по образовании областных Советских Республик Всероссийским ЦИК и Центральным Исполкомом (ЦИК) этих республик.

6. Все местные дела решаются исключительно местными Советами, и за высшими Советами признается право регулирования отношений между низшими Советами и решения между ними раз-

ногласий. Центральная Советская власть обязана следить за соблюдением основ федерации и представлять Российскую Федерацию Советов в ее целом. На центральную власть возлагается также проведение мероприятий, осуществимых лишь в общегосударственном масштабе, причем, однако, не должно быть нарушения права отдельных вступивших в федерацию областей.

Разработка этих основных положений конституции Российской Федеративной Республики поручается ЦИК Советов для внесения на следующий Съезд Советов».

Тов. Сталин в своем докладе пояснил, что это лишь общие руководящие положения для комиссии по составлению конституции, после чего резолюция была принята Съездом всеми против 24 голосов, при 3 воздержавшихся.

Четвертый Съезд был экстренно созван лишь для ратификации Брестского мира, почему лишь V Съезд мог приступить к окончательному обсуждению конституции. В комиссии, избранной ВЦИК для выработки проекта, задача была не легка, потому что она не имела перед собою никакого исторического образца. [1]

Как известно, во время V Съезда вспыхнуло неудавшееся восстание (путч) левых эсеров. После подавления восстания Съезд 10 июля 1918 г. одобрил проект конституции, присоединив к ней утвержденную еще III Съездом «Декларацию прав трудящегося и эксплоатируемого народа». Эта декларация и конституция вместе объявлены были «единым основным законом РСФСР», который «должен быть выставлен во всех советских учреждениях на видном месте».

Сверх того, «V Всероссийский Съезд Советов поручает Нар. Ком. Просвещения *ввести во всех* без изъятия *школах* и учебных заведениях Российской Республики изучение основных положений конституции, а равно и их разъяснений и истолкований».

Отличительной чертой этой конституции является ее простота. Это целиком то, что, пользуясь меткими словами Владимира Ильича, было «завоевано и записано». Но как раз в этом и заключается ее сильная сторона, ибо здесь впервые целиком совпадают писаная и неписаная, т. е. реальная конституция. Без всякой лжи и без малейшего лицемерия, Советская конституция не претендует на «незыблемость» отдельных ее частей. Это первый акт конституции пролетарского государства. Отдельные ее части могут быть изменены как Всероссийским Съездом, та и ВЦИК в общем порядке. Конституция переходного времени или периода гражданской войны. Не внутреннее ли это противоречие? — Гибкая форма советской революционной власти разрешает это противоречие.

---

[1] Я здесь опускаю описание работы Комиссии, ибо имеется интересная и подробная работа т. *Гурвича*: «История Советской Конституции», М. 1923 г.

Как Ленин поясняет Советскую Конституцию? «Мы записываем, то, что уже завоевано, мы заносим на бумагу то, что уже было прочно в сознании масс», ибо «прочно только то в революции, что завоевано массами пролетариата; записывать стоит только то, что действительно прочно завоевано» (XVI, стр. 55). «Советская конституция не началась по какому-нибудь «плану», не составлялась в кабинетах, не навязывалась трудящимся юристами из буржуазии. Нет, эта конституция вырастала из хода развития классовой борьбы, по мере созревания классовых противоречий» (XV, стр. 509). «Если Советская конституция может быть предложена, так потому, что вы ее создали, вы во всех концах страны испытали, а мы через полгода после Октябрьской революции, почти через год после I Всероссийского Съезда Советов, могли ее написать» (XV, стр. 373).

Какое громадное значение Ленин придавал исторической записи завоеваний Октябрьской революции, мы видим из его слов от 28 июля 1918 г. «С момента утверждения конституции и проведения ее в жизнь начнется в государственном нашем строительстве более легкий период». И в самом деле, эта конституция не только положила основу первому длительному государству пролетарского типа, — она послужила историческим агитационным средством для трудящихся всего мира. Когда всякие сношения народов Запада с коммунистической заразой были прерваны, официальный документ все-таки проникал в Германию и в другие страны.

Конституция РСФСР 10 июля 1918 г. была целиком принята образовавшимися впоследствии «союзными республиками»: Белоруссией, Закавказской Федерацией (Азербайджаном, Арменией, Грузией), а впоследствии и Узбекистаном и Туркменистаном (Бухарою и Хивою) с небольшими лишь изменениями и перестановками.

Но этим Советская конституция еще не получила полного завершения. Остались рядом с РСФСР союзные республики, хотя и имевшие фактическую связь с РСФСР (участие в Всероссийском Съезде Советов и ВЦИК), но эти отношения не были оформлены. Право на национальное самоопределение, в смысле отделения, в результате свержения угнетательского режима, осуществлялось реально, что выразилось в известной отчужденности означенных республик от РСФСР. Надо было, оставаясь на почве права самоопределения, серьезно подумать о новом с б л и ж е н и и. Это настоятельно диктовали внешние условия.

Первые основные положения союза для всех возникших впоследствии федеративных республик выражены в постановлении ВЦИК от 1 июня 1919 г. То было время натиска на Советскую республику буржуазии в лице вооруженных сил Антанты. Украинский ЦИК в резолюции, принятой на заседании 18 мая 1919 г. постановил о необходимости тесного объединения всех Советских республик. К этой резолюции присоединились Латвия,

Литва, Белоруссия, и соглашение было утверждено в заседании ВЦИК от 1 июня 1919 г. До тех пор между Советскими Республиками не было договоров: тесное единение их предполагалось само собой, т. е. без особых договоров.

«Отпор попытке международного империализма вновь ввергнуть в рабство десятки или миллионы русских, украинских, латышских, литовских, белорусских и крымских рабочих и крестьян требует от них тесного объединения боевых сил, централизации и руководства в тяжелой борьбе на жизнь и смерть. Военный союз всех упомянутых Советских Социалистических Республик должен быть первым ответом на наступление общих врагов. Поэтому, стоя вполне на почве признания независимости, свободы и самоопределения трудящихся масс... (ВЦИК) признает необходимым провести тесное объединение: 1) военной организации и военного командования; 2) Советов Нар. Хозяйства; 3) жел.-дор. управления и хозяйства; 4) финансов и 5) комиссаров труда Советских Социалистических Республик с тем, чтобы руководство по отдельным отраслям народной жизни было сосредоточено в руках единых коллегий». Эта же резолюция предусматривает образование особой комиссии для выработки конкретных норм объединения. Как известно, дальнейшие события прервали эту работу, и лишь 15 февраля 1920 г. мы читаем новое постановление ВЦИК «об образовании новой комиссии по разработке вопросов федеративного устройства, исходя из своеобразной культуры, истории и группировки классов у разных малых национальностей в РСФСР».

Необходимость сближения в единый союз, это стремление Ленина, в осуществлении которого он уже не мог принимать деятельного участия, им было высказано еще в 1919 г.: «Мы должны сказать другим нациям, что мы до конца интернационалисты и стремимся к добровольному союзу рабочих и крестьян всех наций...» «Характернейшая черта III Интернационала сразу проявила себя тем, что новое третье «Международное Общество Рабочих» стало уже теперь совпадать в известной мере с Союзом Советских Социалистических Республик» (XVI, стр. 138 и 182).

А в 1921 г. он горячо приветствовал образование Закавказской Федерации, как первый шаг к реальному общему союзу: «Горячо приветствуя Советские республики Кавказа, я позволю себе выразить надежду, что их тесный союз создаст образец национального мира, невиданного при буржуазии и невозможного при буржуазном строе» (XVIII, 1, стр. 200).

30 декабря 1922 г. на I Объединительном Съезде делегаты рабочих и крестьянских Советов четырех Социалистических Советских Республик, а именно: 1) РСФСР, 2) УССР (Украинской Социал. Советской Республики), 3) БССР (Белорусской Соц. Сов. Республики) и 4) ЗСФСР (Закавказской Соц. Фед. Сов.

Республики, состоящей из трех республик: Азербайджана, Армении и Грузии) утвердили союзный договор об образовании единого Союзного государства — СССР (т. е. Союза Советских Социалистических Республик). Этот Союз является более тесным объединением прежних договорных союзных республик, из которых две: РСФСР и ЗСФСР сами представляют собою федеративные объединения. По постановлению II сессии ЦИК 2-го созыва (1924 г.), в Союз как полноправные союзные республики входят образовавшиеся из Бухары, Хорезма и Туркестана — путем национального размежевания — Узбекская и Туркменская ССР. Новое объединение представляет собою не простой союз республик, а союзную республику с единым правительством во главе и с единым представительством во внешних сношениях.

На основании этого договора II сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза 6 июля 1923 г. приняла Союзную Конституцию, состоящую из декларации и договора. Конституция эта была утверждена II Съездом Советов Союза 31 января 1924 года.

«Союзное государство — Союз Советских Социалистических Республик». Эти слова союзного договора от 30 декабря 1922 года открывают новую эпоху в жизни не только Советской России.

Союзное государство и союз государств — это, по теории буржуазных ученых, два совершенно различных типа объединений государств; здесь мы читаем, что новый «союз республик» является как-раз «союзным государством», т. е. союзною республикою. Но это еще не все. «Союзные республики» построены по национальному принципу, за исключением двух составных частей (РСФСР и ЗСФСР), составляющих уже, в свою очередь, федерацию национальных республик. Союз, таким образом, является социалистическим объединением национальных государств трудящихся. Национальный вопрос впервые получает социалистическое разрешение. В разрешении национального вопроса и заключается основной смысл нового Союза, а то обстоятельство, что здесь идет речь о союзе государств трудящихся, придает всему Союзу его особый, советский характер.

Каково соотношение договора от 30 декабря 1922 г. и Конституции 6 июля 1923 г., утвержденной на II Союзном Съезде Советов? С утверждением конституции договор теряет значение, и его заменяет Конституция. Ныне изменение основных начал Конституции зависит не от нового договора, но от постановления Съезда Советов Союза.

Каково соотношение Конституции СССР от 6 июля 1923 г. и Конституций РСФСР от 10 июля 1918 г. и прочих союзных республик?

Союз Советских Социалистических Республик является объединением РСФСР с пятью равноправными ей Сов. Соц. Республиками: Украинской, Белорусской, Узбекской, Туркменской и Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республикой (последняя состоит из Азербайджана, Армении и Грузии). Эти союзные республики приняли, как мы уже видели, и для себя особые конституции, в основных чертах совершенно сходные с Конституциею РСФСР. Союзный договор от 30 декабря 1922 г. и Союзная Конституция, принятая на основании этого договора 6 июля 1923 г., не повторяют основных начал отдельных конституций, а излагают лишь основы Союза. Таким образом Конституции СССР и РСФСР одна другую дополняют и вместе взятые составляют единое неразрывное целое, единую Советскую Конституцию.

Потребовались в построении Советской власти и ее функций значительные изменения в технической (так сказать) части конституций союзных республик, но существо остается без изменений. Изменения в Конституцию РСФСР внесены на III сессии ВЦИК (11-го созыва) и на XII Всеросс. Съезде Советов 1925 г. Измененный текст Конституции РСФСР впредь будет называться Конституцией 1925 г. Но ожидания наших противников, что отступления к нэпу принесут и отступления политические, не оправдались.

Конституция 1925 г. отбрасывает декларацию 1917 — 1918 гг. как историю, уточняет отношения к трудовому крестьянству, но побежденным классам эксплоататоров, в том числе и крестьянам-кулакам, она политических уступок не дает.

И впредь писаная и неписаная Советская Конституция остается единой: «То, что завоевано, и записано». По принятой VI конгрессом Коммунистического Интернационала программе Советская конституция кладется в основу будущей мировой диктатуры пролетариата.

Б. ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА-ГРАЖДАНИНА И ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ТРУДЯЩЕГОСЯ НАРОДА

В Парижском «Музее Революции» показывают экземпляр «Декларации прав человека и гражданина» в переплете из человеческой кожи. Эта странная идея какого-то французского буржуа революционной эпохи очень метко, однако, характеризует самую суть этой декларации, в пышных словах объявляющей частную собственность буржуазного, т. е. эксплоататорского («сдирающего шкуру с рабочего человека») капиталистического общества священною природою человека-гражданина.

Декларация эта в редакции революционного Конвента ни-

сколько не изменяет своего основного характера. И Конвент стоял на страже частной собственности с неменьшим усердием, чем Национальное Собрание. Недаром он издал декрет, угрожающий смертной казнью за одну пропаганду раздела земли.

Когда составлялась конституция РСФСР, то и у нас возник вопрос о декларации. Был даже набросан проект. Но перед нами была уже «декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа», составленная т. Лениным как ультиматум для Учредительного Собрания, последним отвергнутая, но принятая ВЦИК 16 января 1918 г. и затем II Всероссийским Съездом Советов, еще рядом с декретом о временной конституции. V Съезд Советов постановил присоединить этот исторический акт к Советской конституции, которые оба вместе «составляют единый основной закон РСФСР».

Эта декларация, составлявшая первый раздел Советской Конституции 1918 г., является историческим актом, имевшим вполне конкретные ближайшие, а не вечные, абстрактные цели. В ней имеется кое-что повторяющееся и во втором разделе конституции, из нее кое-что уже устарело и потеряло реальное значение, но вместе с тем она является отнюдь не устарелым актом и поныне, когда она из конституции исключена. Основная мысль ее представляется прямою противоположностью декларации Великой французской революции.

После объявления, что Россия является Республикою Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, в которой вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам, причем Российская Советская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерации советских национальных республик, наша декларация поясняет, что она ставит своей основной задачей уничтожение всякой эксплоатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплоататоров и установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах. Не является ли это повторением, только иными словами, той же свободы и того же равенства, которые провозглашают декларации 1789 и 1793 годов? Ведь французский социалист-ревизионист Габриэль Девиль в 1902 г. (в Туре) так и заявил: «наши принципы являются действительным осуществлением прав человека. . . Я обязуюсь всю нашу теорию вывести из прав человека». Да и у нас нашлись комментаторы Конституции, объявляющие, что и наша декларация «провозглашает свободу, равенство и братство».

Уже Ленин им ответил весьма определенно: «Наша пролетарская и крестьянская Советская конституция отбрасывает лицемерие формального равенства прочь. Когда буржуазные республики свергали троны, тогда не разбирались в формальном равенстве монархистов с республиканцами. Когда речь идет о свержении буржуазии, только предатели или идиоты могут доби-

ваться формального равенства прав буржуазии (XV, стр. 373).

Основная мысль декларации Великой французской революции заключалась в обеспечении права частной собственности и неотчуждаемости ее без справедливого выкупа. Таким образом, даже чисто-буржуазное требование национализации земли было отвергнуто не только английскою революциею 1649 г. (предложение левеллеров) и североамериканскою революциею (предложено по примеру левеллеров некоторыми штатами), но и французскими Конвентом, угрожавшим за одно возбуждение вопроса о разделе земли смертною казнью.

Советский строй ставит себе задачею ликвидацию института частной собственности по отношению к средствам производства вообще, ибо иначе немыслимо уничтожение всякой эксплоатации. Декларация 1793 г. так и провозглашает право собственности «правом, принадлежащим каждому гражданину, по своему усмотрению пользоваться и располагать своим имуществом, своим доходом и плодами своего труда и своей промышленности».

«Декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа» такой свободы не признает. Напротив, ее цель упразднение права частной собственности на средства производства. Во имя этой цели она «декларирует»:

1. Социализацию земли, т. е. отмену частной собственности на землю, объявление всего земельного фонда общенародным достоянием и передачу его трудящимся без всякого выкупа, на правах уравнительного землепользования.

2. Национализацию всех лесов, недр и вод общественного значения, а равно и всего живого и мертвого инвентаря.

3. Как первый шаг к полному переходу фабрик, рудников, железных дорог и прочих средств производства и транспорта в собственность Сов. Раб.-Крест. Республики, подтверждается закон о рабочем контроле и о Высшем Совете Народного Хозяйства в целях обеспечения власти трудящихся над эксплоататорами.

4. Аннулирование займов, заключенных правительством царя, помещиков и буржуазии, как первый удар международному финансовому капиталу.

5. Подтверждение декрета о переходе всех банков в собственность рабоче-крестьянского государства, как одно из условий освобождения трудящихся масс из-под ига капитала.

Эти весьма умеренные требования декларации только подготовляют почву, очищают путь для отмены права частной собственности на средства производства.

Национализация земли это, как мы знаем, чисто-буржуазное требование против остатков феодализма, которое буржуазия сама только боялась выставлять. А против буржуазии декларация пока выставляет только контроль рабоче-крестьян-

ского правительства, с одной стороны, и освобождение трудящихся из-под зависимости от частных банков, т. е. финансового капитала, с другой. Поэтому наша «новая экономическая политика» отнюдь не противоречит нашей Советской Конституции 1918 г., которая в своей декларации в высшей степени предусмотрительно видит свою ближайшую задачу лишь в расчищении пути к коммунизму.

В виду того, что XII съезд Советов декларацию исключил из Конституции и она стала лишь историческим актом, я ее в подробностях не излагаю, но даю ей лишь вкратце историческую оценку.

Между тем как до сих пор все революции оканчивались вооружением имущих классов и разоружением трудящихся, Советская Конституция декретирует вооружение трудящихся «путем образования социалистической Красной армии рабочих и крестьян» и полное разоружение имущих классов. И в то время как декларация прав Великой французской революции ставит на самое видное место «безопасность и обеспечение буржуазного права собственности», наша деклация — «вооружение трудящихся» и «разоружение имущих классов» мотивирует интересами «обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплоататоров», буржуазии.

Мне кажется, все это достаточно характеризует прямую противоположность деклараций буржуазной и пролетарской революций. Первая объявляет всеобщую свободу и равенство на словах, но тут же разрушает реальную свободу громадного большинства народа, вводя неограниченную частную собственность как естественное священное право. Вторая, наоборот, объявляет войну этой собственности в ее частно-капиталистической форме и в этом видит путь к освобождению человечества.

По форме, казалось бы, декларации Великой французской и Октябрьской русской революций несравнимы; по существу каждая из них весьма определенно характеризует свои задачи, и если их цели и задачи и прямо противоположны, то потому, что каждая из них выражает программу другого класса с противоположными классовыми интересами и в другую историческую эпоху.

С понятием Союзной Конституции от 6 июля 1923 г. у нас появилась и вторая декларация: об образовании Союза Советских Социалистических Республик.

Национальный вопрос оказался более живучим, чем предполагали. Только Ленин оказался дальновиднейшим политиком и в этом вопросе.

Лишь подходя к разрешению национального вопроса с методом революционной диалектики, мы можем выйти из лабиринта кажущихся неразрешимыми противоречий и в видимых случайностях хода революции уловить ее закономерность.

Почему в самом деле Коммунистическая Партия, выступающая в своей программе против федерализма в государственном устройстве взяла на себя инициативу в осуществлении федераций национальностей?

Я беру для примера нашу Украину в разные моменты революции. Она знала разные периоды: самостийность при «гетмане» Скоропадском (буржуазия в союзе с крестьянским кулачеством), первый советский строй, строго централистический (городской пролетариат без крестьянства или с небольшими группами сельской бедноты); мелкобуржуазную стихийность всяких Петлюр (городская мелкая буржуазия в союзе с сельским середняком, при благосклонном участии, вернее, на деле — при гегемонии буржуазии и кулачества). А «военный и экономический союз пролетариата с крестьянством» — бедняком и середняком — эта формула Ленина для периода отступления к нэпу привела и к новой форме государственного союза, а именно к СССР. Наш союз с крестьянством при этом превращается в новую форму союза, — союза культурного — для решения предсказанной Лениным ближайшей задачи: культурной революции.

В самом деле, в то время как культурная борьба городского пролетариата в общем и целом интернациональна, порою даже противонациональна (легкая денационализация городского пролетариата), так как в нем классовый интерес берет верх над всеми остальными интересами, особенно в острые моменты классовой борьбы внутри нации, — крестьянство является основным очагом национального движения. Здесь не место останавливаться на причинах этого явления, которое считается установленным и признанным фактом. Всякий культурный подъем здесь идет по национальной линии, чему содействуют и деревенская неподвижность, и отсутствие тенденции к интернационализму (напр., незнание языков, кроме своего родного наречия). Всякая попытка денационализации приводит лишь к одичанию, глухой ненависти. Культурный подъем возможен лишь с общим национальным возрождением, иногда правильнее сказать, с рождением национальной культуры. Но в последнем случае такой момент может быть чрезвычайно интенсивен, он действительно может принять форму культурной революции. Когда Ленин провозглашал в 1922 — 1923 г. предстоящую и возможную только благодаря существованию Советской власти борьбу за недостающие предпосылки социализма, в том числе и «культурную революцию», он вместе с тем провозгласил и новую форму союза пролетариата с крестьянством, культурный союз. Так возник самым естественным образом и Союз ССР, социалистический союз национальных государств трудящихся города и деревни.

Но это только одна, т. е. историческая, сторона нового Союза,

подчеркивающая прошлое. У него есть и другая сторона, направленная целиком на будущее. Если для буржуазного теоретика «национальность есть в основе исторический момент», основывающийся на прошлом, то интернационализм направлен целиком на будущее. Союз ССР безусловно является зачатком или прообразом будущего Союза ССР всего мира...

Эту задачу и провозглашает декларация Союзной Конституции. Она противопоставляет национальному угнетению и империализму — мирное сожительство и братское сотрудничество народов на почве реального права на самоопределение:

«Со времени образования Советских республик государства мира раскололись на два лагеря: лагерь капитализма и лагерь социализма.

Там, в лагере капитализма, — национальная вражда и неравенство, колониальное рабство и шовинизм, национальное угнетение и погромы, империалистические зверства и войны.

Здесь, в лагере социализма, — взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство, мирное сожительство и братское сотрудничество народов.

Попытки капиталистического мира на протяжении десятков лет разрешить вопрос о национальности путем совмещения свободного развития народов с системой эксплоатации человека человеком оказались бесплодными. Наоборот, клубок национальных противоречий все более запутывается, угрожая самому существованию капитализма. Буржуазия оказалась бессильной наладить сотрудничество народов.

Только в лагере Советов, только в условиях диктатуры пролетариата, сплотившей вокруг себя большинство населения, оказалось возможным уничтожить в корне национальный гнет, создать обстановку взаимного доверия и заложить основы братского сотрудничества народов.

Только благодаря этим обстоятельствам удалось Советским республикам отбить нападение империалистов всего мира, внутренних и внешних; только благодаря этим обстоятельствам удалось им спешно ликвидировать гражданскую войну, обеспечить свое существование и приступить к мирному хозяйственному строительству.

Но годы войны не прошли бесследно. Разоренные поля, остановившиеся заводы, разрушенные производительные силы и истощенные хозяйственные ресурсы, оставшиеся в наследство от войны, делают недостаточными усилия отдельных республик по хозяйственному строительству. Восстановление народного хозяйства оказалось невозможным при раздельном существовании республик.

С другой стороны, неустойчивость международного положения и опасность новых нападений делают неизбежными создание единого фронта Советских республик перед лицом капиталистического окружения.

Наконец, само строение Советской власти, интернациональной по своей классовой природе, толкает трудящиеся массы Советских республик на путь объединения в одну социалистическую семью.

Все эти обстоятельства повелительно требуют объединения Советских республик в одно союзное государство, способное обеспечить и внешнюю безопасность, и внутренние хозяйственные преуспеяния, и свободу национального развития народов.

Воля народов Советских республик, собравшихся недавно на съезды своих Советов и единодушно принявших решение об образовании «Союза Советских Социалистических Республик», служит надежной порукой в том, что Союз этот является добровольным объединением равноправных народов, что за каждой республикой обеспечено право свободного выхода из Союза, что доступ в Союз открыт всем социалистическим Советским республикам как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем, что новое союзное государство явится достойным увенчанием заложенных еще в октябре 1917 г. основ мирного сожительства и братского сотрудничества народов, что оно послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику».

Декларация 1923 г. является, как мы видели, результатом более чем пятилетней борьбы за советский строй. То, что в одном (непринятом) из проектов Конституции 1918 г. было формулировано словами «по мере установления в других странах социалистической Советской власти РСФСР входит с ними в единый Союз Социалистических Федеративных Советских Республик», тогда было признано преждевременным, теперь стало реальным лозунгом нового Союза.

В чем заключается сила нового Союза? В том, что этот Союз является результатом свободного договора, и за каждою из союзных республик сохраняется право свободного выхода из Союза. Гражданин каждой союзной республики может с гордостью провозглашать: «Я — гражданин всего социалистического Союза ССР», — не теряя однако своего прежнего гражданства национального.

Но можно ли сказать, что тут «история уже внесла поправку в концепцию Энгельса», в его взгляд на федерализм и централизм? Я полагаю, что такая мысль грешит против революционной диалектики. Не забудем слов Ленина от 14 июня 1920 г.:

«Федерация является переходной формой к полному единству трудящихся разных наций. Федерация уже на практике обнаружила свою целесообразность как в отношениях РСФСР к другим Советским республикам (венгерской, финской, латвийской в прошлом, азербайджанской, украинской в настоящем), так и внутри РСФСР, по отношению к националь-

ностям, не имевшим раньше ни государственного существования, ни автономии (напр., башкирская, татарская автономные республики в РСФСР, созданные в 1919 и 1920 гг.) . . .Признавая федерацию переходной формой к полному единству, необходимо стремиться к более и более тесному федеративному строю, имея в виду, во-первых, невозможность отстоять существование Советских республик, окруженных несравненно более могущественными в военном отношении империалистскими державами всего мира, без теснейшего союза Советских республик; во-вторых, необходимость тесного экономического союза Советских республик, без чего неосуществимо восстановление сил и обеспечение благосостояния трудящихся; в-третьих, тенденцию к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства, как целого, каковая тенденция вполне явственно обнаружена уже при капитализме и безусловно подлежит дальнейшему развитию и полному завершению при социализме» (XIX, стр. 238).

Для нас, привыкших мыслить диалектически, тут нет противоречия. Декларация от 30 декабря 1922 г./6 июля 1923 года остается величайшим историческим событием в жизни народов. Когда-то теоретики международного права окрестили XIX столетие веком национального вопроса и предсказывали для XX века руководящий лозунг «права», конечно, буржуазного права, для решения и национального вопроса. Революция доказала, что единственное решение национального вопроса — в социализме и коммунизме.

На XII Всероссийском Съезде Советов (май 1925 г.) был утвержден измененный текст Конституции РСФСР под названием Конституции 1925 г. Самое крупное изменение заключается в том, что декларация 1917/1918 г. из нее исключена. Но ст. 1-я этой Конституции начинается словами: «Настоящая Конституция РСФСР исходит из основных положений декларации прав трудящегося и эксплоатируемого народа, принятой III Всероссийским Съездом Советов, и основных начал Конституции РСФСР, принятой V Всеросс. Съездом Советов». А ст. 15 целиком взята из декларации: «Вся земля, леса, недра, воды, а равно фабрики и заводы, железнодорожный, водный и воздушный транспорт и средства связи составляют собственность рабоче-крестьянского государства».

Ныне эти права уже закреплены в особых законах союзных республик, и Конституция их только торжественно подтверждает как принцип, который рабоче-крестьянская власть не намерена колебать. Пройден новый этап, и Конституция 1925 г. на этот раз вместо декларации закрепляет то, что по ней уже реально завоевано, не отменяя ни текста, ни смысла декларации в целом, напротив, исходя из основных ее положений.

IV. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОНСТИТУЦИЙ РСФСР И СССР

А. БУРЖУАЗНАЯ ДЕМОКРАТИЯ ИЛИ ПРОЛЕТАРСКАЯ ДИКТАТУРА

(Ст. 1-я Конституции РСФСР.)

Мы уже видели, что, в то время как Маркс и вслед за ним Ленин на переходное время от социализма к коммунизму провозглашают диктатуру пролетариата, Каутский путем полного извращения марксизма вместо диктатуры пролетариата рекомендует коалиционное правительство с буржуазией (т. е. с классом капиталистов), т. е. буржуазную демократию. Наша Конституция 10 июля 1918 г. и вслед за нею и Конституция 1925 г. остались верны Марксу, как видно из 1-й (прежде 9-й) ст. следующего содержания: «Настоящая Конституция... имеет своей задачей гарантировать диктатуру пролетариата в целях подавления буржуазии, уничтожения эксплоатации человека человеком и построения коммунизма (в конституции 1918 г.: социализма), при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти».

Что же по существу означает слово диктатура? Ленин отвечает на этот вопрос словами: «Диктатура пролетариата, если перевести это латинское, научное, историко-философское выражение на более простой язык, означает вот что: только определенный класс, именно городские и вообще фабричнозаводские, промышленные рабочие в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплоатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле создания нового, социалистического, общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов» (XVI, стр. 248).

Во-первых, это политическое господство (класса), в данном случае господства пролетариата над буржуазией, т. е. «власть, неразделяемая ни с кем, опирающаяся непосредственно на вооруженную силу масс» (XIV, 2, стр. 316). Во-вторых, диктатура есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами. «Революционная диктатура пролетариата есть власть, завоеванная и

поддерживаемая насилием пролетариата над буржуазией, власть, не связанная никакими законами» (XV, стр. 451).

А что́ мы понимаем под «демократиею» вообще? Под «демократиею вообще» понимают форму правления, при которой власть в государстве (в противоположность неограниченной монархии или правительству привилегированного круга лиц — аристократии) принадлежит формально народу, осуществляющему свою власть отчасти непосредственно, отчасти через представительные органы, избираемые в том или ином виде большинством народа. Но такой «демократии вообще» на деле не существует, а под названием «чистой» или «формальной» демократии понимают не что иное, как буржуазную демократию, т. е. парламентарное или «конституционное» государство. В противопоставлении диктатуре пролетариата это является на деле скрытая форма диктатуры буржуазии.

По теории буржуазии, демократия является правительством большинства. Ленин же по поводу этой демократии писал: «Демократия не тождественна с подчинением меньшинства большинству. Демократия есть признающее подчинение меньшинства большинству государство, т. е. организация для систематического насилия одного класса над другим, одной части населения над другой» (XIV, 2, стр. 364).

И, не сгущая красок, он ее охарактеризовал словами:

«В капиталистическом обществе, при условии наиболее благоприятного развития его, мы имеем более или менее полный демократизм в демократической республике. Но этот демократизм всегда сжат тесными рамками капиталистической эксплоатации и всегда остается поэтому, в сущности, демократизмом для меньшинства, только для имущих классов, только для богатых. Свобода капиталистического общества всегда остается приблизительно такой же, какова была свобода в древних греческих республиках: свобода для рабовладельцев. Современные наемные рабы, в силу условий капиталистической эксплоатации, остаются настолько задавленными нуждой и нищетой, что им «не до демократии», не «до политики», что при обычном, мирном течении событий большинство населения от участия в общественно-политической жизни отстранено» (там же, стр. 367).

Выше, в историческом обзоре, я показал, как возникла буржуазная демократия в ее объективно-лицемерной форме. Когда мы эту демократию называем диктатурою буржуазии, то мы, обычно, имеем в виду также не диктатуру личную, а диктатуру класса капиталистов, его авангарда, той или иной его партии. Прочтите об Англии у Острогорского относящиеся еще к 1904 г. слова видного члена английского правительства: «Конституция претерпела серьезное изменение. Правление через парламент перестало существовать; оно уступило место правлению через кабинет, совершилось даже новое изменение, теперь мы имеем правле-

ние через первого министра в кабинете». [1] Значит, даже личную диктатуру главы класса капиталистов. Прошло еще 20 лет, и мы имели в Англии даже рабочего «первого» министра, Макдональда. Но помните его бессилие против реакционного бюрократического классового аппарата буржуазии в деле с подложным письмом т. Зиновьева.

Теперь не интересно останавливаться на попытках с.-д., напр., Каутского, доказать, что Маркс, а равно и Энгельс под словом диктатура, якобы, имели в виду демократию, на основе всеобщего избирательного права. Теперь эти цитаты из Маркса и Энгельса в доказательство того, что они имели в виду именно диктаторскую власть, так известны, что их нечего и повторять. [2] Здесь в этом отношении я хотел бы привести только одну мало использованную цитату, разъясняющую, что Энгельс различал в точности: диктатуру личную, диктатуру небольшой группы революционеров (Бланки) и диктатуру целого класса (Маркс и Энгельс). Энгельс в своей статье «О программе коммунистов-бланкистов» («Volksstaat», 1874, № 73) пишет: «Из того, что Бланки всякую революцию представлял себе в виде переворота, совершенного небольшой группой революционеров, у него естественно вытекало признание необходимости диктатуры в случае удачи, диктатуры, разумеется, не всего революционного класса, пролетариата, а небольшой группы революционеров, которые совершили переворот и которые сами заранее уже объединились под диктаторской властью одного или нескольких лиц» (в русском переводе, стр. 48). Значит, Энгельс отчетливо противопоставляет диктатуру революционного класса понятию диктатуры небольшой группы революционеров, тем более отдельных лиц.

Не обращали достаточного внимания и на первые слова в цитате из предисловия Энгельса к «Гражданской войне» Карла Маркса, а именно: «В последнее время германские филистеры ощущают большие страхи от слов «диктатура пролетариата»... Взгляните на Парижскую Коммуну. То была диктатура пролетариата! 18 марта 1891 года».

Эти слова становятся понятны только в условиях 1890/91 гг. Буржуазия всего мира ждала 1 мая 1890 г. социальной революции. В особенности обострены были отношения в Германии, где еще накануне отмены исключительного закона, 16 мая 1889 г., император Вильгельм публично заявил: «Для меня всякий социал-демократ то же самое, что враг государства и отечества».

---

[1] М. Острогорский. «Конституционная эволюция Англии». Петроград. 1916 г., стр. 152.

[2] Их необходимо прочесть в блестящем полемическом труде Ленина: «Пролетарская революция и ренегат Каутский», написанном им во время выздоровления от покушения на него в 1918 г.

Но 20 февраля 1890 г. выборы в рейхстаг хотя и дали блестящие результаты — 1 341 587 голосов (прирост в 567 400), это все-таки составляло тогда только $^1/_3$ часть всех поданных голосов и было еще далеко до диктатуры в смысле большинства парламентского. Из крайне обостренных отношений в печати становится ясным, что диктатуру пролетариата тогда буржуазия истолковала не в том смысле, как ее толкует ныне Каутский, а как «Zwangsstaat» (каторжное государство) или как «анархистскую республику» («Anarchistischer Freistaat»). Вот эту-то полемику имел в виду Энгельс, указывая на пример Коммуны. Он во всяком случае здесь не мог иметь в виду парламентарной республики на основе пролетарского большинства голосов.

А ныне в опубликованной т. Рязановым переписке Энгельса с Бернштейном, мы в письме Энгельса от 1 января 1884 г. читаем: «Речь идет (в этом же предисловии к «Комм. ман.») просто об указании, что победивший пролетариат сперва должен преобразовать старую бюрократическую административную, централизованную государственную власть, прежде чем он сможет ее использовать для своих целей... Что в «Гражданской войне» бессознательные тенденции Коммуны приписаны ей, как более или менее сознательные планы, вполне оправдывалось при данных обстоятельствах, было даже необходимо. Русские совершенно правильно вставили это место из «Гражданской войны» в свой перевод «Манифеста».

Теперь, на 12-й год советской диктатуры, эти споры кажутся праздными. Как в Коммуне пролетариат имел за собою большинство населения (Парижа), так и в России большевики в Октябре 1917 г. в обеих «столицах». Здесь я приведу только поразительно яркие в этом отношении цифры выборов 1917 г.:

ВЫБОРЫ 1917 ГОДА

	в город. думу		в Учредит. собрание
Петербург:	27 мая	24 августа	
Большевики	21,4%	33,3%	45 %
Соц.-рев. и соц.-дем	56,0%	44,0%	18,6%
Буржуазные партии	22,6%	22,7%	33,4%
Москва:			
Большевики	11,7%	48,1%	50,0%
Соц.-рев. и соц.-дем.	71,2%	20,2%	17,1%
Буржуазные партии	17,1%	31,7%	32,7%

Ленин убедительно доказал, что государственная власть только в руках пролетариата может и должна стать орудием привлечения на сторону пролетариата непролетарских трудя-

щихся масс, орудием отвоевания этих масс у буржуазии и у мелкобуржуазных партий. Всеобщее избирательное право является показателем зрелости понимания своих задач разными классами... Самое решение этих задач дается не голосованием, а всеми формами классовой борьбы, вплоть до гражданской войны. Ибо «сила пролетариата в любой капиталистической стране несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения» («Выборы в Учред. собрание и диктатура пролетариата»).

Теперь в рядах Коминтерна признается бесспорною истиною необходимость для революции завоевания большинства трудящихся масс, но только не формального большинства. А было время, когда Маркс писал Энгельсу («Письма», III т., стр. 116): «Я объясняю коротко и ясно: наше назначение представителями пролетарской партии мы получили не от кого другого, как только от себя самих. Но этот мандат утверждает та неслыханная и общая вражда, которую все фракции и партии старого мира направляют против нас».

В момент революции такого представительства недостаточно. «Тут надо считать не до тысяч, как в сущности считает пропагандист..., тут надо считать миллионами и десятками миллионов» (Ленин, XVIII, стр. 180).

«Социалистическую революцию нельзя совершить без рабочего класса; ее нельзя совершить, если в рабочем классе не накоплено столько сил, чтобы руководить десятками миллионов забитых капитализмом, измученных, неграмотных и распыленных деревенских людей. А руководить ими могут только передовые рабочие» (XVI, стр. 82).

«Пролетарская революция невозможна без сочувствия и поддержки огромного большинства трудящихся по отношению к своему авангарду — к пролетариату. Но это сочувствие, эта поддержка не дается сразу, не решается голосованиями, а завоевывается долгой, трудной, тяжелой классовой борьбой. Классовая борьба пролетариата за сочувствие, за поддержку большинства трудящихся не оканчивается завоеванием политической власти пролетариатом. После завоевания власти эта борьба продолжается только в иных формах» (Ленин, XVI, стр. 337).

Значит, не только руководствуясь словами наших учителей Маркса и Энгельса, мы построили диктатуру пролетариата. Этому, прежде всего, учит нас история: «История нас учит, что еще никогда угнетенный класс не получал и не мог получить власти без предшествовавшего периода диктатуры, т. е. без завоевания политической власти и насильственного прекращения самого отчаянного, дикого, не отступающего ни пред каким преступлением сопротивления, которое всегда оказывают эксплоататоры. Сама буржуазия, власть которой теперь защищается социалистами, высказывающимися против „диктатуры вообще“ и душою и телом стоящими за „демократию вообще“, получила свою власть в цивилизованных странах, благодаря целому ряду восстаний, граждан-

ских войн, насильственному свержению королевской власти, феодальных рабовладельцев и подавлению попыток реставрации» (Ленин, XVI, стр. 37).

Но, говорят нам, эти (буржуазные) революции нуждались в насилии, ибо это все были революции меньшинства. Это несовсем так, ибо и буржуазия, только опираясь на миллионы не своего класса, или, вернее, благодаря именно их борьбе, победила, а лишь вслед затем она превратила государство в господство своего меньшинства.

Энгельс писал 27 авг. 1883 г. в письме к Бернштейну: «Большая ошибка немцев заключается в том, что они представляют себе революцию как нечто такое, что может быть закончено за ночь. На самом деле она представляет длящийся многие годы процесс развития масс с ускоренным темпом развития». А на этот длительный период революции диктатура пролетариата имеет целый ряд задач: во-первых, подавление класса эксплоататоров (помещиков и капиталистов); во-вторых, продолжение революции, т. е. классовой борьбы вплоть до уничтожения самих классов; в-третьих, обеспечение за классом трудящихся условий для дополнения недостающих предпосылок социализма.

Все эти задачи и способ их выполнения нами рассмотрены уже выше (см. «Учение ленинизма»). Если Парижская Коммуна была лишь кратковременною вспышкою и ограничилась лишь в сущности одним Парижем, то Советскую власть можно назвать развернутою формою диктатуры пролетариата, существующею не неделями, а уже годами, не в одном городе, а в стране, занимающей $^1/_6$ всего земного шара. «Советская или пролетарская демократия родилась в России. По сравнению с Парижской Коммуной был сделан второй всемирно-исторический шаг. Пролетарско-крестьянская советская республика оказалась первой в мире устойчивой социалистической республикой. Она не может умереть как новый тип государства» (Ленин, XVI, стр. 185).

После этого, конечно, было бы праздным занятием спорить о необходимости диктатуры.

Но, будучи диктатурою пролетариата, Советская власть одновременно является и более совершенною формою демократии. «От капиталистической демократии, — неизбежно узкой, тайком отталкивающей бедноту, а потому насквозь лицемерной и лживой, — развитие вперед не идет просто, прямо и гладко, «ко все большей и большей демократии», как представляют дело либеральные профессора и мелкобуржуазные оппортунисты. Нет. Развитие вперед, т. е. к коммунизму, идет через диктатуру пролетариата — иначе итти не может, ибо сломить сопротивление эксплоататоров-капиталистов больше некому и иным путем нельзя. А диктатура пролетариата, т. е. организация авангарда угнетенных в господствующий класс для пода-

вления угнетателей, не может дать просто только расширения демократии. Вместе с громадным расширением демократизма, впервые становящегося демократизмом для бедных, демократизмом для народа, а не демократизмом для богатеньких, диктатура пролетариата дает ряд изъятий из свободы по отношению к угнетателям, эксплоататорам, капиталистам». — «Энгельс прекрасно выразил это в письме к Бебелю, сказав..., что «пролетариат нуждается в государстве не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда можно будет говорить о свободе, — не будет государства». Демократия для гигантского большинства народа и подавление силой, т. е. исключение из демократии эксплоататоров, угнетателей народа, — вот каково видоизменение демократии при переходе от капитализма к коммунизму» (Ленин, XIV, 2, стр. 369).

Если же рассмотреть и пролетарское государство переходного времени и буржуазную демократию, как диктатуру, то Ленин видит их сходство и различие в следующем:

«Диктатура пролетариата подобна диктатуре других классов в том отношении, что она, как и всякая другая диктатура, вызвана необходимостью подавить силою сопротивление того класса, который теряет свою политическую власть. Основное отличие между диктатурой пролетариата и диктатурою других классов — диктатурой крупных землевладельцев в средние века, диктатурой буржуазии во всех цивилизованных капиталистических странах — состоит в том, что диктатура крупных землевладельцев и буржуазии представляла собою насильственное подавление сопротивления большинства населения, а именно — трудящихся масс, между тем, как в противоположность этому диктатура пролетариата есть насильственное подавление сопротивления эксплоататоров, т. е. явного меньшинства населения — крупных помещиков и капиталистов» (XVI, стр. 43).

Демократизм пролетарской диктатуры особенно ярко проявляется в том, что Советская власть, созданная самими революционными массами, представляет собой способ привлечь к управлению государсством именно массы. Не кабинетный ум, а сама револююция создала Советы, и ее теоретик Ленин лишь возвел в теорию эту революционную практику 1905 и 1917 гг., а первая диктатура пролетариата, Парижская Коммуна 1871 года, возникла бессознательно, даже против воли самого пролетариата.

Но, став у власти, пролетариат вокруг своей диктатуры объединяет все трудящиеся массы.

«Диктатура пролетариата есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.) или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуа-

*

зии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма. Это — особого вида союз, складывающийся в особой обстановке, именно — в обстановке бешеной гражданской войны, это союз твердых сторонников социализма с колеблющимися его союзниками, иногда с «нейтральными» (тогда из соглашения о борьбе союз становится соглашением о нейтралитете), союз между неодинаковыми экономически, политически, социально, духовно классами» (Ленин, XVI, стр. 241).

А кто группируется вокруг диктатуры буржуазии? Энгельс в своем письме к А. Бебелю 2 декабря 1884 г. писал пророческие слова: «Во всяком случае в день кризиса и на следующий день нашим единственным противником является группирующаяся вокруг чистой демократии реакция». Мы на деле видели это в России (вокруг кадетов все: от монархистов до социал-демократов). Проходя разные ступени развития, конечно, и пролетарская диктатура меняет свой характер. Она в свой союз вовлекает сначала одно беднейшее, но затем и крестьянство вообще, понимая под ним, конечно, середняка. Политических прав она не расширяет за пределы трудящихся, но отношение к ее прочим слоям зависит от данного момента и от поведения последних.

В то время, как буржуазная демократия исходит из неосуществимого предположения, что все люди могут сделаться имущими, рабочая демократия оперирует с вполне возможною и естественною картиною будущего, что все или почти все люди станут трудящимися работниками и станут пользоваться всеми политическими правами, в том числе и избирательным правом, за исключением лишь уцелевших еще капиталистов. Последние, как чужестранцы, в социалистическом отечестве на избирательные и прочие политические права претендовать не могут.

Эта демократия будет рабочею и никогда не вернется к отжившему парламентаризму и буржуазному строю, но сохранит свой советский характер, постепенно отмирая. До тех пор и особенно в настоящий момент вопрос ставится резко и отчетливо: либо буржуазная «демократия» и вслед за нею фашизм, либо диктатура пролетариата и путь к социализму.

Б. РСФСР и СССР

Общие положения Конституции РСФСР (глава I, ст.ст. 2 и 3) и Конституции Союза. (Введение.)

«РСФСР». Это оригинальное сочетание пяти букв, над которым немало острили наши противники, приобрело мировой вес

и мировую известность. И оно имеет свою историю, а не вымышлено в кабинете. Если вы обратите внимание на декларацию прав трудящегося и эксплоатируемого народа 1917 г., то там название нашего государства гласит еще: РСР — Российская Советская Республика, хотя в этой декларации и говорится уже о ее федеративном характере. В первоначальном проекте конституции название гласило: «РФСР» — Российская Федеративная Советская Республика. Но еще при обсуждении, если не ошибаюсь, проекта декрета о флаге Российской Республики («Собр. Узак.», № 31, ст. 415, 1918 г.) была внесена поправка: прибавить слово «Социалистическая», ибо принципиально вполне допустима мысль, что Советская Республика (напр. крестьянские советы) не социалистична.

Эта поправка была принята, и так вполне естественно получилось это как будто бы нарочно созданное сочетание букв: РСФСР, которое одинаково читается как с одной, так и с другой стороны и которое означает: Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. X Съезд Советов сделал шаг дальше. Вместо существовавших до сих пор федеративных отношений между РСФСР, с одной, и Украиною, Закавказскою федерациею и Белоруссиею, с другой стороны, X Съезд и вслед затем I Союзный Съезд (30 декабря 1922 г.) постановили: на основании общего договора образовать единую союзную республику (см. отдел II, п. В) СССР, т. е. Союз Социалистических Советских Республик, в который лишь как составная часть входит РСФСР.

„Р“

Слово «Российская» имело, с одной стороны, чисто историческое, а с другой стороны, международное значение: оно означало прежде всего преемственность власти и территории и после царской России. Поэтому вначале РСФСР обнимала всю территорию прежней «Российской империи». Ныне из названия Союза ССР слово «Российская» выпало и РСФСР является лишь одною из союзных республик, в состав которой входят и нерусские автономные республики и области.

„С“

«Российская Республика есть социалистическое государство рабочих и крестьян, строящееся на основе федерации национальных республик» (статья 2-я). Эта статья заменяет прежнюю ст. 10-ю конституции, в которой говорилось точнее о «социалистическом обществе».

Слово «социалистическое» должно было подчеркнуть содержание нового «сообщества». Если в 1848 г. рабочие Парижа стихийно провозгласили социальную республику, не зная сами, что они собственно вкладывают в содержание этого названия, то в России это действие было вполне сознательно, ибо власть была в руках пролетариата, и он смело шагает через все препятствия к социализму.

«Ни один коммунист, — говорит Ленин, — не отрицал, кажется, и того, что выражение: „Социалистическая Советская Республика“ означает решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание новых экономических порядков социалистическими» (XV, стр. 243). А в другом месте Ленин поясняет: «Социалистический характер демократизма советского, — т. е. пролетарского, — в его конкретном, данном применении состоит, во-первых, в том, что избирателями являются трудящиеся и эксплоатируемые массы, буржуазия исключается; во-вторых, — в том, что всякие бюрократические формальности и ограничения выборов отпадают, массы сами определяют порядок и сроки выборов при полной свободе отзыва выбранных, в-третьих, что создается наилучшая массовая организация авангарда трудящихся, крупно-промышленного пролетариата, позволяющая ему руководить наиболее широкими массами эксплоатируемых, втягивать их в самостоятельную политическую жизнь, воспитывать их политически на их собственном опыте, что таким образом впервые делается приступ к тому, чтобы действительно поголовно население училось управлять и начинало управлять» (XV, стр. 205). «Я не делаю иллюзий насчет того, что мы начали лишь период переходный к социализму, что мы до социализма еще не дошли. Но вы поступите правильно, если скажете, что наше государство есть Социалистическая Республика Советов. Вы поступите так же правильно, как те, кто называет многие буржуазные республики Запада демократическими, хотя всем и каждому известно, что нет ни одной из самых демократических республик, которая была бы демократической вполне... Так и мы теперь... Мы далеки от того, чтобы закончить даже переходный период от капитализма к социализму» (XV, стр. 81, 82).

Не лишнее здесь сопоставить с нашей Республикой другую «Социалистическую Республику» — Германию, где в ноябре 1918 г. также было принято это название, но ее вожди никогда и не думали итти по пути к социализму. Она просуществовала четыре месяца — с 9 ноября 1918 г. до весны 1919 г., когда Германия без всякого переворота, окончательно по Веймарской конституции (11 августа 1919 г.), превратилась в «демократическую республику», ныне с монархистом генералом Гинденбургом, как президентом, во главе.

„Ф“

Мы уже видели, что РСФСР есть федеративное государство. Мы также видели, как коммунисты смотрят на федеративное устройство вообще. Нам придется еще подробнее изложить устройство образовавшихся в составе РСФСР автономных республик и областей.

„С“

Советскою РСФСР является в отличие от парламентарной республики буржуазной демократии. Мы этот вопрос уже рассмотрели подробнее выше. Здесь ограничимся лишь несколькими словами по поводу прочих примеров Советских государств.

Как известно, и германская революция пошла по пути Советов, и первое революционное правительство в Германии в 1918 г. получило власть от Советов. Но это правительство не только не вело себя как Советское, но, напротив, представляло собой лишь злую комедию над этим названием. Оно считало себя лишь приказчиком буржуазии и, оставив на месте всех до последнего чиновников, ограничилось приставлением к ним по два комиссара к каждому для скрепы всяких грехов буржуазии. Оно само созвало Учредительное Собрание и, разумеется, после такого поведения, не получив большинства в нем, сдало власть буржуазии, ограничиваясь подачками в виде теплых и почетных мест в новом «демократическом» строе.

Республики Венгерская, а затем и Баварская, возникшие в виде кратковременного эпизода, объявили себя Советскими и социалистическими, но погибли после недолгой борьбы в виду своей изолированности и предательства социалистов Германии и Австрии.

Тов. Ленин, ожидая успехов революции на Востоке, полагал, что и «крестьяне, находящиеся в полуфеодальной зависимости, отлично могут усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле. . . Идея советской организации проста и может быть применена не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям» (XVII, стр. 276).

Эти слова оправдались, напр., во время Кантонского восстания (в Китае) в 1928 г.

„Р“

РСФСР — Республика, ибо, хотя название «республика» в буржуазном смысле и приобрело достаточно дурную славу, оно все-таки подчеркивает категорическое отрицание всякого единоличия власти и, кроме того, оно является общим названием для

государства вообще. В 1917 г. оно имело и прямо историческое значение. Ведь был момент, когда даже Петроградский Исполнительный Комитет первого созыва заколебался в своем закрытом заседании, не итти ли на уступки пред конституционною монархиею, и из этого колебания нерешительные элементы были вырваны лишь благодаря знаменитому солдатскому «Приказу № 1». А руководящая тогда партия всей буржуазии, кадетская, лишь через два месяца, на своем третьем съезде, приняла лозунг республики, а по «соглашению» об отречении Николая — самый вопрос о форме государства должен был быть решен Учредительным Собранием.

Как мы уже видели, лишь благодаря беспрестанной агитации большевиков правительство 3 сентября 1917 г. объявило Россию Республикою.

Но если даже революция 1848 г. не удовлетворилась просто республикою, а потребовала республики социальной, то и большевики не могли остановиться на одной республике; они противопоставляют парламентарной республике свою Советскую Республику, как особого рода государство класса трудящихся.

«Российская Советская Республика» учреждена на основе «федерации национальных республик» (ст. 2-я конституции).

„СССР“

После сказанного выше нам нет надобности давать подробный разбор и этих букв. Остается остановиться на первой букве «С». Оно означает «Союз». Теоретически, может быть, вернее было бы назвать новый союз «Социалистическою Советскою Союзною Республикою». Но не в названии дело. По существу она является союзным государством, в котором центральная «суверенная власть» принадлежит Союзному Съезду Советов и Центральному Исполнительному Комитету Союза, причем в основу объединения положены «принцип добровольности и равноправия Республик с сохранением за каждою из них права свободного выхода из Союза Республик» и «полное обеспечение интересов национального развития народов договаривающихся Республик». Подробности договора мы изложим ниже.

Ныне всего шесть советских социалистических республик (в том числе две федерации) объединяются в этом «Союзе Советских Социалистических Республик». Но «доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем»... «по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику» (декларация 31 января 1924 г.). Герб Союза уже ныне «состоит из серпа и молота на земном шаре».

В. „ХАРТИИ (ГРАМОТЫ) ВОЛЬНОСТЕЙ"

(«Общие положения конституции РСФСР», ст.ст. 4—14.)

> «Ни один человек не борется против свободы вообще; он борется, самое большое, только против свободы *других*. Всякий вид свободы всегда существовал, в первый раз в виде исключительного права, привилегии, второй раз как *всеобщее* право».
>
> (*Маркс*, «Nachlass», I, 224.)

Продолжая изложение Советской конституции и противопоставляя ее на каждом шагу конституциям буржуазных государств, мы для общих положений конституции РСФСР находим соответствующий акт в так называемых «Хартиях вольностей» буржуазных конституций. И в феодальном обществе существовали такие свободы, но не в виде общего права, а в виде привилегий отдельного или отдельных сословий. Средневековый барон и человеком признавал лишь барона или вообще члена привилегированного сословия. «Равноправие» ограничивалось еще более узким кругом, чем его сословие. Потребовалась долгая революционная борьба, чтобы добиться объявления всех людей «человеками» и на всех их *формально* распространить личные «свободы», права человека и гражданина. Но и эти вольности буржуазии *сначала* приобретались городами как *привилегии* (см. дальше).

В буржуазной литературе имеется много работ по изучению вопроса о возникновении этих свобод. Более или менее крупные ученые, напр., Еллинек в Германии,[1] доказывали, что идею свободы в политическую жизнь внесла *церковь* и особенно церковная революция, «реформация». На деле вся первоначальная борьба за свободу действительно имела как бы церковный характер. Ведь то был период, когда господствовали власть христианской церкви и христианское церковное мировоззрение. Но кто или что на деле внесло туда «идею равенства»? Это сделал товарообмен, подвергающий, по мере того как он делается всеобщим, все своей разлагающей критике денежной равноценности, эквивалента. Договор товарообмена, все шире охватывая все взаимоотношения людей, не останавливается и пред вратами

---

[1] У нас см. Котляревского, который, напр., пишет: «Великая заслуга католицизма в истории человечества — если только здесь можно прилагать понятие заслуги — состоит в том, что он защищает от государственного вторжения известную область духовной жизни людей» . . . «Религиозная свобода, повидимому, была родоначальницею всех естественных прав — факт, который должен был бы остановить на себе внимание адептов исключительно экномического истолкования истории» (см. цитированную уже его работу, стр. 80 и 81).

церкви, ибо церковь была крупнейшим феодалом. Первые революционеры в Англии были сектанты, протестанты против тогдашнего религиозного мировоззрения. Экономически принадлежа к разным средним слоям, эти сектанты свою революционную борьбу начали на церковном фронте. Но и они эту свою борьбу за свободы начали путем договора, т. е. купли-продажи: они ее покупали. Роберт Броун, [1] основатель реформистской церкви, предшественник индепендентов, вел борьбу не только против иерархии англиканской церкви, он вел борьбу против духовенства вообще, — во имя полной самостоятельности отдельных церковных общин, их отделения от официальной церкви и решения всех внутренних и внешних дел в них простым большинством голосов. Но он объявил эту свободу общины или общества верующих, основываясь на «договоре с богом». Так, революционирующий все отношения договор впервые получает в некотором роде форму «основного договора», того «Contrat social» или общественного договора, на котором в дальнейшем буржуазная революционная теория основывает власть политической демократии. Но Броун предъявляет это свое предложение («оферту») к принятию («акцепту»), утверждению раньше богу, чем королю. Его преемники, индепенденты, составляли основное ядро политической революции 1640-х годов. Наиболее радикальные слои революции, левеллеры, в своих требованиях шли уже гораздо дальше, не останавливаясь даже пред священной земельной собственностью. Однако и они свои требования заявляли не во имя какого-то естественного права, а во имя «договора с парламентом». Когда они стали захватывать пустующие земли для обработки, они сделали это во имя своей победы над королем, ибо они заявили, что «купили» эту землю своими деньгами (налогами) и кровью».

Значит, на совершенно неверном пути находятся те буржуазные ученые, которые, подобно Г. Еллинеку и его последователям в «Хартии вольностей», видят непосредственное влияние церкви и ее идеологии и, как, напр., проф. Котляревский, в этом факте даже усматривают довод против материалистического понимания истории вообще. Те примеры, которые Еллинеком, а вслед за ним, например, и Котляревским, приводятся из английской истории времен до революции и самой революции, доказывают как раз противоположное: первые проявления классовой борьбы в средние века принимали, как и, впрочем, вся общественная жизнь, форму церковных споров, часто совершенно непонятных без их экономически-политической подкладки. Такие лозунги, как равенство, неприкосновенность личности и т. д., являются прямыми

---

[1] Роберт Броун (1549 — 1630) перенес тяжелые преследования и умер в тюрьме. На смертном одре он заявил, что он сидел в заключении всего 32 раза. Он жил долго в эмиграции в Нидерландах и в колонии Зеландии.

последствиями, даже простым отражением в законе отношений товарообмена, свободы найма и т. п. последствий денежного хозяйства, а все революции, за исключением лишь пролетарских революций XIX — XX вв., ищут форм для воплощения своих идей в прошлом, т. е. в церкви или в древнем Риме.

Если мы для права вообще или, вернее, для гражданско-правовых отношений людей наиболее наглядные примеры и прообразы нашли в старом Риме, то для изучения истории политических прав классическою страною является Англия. Те же следы «крови» и, прибавим, денег, которые Иеринг обнаруживает на каждом институте римского частного права, в Англии мы можем найти на любом институте публичного права. Если мы берем любого серьезного историка английского публичного права, то мы видим, что все политические права, которыми так долго славилась Великобритания, являются результатом «драк», гражданских войн или же сделок купли-продажи, а то и просто обмана. Так, например, борьба за «Великую хартию» длилась 80 лет (с 1199 по 1276 г.), и для ее завоевания, конечно, недостаточно было вынужденной первым восстанием уступки короля Иоанна Безземельного. «Смуты» 1199 г. привели к «предоставлению» Лондону «его вольностей». Про 17 хартий, «пожалованных» королем 16 другим городам, мы знаем, что они были попросту куплены за деньги. «Великая хартия, в отличие от этих городских хартий, была мирным договором, заключенным между двумя воюющими сторонами» (Градовский). Но эти вольности были не общими правами, а только привилегиями для свободных людей, [1] и потребовалась продолжавшаяся столетиями борьба для достижения того общего демократизма, которым Англия славилась до войны, и для сметения которого достаточно было этой войны. Мы видели в введении «о праве», как человек-гражданин превратился в равноправного субъекта права «в товарообороте», как это «юридическое», правовое понимание всех отношений проникло и в понимание государства в правовом смысле. А когда юристы взяли в свои руки объяснения сущности государства и его институтов с этой стороны, то получилось не мало странных формул.

Так, весьма характерен спор в юридической литературе относительно юридического характера «прав гражданина». Одни юристы утверждают, что это — «права субъективные», т. е. права, принадлежащие гражданину, как лицу, субъекту, известная свобода его произволу. Это отголосок идеи естественного права о прирожденных правах человека и гражданина, перенесенной в положительное право. Такое объяснение вполне со-

---

[1] Проф. Стебс говорит: «С одной стороны (в Англии) все люди были свободны, кроме рабов, с другой — все были несвободны, за исключением freemen, собственников земли, никому не обязанных». (Ср. Градовский, «Государственное право важнейших европейских государств».)

ответствует первому, революционному периоду власти буржуазии, восходящего класса капиталистов и находит выход из противоречий классового господства в противоречии, имманентном (внутреннем) лицемерии их конституций. Другая, более «современная» (по времени) школа, оспаривает этот самостоятельный характер политических прав и заявляет, что эти права в буржуазном обществе являются лишь рефлексом, отражением интереса государственного (т. е. классового). Если, например, на лестнице дома квартиранты первых этажей выстлали ковры, то жильцы третьего и дальнейших этажей также пользуются ими, но это не является их субъективным естественным правом, а лишь рефлексом прав собственников этих ковров, ибо они, в случае удаления ковров их владельцами, никаких споров или претензий заявлять не могут. Так же (!), говорят эти юристы, если государство (прибавим от себя: классовое буржуазное государство) признало своевременным и полезным издать известные законы о «льготах» или свободах граждан, то оно делает это лишь в своих (читай, господствующего класса) интересах, а прочие граждане этими правами пользуются лишь как рефлексом, отражением, а следовательно никакого самостоятельного права протеста против их нарушений и отмены не имеют.

Эта последняя теория, как ни странно, перешла и к нам в виде теории «предоставленных» государством прав, но только по отношению к правам Гражданского Кодекса.

Но не взирая на ту или иную мотивировку, почти все буржуазные конституции в одинаковой мере объявляют эти права и свободы граждан формально всеобщими, абсолютными и неприкосновенными, что вызывает остроумную и едкую критику со стороны К. Маркса в его «18 брюмера» (стр. 19 — 20). По поводу конституции французской буржуазной республики 1848 г. он пишет: «Неизбежный генеральный штаб вольностей 1848 г. (личная свобода, свобода печати, слова, союзов, собраний, обучения, совести и т. д.) получил конституционную форму, делающую их неуязвимыми. А именно: каждая из этих свобод объявляется безусловным правом французского гражданина (citoyen), но с неизбежным примечанием сбоку, что она безгранична постольку, поскольку «она не ограничивается равными правами других» или особыми «законами», долженствующими осуществить эту гармонию. Например: «Граждане имеют право объединиться в союзы, мирно и без вооружения собираться, подавать петиции и выражать свои мнения путем печати или каким бы то ни было иным способом. Пользование этими правами не имеет никаких иных границ, как только равные права других лиц и публичную безопасность» глава II французской конституции 1848 г., § 8). — «Обучение свободно. Но свободою обучения должны пользоваться под условием, выраженным в законе, и под верховным наблюдением государства» (там же, § 9). — «Жилище каждого гражданина непри-

косновенно, за исключением форм, установленных законом» (глава I, § 3), и т. д. Итак, конституция постоянно указывает на будущие органические законы, которые должны привести в действие означенные примечания и урегулировать эти неограниченные свободы так, чтобы они не приходили в столкновение ни между собою, ни с общественною безопасностью. А впоследствии эти органические законы издавались «друзьями порядка», и все эти свободы были урегулированы так, что буржуазия, пользуясь ими, никогда не приходила в столкновение с равными правами других классов. Там же, где «другим» эти права были совсем запрещены, или где разрешено пользование ими лишь под условиями, из которых каждое представляло настоящую ловушку, это всегда делалось только в интересах «общественной безопасности», т. е. безопасности буржуазии, как это именно предписывает конституция. Поэтому впоследствии на конституцию с полным правом ссылаются обе стороны, — как друзья порядка, отменившие все эти свободы, так и демократы, которые их домогались. Каждый параграф конституции содержит в себе свой собственный антитезис, свою собственную нижнюю и верхнюю палату, а именно: в общей фразе — свободу, в примечании же — отмену свободы. До тех пор, пока уважалось название свободы и ставились препятствия лишь ее действительному осуществлению, конечно, законным путем, конституционное существование свобод оставалось неуязвленным, нетронутым, как бы ни было убито их существование вообще».

Я привел эту длинную характеристику, потому что она в одинаковой мере относится не только к старой французской, но к любой новой и новейшей конституции, из которых каждая содержит, говоря словами профессора Г. Еллинека, «целый каталог таковых свобод». [1]

---

[1] Чтобы не составилось ложное представление о нынешних, вполне демократических конституциях, мы процитируем одну из новейших конституций — конституцию германской демократической республики: «Все германские граждане равны перед законом» (ст. 109). «Свобода личности неприкосновенна, ограничение или лишение личной свободы мерами публичной власти допускаются только на основании закона» (ст. 114). «Жилище каждого германского гражданина есть его свободное убежище (?) и неприкосновенно. Исключения допускаются только на основании законов» (ст. 115). «Тайна переписки и т. д. неприкосновенна». Исключения — на основании . . . закона (ст. 117) и т. д., и т. д. «Законное принуждение допустимо только для осуществления прав, коим угрожает опасность, или ради высших требований общественного блага». «Свобода торговли, промысла, договоров — в пределах законов». — Все эти пышные слова можно было заменить просто соответствующими законами, как-то: об исключительном суде, далее против коммунистов и рабочих вообще и т. д. Было бы менее «демократично», но куда честнее. И представьте себе портрет короля спекулянтов покойного Стиннеса с подписью ст. 153 конституции: «Собственность обязывает. Пользование ею должно быть (!) в то же время служением общему благу» (читай, прибыли!). Конституция перечисляет даже нравственные обя-

Но это далеко не все: как политическое равенство оказалось одною фикцией, прикрывающею экономическое неравенство, так все эти отдельные политические свободы оказались одною иллюзиею без соответствующей экономической гарантии. Такое положение неизбежно в буржуазном обществе, которое не желает и не может желать дать этих свобод угнетенным классам, но оно также мало хочет и может об этом заявить откровенно. Советская конституция не боится откровенности. Но она впервые (из всех бывших и существующих конституций) подчеркивает необходимость обеспечить для трудящихся всякие свободы не только на словах, но и на деле.

«Наша пролетарская и крестьянская Советская конституция отбрасывает прочь лицемерие формального равенства. Когда буржуазные республиканцы свергали троны, тогда не разбирались в формальном равенстве монархистов с республиканцами. Когда речь идет о свержении буржуазии, только предатели или идиоты могут добиваться формального равенства прав для буржуазии» (Ленин, XV, стр. 414).

После победы пролетариата «центр тяжести передвигается от формального признания свобод (как было при буржуазном парламентаризме) к фактическому обеспечению пользования свободами со стороны трудящихся, свергающих эксплоататоров, напр., от признания свободы собраний к передаче всех лучших зал и помещений рабочим, от признания свободы слова к передаче всех лучших типографий в руки рабочих и так далее». (Там же, стр. 161.)

С этой точки зрения нам приходится рассмотреть религиозную свободу, доступ к знанию, свободы слова и печати, собраний, союзов, приобретения знаний, равноправие трудящихся иностранцев и право убежища и равноправие национальностей. Туда же относится «право на труд» — в форме трудовой повинности и почетное право защищать с оружием в руках революцию и красное отечество. Каждый из этих вопросов требует, для верной их оценки, кратких пояснений и сопоставлений с соответствующими правами и свободами буржуазных конституций.

Это весьма существенно отличает наш строй от буржуазной демократии, где так называемые «конституционные гарантии», т. е. свободы личные и имущественные на словах обещаются всем, но на деле достаточно одного росчерка пера, чтобы приостановить и на словах эти «конституционные гарантии». Мы увидим еще дальше, что в буржуазной юриспруденции имеется

занности: «Каждый гражданин нравственно обязан, без ущерба для своей личной свободы, так применять свои умственные и физические силы, как того требует общее благо» (ст. 163), а во главе этой республики президент-монархист ген. Гинденбург, уполномоченный по своему усмотрению приостанавливать все эти свободы!

даже особая доктрина: теория исключительного положения, а главное, нет реальной возможности осуществлять их. Вот как выражает эти мысли программа Коминтерн (а вместе с тем и основа программы всех компартий): «Советское государство, лишая эксплоататорские классы средств производства и монополизируя эти средства производства в руках пролетариата, как господствующего класса, прежде и раньше всего гарантирует материальные условия осуществления прав рабочего класса и трудящихся вообще, обеспечивая дома и общественные здания, типографии, средства передвижения и проч. за рабочим классом.

В области общеполитических прав советское государство, лишая этих прав врагов народа и эксплоататоров, впервые до конца уничтожает неравенство граждан, основанное при эксплоататорских системах на различии пола, религии, национальности; оно устанавливает в этой области такое равенство, которое не проведено ни в одной буржуазной стране; в то же время и здесь диктатура пролетариата неуклонно подводит материальный базис, позволяющий на деле реализовать это равенство; таковы мероприятия, раскрепощающие женщину, способствующие индустриализации бывших колоний и т. д.».

1. Личность (индивид) и советы

Буржуазная революция поставила своею целью политическое освобождение индивида, личности, объявив его формально равным пред законом. Она этот свой лозунг основывает на естественном праве «родившегося свободным» человека, объявляя это его право неотъемлемым. Суть этой свободы, по существу, заключается в невмешательстве государства в «частную жизнь» отдельного человека-гражданина. «Человек свободен, хотя бы он родился рабом» (слова поэта Шиллера). Мы уже вкратце коснулись этого раздвоения человека на гражданина и частного человека и социального значения этого раздвоения.

Пролетарская революция смотрит на политическую революцию не как на цель, но лишь как на средство для социальной революции. Советская конституция формулирует эту цель в словах «уничтожение эксплоатации человека человеком» (ст. 1-я). Еще в самый разгар Великой французской революциии поднялись сомнения рабочего класса в чудотворных действиях политических «свободы, равенства и братства». Прошедшие с тех пор более 125 лет наглядно показали пролетарию, что суть свободы заключается в экономическом освобождении. А так как диктатура пролетариата еще не есть окончательное освобождение человека, а лишь орудие в руках

пролетариата для проведения длительной переорганизации общества, уничтожения эксплоатации человека человеком, то в конституции и не были помещены пышные слова о свободе, неприкосновенности личности и т. д. «Равенство (в праве производителей) заключается лишь в том, что оно измеряется по равному мерилу (масштабу), т. е. по труду», оно, следовательно, является «правом неравенства, как по своему содержанию всякое право вообще». [1] Карнер (бывш. австрийский канцлер Реннер), в своем исследовании о функциях правовых норм, право личной неприкосновенности сводит к свободе личного найма. А Ленин писал: «Пока остается частная собственность на средства производства (напр., земледельческие орудия и скот, если даже частная собственность на землю отменена) и свободная торговля, до тех пор остается экономическая основа капитализма. И диктатура пролетариата есть единственное средство победоносной борьбы с этой основой, единственный путь к уничтожению классов (без которого о действительной свободе для человеческой личности, — а не для собственника, — о действительном равенстве, в социально-политическом отношении, человека и человека, — а не лицемерном равенстве собственника и неимущего, сытого и голодного, эксплоататора и эксплоатируемого, — не может быть и речи). Диктатура пролетариата ведет к уничтожению классов, ведет к этому путем свержения эксплоататоров и подавления их сопротивления, с одной стороны, ведет к этому, с другой стороны, путем нейтрализации, обезвреживания колебаний мелкого хозяйчика между буржуазией и пролетариатом» (XVII, стр. 381).

Но при точке зрения коммунистов на роль Советов, как средства восстановления единства раздвоенной в буржуазном обществе личности, не поглощается ли личность целиком Советами? Отнюдь нет! Напротив, цель коммунизма — окончательное освобождение человека, освобождение не только экономическое, но и политическое. Ибо вместе с завершением, «осуществлением коммунизма, при котором не будет деления на классы» — отмирает и государство, исчезает и государственная власть и наступает реально, в действительности, та свобода, о которой утопически мечтают всякие анархические политические течения. [2]

Не сплошное ли лицемерие статья любой «демократической»

---

[1] См. К. Маркс, «Критика Готской программы».

[2] Интересно отметить, что уже и мелкобуржуазная Гора Конвента стала сознавать голословность абстрактной личности, и ст.ст. 21 и 22 Декларации 1793 г. редактированы словами: «Государственная помощь есть священный долг. Общество обязано поддерживать своих несчастных граждан, доставляя им труд или обеспечивая средства существования тем, кто не может трудиться. Образование есть потребность всех. Общество должно содействовать всею своею властью успехам общего разума и сделать образование доступным для всех». Но без указания средств к проведению этих мер они остаются благими, но голословными пожеланиями.

конституции о неприкосновенности личности, если эта неприкосновенность нарушается и в порядке «особых органических законов», и «в порядке узаконенной незаконности» или «исключительного положения», не говоря уже о фактической «прикосновенности» всякого пролетария. Напротив, советский строй через период гражданской войны и переходную стадию ведет к окончательному освобождению. Это все еще общество, в котором праву соответствует обязанность, где право часто еще сводится к повинности, ибо только окончательное искоренение деления человечества на классы отменит рознь между правом и обязанностью, т. е. упразднит и право как средство классового господства. Но мы и в этой переходной стадии стремимся к возможным гарантиям личности, в первую очередь, — трудящихся, вводя революционную законность, только не в лицемерном понимании, как Временное Правительство 1917 г. и его соглашательские элементы говорили о «революционном порядке», а вполне реальную, революционную законность.

С этой точки зрения необходимо рассмотреть все статьи общей части Советской конституции.

2. «Свобода совести»

«В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» (ст. 4). Первая часть этой статьи лишь повторяет прежнюю программу РСДРП и поэтому считалась нами проведенною в силу факта победы революции под лозунгами этой партии. Более спорна тогда была вторая ее часть. Первоначальный текст как декрета об отделении церкви от государства, так и конституции, гласит несколько иначе. Ведь в Эрфуртской программе германской социал-демократии мы имели, даже по отношению к членам партии, известную формулу, что религия есть «частное дело» каждого. И это «частное дело» угрожало пролезть и в декрет об отделении церкви от государства. Но в Совете Народных Комиссаров, по предложению тов. Ленина, в декрет были внесены в ст. 1 слова нашей программы: «церковь отделяется от государства», а в ст. 4: «школа отделяется от церкви».

Но в первоначальном проекте этого параграфа нашей конституции в особенности отсутствовало требование антирелигиозной пропаганды. Но, как известно, еще в «Критике Готской программы» германской социал-демократии Маркс пишет: «Рабочая партия должна выразить свое убеждение, что буржуазная свобода совести есть не более как терпимость ко всем родам религиозной свободы совести», «рабочая же партия должна стремиться освободить

совесть от всяких религиозных призраков». И ссылки на эту критику было достаточно, чтобы комиссия в заседании с участием тов. Ленина ввела свободу антирелигиозной пропаганды и в конституцию. Поднялась впоследствии критика против слов о «религиозной свободе», но эта критика была неосновательна, что вполне подтвердила дальнейшая практика.

Возьмите «Русские Ведомости» за весну 1918 г. и вы найдете там по поводу этого декрета интересную заметку известного либерала Арсеньева.[1] Этот либерал, который прежде безусловно принадлежал к искренно неверующим слоям интеллигенции, здесь оплакивает судьбу попов после декрета об отделении церкви от государства — во имя их либерального и лойяльного отношения к революции («духовенство легко могло стать защитником (?) и сотрудником (!) демократии»!). Это, между прочим, прямо опровергается фактами, ибо на колокольнях ленинградских церквей в феврале 1917 г. нашли пулеметы против народа. А в дальнейшем мы почти всю буржуазную интеллигенцию видим в числе усердных богомольцев и участников крестных ходов — в целях контрреволюции.

Как известно, религия, т. е. церковь, была прежде тесно связана с государством и ее властью. Эта связь была или чисто органическая, или параллельная, вроде некоторого двоевластия, или, наконец, побежденная церковь переходила в роль «служанки» государства.[2] Во всех этих случаях вера, религия были мощным орудием в руках государства для властвования над угнетенными массами, ибо «религия, это — опиум для народа» (Маркс). Если уже реформация означала некоторое освобождение граждан от старого режима церкви, то представители светской науки, как и предшественники Великой французской революции, вели войну на жизнь и на смерть против самой церкви. Они, борясь за просвещение, объявили войну христианской религии. Но французская революция не пошла дальше «свободы совести» и своей католической «веры для народа» не трогала. И даже, на время официально декретируя отмену христианской религии, она в то же время ввела еще более торжественный культ Разума, как «Верховного Существа». В декларациях и конституциях оставалась та же свобода совести, как свобода вероисповедания, не больше. А об отношениях прав человека и гражданина к религии К. Маркс писал еще в молодости:

---

[1] В № «Русских Ведомостей» от 7 февраля 1918 г. мы читаем статью такого же либерала Белоусова, заканчивающуюся словами: «Пожелаем же церкви успеха в доброй ее брани», т. е. против декрета об отделении церкви от государства.

[2] Еще Адам Смит писал: «В стране, где существует только одна господствующая религия . . . суверен никогда не может считать себя вне опасности, если он не имеет средств приобрести значительное влияние на большинство тех, которые преподают эту религию».

«Непримиримость религии с правами человека так мало содержится в понятии прав человека, что право человека быть религиозным, как ему угодно, исполнять свободно обряды своей религии, напротив, положительно причислено к правам человека. Привилегия веры, таким образом, объявлена общим правом человека» («Nachlass», I стр., 392).

Но и там, где буржуазия как будто бы осталась верна своей антирелигиозности, как, например, при составлении прусской конституции, где еще в доконституционном «ландрехте» (земском праве) смело провозглашали, что «каждому жителю в государстве должна быть предоставлена полная свобода вероисповедания и совести», и где конституция предусматривала право находиться вне всякого исповедания (konfessionslos), практика легко парализовала эти свободы. По основному закону конституции каждый гражданин мог оставаться вне церкви, но по общему закону он должен был воспитывать своих детей в христианской или иной легальной вере, и за неисполнение этого закона он предавался уголовному суду, а дети у него отбирались и сдавались в опеку. Вот какова была буржуазная свобода вероисповедания! Левому с.-д. Гофману, например, пришлось своих детей записывать в еврейскую веру, чтобы освободить их от тлетворного обучения в религиозном духе. Там чисто научное выступление против религии подводилось под богохульство или, по крайней мере, под преступное и наказуемое «хулиганство» (Unfug).

Здесь необходимо коснуться еще вопроса, лишь косвенно затрагивающего конституцию. Это вопрос о том, как объяснить кажущееся противоречие между конституциею и партийною программою ВКП (б). Наша конституция имеет в виду всех граждан и ограничивается по отношению к ним свободою религиозной и антирелигиозной пропаганды. Коммунистическая партия не удовлетворилась прежнею программою «об отделении церкви от государства» и «о неограниченной свободе совести». Программа Коммунистической партии требует от всех своих членов определенной борьбы против религиозности, «организуя самую широкую научно-просветительную и антирелигиозную пропаганду», «заботливо избегая всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма». Такая осторожность, однако, относится лишь к стоящим вне партии лицам; по отношению к членам партии, коммунистам, действует правило, что служение коммунизму «несоединимо с принадлежностью к церкви».

Одним из наших первых важнейших декретов, как я уже сказал, был декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви от 23 января 1918 г. («Собр. Узак.» № 18, ст. 263, 1918 г.). Само по себе отделение церкви от государства есть требование буржуазное, и оно проведено в жизнь не только в Америке, но и во Франции. Те же «Русские Ведомости»

*

зло высмеивали наш декрет, проведенный якобы в один вечер (на деле над его подготовкой работали сравнительно долго, несколько недель, с участием даже специалистов), тогда как во Франции этот закон обсуждался целых 12 лет! Великая французская революция католической церкви не трогала. Но и повод к изданию этого закона во Франции не имел ничего общего с борьбою против религии, — это был чисто политический спор против светской власти папы. Соответственно тому и самый текст его был умеренным, а сейчас идет вопрос о его отмене и возврате церкви ее имущества. В Америке закон на словах более решителен: он не дает церкви права юридического лица, но он не преследует за фиктивное владение церковью имуществом на имя частного лица, и по сметам отпускает богатые средства на религию. А в последнее время ведется отчаянная борьба против антирелигиозных течений во имя равноправия всех религий и против антирелигиозной науки (даже дарвинизма).

Наш декрет преследовал не только политическую цель — лишить церковь власти над умами и косвенно даже над государственною властью, для чего мы объявили конфискацию церковных имуществ и запретили церкви владение имуществом, — но имел в виду и духовное раскрепощение масс.

Поэтому церковь отделяется от государства, каждый гражданин может исповедывать любую религию или не исповедывать никакой. Отменяются всякие ограничения, связанные с исповеданием той или иной религии. Ни в каких документах не должна обозначаться принадлежность к той или иной религии. Действия государственных или иных публично-правовых общественных установлений не сопровождаются никакими религиозными обрядами или церемониями, религиозная клятва или присяга отменяется и заменяется торжественным обещанием. Акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданскою властью. Свободное исполнение религиозных обрядов обеспечивается постольку, поскольку оно не нарушает общественного порядка и не сопровождается посягательством на права граждан Советской Республики. И никто не может, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от исполнения своих гражданских обязанностей. Изъятия из этого, с заменою другою обязанностью, допускаются лишь по решению суда.

Школа отделяется от церкви; преподавание религиозных вероучений во всех государственных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается, но граждане могут обучаться религии частным образом. Никакие церковные общества не имеют права владеть собственностью и не имеют прав юридических лиц; церкви и предметы, предназначенные для богослужебных целей, объявленные народным достоянием, сдаются в бесплатное пользование религиозных обществ.

Таков декрет, который не только боялись провести коалиционные буржуазные правительства, но от проведения которого ждали падения власти коммунистов. Страхи были преувеличены. Но из этого не вытекает, чтобы опасность религиозного дурмана окончательно миновала. Особенно в последнее время, когда вся борьба концентрируется на хозяйственном фронте, замечается оживление религиозно-политической пропаганды как попов, так и разных сектантов. Правда, у нас имеется в Москве особый «союз безбожников СССР», [1] он имеет 114 000 членов, свое издательство и свои журналы: «Безбожник у станка» (тираж 70 000), «Антирелигиозник», на русском, журнал на татарском и литературу на разных языках, но этого всего недостаточно на необъятный Союз ССР. Партия в последнее время стала требовать большего оживления этого движения.

Близкую связь с вопросом о свободе вероисповедания имеет вопрос о воинской повинности сектантов, отвергающих, по религиозным соображениям, отбывание воинской повинности. Прежний режим таких лиц ссылал на поселение и заключал в тюрьму или доводил их (например, духоборов) до эмиграции. Советская власть подобных мер, конечно, применять не могла, но в то же время она должна была иметь гарантии, что такое заявление о своих «религиозных предубеждениях» против воинской повинности не скрывает просто нежелание защищать социалистическое отечество. Как мы уже видели выше, наш декрет об отделении церкви от государства разрешил суду освободить сектантов, но с возложением обязанности исполнять иную задачу. Впоследствии декретом от 4 января 1919 г. («Собр. Узак.», 1919 г., № 17, ст. 192) предписывалось народному суду: заменять военную службу на определенный срок службы призыва их сверстников санитарною службою, преимущественно в заразных госпиталях, или иной соответствующей общеполезной работою по выбору самого призываемого, проверив по каждому делу, исключает ли данное религиозное убеждение участие в военной службе вообще и действует ли данное лицо искренно и добросовестно. В исключительных случаях допускается ходатайство пред Президиумом ВЦИК'а о полном освобождении того или иного лица без всякой замены. Впоследствии, в виду злоупотреблений, было установлено, что о своем религиозном убеждении призываемый должен заявить не позже дня явки его сверстников в присутствие, а с 21 декабря 1920 г. — за неделю до срока призыва. Дела об освобождении от военной службы ныне подсудны Окрсуду. Во всех этих декретах Советская власть остается верна своему принципу и ищет только способов предупредить неискренние уклонения от исполнения своего долга.

И Маркс, как известно, не удовлетворялся требованием отде-

[1] Подробнее смотри ст. «Антирелигиозная пропаганда» в «Большой Советской Энциклопедии» (III, с. 60 и сл.).

ления церкви от государства. «Человек — писал он — освобождается от религии, если он религию из области государственного права переносит в право частное... Но такое разделение человека на гражданина и на частного человека, перемещение религии из принадлежности государства в гражданское общество не отменяет и не стремится отменить религиозность человека... Он не освобождается от веры, но лишь приобретает свободу вероисповедания» (Маркс, «Nachlass», I, стр. 409, 422). «Основою антирелигиозной критики служит то положение, что человек делает религию, а не религия человека» (там же, стр. 384).

«А как разрешается всякое противоречие вообще? Тем, что оно делается невозможным. И как делается невозможным религиозное противоречие? Тем, что отменяется религия... тогда эти противоречия между собою находятся в противоречиях не религиозных (сверхъестественных), а в критических, научных, т. е. человеческих. Тогда наука объединяет эти противоречия, ибо в науке все противоречия разрешаются научным путем» (там же, стр. 401). «Наука — вот сила, побеждающая веру».

3. Доступ к знанию

«В целях обеспечения за трудящимися действительного доступа к знанию РСФСР ставит своей задачей предоставить им полное, всестороннее и бесплатное образование». (Ст. 8-я конституции.)

«Только тогда, когда наука и рабочие — эти два противоположных полюса общества — объединятся, они в своих железных объятиях сломят все препятствия, не дающие дороги культуре» (Ф. Лассаль, «Наука и рабочие»).

Если я сопоставил, в первую очередь, действительную свободу совести с действительно свободным доступом к знанию, то такое сопоставление особого пояснения не требует. Вся предыдущая глава является красноречивым доказательством этого тезиса. Но остается рассмотреть вопрос с точки зрения развития буржуазного общества и с точки зрения классовой борьбы.

Много говорилось о культуре и знании, как следствии буржуазной демократии, и частица правды в этих словах имелась. Но только очень ограниченная правда. Если начальное народное образование, попросту говоря — грамотность, для части рабочего населения, так называемого квалифицированного рабочего, показалось полезным и с точки зрения капиталиста, то грамотность вообще кажется ему лишнею для всей остальной массы рабочих, не говоря уже о крестьянстве. Но, главное, все народное образование приурочено в буржуазном обществе к одной цели: к укреплению господства буржуазии. А самый ход развития промышленности и капитализма имеет прямую тенденцию к разъединению, к раздвоению науки и труда.

Я ссылаюсь лишь на I том «Капитала» Маркса (стр. 352), где он показывает, как развитие разделения труда «разъединяет науку и рабочего» и «отдает науку в рабство капитализму».

Эта двойственная роль науки в буржуазном обществе, как рабыни и одновременно поработительницы, накладывает свою печать и на тот общественный слой, который с большим или меньшим правом зачисляется в жрецы науки. Этот слой в силу такого хода развития занимает свой пост на стороне капитала. Но одновременно он чувствует и свой собственный гнет, если такое состояние угнетения недостаточно прикрывают подачки капитала, и, как Маркс и Энгельс говорят в своем «Коммунистическом манифесте», — в решающий момент одна часть господствующего класса переходит на сторону революционных классов.

Но и наука сама в целом в буржуазном обществе находится на противоположном полюсе по отношению к рабочему, и образованный рабочий в буржуазном обществе всегда является в некотором роде белым вороном. В этих случаях он сам весьма часто тонет в рядах прочей «интеллигенции». Только ниспровержение господства капитала открывает свободный доступ рабочему к науке и науке к рабочему. Формула «бесплатное полное и всестороннее образование для трудящихся» составляет тот лозунг, который выдвигается Советскою конституциею. Но это пока только лозунг. Предстоит еще гигантская борьба, чтобы провести в жизнь этот лозунг, как лозунг длительной работы. Бойкот, стачка, саботаж, в лучшем случае, равнодушие со стороны большинства интеллигенции, разруха, голод, вообще недостаток материальных средств, — таковы были главные противники в борьбе на этом фронте. От общедоступного для всех высшего образования пришлось отступить к ударной задаче — борьбе против безграмотности, с лозунгом: «Долой неграмотность к десятилетней годовщине Советской власти». Правда, этой цели мы к десятилетию не достигли и срок пришлось отодвинуть. Но все же процент грамотных с 355 на 1000 в 1920 г. поднялся до 455 в 1927 г. Особенно силен в процентном отношении рост у бывших угнетенных национальностей. Но такие учреждения, как «рабочие факультеты» (рабфаки) и «коммунистические университеты» для рабочих, во всяком случае, представляют резкий контраст с надписью над нашими старыми средними и высшими учебными заведениями: «кухаркиным детям вход воспрещается». [1]

«Мы вынуждены признать коренную перемену всей нашей точки зрения на социализм. Эта коренная перемена заключается в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть

---

[1] По РСФСР % рабочих среди учащихся ВУЗОВ был в 1924 г. 15%, в 1927 г. уже 25,3%; крестьян 22,6% в 1924 г. и 26% в 1927 г. А количество рабфаковцев в 1927 г. по всему Союзу возросло до 145 000!

на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную культурную работу. У нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим. Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной». (Ленин, XVIII, 2, стр. 144 — 145.)

Каутский как-то высмеивал образовательную роль, приписываемую у нас Красной армии. Подобное легкомысленное суждение объясняется полным неведением того, что происходит в действительности в России. Нет другой страны и другой революции, в которой просвещение, а в первую голову — политическое просвещение, играло бы такую выдающуюся роль, как в Красной армии РСФСР. [1] Относительно нашей Красной армии можно сказать, что она вносит в широкие массы деревни знание и, по крайней мере, жажду знания. Ведь в армии возникли впервые те учреждения политического просвещения, которые, объединенные под названием Главполитпросвета, распространяют эти новые методы на все трудящееся население. Но вместо мировоззрения общества прошлого — феодального или христианского и буржуазного, или, по определению Энгельса, юридического — здесь вырабатывается и распространяется мировоззрение будущего общества, коммунистическое.

4. Свобода печати

«В целях обеспечения за трудящимися *действительной* свободы выражения своих мнений РСФСР уничтожает зависимость печати от капитала и предоставляет в руки *рабочего класса и крестьянства* все технические и материальные средства к изданию газет, брошюр, книг и всяких других произведений печати и обеспечивает их свободное распространение по всей стране». (§ 5 конституции.)

По поводу этой статьи нас, коммунистов, упрекают в том, что мы упразднили свободу печати. Но чью свободу? *Исключительную* свободу буржуазии, *привилегию* контр-революции на свободу печати. Нашей конституции противопоставляют демократическую свободу — для буржуазии. Как известно, печать является одним из наиболее сильных средств поддержки и защиты буржуазной классовой диктатуры. Та умственная зависимость от буржуазии, на которой в значительной степени зиждется вся власть класса имущих, поддерживается, в первую очередь, церковью, школою и печатью, как средствами убежде-

[1] См. дальше о РКК Армии.

ния. Мы уже видели, как нам пришлось освободить трудящихся от влияния церкви, и мы уже рассмотрели процесс раскрепощения народного образования. Нам необходимо проделать то же самое и по отношению к печати. Лживость и лицемерие печати буржуазии и ее подголосков особенно ярко проявляются в моменты подъема пролетарской революции. Просмотрите теперь газеты буржуазии первых месяцев после Октябрьской революции, и вы скажете, что Советская власть права была, упразднив ее. Ту же самую характеристику всякий революционер даст для буржуазной печати, начиная с 1918 г. в Германии и в прочих странах.

Но даже при ясно выраженной букве свободы печати — на деле ее в буржуазном обществе для неимущих классов нет и не может быть. Печать в буржуазном обществе — предприятия капиталистические, особенно газетное дело. Газета требует больших материальных средств. Когда, например, французская социалистическая партия еще задолго до войны при Жоресе вздумала учредить свою собственную и независимую газету, «L'Humanité», то она достигла этого лишь при помощи пособия в несколько десятков тысяч марок от германской с.-д. партии. Газета в буржуазном обществе сама обыкновенно не оплачивается, она существует на плату за объявления или на явные или скрытые субсидии буржуазии, обычно финансового капитала. Для них читатели не важны как доход, а важны лишь как объект одурманивания.

Когда в России разыгралась Февральская революция, то печать у такой сильной партии, какою были большевики, существовала лишь с большим трудом, ибо у нее не было своей типографии и недоставало бумаги. Тяжелыми жертвами пролетариат создал свою типографию в Ленинграде, а в один прекрасный день в нее ворвались контр-революционные юнкера, испортили машины и бумагу, и большевики остались на несколько дней без газеты. Еще хуже было дело в Германии. После ноябрьской революции 1918 г. группа К. Либкнехта и независимцы по нашему примеру захватили две типографии: официозной газеты «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» и «Lokal Anzeiger», собственность личного приятеля имп. Вильгельма — Шерля. Революционное правительство, однако, их оттуда удалило, и группа Спартака после победы революции десять дней оставалась без типографии, а стало быть, и без газеты. Король капиталистов Германии Стиннес скупал газеты и владел целою сотнею их. Всякий буржуазный прокурор хорошо оценивает значение типографии для газеты. Так, прежде в России уничтожали по суду типографские станки, использованные для печатания нелегальщины. А в «свободнейшей демократии» (см. берлинскую «Rote Fahne» от 15 апреля 1921 г.) республиканский прокурор «на законном основании» предложил «обезвредить (т. е. испортить лишением необходимых частей) ротационную машину типографии» означенной газеты, и республи-

канский суд утвердил это распоряжение, «так как означенная машина использована и предназначена для совершения покушения на преступление, почему допустима возможность ее конфискации, кроме того, она является вещественным доказательством». (Это говорится про легальную типографию.) Кажется, с таким же правом можно наложить секвестр и на весь дом, где работает типография, как «на вещественное доказательство и средство распространения революционного воззвания». Лицемерие, содержащееся в этом постановлении суда, конечно, никого не удивляет: оно вытекает из характера самого «демократического права». Но факт характерен для иллюстрации того, что означает демократическая свобода печати.

Свободы печати нет у того слоя населения, у которого нет материальных и технических средств для печатания. Наша конституция исходила не только из того соображения, что этих средств тогда в РСФСР для всех классов нехватало, но и откровенно из того обстоятельства, что имущим классам предоставить это право на время гражданской войны и не предполагается. А в результате громадный рост печати. По докладу тов. Луначарского на юбилейной сессии ЦИКС, уже в 1922 г. мы превзошли тираж газет самых выгодных довоенных годов. Тогда выпускали 2 500 000 экземпляров, а в 1926 г. уже 6 миллионов, в 1927 г. 8 милл. А читатели этих газет, по крайней мере, на $^3/_4$ рабочие и крестьяне. В 1910 г. у нас было $3^1/_2$ миллионов оттисков учебников по технике, в 1926 г. — 35 милл. или в 10 раз больше и т. д. А все преимущественно для рабочих и крестьян.

5. Свобода собраний

«В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы собраний РСФСР, признавая право граждан Советской Республики свободно устраивать собрания, митинги, шествия и т. п., представляет в распоряжение рабочего класса и крестьянства все пригодные для устройства народных собраний помещения» (ст. 6-я конституции).

Мы уже видели, что буржуазная демократия в своих конституциях обещает свободу собрания всем, но в пределах особых законов. Наша конституция таких ограничительных законов не знает. Так, напр., буржуазия в своем страхе пред собраниями рабочих масс, как принято говорить, — «пред улицею», идет так далеко, что запрещает всякие собрания на известном расстоянии от места заседания парламента (напр., рейхстага в Германии, в царское время — Государственной Думы и т. д.).

Но это неразрешение или запрещение только одна и не самая важная сторона. Чтобы собраться, необходимо помеще-

ние. Буржуазия для своих собраний всегда находила помещение. Даже при царе буржуазия устраивала свободно банкеты. А рабочие? Даже в странах с наибольшими «гарантиями» помещения для их собраний нигде не обеспечены. Помещения являются собственностью капиталистов, которые их вольны сдавать или не сдавать. В Германии, напр., эти помещения заключаются в сдаваемых в наем ресторанных залах — с обязательным распитием пива («Bierzwang»). Да и при этих условиях количество помещений для рабочих собраний весьма ограничено.

Советская Республика в этом отношении старается реально обеспечить свободу собраний, и нигде в мире не происходит столько собраний трудящихся, как в России.

6. Свобода обществ и союзов

«В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы союзов РСФСР, сломив экономическую и политическую власть имущих классов и этим устранив все препятствия, которые до сих пор мешали в буржуазном обществе рабочим и крестьянам пользоваться свободой организации и действия, оказывает рабочим и крестьянам содействие для их объединения и организации» (ст. 7-я конституции).

А во время французской революции? Законы 2/III и 14/VI 1791 г. запретили всякие коалиции, т. е. союзы, и в учредительном собрании докладчик Шапелье прямо заявил: «Такие союзы не могут иметь никаких общих интересов». Честный либеральный буржуа, проф. Гамбаров, говорит: «Они (эти французские законы) были направлены против стачек рабочих и охраняли свободу предпринимателей против свободы рабочих». Основатель классической политической экономии Адам Смит определенно высказался «против свободы союзов (ассоциаций), как противоречащих индивидуальной свободе», и т. д.

Известный германский ученый Л. Штейн откровенно писал в 1865 г.: «Политические союзы предполагают собою глубокое противоречие между существующим строем и требованиями народа или живое развитие внутреннего государственного права. В первом случае, — а в буржуазном государстве к этому случаю относятся союзы рабочих, — они, конечно, являются опасными для существующего строя, а поэтому большею частью бывают запрещаемы и преследуемы: во втором — они служат выражением своего времени, органическим элементом прогресса» («Учение об управлении», стр. 39). Не бесподобна ли эта классическая ученая формулировка буржуазной свободы и политики «равноправия»?

Поэтому мы видим, что и при постепенном расширении свободы союзов трудящихся в буржуазном государстве она нигде не

всеобща, и особенно по отношению к деревне, не говоря уже о фактической несвободе трудящихся при неограниченной свободе капиталистов. Советская власть, как власть трудящихся, напротив, в этих союзах рабочих видит свою главную опору. «С переходом политической власти в руки пролетариата профессиональным союзам приходится выступать все более и более в роли строителей нового общества, организация которого должна заменить прежний эксплоататорский класс, все старые традиции и предрассудки старой науки (Ленин, XVI, стр. 17). Поэтому Советская власть не только провозглашает реальную свободу, т. е. обязанность Советского государства поддерживать на деле всякими способами эту организацию рабочего класса в самом широком смысле — и на этот счет нечего повторять сказанное в предыдущих главах, — но и привлекает всякого рода союзы трудящихся к прямому участию в государственной власти, и на этом явлении необходимо несколько остановиться теоретически.

Мы знаем, что и в буржуазном обществе государственная власть известные функции своей власти предоставляет частным союзам, но или фактически (финансовый капитал, например, в лице банков фактически руководит этою властью) или же на основании договора. То или иное буржуазное общество за особую мзду (за участие в государственной доле капиталистической прибыли) принимает на себя те или иные функции публичного характера, не выходя из пределов сферы гражданского права. [1]

«С одной стороны, поголовно охватывая, включая в ряды организации индустриальных рабочих, профсоюзы являются организацией правящего, господствующего, правительствующего класса, того класса, который осуществляет диктатуру, того класса, который осуществляет государственное принуждение. Но это не есть организация государственная, это не есть организация принуждения, это есть организация воспитательная, организация вовлечения, обучения, это есть школа, школа управления, школа хозяйничанья, школа коммунизма. Это совсем не обычного типа школа, ибо мы имеем дело не с преподавателями и учениками, а мы имеем дело с некоторым чрезвычайно своеобразным сочетанием того, что осталось от капитализма и что не могло не остаться, и того, что выдвигают из своей среды революционно-передовые отряды, так сказать, революционный авангард пролетариата» (Ленин, XVIII, 1, стр. 8).

Положение профсоюзов становится совершенно исключительным, чем-то средним, связующим между Партиею, государственной властью и массами трудящихся. «Профсоюзы, по месту их в системе диктатуры пролетариата, стоят, если можно так выра-

[1] Пока буржуазное государство еще не окрепло, оно передавало иногда и прямо политические функции в колониях частным акционерным обществам, но одновременно предоставляя им свободу хищения.

зиться, между Партией и государственной властью. При переходе к социализму неизбежна диктатура пролетариата, но поголовной организацией промышленных рабочих эта диктатура не осуществляется. Почему? Мы можем об этом прочесть в тезисах II съезда Коминтерна о роли политической партии вообще. Здесь я не буду на этом останавливаться. Получается такая вещь, что Партия, так сказать, вбирает в себя авангард пролетариата, и этот авангард осуществляет диктатуру пролетариата. Не имея такого фундамента, как профсоюзы, нельзя осуществлять диктатуру, нельзя выполнить государственные функции. Осуществлять же их приходится через ряд особых учреждений опять-таки нового какого-то типа, именно через советский аппарат. В чем своеобразность этого положения в отношении практических выводов? В том, что профсоюзы создают связь авангарда с массами, профсоюзы повседневной работой убеждают массы, массы того класса, который один только в состоянии перевести нас от капитализма к коммунизму. Это — с одной стороны. С другой стороны, профсоюзы — «резервуар» государственной власти. Вот что такое профсоюзы в период, переходный от капитализма к коммунизму». (Там же.)

При нэпе союзы являются одновременно и органами власти и органами классовой борьбы в прежнем смысле (например, стачки и стачечные фонды — против капиталистических предприятий) и, наконец, словами Ленина, школою коммунизма.[1]

Кодекс законов о Труде, на этот раз не декларация, но суровая для класса капиталистов действительность, признает профсоюзы официальными представителями рабочего класса по отношению к производству. Профсоюзы сами себя регистрируют и т. д., они заступают не только класс в целом, но и отдельных членов. Таких широких прав профсоюзы могут достигнуть только при власти пролетариата.

При таком понимании роли союзов трудящихся при Советской власти ст. 7-я конституции не остается пустым звуком. Профсоюзы в буржуазном обществе борются за лозунг: недопущение на работу иных рабочих, как только объединенных в союзы. При Совет-

---

[1] Тому соответствует рост количества организованных в профсоюзах: К III Всероссийской конференции число организованных в союзы рабочих составляло 1 475 420 человек, объединенных в 967 отдельных союзах. К I съезду (январь 1918 г.) число организованных рабочих выросло уже до 2 638 812 человек, ко II съезду (январь 1919 г.) — до 3 422 000 человек, к III съезду (март 1920 г.) до 4 227 000 человек, к IV съезду (май 1921 г.) до 8 485 000 человек, к V съезду (сентябрь 1922 г.) — 4 546 097 (вследствие утраты кустарями права быть членами профсоюзов) человек, к VI съезду (ноябрь 1924 г.) — 6 430 500 человек и к VII съезду (декабрь 1926 г.) — 9 278 400 человек. В 1927 году число членов различных профессиональных союзов превышало уже 10 миллионов. А в декабре 1928 г. председатель ВЦСПС на съезде профсоюзов мог уже выступить от имени 11 млн организованных.

ской власти это положение само собою разумеется. Но в члены союзов рабочие поступают свободно, они сами выбирают свои правления и т. д.

Потребительские кооперативы в буржуазном обществе мечтают о расширении своей сети, Советская власть всячески на деле поощряет организацию в кооперативные товарищества, предоставляя почти равные преимущества с госпредприятиями, но кооперативы по своей конструкции остаются свободными обществами. «Посмотрите, как изменилось дело теперь, раз государственная власть уже в руках рабочего класса, и раз политическая власть эксплоататоров свергнута, и раз все средства производства (кроме тех, которые рабочее государство добровольно отдает на время и условно эксплоататорам в концессию) находятся в руках рабочего класса. Теперь мы в праве сказать, что простой рост кооперации для нас тождественен с ростом социализма». (Ленин, XVIII, 2, стр. 144.) [1]

Когда писалась наскоро ст. 16-я (ныне 7-я) конституции, слова: «всяческое содействие, материальное и иное, для объединения и организации их» (т. е. трудящихся) — понимались не так широко, т. е. такое широкое понимание не сознавалось. Еще не было опыта, из которого можно было исходить, и формулировка получилась несколько абстрактной. Жизнь не оправдала и влила и вливает в нее все новое, богатое содержание.

---

[1] Какой громадный и быстрый прирост показывала, напр., одна потребительская кооперация, показывает пара цифр:

	Число потребительск. обществ	Число лавок	Число членов
1 октября 1923 г.	19 124	26 660	5 265 000
1 » 1924 »	22 621	37 129	7 093 000
1 » 1925 »	25 625	51 458	9 436 000
1 » 1926 »	28 656	62 736	12 462 000
1 » 1927 »	28 616	71 143	15 074 000

На 1/X 1927 г. из общего числа членов в 15 миллионов на городские и рабочие общества приходилось 5,8 милл., а на сельские общества — 9,3 милл.

А вот каков удельный вес кооперации во всем общем товарообороте страны за 1926/27 гг. в процентах:

	Оптовый	Розничный	Весь оборот
Государственная торговля	45,9	10,3	30,8
Кооперативная торговля	49,3	32,5	50,7
Частная торговля	4,8	37,0	18,5

Эти данные относятся к торговле всех видов кооперации, но так как потребительская кооперация в общем торговом кооперативном обороте занимает 67%, то эти цифры сохраняют и для нее показательное значение.

7. Буржуазное право на труд и пролетарская трудовая повинность

«РСФСР признает труд обязанностью всех граждан Республики (и провозглашает лозунг: «не трудящийся да не ест»): так гласила прежняя ст. 17-я конституции. Ныне в ст. 9-й последние слова («и провозглашает» и т. д.) в виду отступления к нэпу отброшены. Ленин им придавал большое значение:

«Кто не работает, тот да не ест», — это понятно всякому трудящемуся. С этим согласны все рабочие, все беднейшие и даже средние крестьяне, все, кто видал в жизни нужду, все, кто жил когда-либо своим заработком. Девять десятых населения России согласны с этой истиной. В этой простой, простейшей и очевиднейшей истине — основа социализма, неискоренимый источник его силы, неистребимый залог его окончательной победы» (XV, стр. 296).

Как известно, в революции 1848 г. рабочие Франции выдвинули в иных условиях иной лозунг: «право на труд». Мы уже видели, что суть буржуазной свободы, как результат Великой французской революции, заключается в обеспечении политической свободы гражданина тем, что на него возложены известные обязанности и соответственно тому ему предоставлены известные права. Он экономически «свободен»: он «по своему уссмотрению» может располагать своим трудом и своими доходами. Что это означает? Это означает, что эта область — частное дело каждого: имеет ли он работу, ест ли он или голодает и с голоду умирает, это — его «частное дело». Так же, как его частным делом является то обстоятельство, что он является тунеядцем, т. е. объедается на счет чужого труда.

Когда у нас писалась эта статья конституции, пред нами стояла задача: подчеркнуть, что тогда как в буржуазном обществе трудовая повинность на деле существует всюду для рабочего, она отсутствует для богачей и тунеядцев. Вот против кого и чего направлена эта статья. Прочтите только идиллию, описываемую Каутским из эпохи капитализма: «У капиталиста имеется более легкая возможность подбора своих рабочих сил и более сильный рычаг, ибо бич голода действеннее кожаного хлыста... стремление вводить «сберегающие труд» машины становится тем сильнее, чем более возрастает сила пролетариата». «Его растущая интеллигентность облегчает и впервые делает возможным введение машин и т. д.». В действительности еще Маркс доказал, что машины для капиталистов важны лишь в том случае, если они приносят сбережение оплаченной рабочей силы. Следовательно, лишь высокая заработная плата поощряет введение и усовершенствование машины, увеличивая при этом, в свою очередь, резервную армию безработных. Но, как я

уже сказал, этот вопрос не имеет прямого отношения к нашей конституции.

Прочтите историю революции 1848 года во Франции, и вы увидите, как тогда ухватились рабочие за свой утопический лозунг «право на труд», как единственное средство от голода. Но капиталистическое общество этого лозунга удовлетворить не может, ему органически необходимы армии безработных.

Каждой Советской республике, как форме диктатуры пролетариата, придется принять и эту статью, ибо «новое общество, — что знал еще Маккиавелли, — может существовать только при условии отсутствия тунеядцев». И задача хозяйственного плана — урегулировать все сферы труда, если необходимо — путем принудительной мобилизации элементов, стоящих до тех пор вне профсоюзов. [1]

8. Буржуазная оборона и защита социалистического отечества

«В целях всемерной охраны завоеваний Великой Рабоче-Крестьянской Революции РСФСР признает обязанностью всех граждан Республики защиту социалистического отечества и устанавливает всеобщую воинскую повинность. Почетное право защищать революцию с оружием в руках предоставляется только трудящимся; на нетрудовые же элементы возлагается отправление иных военных обязанностей» (ст. 10-я конституции).

Не противоречит ли первая часть этой статьи словам «Коммунистического манифеста»: «У рабочих нет отечества, и то, чего у них нет, у них и отнять нельзя».

А другие (напр., Каутский) возражают против второй ее части ссылкою на слова Маркса о Парижской Коммуне: «Первым декретом Коммуны было искоренение постоянного войска и его замена вооруженным народом (национальною гвардиею)...». Цитированные здесь соображения твердо устанавливают, что Маркс для той стадии, которую Энгельс (в предисловии к «Гражданской войне») обозначал как диктатуру пролетариата, предусматривал крайне слабое центральное правительство без постоянного войска, без политической полиции и лишь с немногими функциями.

Остановимся здесь только вкратце на вопросе о «вооруженном народе» (национальной гвардии). «Во Франции, — писал Энгельс, — после каждой революции рабочие бывали вооружены; поэтому, для буржуа, находившихся у государственного кормила, первой заповедью было разоруже-

[1] По новому К. Тр. трудовая повинность применяется лишь в исключительных случаях (в борьбе со стихийным бедствием, при недостатке в рабочей силе для выполнения важнейших государственных заданий).

ние рабочих». Вся суть Красной армии заключается в ее цели и классовой организации, а не в отречении от всякой действительной вооруженной силы. Маркс критиковал Коммуну как раз за ее нерешительность в военном смысле, упрекал ее, например, в том, что она не напала немедленно на Версаль, пока контрреволюция еще не сорганизовалась, и т. д. А «генерал от революции» Энгельс еще более резко характеризовал ее военную слабость, и участники Коммуны в достаточной мере описывают слабые стороны военных сил Коммуны. Советская Россия также начала с добровольной Красной гвардии, но, имея дело с высоко развитыми силами мирового милитаризма, она вынуждена была создать Рабоче-Крестьянскую Красную армию. И это как раз один из ценнейших опытов, внесенных Россиею во всемирную революцию. Ни одна другая пролетарская революция без таковой не обойдется.

Я уже указал выше на буржуазный характер понятия «отечество — территория» государства. Вопрос об отечестве в этой плоскости принял очень острую форму в 1914 г., когда вся социал-демократия всего мира, почти без исключения, стала на точку зрения обороны общего с буржуазиею отечества. Фразу «Коммунистического манифеста» стали оспаривать, но Маркс в обращении Генерального Совета I Интернационала к тредъюнионам в 1868 г. повторно писал: «Основой общественного строя должно быть братство трудящихся, свободных от мелкой национальной зависти. Труд не имеет отечества». Здесь, конечно, не место излагать всю историю того, как I и II Интернационалы относились к вопросу о войне и об отечестве, достаточно указать на последовательное проведение принципа отказа в военных кредитах и на резолюции Штуттгартского (1907), Копенгагенского (1910) и Базельского (1912) международных конгрессов о превращении войны в революцию. Но за всеми этими резолюциями давно поднимал голову оппортунизм: в Германии давно существовало мнение, что изречение Маркса как бы устарело и что рабочий уже в буржуазном государстве имеет отечество.

Революция выдвинула определенно иной лозунг. Уже умеренный манифест Циммервальда гласил: «Капиталисты всех стран утверждают, что война служит защите отечества... — они лгут». Известно, что в дальнейшем слово «пораженец» сделалось кличкою для революционера, а «оборонец» — для контр-революционера. Не противоречием ли является то, что мы вдруг заговорили о защите отечества? Нет. После победы Октябрьской революции тов. Ленин открыто заявил, что теперь рабочий имеет свое отечество, РСФСР, которое он должен защищать, ибо он одновременно с тем защищает и революцию. Но еще в 1915 г. заграничный «Коммунист» (№№ 1 и 2) писал, что «войны Великой французской революции так же были большею частью справедливыми войнами, и итальянские войны были

«справедливыми» войнами. А могут ли иметь место «справедливые» войны теперь, в империалистическую эпоху? Да, могут. Но только в двух случаях. Первый — война победившего в какой-либо стране пролетариата, обороняющего завоеванный социалистический строй против других государств, отстаивающих капиталистический режим. Второй — война Китая, Индии и др. стран, служащих объектами угнетения со стороны империалистических правительств». В такой концепции мы должны понять и слова «Коммунистического манифеста», что пролетариат до победы над капитализмом не имеет отечества. И только.

По поводу Красной армии Каутский и товарищи упрекают нас в милитаризме. После сказанного для всякого ясен провокаторский[1] смысл этих упреков. Пока победивший пролетариат имеет дело с капиталистическим противником, он должен защищаться теми же средствами, и было бы смешно и нелепо против пулемета выступать с косою и топором. Но состав армии трудящихся, ее командный состав, а вследствие того и внутренний строй, изменились до неузнаваемости. Количество превратилось в новое качество.

В таких условиях, конечно, разница большая между трудящимися и их классовыми противниками. Война РСФСР всегда будет классовою, гражданскою войною, и поэтому нельзя в войсках признавать равноправия всех классов. Бывают моменты и условия, когда спецы или иные лица другого класса по националистическим или иным соображениям честно участвуют в войне на стороне пролетариата. Их необходимо и приходится использовать, но это все-таки исключения. Чтобы из принадлежности к другому классу не создавать привилегии свободы от воинской повинности, необходимо было установить правило, что на нетрудовые элементы возлагается отправление иных военных обязанностей. О прочих исключениях, в связи, например, с религиозными убеждениями, мы уже говорили выше.

9. Национальное равноправие

«РСФСР, исходя из равенства прав граждан, независимо от их расовой и национальной принадлежности, объявляет совершенно несовместимым с основными законами Республики, какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия, а тем более установление или допущение каких бы то ни было (прямых или косвенных) преимуществ для отдельных национальностей, и признает право за отдельными национальностями на выделение, по решению их Съездов Советов, с

[1] Ныне эти замыслы Каутского обнаружены полностью, ибо весною 1925 г. он во II Интернационале прямо предложил поднять восстание против Советской власти. Даже меньшевики провалили его «революционное» предложение.

утверждения верховных органов РСФСР, в автономные советские социалистические республики и области.

За гражданами РСФСР признается право свободного пользования родным языком на съездах, в суде, управлении и общественной жизни. Национальным меньшинствам обеспечивается право обучения на родном языке в школе» (13-я ст. конституции).

Мы уже видели, что нация и национальный вопрос являются «завоеванием» буржуазной революции. Мы видели также, что национализм в первое время играл прогрессивную роль в освободительных войнах и в культурно-освободительном движении. Но вместе с выступлением на сцену рабочего класса, национализм превращается в средство сознательного затушевывания классовых противоречий и классовой борьбы.

Нация, как единство классов, в этих случаях выдвигалась против обострения классовой борьбы, хотя бы в виде пресловутого «Сотрудничества классов», «Социального мира» («Burgfrieden», «Union sacrée» 1914 г.) во время мировой войны. Социал-демократия прежней Австрии, представляющей особенные затруднения, как государство многонациональное, пыталась составить национальную программу для социал-демократов с целью решить национальный вопрос еще в буржуазном обществе путем образования особых национально-культурных объединений. Но в результате произошел лишь раскол социал-демократической партии Австрии по национальной линии. Теорию Реннера и Бауера можно было назвать переводом на интернациональный язык узко-австрийских особенностей. Коммунисты-большевики под руководством Ленина сразу стали на точку зрения Маркса, что лишь «по мере исчезновения классовой вражды в самих нациях исчезнет и ненависть между различными нациями», другими словами, что лишь победа пролетариата приведет к разрешению национального вопроса.

Как и многие другие вопросы, так и национальный вопрос меняет свой характер с победою пролетариата, но один лишь Ленин сразу определил ошибочность взгляда, что вместе с победою пролетариата в один миг исчезнет и национальный вопрос. Нет, только постановка вопроса будет совершенно новая.

Новую эпоху по национальному вопросу для России открывает резолюция летнего совещания ЦК РСДРП 1913 г., в которой, как результат многолетней литературной борьбы тов. Ленина, были изложены элементы истинно-социалистической программы по национальному вопросу, поскольку вообще «возможен национальный мир в капиталистическом обществе». Равноправие языков, обеспечение преподавания на всех местных языках, отсутствие обязательного государственного языка, включение в конституцию основного закона, объявляющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций

*

и какие бы то ни было нарушения прав национального меньшинства, широкая автономия и вполне демократическое местное самоуправление, слияние рабочих всех национальностей в единых пролетарских организациях, право на самоопределение, т. е. на отделение и образование самостоятельного государства угнетенных национальностей — таковы эти принципы, которые впоследствии сыграли столь важную роль в российской и всемирной революции. [1]

После Февральской революции в России у власти стало истинно-шовинистическое Временное правительство, и национально-либеральная буржуазия в национальном вопросе не нашла оппозиции даже среди с.-д. и соц.-рев. министров. Истинно-шовинистическое отношение Временного правительства в вопросах о самоопределении Финляндии, Украины (кадеты, в лице Струве и других, отрицали даже существование особой украинской национальности) и так далее может служить постыдным памятником на могиле этой коалиционной «революционной» власти.

Еще до войны в известной полемике тов. Ленина с меньшевиками, бундовцами и с Розою Люксембург вопрос о самоопределении, в чисто-буржуазном смысле государственной самостоятельности, был подробно рассмотрен. Но в этом споре речь шла больше всего о том, как должен понимать самоопределение марксист. Роза Люксембург в этом вопросе стояла за «автономию» и возражала против понимания этого слова в смысле государственного отделения. В ответ ей Ленин прежде всего процитировал слова Маркса и Энгельса.

В письме Энгельса к Каутскому (12 сентября 1882 года) мы читаем: «По моему мнению, собственно колонии, т. е. земли, занятые европейским населением, — Канада, Капская колония, Австралия, — все станут самостоятельными... Индия, может быть, сделает революцию, даже вероятно, и так как освободившийся пролетариат не может вести колониальных войн, то с этим фактом придется мириться, причем, разумеется, не обойдется и без всяческой разрухи. Но подобные вещи неотделимы от всякой революции. Одно несомненно: победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая тем своей собственной победы»...

А относительно Ирландии мы читаем в письмах Маркса к Энгельсу (в письме от 2/XI 1867 г.): «Я прежде считал отделение Ирландии от Англии невозможным. Я ныне считаю его неизбежным, хотя после этого, может быть, образуется федерация»; в письме от 30/XI 1867 г.: «Спрашивается, что нам советовать английским рабочим. По моему мнению, они должны выдвинуть

---

[1] На основании ст. 14 Союзного договора СССР декреты и постановления ЦИК и Совнаркома Союза печатаются на языках, общеупотребительных в Союзных Республиках (русском, украинском, белорусском, грузинском, армянском, тюркском).

лозунг — «разрыв союза» с Англией... Опыт должен показать впоследствии, сможет ли продолжаться личная уния между этими двумя государствами. Я наполовину уверен, что да, если это будет сделано во-время. Ирландцам нужно: 1) собственное правительство и независимость от Англии, 2) аграрная революция. 3) таможенные пошлины против Англии». И, наконец, от 10 декабря 1869 г.: «Это прямой и абсолютный интерес английского рабочего класса освободиться от нынешней связи с Ирландией. Английский рабочий класс никогда ничего не достигнет, пока он не развяжется с Ирландией»...

Все, что здесь сказано об Ирландии, ныне исполнилось буквально: почти полная независимость Ирландии (в качестве «доминиона») и аграрная революция — только путем выкупа. Через день после соглашения об Ирландской республике — в Ирландии генеральная забастовка железнодорожников и еще других рабочих. А через год умеренная английская рабочая партия на выборах в парламент выступает самостоятельно от буржуазных партий, и революционная ситуация в Англии все более и более развивается вплоть до генеральной стачки 1926 года! Надо ли еще напоминать, что Маркс отстаивал и самостоятельность Польши, ныне также сполна осуществленную. Но польские социал-демократы слепо продолжали свою веру в автономию, и Роза Люксембург даже после Октября 1917 г. еще критикует большевиков за их лозунг самоопределения. Это лучшее доказательство, как трудно побороть старые социал-демократические предрассудки даже в вопросах, по которым они прямо противоречат словам Маркса и Энгельса.

После победы пролетариата вопрос стал в порядок дня и на деле. Советская власть не поколебалась в своей декларации признать и буржуазное самоопределение Финляндии, Украины и так далее, подчеркивая тут же, что она в принципе стоит за пролетарское, т. е. советское самоопределение. Она образовала новое ведомство — Народный комиссариат по делам национальностей. Декларация Совета народных комиссаров о «правах народов России» от 2 декабря 1917 г., «исполняя волю Съездов» и «исходя из необходимости открытой и честной политики, ведущей к полному взаимному доверию народов России» на основах доверия — решила положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала:

1) равенство и суверенность народов России;

2) право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства;

3) отмену всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений;

4) свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России.

В силу этой декларации 31/X 1918 г. (см. «Собрание узако-

нений», № 80, ст. 835) вышел декрет о школах национальных меньшинств, разрешающий всюду, где не менее 25 учеников известной национальности, открыть школы на своем родном языке, и так далее.

Крупнейший шаг вперед делает программа РКП, принятая на VIII Съезде (1919 г.). Она, ставя «во главу политику сближения пролетариев и полупролетариев разных национальностей для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии», провозглашает, что «в целях преодоления недоверия со стороны трудящихся масс угнетенных стран к пролетариату государств, угнетавших эти страны, необходимо уничтожение всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы, полное равноправие наций, признание за колониями и равноправными нациями права на государственное отделение», подчеркивая, что «со стороны пролетариата тех наций, которые являлись нациями угнетающими, необходима особая предосторожность и особое внимание к пережиткам национальных чувств у трудящихся масс наций угнетенных и неполноправных».

Одновременно выставляется, как одна из переходных форм по пути к полному единству — федеративное объединение государств, организованных по советскому типу. В вопросе же о том, кто является носителем воли нации к отделению, программа руководствуется «степенью исторического развития данной нации (на пути ли она от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к советской и пролетарской демократии)».

К национальному вопросу пришлось вернуться X Съезду (1921 г.), чтобы подробнее определить задачи РКП в России, где из 140 миллионов населения 65 милл. не великороссы и где разница между ступенями развития разных национальностей крайне велика. Резолюция, требуя искренних забот о поднятии уровня культуры и развития языка каждой национальности, одновременно предупреждает как от течения, преуменьшающего его национальные особенности, так и от буржуазно-демократического течения лже-коммунистических элементов.

Надо признать, что националистические иллюзии, это — тот же известного рода дурман для народа, против которого надо бороться решительно, но умело. Поэтому Коммунистическая партия для своей, *пролетарской* организации требует *единства*, другими словами — и здесь отвергает объявление вопроса «частным делом».

На основании этих принципов в России образовалось более 30 отдельных федеративных или автономных частей, о конструкции которых нам еще придется поговорить. На этой почве ныне образовалось союзное государство «Союз ССР». И, если обратить взор на Восток и спросить, чем вызваны те симпатии к Советскому Союзу, которые господствуют среди народов Востока, чем возбуждена та революционность, о которой нам сообщают со всех

концов колониального мира, то надо сказать, что в значительной степени именно политикою СССР по национальному вопросу.

Осталось эту практику по национальному и близко связанному с ним колониальному вопросам решить в мировом масштабе. Этим вопросом занялся II съезд Коммунистического Интернационала, и к принципам, принятым РКП и провозглашенным РСФСР, была прибавлена еще особая «обязанность пролетариата держав, имеющих колонии, выражающаяся в готовности терять эти колонии и в решимости со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие жертвы ради свержения международного капитала». Признавая, что на первых порах революция в колониях и вообще отсталых странах не будет коммунистической, Коммунистическая партия не должна сливаться с буржуазной демократиею, а сохранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной его форме и, поддерживая буржуазную революцию, вести свою самостоятельную пропаганду коммунистических идей. Цель ее — «стать во главе революции с самого ее начала и в качестве авангарда вывести революционные массы на верный путь». Только такая диалектическая постановка национального вопроса может преодолеть этот сильнейший из предрассудков буржуазного мира, а не всякого рода примиренческое пустословие. Как мы видим, ныне ст. 13-я конституции еще более резко подчеркивает все эти моменты, как «осуществление на деле».

Так Ленин последовательно проводил социалистический принцип, которому всегда был верен Маркс: «не может быть свободен народ, угнетающий другие народы».

10. Положение иностранцев

Мы читаем иногда громкие слова разных социалистов, уже отрицающие государственные границы, как чисто-капиталистическую идеологию. На деле эти границы существуют и вопрос об иностранцах вместе с тем. Поэтому интересно начать с небольшого факта. Был случай, что два советских государства приступили к заключению договора: это были РСФСР и Советская Финляндия (в 1918 г.). И когда дошли до пунктов о границах и о правах иностранцев, граждан договаривающихся стран, возникли существенные трения как раз со стороны коммунистов более развитой капиталистически страны — Финляндии. Не будем останавливаться на вопросе о границах. Так как решение этого вопроса зависело целиком от уступчивости России, то эти уступки были сделаны весьма легко. Не так легко было сговориться относительно взаимных прав граждан, ибо тут играли роль прошлое и боязнь уполномоченных Советской Финляндии пред «общественным» мнением буржуазии. Финляндия не соглашалась на

особое расширение прав русских граждан. Тогда в заседании Совета Народных комиссаров было предложено внести в договор по отношению к финляндским гражданам нашу формулировку и предоставить финнам внести относительно российских граждан свою формулировку. К этому предложению сразу присоединился тов. Ленин, и она была принята. Финские товарищи свое отношение к русским гражданам формулировали довольно-таки неопределенно.

Когда обсуждался в комиссии проект конституции, наша формулировка из этого мирного договора была внесена в конституцию как общее правило, и так получилась нынешняя 2-я часть статьи 11-й: «РСФСР, исходя из солидарности трудящихся всех наций, предоставляет все политические права иностранцам, проживающим на территории РСФСР для трудовых занятий и принадлежащим к рабочему классу, а равно непользующемуся чужим трудом крестьянству, на основе постановлений верховных органов СССР». Последняя часть этой статьи является лишь повторением того, что у нас уже существовало в виде особого декрета о приобретении прав гражданства («Собр. узакон.», № 31, ст. 405, от 5 апреля 1918 года).

Но ныне эта ст. 11-я получила еще введение, относящееся к правам прочих союзных республик:

«РСФСР предоставляет все права, устанавливаемые конституцией и законодательством Республики для граждан РСФСР, также и всем пребывающим на территории РСФСР гражданам других союзных советских республик».

Еще одна статья (12-я) конституции имеет отношение к иностранцам: «РСФСР предоставляет право убежища всем иностранцам, подвергающимся преследованию за политическую деятельность и религиозные убеждения». И эта статья взята из существовавшего тогда уже декрета от 28 марта 1918 г. о праве убежища («Собр. узакон.», № 14, ст. 519), по которому право убежища предоставляется в самых широких размерах иностранцам, «привлекающимся на родине за преступления политического и религиозного порядка», причем, в случае предъявления тем или иным правительством требования о выдаче таких лиц, таковые переходят на рассмотрение Наркоминдела, который передает его в суд для квалификации преступления: носит ли оно политический или религиозный характер или характер общеуголовного деяния.

Ни одна из существовавших до сих пор конституций не могла так далеко итти по отношению к иностранцам вообще. Только конституция 1793 г. во Франции с полным правом могла провозгласить: «Французский народ — друг и единственный союзник свободных народов. Он не вмешивается в правительство других наций, он не потерпит, чтобы другие нации вмешивались в его

правительство». Но и эта конституция понимала свободу, как свободу и безопасность частного права собственности. А преемники авторов этих идей, нынешняя французская буржуазия, организовали интервенцию (вмешательство) против правительства Советской России как раз «во имя восстановления свободы труда и права частной собственности», поясняя это тут же словами: т. е. «пока в России предпринимателям не будет обеспечено право фактически руководить своими рабочими и служащими и не будут установлены гарантии независимого суда». Независимого от рабочих и крестьян России, а зависимого от Французской Республики в лице ее консулов, т. е. в виде так называемой капитуляции («Правда» № 35, 1922 г.).

11. Исключения

Должен сознаться, что я с некоторым смущением написал заказ в библиотеку на «труд» В. Гессена: «Исключительное положение», 1908 г., 410 (!) стр.

«Теория исключительного положения», «догматическая его конструкция», — вот так наука. Я до тех пор думал, что такие научные книги могут появляться в пренасыщенной «специальною» литературою Германии, но не в России. Правда, Щедрин про Россию вкладывает в перо «знатного иностранца» Шенапана описание единственной в России науки: «Гром победы раздавайся», но то было все-таки сообщение сатирика. А в буржуазной науке действительно есть целая научная доктрина об «исключительном положении», и она начинается с того, что «теория различает две формы исключительного положения: военное (осадное) положение и фиктивное военное положение». И вот это фиктивное или малое осадное положение и есть то реальное, что ввела буржуазная демократия.

Карл Маркс в своем «18 Брюмера» пишет: «Предки знатных республиканцев свой символ, триколору, заставили путешествовать по всей Европе... Современники с своей стороны тоже сделали изобретение, которое само нашло путь через весь материк, но все с новой любовью возвращалось во Францию, пока оно ныне не приобрело права гражданства в половине ее департаментов — это осадное положение, славное изобретение, периодически применявшееся при каждом последовавшем кризисе в течение всей французской революции». Это, таким образом, весьма «реальное положение» есть то же самое, которое «теория различает как фиктивное военное положение». Карл Маркс по поводу его в Германии даже писал: «вся наша конституция, это — осадное положение».

Суть науки исключительного положения в том, что при нем «приостанавливается действие законов», даже или именно «основных законов». Обосновывает его буржуазная наука теориею край-

ней необходимости, а с точки зрения политики, raison d'être, т. е. просто фактом, достаточным основанием его существования.

Во всех рассуждениях ни словом не упоминается об интересах класса, применяющего в своей борьбе эту фикцию военного положения. Во всяком случае, каждый раз, когда во время «рабочих беспорядков», «смут» и так далее вы читаете в газетах известия о том, что тот или иной король или президент (особенно часто бывший «рабочий» президент в Германии) приостановил «конституционные гарантии», то вы, конечно, не имеете дела с гражданской войной, а имеете пред собою лишь «фиктивное осадное положение», однако с вполне реальными арестами, расстрелами и т. п.

Возьмем цитату из конституции «самой демократической», бывшей даже социалистической, республики Германии о правах президента, ныне монархиста Гинденбурга. Президент там приносит присягу пред рейхстагом, между прочим, в том, что обязывается «блюсти конституцию и законы государства». А ст. 48-я ему предоставляет право: «Если в германской республике серьезно нарушена общественная безопасность и порядок... отменять, полностью или частично, основные права, установленные в статьях (идет перечень статей) сей конституции». Перспективы весьма широкие!

Таковы фикция и действительность буржуазной демократии. Нам в конституции гражданской войны не надо было строить особой теории исключительного положения, ибо гражданская война это и есть крайний предел исключительного положения. И мы все-таки в своей конституции для трудящихся пытались установить то, что мы называем революционною законностью (см. дальше). Одно исключение мы были вынуждены сделать и здесь, и притом вполне искренно и откровенно. Это — в статье 23-й, гласящей: «Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, РСФСР лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которыми они пользуются в ущерб интересам социалистической революции».

V. ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Мы уже говорили о трех признаках всякого государства вообще: территории, населении и государственной власти. Нам на двух первых признаках приходится вкратце остановиться и по отношению к Советскому государству, не уклоняясь от основной задачи изложения и усвоения форм Советской власти.

А. ТЕРРИТОРИЯ

Всякое историческое государство получает в наследство от прежнего режима известную территорию. Мы видели, как буржуазная революция изменила свое отношение к территории вообще, превращая ее впервые в священное, неприкосновенное буржуазное отечество, которое — под страхом строжайшей репрессии за измену — обязаны своею жизнью защищать и трудящиеся массы и угнетенные нации. Мы видели, что и пролетариат после победы, вместо болтовни о немедленном уничтожении государственных границ, перенял территорию государства и понятие отечества, но отечества социалистического, т. е. пролетариата в союзе с крестьянством, значит, всех трудящихся, и почетное право их защищать это социалистическое отечество с оружием в руках. Но он внес немедленно поправку в это понятие отечества: право угнетенных наций на самоопределение или отделение, т. е. отказ пролетарского государства от «насильственного удержания угнетаемых наций в границах данного государства» (Ленин). В зависимости от того, образуется ли в этих новых национальных государствах буржуазное или пролетарское правительства, эти новые государства отделяются (Финляндия, Польша, прибалтийские государства) или входят в Союз ССР, как единое отечество трудящихся всех объединившихся наций. Правда, и между этими союзными государствами существуют еще границы, изменение которых зависит от согласия Союза, но это уже в целях мирного «национального разграничения»; оборона едина и гражданство едино.

Но в смысле деления территории история, как нигде, играет

громадную роль. Ныне, когда жизнь государства определяется, в первую голову, экономикою, историческое деление территории имеет много неудобств, но деление это связано с существующими экономическими центрами, железными дорогами и проч. сооружениями, которые не так-то легко переносить. В этом отношении новые страны, как, напр., Америка или Австралия, имеют громадное преимущество.

В России мы имели деление государства на губернии, уезды, волости и села. Известно, что последнее деление является остатком феодального строя, когда волость и село были связаны с мызою и ее помещиком. Некоторые уездные города превосходят во всех отношениях губернские центры. Средства сообщения прежде создавались по чисто случайным, иногда стратегическим, иногда просто личным соображениям.

С другой стороны, уничтожены существовавшие когда-то автономные объединения: княжества, провинции и так далее, причем весьма существенную роль прежде играли тенденции обрусения.

Такая основательная революция, как Октябрьская, конечно, должна была проделать коренную ломку и в этом делении государства. Первая тенденция заключалась в образовании больших областных объединений. Это несколько напоминало историческое прошлое и отчасти означало спайку разрозненных местных Советов. Но вскоре эта тенденция была изжита, и в конституции 10 июля 1918 г. мы уже читаем довольно ограничительное толкование допустимости областных объединений: «Советы областей, отличающихся *особым бытом и национальным* составом, могут объединяться в *автономные областные союзы*». Некоторым поворотным пунктом в осуществлении этого ограничения количества областей можно считать декрет ВЦИК от 23 декабря 1918 года («Собр. узак.», № 99, ст. 1019), по которому «Московская область упраздняется немедленно, а остаются Уральское, Западное и Северное объединения». «Основная задача областных объединений заключается в быстром, неуклонном проведении в жизнь *предначертаний* Центральной Советской власти», пишется в ст. 4.

Начало 1919 г. является периодом образования на территории бывшей Российской империи самостоятельных государств советского типа: Финляндия, Украина, Белоруссия, Литва, Эстония, Латвия, Туркестан, и 1 июня 1919 года («Собр. узак.», № 21, ст. 264) опубликован декрет ВЦИК о стратегическом и экономическом союзе этих государств, за исключением Финляндии и Польши, окончательно отделившихся.

1920 и 1921 гг. являются периодом образования, по национальному признаку, из состава дореволюционной России новых *национальных* республик, автономных областей, коммун и т. д., о которых нам еще придется говорить особо.

Решенное на X съезде Советов РСФСР и на I Союзном съезде

образование единого союзного государства — Союза социалистических советских республик — является завершением этого движения в сторону разумной централизации всех сил.

Параллельно идет, в связи с новыми течениями экономической жизни, новое объединение по линии комбинирования хозяйственных единиц в противоположность прежней чрезмерной централизации ведомственной.

Мы приступили к разрешению вопроса об экономическом районировании страны, не нарушая деления территории по национальному принципу. Так были образованы области, как экономически несколько замкнутые единицы, границы которых определяются природными и экономическими производственными особенностями в целях планомерного разделения труда на основах общегосударственного плана.

Что касается губерний, то таковые вначале в общем остались прежними, но из прежних уездных центров вырастали и новые губернии. С введением, считая с 1 окт. 1929 г., районирования по всей РСФСР, губернии исчезают. На Украине это проведено было уже раньше.

Округа в общем меньше прежних губерний.

Относительно волостей новый порядок стал необходимым во избежание беспрерывных случайных изменений по чисто местным, особенно земельным соображениям, а главным образом вследствие чрезмерного увеличения числа новых волостей (в некоторых губерниях их количество удвоилось). Раньше тут требовалось лишь постановление волисполкома или съезда и утверждение уездного съезда.

Большие неудобства создавало то обстоятельство, что отдельные ведомства делили территорию еще по-своему: на особые районы и тому подобное. VII съезд остановил такое административно-хозяйственное деление по отдельным отраслям хозяйства или управления, предоставляя подобное право лишь Совнаркому по обсуждении вопроса всеми заинтересованными исполкомами и народными комиссариатами.

С проведением в жизнь экономического районирования отменяется деление территории на губернии, уезды и волости и вводится деление на округа (менее губернии) и районы (крупнее волости). Во время печатания работы было постановлено закончить районирование по всей РСФСР не позже 1 окт. 1929 г., после чего ни губерний, ни волостей больше не будет, а будут лишь области (краи), округа и районы. В виду этого я исключаю деление на губернии и волости, как лишний балласт.

Краи и области (всего 13) следующие: Дальне-Восточный край (центр Хабаровск), Сибирский край (Ново-Сибирск), Уральская область (Свердловск), Средне-Волжская область (Самара), Нижне-Волжский край (Саратов), Северо-Кавказский край (Ростов), Центрально-Черноземная область (Воронеж), Ни-

жегородская область (Нижний), Иваново-Вознесенская область (Иваново-Вознесенск), Центрально-промышленная обл. (Москва), Западная область (Смоленск), Ленинградская область (Ленинград, Северная область (Архангельск). Автономные области и часть автономных республик входят в областные организации, сохраняя свою автономию.

Соответственно этому территориальному делению Советской России построена и конструкция местных Советов. Конституция 1925 г. уже вводит и округ и район.

Б. НАСЕЛЕНИЕ

Мы видели, какие изменения внесла буржуазная революция в понятие населения государства, упразднив прежнее его деление на сословия, распылив всю прежнюю «организацию» (феодальную) на индивидов — лиц и объединив их в фиктивное, воображаемое единство — в нации. Мы также видели, как буржуазия во имя этого национального единства государства выступала против борьбы классов под лозунгом «национального» сотрудничества или мира и против угнетенных наций путем их денационализации (обрусения, онемечения и т. д.) во имя единой (господствующей) нации. Мы, наконец, видели и то, что даже при самом лучшем желании уничтожить классовую и национальную вражду в буржуазном обществе эта задача неразрешима.

Февральская буржуазная революция фактически захватила всю полноту власти, но она не упразднила ни сословий, ни даже самого царя, а отчасти вследствие этого так и не успела овладеть всею властью реально, ибо рядом существовало двоевластие в лице потенциальной (возможной) диктатуры пролетариата и крестьянства в форме рабочих, солдатских и крестьянских Советов. Лишь Октябрь довел до конца буржуазную революцию, уничтожив и царя, и деление нации на сословия, и экономическую основу привилегированных сословий. [1]

Но Октябрь положил основу и для уничтожения понятия господствующей, или угнетающей нации. Октябрь выполнил первый пункт программы Ленина: «С.-д. должна выдвигать, как основное, существеннейшее и неизбежное при империализме деление наций на угнетающие и угнетаемые». «Пролетариат угнетающих наций... не может не бороться против насильственного удержания угнетаемых наций в границах данного государства, а это и значит бороться за право самоопределения... С другой стороны, со-

[1] Вернер Зомбарт определяет «сословие, как органически включенный в государство союз», а «класс, как союз, введенный в государственный организм лишь механически».

циалисты угнетаемых наций должны в особенности отстаивать и проводить в жизнь полное и безусловное, в том числе организационное, единство угнетенной нации с рабочими угнетаемой нации» (XIX, стр. 178). Произошел большой сдвиг в делении народов прежней России.

Значит, Октябрьская революция застала Россию, разделенную на сословия; различие от Запада заключалось лишь в том, что в России, кроме привилегированных: духовенства, дворянства и почетного гражданства, существовали особые непривилегированные (податные или «подлые») сословия: крестьянство и мещанство.

О делении населения мы в конституции находим лишь очень немного слов. В то время, как прежде существовало деление по сословиям, ныне осталось лишь деление классовое. В чем разница между сословием и классом? В основу как того, так и другого деления легли первоначально экономические признаки, роль их в общественном производстве, в распределении средств производства. Но в то время, как сословие было зафиксировано, закреплено государственною властью, как деление юридическое, правовое, и притом наследственное, класс представляет собою категорию чисто общественно-экономическую, подвижную.

Сословие, даже потеряв свою экономическую основу, продолжало существовать юридически: дворянин, потеряв имение, продолжал быть членом благородного сословия, и лишь занятия, не соответствующие его благородному состоянию, лишали его и звания: в Испании поступление в услужение, во Франции известные ремесленные и прочие трудовые занятия, как и в царской России присуждение к принудительным работам, т. е. к каторге или в исправительное арестантское отделение, лишали дворянина всех прав его состояния. Маркс в своей «Нищете философии» пишет: «условием освобождения третьего сословия было уничтожение всех сословий» (в Великой французской революции). Мы уже видели, что в конституции первого Временного правительства (буржуазного) 3 п. гласил: «отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений», но сами сословия у нас остались и под этой декларацией красовалась чисто «сословная» подпись: Князь Львов.

Октябрьская революция сразу уничтожила экономическую основу сословий, отменяя остаток феодализма — земельную собственность. А один из первых декретов («Собр. узак.», № 3, ст. 31) и юридически отменил «все существовавшие доныне в России сословия и сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины». «Одновременно уничтожаются всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и прочие), титулы (княжеские, графские и пр.) и наименование гражданских чинов (тайные, статские и проч. советники) и устанавливается одно общее для всего населения

России наименование — граждан Российской Республики».

С этого времени остается лишь фактическое общественно-экономическое деление на классы имущих и неимущих и экономические категории: рабочий, крестьянин и т. д., причем и слово «крестьянин» теряет свое прежнее значение сословной принадлежности, если фактически в укладе его хозяйства и семейной жизни остались даже кое-какие крепостнические пережитки, и иногда в значительных размерах (в дворе, общине).

Но разве Октябрьская революция не означала полного упразднения и классов? Является ли крестьянство после отмены сословий вообще классом? На второй вопрос Ленин отвечает: «Крестьяне — особый класс. Как труженики, они враги капиталистической эксплоатации, но в то же время они собственники. Крестьянин столетиями воспитывался на том, что хлеб его, и что он волен его продавать. Это мое право, думает крестьянин, ибо это мой труд, мои пот и кровь. Переделать его психологию быстро нельзя, это долгий и трудный процесс борьбы» (XVI, стр. 215).

А по поводу первого вопроса он говорит:

«Нетрудно было прогнать царя — для этого потребовалось всего несколько дней. Не очень трудно было прогнать помещиков, это можно было сделать в несколько месяцев, не очень трудно прогнать и капиталистов. Но уничтожить классы несравненно труднее, все еще осталось разделение на рабочих и крестьян. Значит, задача борьбы пролетариата еще не закончена тем, что мы свергли царя, прогнали помещиков и капиталистов, а в этом и состоит задача того порядка, который мы называем диктатурой пролетариата. Классовая борьба продолжается, она только изменила свои формы. Это классовая борьба пролетариата за то, чтобы не могли вернуться старые эксплоататоры, чтобы соединилась раздробленная масса темного крестьянства в один союз» (XVII, стр. 322)

В действительности расслоение населения, особенно с переходом к «новой экономической политике», значительно сложнее, ибо и буржуазия осталась, если у нас в очень незначительном количестве, то в бегах за границею и в союзе с заграничною буржуазией и в лице вновь нарождающейся буржуазии, наконец, и крестьянство уже не существует как единая категория. Остановимся на всех группах под ряд:

1. Рабочий класс — пролетариат. Мы под этим словом обыкновенно понимаем наемного рабочего, не имеющего вообще своих средств производства и продающего свою рабочую силу. Он у нас поголовно организован, по крайней мере, в городе, в профсоюзы. Под названием «трудящийся» мы условно сюда относим ныне и кустаря или ремесленника, работающего со своею

семьею на своих средствах производства, а также батрака, да и «беднейшее крестьянство», или полупролетариат, отчасти продающий и свою рабочую силу.

2. Крестьянство. По поводу расслоения крестьянства Ленин писал: «Нет ни одного декрета (закона), ни одного постановления Советской власти, в котором бы не проводилось разницы между тремя главными группами крестьян. Первая группа — беднота (пролетарии и полупролетарии, как принято говорить в экономической науке). Таких очень много. Когда была власть помещиков и капиталистов, весь гнет их падал больше всего на бедноту. Вторая группа — кулаки, т.-е. богатые крестьяне, которые угнетают чужой труд, либо нанимая работников, либо давая деньги в рост и тому подобное. Эта группа тянет руку помещиков и капиталистов, врагов Советской власти. Третья группа — крестьяне-середняки. Это не враги Советской власти. Они могут быть друзьями ее, мы этого добиваемся и этого добьемся. Все учителя социализма всегда признавали, что рабочие должны будут свергнуть помещиков и капиталистов, чтобы осуществить социализм, но со средними крестьянами возможно соглашение и необходимо соглашение»... (1919 г., XVI, стр. 29).

Беднейшее крестьянство и крестьянскую бедноту я уже отнес к п. 1. Ленин отношение к нему еще в 1919 г. определил, как теснейший союз с пролетариатом: «Политика рабоче-крестьянского правительства и Коммунистической партии должна вестись и впредь в духе соглашения пролетариата и беднейшего крестьянства со средним крестьянством» (XVI, стр. 161). Это и было проведено и в ст. 9-й конституции 10 июля 1918 г. словами: «диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства». Ныне эта статья изменена, и говорится в означенном здесь смысле о «диктатуре пролетариата». Что касается «кулака», то его, в первую очередь, характеризует использование наемного труда, т. е. «присвоение чужой прибавочной стоимости», и аренда; затем, торговля и ростовщичество. Поскольку это обстоятельство играет в его хозяйстве значительную и решающую роль, постольку он представляет вновь нарождающуюся буржуазию, класс капиталистов, куда мы его и относим.

Остается самая многочисленная группа — среднее крестьянство, которое мы и обозначаем словами середняка или крестьянина вообще. Как Ленин его характеризует экономически: 1) «Нет сомнения, что этот мелкий крестьянский класс (мы называем средним такого, который не продает своей рабочей силы), этот крестьянин в России во всяком случае есть главный экономический класс, который является основой мирового разнообразия политических течений и буржуазной демократии» (XV, стр. 569).

2) «Партия должна во что бы то ни стало добиться полной ясности и твердого сознания всеми советскими работниками деревни той, вполне установленной научным социализмом истины, что среднее крестьянство не принадлежит к эксплоататорам, ибо не извлекает прибыли из чужого труда. Такой класс мелких производителей не может потерять от социализма, а, напротив, выигрывает в очень сильной степени от свержения ига капитала, эксплоатирующего его тысячью способами во всякой, даже самой демократической республике» (XVI, стр. 159).

Эта его двойственность как трудящегося и собственника определяет его колебания; в нем сидят две души; он попадает то в пролетарии, то в буржуазию; он попадает под влияние либо буржуазии, либо пролетариата, а, как показывает история и мировой опыт, собственной самостоятельной политики он вести не в состоянии.

С ним-то, в этом двуклассовом обществе, какое в первый раз в истории представляет наш Советский Союз, рабочему приходится вести своеобразную борьбу классов, которую Ленин называет «сотрудничеством обоих классов»: средства борьбы — мирные, главным образом пример и переубеждение, при условии экономической смычки города и деревни. Она чрезвычайно длительна. А цель этой борьбы? «Уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделав всех работниками» (XVI, стр. 351).[1]

Только в этом смысле слово «крестьянин» имеет еще право на существование.

3. Класс капиталистов, или в более широком смысле буржуазия. Буржуазиею мы называем общественный класс, слой населения, существующий не своим, а чужим трудом, живущий на доходы, получаемые из промышленных, торговых и кредитных операций, включая туда и все элементы, так или иначе живущие на эти же доходы в качестве прислужников или прихвостней буржуазии. Общество, в котором решающее слово принадлежит буржуазии, характеризуется тем, что в нем преобладает капиталистическое производство, т. е. производство при посредстве наемного труда. Поскольку мы промышленные заведения подвергли национализации, постольку мы уничтожили буржуазию. Но часть ее спасла свои богатства в эмиграции; они имеют сильных друзей в мировой буржуазии; они отчасти остались здесь в роли совслужащих («совбуров») и ныне вообще выплывают вновь, и к ним присоединяются новые слои из рядов богатого крестьянства (п. 2). Тут продолжается и нарождается новая классовая борьба, но при условии существования сильной Советской власти эта борьба более сводится к экономическому соревнованию, пока друзья ее за границей на-

[1] См. подробнее: «Ленинизм в вопросах и ответах», III. П. Стучка, «Ленинизм и крестьянство». Москва, из-во «Прометей», 1925 г.

ходят достаточный отпор со стороны дружеского нам всемирного пролетариата. В последнее время, однако, классовая борьба, особенно в деревне с кулаком, усиливается.

4. Класс землевладельцев ликвидирован навсегда с конфискациею помещичьих земель и с отменою частной собственности на землю. Политически и они еще существуют за границею в эмиграции, где они выбрали себе даже своего «царя», но там они нам не особенно опасны. Общесоюзный декрет от 20 марта 1925 г., наконец, лишает всех бывших помещиков из дворян и их семейства прав на землепользование и проживание их в ранее принадлежавших им хозяйствах с правом наделения землею в губерниях, где они не имели владений, на правах переселенцев. Исключения допускаются только по особым заслугам перед революцией и по особым постановлениям ЦИК Республики. Декрет мотивируется поведением этого класса по отношению к Советской власти, его непримиримой враждебностью, обходом им законов и «поддерживанием пережитков старого режима — покорности и страха перед помещиком — в наиболее отсталых слоях крестьянства». Не-дворяне-землевладельцы под эту категорию подводятся лишь в случаях кабального характера их отношений к крестьянам; под действие декрета не подходят земли, приобретенные при содействии крестьянского банка, при пользовании лишь добавочным наемным трудом. Срок выполнения декрета уже истек. К этой борьбе надо причислить экспроприацию крупных родовых феодалов, баев в Казакстане—в 1928 г.

По отношению к Советскому государству население состоит из граждан, а не подданных. «Каждое лицо, находящееся на территории Союза ССР, признается гражданином Союза, поскольку не будет им доказано, что он является иностранным гражданином». Одновременно оно состоит и гражданином одной из союзных республик.

В основу принимается гражданство отдельной союзной республики, которое автоматически, тем самым, и превращается в гражданство Союза. Основанием принадлежности к гражданам союзной республики служит:

1. Рождение. Признаются гражданами союзной республики (и Союза): а) лица, оба родителя которых являются гражданами СССР, где бы эти лица ни родились; б) если лишь один из родителей к моменту рождения является гражданином СССР, при условии, что один из родителей проживал в тот момент в России. Но если к моменту рождения оба родителя находились вне пределов Союза и лишь один из родителей принадлежит к гражданству Союза, то гражданство родившегося за границею зависит от соглашения родителей; ему, однако, с достижением совершеннолетия предоставляется облегченный способ приобрести гражданство Союза.

2. Принятие в гражданство иностранцев, причем трудовой элемент пользуется упрощенным способом принятия.

*

Брак сам по себе не изменяет гражданства, но дает право облегченного перехода в гражданство Союза.

Гражданство теряется: а) при выезде за границу и невозвращении по требованию соответствующих органов власти; б) по приговору суда; в) при оптировании (добровольным выбором) иностранного гражданства, на основании договоров об отделении части государства; г) при выходе из гражданства Союза по постановлению ЦИК'а Союза или союзной республики.

Восстановление утраченного гражданства зависит от ЦИК Союза или союзной республики в порядке принятия вновь в гражданство.

В. ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

О Советской власти, т. е. о диктатуре пролетариата, с теоретической точки зрения, мы уже подробно говорили выше (ленинизм, диктатура и т. д.). Мы можем прямо перейти к ее практическому изложению.

Под организациею Советской власти мы, во-первых, понимаем схему построения этой власти, начиная от низшей ячейки до верховной власти Советов. Во-вторых, туда относятся и советские выборы, как способ наполнения этой схемы классовым ее содержанием. Было бы, может быть, даже логичнее сперва рассмотреть, кто и как выбирает, а вслед затем, куда и по каким нормам выбирают. Я остаюсь при принятом мною в первых изданиях порядке изложения.

а) Схема (лестница) Советской власти

(Ст.ст. 49 — 63 конституции РСФСР.)

Рассматривая организацию Советской власти, мы исходим от низшей ее ячейки — сельского и городского Совета. Сила советского строя в том и заключается, что в нем частицы власти тесно связаны и спаяны между собою снизу доверху. Наша конституция выдвигает принцип тесного и постоянного контакта, живой связи центра с местами, не допускающей никакого застоя в кровообращении государственного «организма». Она придает особое значение тому, как бы побольше заинтересовать самые низы в участии во власти. Тогда как в буржуазной демократии, говоря словами Маркса в его «Гражданской войне», «один раз в три или в шесть лет решается вопрос, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять (ver- und zertreten) народ в парламенте», Советская конституция вводит перевыборы на каждом очередном съезде, свободное право отзыва своего выборного и возможно широкое участие во власти самих масс.

Она вводит и принцип свободного досрочного отзыва избранного своими избирателями. «В том и значение переворота, что он в первый раз отбросил старый аппарат буржуазного чиновничества, буржуазной системы управления, создав такие условия, когда рабочие и крестьяне берутся сами за дело» (Ленин, XV, стр. 372).

Советы—низшая ячейка

Советы депутатов образуются:

1) в городах по нормам, определенным в Положении о горсоветах (1925 г.), см. дальше «Горсоветы»;

2) в селениях (деревнях, селах, станицах, местечках, городах с населением менее 1000 человек, аулах, хуторах и пр.) — по расчету 1 депутат на каждые сто человек населения, но в числе не менее 3 и не более 50 депутатов на каждый сельский совет. Изменение нормы представительства разрешается ВЦИК'ом.

Как в городе, так и в сельском поселении Советы избирают из своей среды исполнительный орган для текущей работы, на основаниях, устанавливаемых ВЦИК'ом или его Президиумом.

Съезды и их исполкомы

Кроме сельских и городских Советов, других Советов нет. Высшие советские органы называются съездами и их исполкомами. В порядке постепенности съезды располагаются следующим образом:

1) все Советы, находящиеся на территории одного района, избирают районный съезд по расчету 1 делегат на 300 жителей, но не свыше 150 делегатов;

2) все Советы имеющихся на территории округа городов и городских поселений, фабрик и заводов, расположенных вне городских поселений, по расчету 1 делегат на 1000 избирателей, и районные съезды округа по одному делегату на 5000 человек населения, избирают окружный съезд;

3) Советы городов, городских поселений, фабрик и заводов внегородских поселений (по 1 делегату на 5000 избирателей) и окружные съезды (по 1 делегату на 25 000 жителей) на территории области или края избирают краевые или областные съезды.

Избирательные нормы ВЦИК в праве в исключительных случаях для отдельных местностей изменить в зависимости от местных условий.

Разница между Советами и съездами заключается в том, что депутаты Советов избираются на определенный срок (1 год), в течение которого они собираются на заседания, сессии; делегаты же съезда изби-

раются только на каждый съезд, т. е. на одну сессию и, расходясь, теряют свое звание, оставляя лишь избранный ими исполком. Ни те, ни другие депутаты и делегаты не в праве передавать кому-либо свои полномочия.

Кроме очередных съездов, допускаются и внеочередные, созываемые по предложению выше стоящих съездов или их исполкомов, или соответственным исполнительным органом Советской власти, как по собственному почину, так и по требованию Советов не менее $^1/_3$ всего населения территории.

Рассмотрим в отдельности каждый из этих съездов.

1. Районный съезд советов

Районный съезд созывается 1 раз в год (прежде — каждые 3 месяца) его исполкомом. Он составляется из представителей всех Советов на территории района, в числе не свыше 150 делегатов.

Районный съезд избирает свой райисполком (РИК) сроком на 1 год в количестве, определяемом ВЦИК (в настоящее время трех человек, в исключительных случаях — четырех).

2. Окружный съезд

В округах окружные съезды избираются: а) от Советов городов и городских поселений, фабрик и заводов (вне городского поселения), по 1 делегату на 1000 избирателей, и б) от представителей районных съездов Советов округа — по одному делегату на 5000 человек населения.

Окружный съезд избирает окрисполком, число членов которого определяет ВЦИК.

3. Краевой (областной) съезд

Краевые (областные) съезды составляются из представителей городских Советов и окружных съездов: а) от съездов по расчету — 1 делегат на 25 000 жителей, б) от городов по 1 делегату на 5000 избирателей.

Краевой (областной) съезд выбирает свой исполком, нормы которого определяет особое Положение ВЦИК. Область, как организация новая, представляет собою известные особенности, ибо охватывает и находящиеся на ее территории автономные национальные единицы, не нарушая их автономии (в Северо-кавказский край входят четыре автономные области).

4. Съезд Советов федеративных частей республики

Съезды Советов автономных национальных республик и областей избираются в общем по нормам областных съездов. Они избирают свои местные ЦИК или областные исполкомы и посылают своих представителей на Всероссийский съезд. Особенности их будут рассмотрены особо.

5. Всероссийский съезд Советов

Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов составляется из представителей:

1. Городских Советов, по расчету — 1 делегат на 25 000 избирателей.

2. Представителей окр. съездов Советов, по расчету 1 делегат на 125 000 человек населения, причем в случае, если окружный съезд Советов не предшествует Всероссийскому съезду Советов, делегаты посылаются непосредственно районными съездами Советов.

Всероссийский съезд созывается не реже одного раза в год. Чрезвычайный съезд созывает ВЦИК по собственному почину или по требованию Советов местностей, насчитывающих не менее $^1/_3$ части всего населения республики.

Всероссийский съезд Советов избирает Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет в количестве, определяемом самим съездом. К ним избираются кандидаты, количество которых также определяет съезд.

6. Союзный съезд Советов

На основании договора четыре социалистические советские республики: РСФСР, Украинская ССР, Закавказская федерация ССР и Белорусская ССР образовали СССР. К ним в 1925 г. присоединились еще две союзных республики: Туркменская и Узбекская ССР (прежде Бухара, Хива и Туркестан).

Во главе этого Союза стоит Союзный съезд Советов, избираемый по тем же нормам и на том же основании, как и Всероссийский съезд (см. п. 5).

Союзный съезд избирает ЦИК Союза, состоящий из двух равноправных Советов: Союзного Совета и Совета Национальностей, о которых речь будет дальше.

б) Советские выборы

(Конституция, ст.ст. 68 — 75.)

1. Избирательное право

Маркс приводит слова политика периода сев.-амер. революции Гамильтона по поводу отмены в некоторых Сев.-Амер. Штатах избирательного ценза: «Толпа одержала победу над собственностью и богатством». В самом деле, не отменена ли частная собственность, если неимущий сделался законодателем для имущего? Ведь ценз, это — последняя политическая форма признания частной собственности (см. Маркс, «Nachlass», I, 407). Но Маркс там же показывает, что эта отмена ценза означает лишь перенесение частной собственности из области политики в частную жизнь, так как объявляет ее неприкосновенной для государства, т. е. он находит, что это, напротив, означает именно ее укрепление так же, как, например, отмена различий по рождению, сословию, образованию и профессии в смысле политического ценза отнюдь не означает отмены фактических различий по профессии, образованию, сословию, рождению.

Но, кроме того, несмотря на формальную отмену имущественного ценза, явно и скрыто всюду оставалось фактическое неравенство избирательного права. А фактическое неравенство людей даже там, где избирательное право — формально равно, всегда даст при самой широкой буржуазной демократии большинство, т. е. власть, незначительному меньшинству имущих.

В действительности, всюду в буржуазном обществе в той или иной форме еще существует известный имущественный ценз, ибо ценз частной собственности является тем показателем, который вообще определяет удельный вес гражданина в буржуазном обществе. Этому имущественному цензу буржуазного государства советский строй противопоставил «безимущественный ценз, ценз труда. Английская буржуазия ругала своих рабочих «poors» (бедными, нищими). Германия то же самое делала по отношению к крестьянам, называя их «Armen» (бедняками). В Советском строе самое бесспорное избирательное право принадлежит именно трудящейся бедноте, а имущество представляет собою обстоятельство порочащее, особенно если оно служит средством эксплоатации. Если буржуазные конституции весьма часто физическую работу, производительный труд ставят избирателю в минус и, напротив, признают иногда многократные (плюральные) голоса за лицами с большими доходами, то Советская конституция, наоборот, условием избирательного права ставит производительный труд и лишает

этого права того, кто живет на непроизводительный, нетрудовой доход. Потерявшего имущественный ценз, т. е. обанкротившегося буржуа, его демократия лишает права голоса; избиратель, потерявший трудовой ценз, т. е. потерявший трудоспособность, не теряет своего избирательного права в Советском строе. В буржуазном строе лишают права голоса того, кто по бедности получает пособие; у нас ему отводится почетное место. Наконец, буржуа лишает права голоса самую живую часть общества — молодежь, а также обыкновенно и солдат; у нас красноармейцы в избирательных списках занимают видное место.

По нашей конституции избирательное право не делится на активное (право избирать) и пассивное (право быть избранным). Правом избирать и быть избранным в Советы пользуются, независимо от пола, вероисповедания, расы, национальности, оседлости и т. п., следующие граждане РСФСР, которым ко дню выборов исполнилось 18 лет:

а) все добывающие средства к жизни производительным и общественно-полезным трудом, а также лица, занятые домашним хозяйством, обеспечивающим для первых возможность производительного труда (напр., жена или даже чужое лицо, ухаживающее за детьми работницы, занятой производительным трудом, и т. п.);

б) красноармейцы и краснофлотцы рабоче-крестьянских Красных армии и флота;

в) граждане, входящие в категории, перечисленные в пунктах «а» и «б» настоящей статьи, потерявшие в какой-нибудь мере трудоспособность.

Иностранцы, принадлежащие к рабочему классу и к не пользующемуся чужим трудом крестьянству и живущие в пределах республики для трудовых занятий, получают избирательные права, даже не вступив в число граждан республики.

Не избирают и не могут быть избранными, хотя бы они входили в одну из вышеперечисленных категорий:

а) прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;

б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имуществ и т. п.;

в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники;

г) монахи и духовные служители религиозных культов всех вероисповеданий и толков, для которых это звание является профессией;

д) служащие и агенты бывшей полиции, отдельного корпуса жандармов и охранных отделений, а равно руководившие деятельностью полиции, деятельностью карательных органов и члены царствовавшего в России дома;

е) лица, признанные в установленном порядке душевно-больными или умалишенными;

ж) лица, осужденные (за корыстные и порочащие преступления) на срок, установленный законом или судебным приговором.

Ограничимся пока для общих рассуждений этим голым текстом конституции, ибо к его разъяснению мы еще вернемся. Мы видим, что текст конституции проводит строго классовое деление населения на избирателей и лишенных избирательных прав («лишенцев»). Из того обстоятельства, что это является классовым делением, вытекает, что лишаются избирательных прав и лица, принадлежавшие в прошлом к этим категориям лиц, пока они не восстановлены в этих правах установленным порядком, и что равным образом этих прав лишаются и иждивенцы членов имущественных классов, если они не порвали с ними связь и не имеют источником своего существования самостоятельный общественно-полезный труд. Из того, что наша конституция является конституцией революционной диктатуры, объясняется особое значение статьи о «лишенцах».

Выслушаем прежде всего принципиальные возражения против нашего избирательного права.

1. Неопределенность понятия «трудящийся». В одной из своих статей, явно заказанных против большевиков, Каутский в 1921 г. поставил себе целью выяснить вопрос: «кто является рабочим?» в смысле советского избирательного права. «Как установить в точности, кто является рабочим? Он написал целую статью и не нашел «юридически» пригодного решения этой «премиальной задачи» (Preisfrage). [1] Каутский начинает с понятия производительного труда и находит, что это у экономистов считается очень спорным вопросом. Как известно, Маркс в своем «Капитале» дает два понятия производительного труда. В отделе об абсолютной и относительной прибавочной стоимости Маркс показывает, что «в кооперативном процессе труда . . . достаточно быть органом коллективного рабочего, выполнять одну из его подчиненных функций». Но имеется и другое, более узкое понятие производительного труда, как производящего для капиталиста прибавочную стоимость. Мы в Советской конституции, конечно, не имеем основания отдать предпочтение более узкому понятию производительного труда. Но мы прибавили на всякий случай к слову «труд» — «общественнополезный», и еще лиц, занятых домашним хозяйством, обеспечивающих для первых возможность производительного труда. Этими признаками Советская конституция, написанная для рабочего России, а не для «защитника

[1] Кто объявил премию за решение этой задачи, мы не знаем, но можно только сказать, что эта его работа премии не заслуживает, как крайне поверхностная.

рабочего класса» в Германии, достаточно выпукло выразила свою мысль. Но, повидимому, кто-то из рабочих конституционной комиссии почуял будущие возражения Каутского и прибавил еще примерный перечень: «рабочие и служащие всех видов и категорий, занятых в промышленности, торговле, сельском хозяйстве и проч., крестьяне и казаки-земледельцы, не пользующиеся наемным трудом с целью извлечения прибыли». Распространение избирательного права на широкие массы крестьян, кустарей, ремесленников, конечно, н е противоречит этому пояснению, которое ныне признано лишним, особенно в в и д у т о ч н о г о п е р е ч н я и с к л ю ч е н и й, и поэтому в н о в у ю р е д а к ц и ю конституции даже н е в к л ю ч е н о.

На деле действительно возникли затруднения с положительным определением трудящихся, вытекающие из союза с крестьянином-середняком, как колеблющимся элементом, причем особенное значение у нас получила статья о лишенцах. Но об этом у нас будет речь впереди. По существу у нас устранена от выборов буржуазия, как классовый враг пролетариата, и это является е д и н с т в е н н ы м исключением и е д и н с т в е н н ы м ограничением всеобщности избирательного права, если не считать бесспорное исключение по слабоумию и т. д. и срочное ограничение в правах (см. 154-а) опороченных по суду. Отсюда вытекает и второе принципиальное возражение:

2. Л и ш е н и е и з б и р а т е л ь н ы х п р а в б у р ж у а з и и. Прежде всего указывают на его н е с п р а в е д л и в о с т ь по отношению к меньшинству, т. е. имущему классу, живущему не на свой труд, а на нетрудовой доход. Я понимал бы, если бы такую критику выдвинули буржуазные классы. Они тогда повторяли бы лишь то, что делали и делают рабочие в буржуазном обществе по отношению к их избирательному праву. В буржуазном обществе рабочий класс требовал д л я с е б я т а к и х ж е п р а в, какими пользуется буржуазия, но он и н е д у м а л п р о в е р я т ь, в с е л и и м у щ и е э л е м е н т ы д е й с т в и т е л ь н о о б е с п е ч е н ы р а в н ы м и п р а в а м и. Ныне называющие себя представителями рабочего класса борются в п е р в у ю г о л о в у в и н т е р е с а х м е н ь ш и н с т в а, т. е. б у р ж у а з и и! При революционном понимании класса и классовой борьбы мы хорошо понимаем вынужденную уступчивость класса угнетателей в буржуазном государстве перед эксплоатируемым классом; он не имеет возможности стремиться к полному уничтожению эксплоатируемого класса, ибо вместе с ним погиб бы сам. Он должен иногда итти на уступки пред громадным большинством населения. Наоборот, эксплоатируемый класс может и должен бороться за беспощадное уничтожение (не в физическом смысле) класса угнетателей. Вот где кроется тайна, почему рабочий класс может требовать от буржуазии, находящейся у власти, уступок, каких он никогда и не обязывается и не думает, сам ставши у власти, предоставлять буржуазии, как ничтожному, по количе-

ству, но сильному в мировом масштабе и посему еще влиятельному классу.

Мы в буржуазном строе требуем для пролетариата общих и равных прав и получаем их не по доброй воле буржуазии, но только под давлением силы пролетариата; мы в Советском строе обеспечиваем права рабочего класса, вообще трудящихся, и только! Путь к избирательному праву в буржуазном обществе недоступен для неимущего (если он зависит от имущественного ценза), и еще Маркс сказал: «На чем основывается частичная, только политическая революция? На том, что часть буржуазного общества достигает общего господства . . . Но этот класс освобождает общество лишь в том предположении, что все общество находится в положении этого класса, т. е. имеет деньги и образование или по своему усмотрению может таковые приобрести». Это предположение, что каждый рабочий может стать имущим в буржуазном обществе, — не что иное, как несбыточная иллюзия.

В Советском строе, наоборот, переход к трудовому цензу, т. е. к производительному или общеполезному труду, вполне свободен и действительно по желанию каждого фактически может быть выполнен. Лишая избирательных прав лиц, живущих на нетрудовой доход, мы можем сослаться на истину, открытую еще великим «материалистом» XV столетия Макиавелли, что «истинно свободное государство невозможно в странах, где находится много граждан, живущих не своим трудом, но от своих нетрудовых доходов».

Лишается ли буржуазия навсегда избирательных прав? Часто ставится вопрос: как будет с этой частью Советской конституции после объявления нового курса экономической политике? Ныне и этот вопрос решен при пересмотре конституции 1918 года. Ответ простой и ясный: диктатура остается, даже не предполагается изменить конституцию в пользу капиталистов и спекулянтов. Уступки только в пользу трудящихся: крестьян, кустарей, ремесленников! Сущность нового курса заключается в сохранении путем экономических уступок и в интересах дальнейшей борьбы за социализм рабоче-крестьянской власти!

3. Заявляют, что наши выборы не всеобщие. Абсолютно всеобщего избирательного права, однако, нигде не существует, а имеются всюду те или иные ограничения в отношении:

а) возраста. Избирательный возраст в буржуазном обществе весьма различен. Часто он определяется в 25 лет, иногда для права быть избранным — в 45 и 50 лет, нигде не моложе 21 года. У нас этот возраст установлен в 18 лет как для активного, так и для пассивного права;

б) пола. Женщины во многих государствах не пользуются

вообще избирательным правом; где они им пользуются, они получили его недавно, часто со значительными ограничениями. У нас — без различия пола;

в) расы. Бывают демократии, где существуют расовые ограничения (против евреев, негров, китайцев, японцев и т. д., и т. д.). У нас — без всякого различия расы;

г) национальности. К национальности относится то же, что сказано о расе;

д) исповедания. Существовали ограничения для нехристиан. У нас — без различия исповедания;

е) оседлости. Оседлость (т. е. безотлучное проживание на месте, имение квартиры и т. п.), более или менее продолжительная, является обязательным условием буржуазного избирательного права и лишает избирательного права особенно большие группы рабочего класса, меняющие жительство. У нас это право независимо от оседлости. Мы исключаем буржуазию и только ее!

Итак, наши выборы, — хотя и не всеобщие, но количественно гораздо более общие, чем в буржуазной демократии.

Это вытекает уже из нашей тенденции привлечь к управлению государством всех трудящихся поголовно. Здесь я приведу лишь несколько цифр: за 10 лет (1918 — 1927 гг.) было избрано в Советы всего 9 545 000 чел., на съезды советов 3 994 000, в исполкомы 699 000 чел. Где еще могут быть такие колоссальные цифры участия? А количество лишенных избирательных прав в 1927 г. было: в горсоветы из 1000 чел. — 33; в сельсоветы из 1000 чел. — 78. [1]

4. Оспаривается наша система выборов. Критике подвергается система нашего избирательного права, так как выборы, мол, производятся путем многостепенного, а не прямого голосования, причем ссылаются на то, что коммунисты сами боролись за прямые, равные и тайные выборы.

Советская конституция не предрешает порядка выборов вообще. В первоначальной редакции она предлагает «выборы производить согласно установившимся обычаям». Тут нет ничего вымышленного. Так производились советские выборы с первого дня их возникновения, и только это и было записано в конституции. Ныне эти слова заменены ссылкою на особый закон — инструкцию.

Каутский особенно боится фальсификации выборов со стороны рабоче-крестьянского правительства. Он противопоставляет Советской системе «независимый от правительства парламент», члены которого «свободно контролируют правительство и его бюрократию», почему они и должны выбираться тай-

[1] См. диаграммы у т. Л. М. Кагановича. «Партия и советы». 1928 г.

ным голосованием и пользуются неприкосновенностью (за исключением, конечно, коммунистических депутатов!). Когда-то Каутский сам писал: «С другой стороны, правда, что парламентаризм представляет собою буржуазное средство господства, имеющее тенденцию всех депутатов, в том числе и анти-буржуазных, из служителей народа превратить в его господ, но одновременно и в прислужников буржуазии». И он был прав. Таков в действительности независимый аппарат контроля при диктатуре буржуазии!

В Советском строе рабочий депутат контролирует рабочее же правительство. Его имущественная зависимость от государственной власти угнетателей отпала. Но влияние свергнутого кумира осуществляется еще тайком, укрываясь от глаз рабочих, заинтересованных в том, чтобы кто-нибудь не пытался тайком «восстановить этих низвергнутых кумиров». [1] Вообще избирательные системы советская и буржуазная — вещи несравнимые: в буржуазном обществе все делается для сохранения власти буржуазии, в рабочем государстве — наоборот, для укрепления власти пролетариата против буржуазии.

Правда, у нас выборы как бы многостепенные, а не прямые, кроме низшей ячейки; но они у нас производятся по организациям труда (фабрикам, заводам, союзам, Советам, съездам). Надо же понять всю эту систему, чтобы убедиться в том, что она именно несравнима с буржуазною системой. Так, находятся люди, утверждающие, что наша система похожа на систему не то куриальную, не то сословную (к этим критикам, конечно, принадлежит и тот же Каутский). Но ведь в самой буржуазной литературе давно уже господствует недовольство нынешнею парламентскою системою и поднимаются голоса в пользу представительства отдельных объединений интересов. До сих пор история знала представительство интереса лишь по группам: либо материальным (напр., сословным), либо духовным (напр., церковь, университет), либо совместной жизни (т. е. общины). Советы являются организациею новою, трудовою и классовою, притом организациею классового господства пролетариата.

С этим фактом надо считаться. И поэтому все доводы о том,

---

[1] Я приведу здесь слова самого Каутского: «Нет сомнения, власть капиталистов велика. Но она не лежит в их количестве, а в их влиянии на другие классы и не на последнем месте — на пролетариат». «Они (значит, и пролетариат) продолжают стоять на коленях перед буржуазными кумирами, и тут не поможет никакое лишение избирательного права не-рабочих. Рабочие сами вновь воздвигнут свергнутых кумиров». Каутский говорит правду о большом влиянии буржуазии. Поэтому мы ее и устраняем. Но он клевещет на рабочих, предсказывая восстановление кумиров, ими самими свергнутых. Трудно свержение, а в момент, когда кумиры, в лице германской буржуазии, будут свергнуты, на коленях перед ними останутся лишь одни Каутские. Пример тому 11 лет Советской власти.

что в групповом представительстве необходимо распределить группы, сословия или классы по их социальной силе, отпадают: в Советах представлен один только трудовой элемент, классовый интерес только рабочего класса и трудящегося крестьянства. Равным образом, отпадают и возражения, что государство должно быть нейтральным элементом, и критерием государственной деятельности должно быть не благо отдельного сословия или класса, а общее благо народа, и что «тот факт, что депутаты избираются различными общественными классами, является могущественною сдержкою узкосердечной классовой политики». [1] Это все годится для лицемерного буржуазного государства, но не для пролетарской диктатуры переходного времени. Только буржуазной науке «классовое представительство кажется искусственным».

Что касается критики многостепенности выборов, то в ней до сих пор всегда идет речь лишь об искусственном создании второй степени избирателей (выборщиков), весьма часто путем внесения особого, повышенного ценза для выборщиков. Если не считать Северной Америки, где сенат со времен революции составляется из представителей от законодательного органа каждого штата, то первые двухстепенные выборы французской конституции 1791 г. дали неожиданно революционный результат. [2] Но по поводу двухстепенности выборов возражения буржуазной науки не относятся к представительству в федеральном учреждении (напр., в американском сенате по 2 представителя от штата). А совсем оно не может относиться к советским коллективным выборам. Если признать систему Советов, то иной системы выборов, чем существующая, и быть не может.

Буржуазная наука выставляет два критерия для пригодности того или иного порядка выборов:

«а) связь с избирателями и

б) создание системы, по которой важнейшие интересы страны имели бы защиту и выражение в палате».

Можно ли говорить о связи депутата с избирателями в условиях буржуазного парламентаризма, где нет ни обязательного мандата избирателей, ни права отзыва депутата, да и не может существовать это право при пропорциональной системе выборов или вообще при системе списков, а не отдельных кандидатур. Там отзыв возможен только от имени партии. В Советах существует право отзыва. Выборы происходят ежегодно. Выборы в советы прямые. Выборы на съезд произво-

[1] См. G. Meyer, «Das parlamentarische Wahlrecht».

[2] В Великой французской революции местные выборщики не разошлись после выборов и являлись первою местною властью революции, из которой вышли революционные коммуны и их секции. Это напоминает несколько историю наших Советов: Советы из местной власти превращаются в коллегии избирателей для центра.

дит не особое собрание выборщиков, но Совет или текущий съезд Советов при обсуждении всех деловых вопросов. И это как раз гарантирует верное представительство важнейших интересов, но интересов исключительно трудовых и деловых. Существовало еще одно возражение в пользу прямых выборов — это высокая квалификация избираемого лица. [1] Ныне всюду господствуют партийные списки и голосуется не столько лицо, сколько партия.

5. Остается открытое или тайное голосование. Конституция сама этого вопроса не предрешает, но Инструкция вводит открытое голосование. Это делается сознательно. Мы уже говорили, что советские выборы по преимуществу выборы коллективные, происходят в коллективах, и из этого вытекает коллективный характер мандата, отчета, отзыва депутата. При тайном голосовании не могло бы осуществляться право контроля и отзыва, ибо «неизвестен» избиратель. Прежняя экономическая зависимость от избираемых лиц ведь отпала при существовании пролетарского государства и после устранения от власти класса имущих. Но что же мы видим на деле в буржуазном государстве? Буржуазия имеет средства держать неимущих в страхе и зависимости и при тайном голосовании, расшифрование которого составляет особое искусство буржуазных руководителей выборами.

Впрочем, вопрос о тайном или открытом голосовании нашею конституциею не предрешен навсегда. Внутри на партийных выборах руководящих органов проводится закрытое голосование.

2. Практика наших выборов

Разница между практикою выборов в буржуазном государстве и при Советской власти громадна. В буржуазном строе на так называемой избирательной кампании концентр-и руется все участие в политической жизни населения, его масс (поскольку они допускаются к участию в выборах). Один раз в 3, 4 или даже 5 лет назначаются выборы. Все партии объявляют своих кандидатов, выпускают свои избирательные платформы. Кандидаты выступают со своими общими и специальными обещаниями, причем ни партии, ни их кандидаты и не думают о серьезном проведении в жизнь своих обещаний. Выборы прошли, избиратели возвращаются домой и в течение следующих 3 — 5 лет

[1] А про кандидатов в буржуазной Англии вот что пишет буржуазный писатель Острогорский: «Что такое хороший кандидат? Для самой организации (партии) это прежде всего человек с полной мошной». «Он должен быть хорошим оратором «платформы», легко-свободно владеть речью и быстро подать реплику» и т. д. А дальше идет описание техники, как ведется борьба за этого кандидата (см. Острогорский, о. с., стр. 179 и сл.).

не имеют ни малейшего права вмешательства в работу своего кандидата или влияния на его деятельность. Избранный депутат по отношению к избирателям неприкосновенен. Они, в лучшем случае, могут выносить какие-либо пожелания, но их депутат не обязан пред ними к отчетности; обязательный мандат депутату незаконен; никто раньше срока «полномочия» его отзывать не может. Правда, в С. Америке это право отзыва (recall) для выборных судей и должностных лиц существует, но только на бумаге, как остаток демократизма прошлого. Все это в буржуазном государстве вытекает из принципиального деления всего «общества» на «управляющих и управляемых».

Вот как описывает буржуазный писатель Острогорский,[1] напр., их избирательную кампанию в Англии: «В промежутках между общими выборами деятельность некоторых ассоциаций (партий) приостанавливается, особенно в победившей партии; некоторые из них даже едва подают признаки жизни или существуют только на бумаге. Но с приближением выборов они все пробуждаются и оживают. Их первая забота — найти кандидата, если это уже давно не было сделано. Пределом воздействия на умы и „социальные тенденции" избирателей, проводимого даже самым систематическим образом, является подыскание хорошего кандидата».

В ином виде представляется сама принципиальная сторона практики выборов в Советском государстве. «Бороться с бюрократизмом до конца, до полной победы можно лишь тогда, когда все население будет участвовать в управлении» (Ленин, XVI, 127). Как это достигается у нас? Тем, что 1) привлекается к выборам, как активно, так и пассивно (в виде избираемых), по возможности все трудящиеся поголовно; 2) что избирательное право, как активное, так и пассивное, действительно осуществляется всеми избирателями; 3) связь между избирателями и избранными не прерывается, но сохраняется беспрерывно путем обязательных мандатов, докладов и отчетов, и 4) избиратели имеют право отзыва избранных.

Надо признаться, что за период острой гражданской войны на фронтах Советы не получили подлежащего развития, что методы воздействия на массы в период военного коммунизма пережили самый военный коммунизм и по отношению к трудящимся и что только в последние годы ожила работа советов и приобрела громадное значение избирательная кампания по выборам в советы. Посодействовало этому оживлению и ожесточение классовой борьбы, особенно в деревне с кулачеством. Еще программа ВКП(б) 1919 г. провозгласила следующий лозунг партии:

«Ведя самую решительную борьбу с бюрократизмом, ВКП(б) отстаивает для полного преодоления этого зла следующие меры:

[1] М. Острогорский, о. с., стр. 179. Дальше идут не менее яркие картины «коррупции» избирательной кампании.

1. Обязательное привлечение каждого члена совета к выполнению определенной работы по управлению государством.

2. Последовательную смену этих работ с тем, чтобы они постепенно охватывали все отрасли управления.

3. Постепенное вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством.

Полное и всестороннее проведение всех этих мер, представляя собой дальнейший шаг по пути, на который вступила Парижская Коммуна, и упрощение функций управления при повышении культурного уровня трудящихся, ведут к уничтожению государственной власти».

Одновременно необходимо помнить, что диктатура пролетариата является лишь продолжением классовой борьбы, которая особенно в последнее время усилилась. Из этого последнего обстоятельства вытекает, что мы особенное внимание обращаем на тщательное ведение списков лишенных избирательных прав, внося туда беспощадно всех классовых врагов, но и тщательно устраняя все ошибки при лишении прав.

Основная наша задача выражена в краткой формуле Инструкции 1926 г. по РСФСР: «С одной стороны задача еще более энергичного вовлечения в советы широких трудящихся масс, а с другой — задача дальнейшего охранения Советов от проникновения в них эксплоататорских элементов». Не должен быть допущен к выборам ни один из тех, кто лишается избирательных прав. С другой стороны, не должен быть лишен избирательных прав никто, кто под действие закона о лишении избирательных прав не подходит.

На ряду с борьбою за культуру, за грамотность и т. д. у нас сейчас только начинается новая борьба: за вовлечение трудящихся масс в управление страною. Ленин наглядно показал, что это будет длительная и тяжелая работа. И вот во исполнение заветов Ленина мы последние годы делаем все, чтобы вовлечь в управление страною и беспартийные массы трудящихся. Если в буржуазной стране партия все делает, чтобы усилить число партийцев в числе избранных (и этому примеру следовали в первые годы и мы), то теперь, напротив, мы прилагаем все усилия к тому, чтобы увеличить число беспартийных. [1]

---

[1] В составе высших органов власти — ЦИК Союза ССР, ВЦИК — из года в год растет количество беспартийных. Вот что об этом говорят цифры:

Год.	ЦИК СССР.		ВЦИК.	
	Чл. ВКП(б) и ВЛКСМ	Бесп.	Чл. ВКП(б) и ВЛКСМ	Бесп.
1924	90,2	9,8	89,7	10,3
1925	79,6	20,4	74,0	26,0
1927	69,7	30,3	68,0	32,0

Но мы были бы односторонними, даже слепыми политиками, если бы во время подъема плановой борьбы, особенно в деревне, не обращали достаточного внимания на лишенных избирательных прав. Ст. 14 Инструкции о них гласит:

«При составлении и проверке списков как избирателей, так и лиц, лишенных избирательных прав, избирательные комиссии должны иметь в виду, что Конституция РСФСР лишает отдельных лиц и отдельные группы населения избирательных прав, а именно:

а) лиц, прибегавших или прибегающих в настоящее время к наемному труду с целью извлечения прибыли;

б) лиц, живших или живущих в настоящее время на нетрудовые доходы, а также занимавшихся или занимающихся ныне торговлей;

в) прочих лиц, относящихся по своему классовому положению к моменту выборов, или по своей прошлой деятельности к категории лишенных избирательных прав согласно ст. 59 Конституции РСФСР».

Работа тут требует очень внимательного подхода. Я здесь не буду давать исчерпывающие пояснения, а лишь некоторый примерный обзор.

При рассмотрении вопроса о том, лишено ли данное лицо избирательного права, как прибегавшее к наемному труду, комиссии не ограничиваются его классовым положением к моменту выборов, но и в течение предыдущих 5 лет. Оставившие эти занятия за 5 лет до выборов могут быть восстановлены, доказав свою лойяльность к Советской власти, причем эти вопросы рассматриваются избирательными комиссиями не ниже окружной. Заявление о восстановлении в избирательных правах они подают в местный Совет, который представляет его в вышестоящую избиркомиссию со своим отзывом. Крестьяне, пользующиеся лишь вспомогательным наемным трудом; лица, торгующие в разнос (патент 1 разряда); имеющие ремесленные заведения (мельницы, кузницы и т. д.), работающие сами и имеющие не более 1 взрослого работника или 2 учеников; лица, получающие проценты со вкладов и облигаций госуд., коммунальных и кооперативных займов, если они не подпадают под иную группу лишенных избирательных прав, и члены семьи лиц, лишенных избирательного права по классовой линии, если они материально не зависят от последних, — не лишены избирательного права. Это относится и к лицам свободной профессии, занимающимся общественно полезным трудом, если они не эксплоатируют чужого труда с целью прибыли (врачи, инженеры, художники, артисты и т. д.) и особенно учителя.

Такая же примерно картина наблюдается в республиканских, краевых, областных, губернских, окружных и уездных органах власти.

В прошлом году партией была дана директива — провести в состав исполкомов «не менее $^1/_3$ беспартийных» («Правда» № 298/28 г. от 23/XII).

*

Но, с другой стороны — поясняет Инструкция, — к лишенцам относятся: а) земледельцы, применяющие наемный труд (сезонный или постоянный) в объеме, расширяющем их хозяйство за пределы трудового; б) земледельцы, имеющие на ряду промысловые или промышленные предприятия с наемным трудом вообще или занимающиеся барышничеством как промыслом (барышники-прасолы) или закабалением крестьян (ростовщики); в) кустари с превышающим норму количеством допустимого наемного труда и т. д.

В виду того, что лишение избирательных прав влечет за собою целый ряд ограничений прочих прав, сельские и городские Советы ведут постоянные списки лиц, лишенных этих прав. Этот учет производится: 1) путем сообщения сведений о всех осужденных судом, 2) о пользующихся наемным трудом в целях извлечения прибыли, а также лицах, живущих на нетрудовой доход по сведениям финорганов о подоходном и промысловом налоге, о взносах страховых взносов и т. д., 3) о торговцах на основании выбранных патентов, договоров об аренде торговых помещений и т. д. Но советы вносят в списки и все прочие, проверенные ими сведения.

Для проведения самых выборов образовывается целая «лестница избирательных комиссий», начиная от Центральной Избирательной Комиссии при ВЦИК (ЦИК'ах и прочих союзных республик) до местных сельских или городских комиссий.

Их состав: 1. Центральная избирательная комиссия состоит из назначенных Президиумом ЦИК персонально членов.

2. Низшие или местные, т. е. городские и сельские, избирательные комиссии состоят:

а) городские (во всех городах и рабочих поселках) из 7 лиц, из которых председатель утверждается исполкомом, кроме него входят два представителя от Гор. Совета и по 1 от профсоюзов, Красной армии, Всесоюзного Лен. Ком.-Союза молодежи и работниц (на общегородском делегатском собрании женщин работниц);

б) сельские также из 7 членов, а именно председателя, назначаемого районным исполкомом, двух представителей сельсовета, по 1 представителю от профсоюза ВЛКомсомола, делегатского собрания крестьянок и местных крестьянских организаций (ККОВ, Союза КОШЧИ на Востоке).

Эти местные, «советские» комиссии являются, так сказать, оперативными — по проведению выборов. На Центральной комиссии лежит общее руководство проведения избирательной компании, инструктирования всех нижестоящих комиссий, а равно рассмотрений жалоб на них.

По «лестнице» от места к центру каждому исполкому (край-, обл-, окр-, рай-) соответствуют свои избирательные комиссии в автономных республиках и областях из 11 чел., в округах

из 9, а в районах из 7. В высших комиссиях усиливается общественный элемент. По краям присоединяются представители национальных меньшинств и представители горсоветов. На этих средних (по лестнице) комиссиях лежат обязанности наблюдения за законностью и своевременностью выборов и, чтобы не было давления администрации, руководство нижестоящими комиссиями, представление об их роспуске, требование от них отчетов и рассмотрение жалоб на них, посылка своих представителей в нижестоящие комиссии и представление о неутверждении выборов и т. п.

Выборы членов Совета происходят в избирательных собраниях по сельским участкам, в городах по производственным или профессиональным единицам (предприятиям, учреждениям, профсоюзам). В избирательном собрании могут присутствовать лишь лица, пользующиеся избирательным правом. Они вызываются повестками. Избирательное собрание имеет право избрать свой президиум. Порядок голосования по спискам или отдельным кандидатурам решается самим избирательным собранием. Списки или отдельные кандидаты должны быть заявлены до избирательного заседания; комиссии или их уполномоченные не в праве выставлять своих кандидатов. Выборы происходят открытым голосованием. Избранными считаются получившие абсолютное большинство голосов, т. е. не менее 50% всех явившихся (напр., при 100 явившихся 51 голос). Кроме депутатов, избираются кандидаты в количестве одной трети депутатов.

В городах граждане, не входящие в предприятия и неорганизованные в профсоюзы, как-то: кустари, извозчики, хозяйки и т. д., собираются на территориальные избирательные собрания.

О ходе избирательного собрания составляется протокол за подписью президиума собрания. Все заявления и жалобы подаются в семидневный срок с момента окончания выборов в письменной форме в соответствующую избирательную комиссию, руководящую выборами, которая их в 3 дня представляет в вышестоящую комиссию.

Выборы отменяются как в случаях жалоб на незаконные действия руководивших выборами, так и в случае недостаточного участия в выборах (менее $^1/_3$ или, точнее, 35% всех избирателей). Последнее правило — начиная с выборов 1925 г. Это нововведение означало начало новой эпохи для сельских выборов. Выборы частично отменяются самой комиссией, а об отмене выборов в целом комиссия представляет в исполком, выбравший комиссию.

Выборы на Съезды происходят в Советах и на съездах. Проверку правильности полномочий того или иного делегата производит сам съезд, в который данное лицо получило мандат. Проверку мандатов производит съезд сам, для чего весь материал по производству выборов направляется туда. Для проверки мандатов съезд избирает мандатную ко-

миссию, которая о результатах проверки докладывает Съезду. Съезд решает вопрос об утверждении или неутверждении спорных мандатов. В случае неутверждения того или иного мандата Съезд заменяет его кандидатом или назначает новые выборы.

В случае неправильности выборов в целом — вопрос об отмене выборов разрешается высшим по порядку органом Советской власти (исполкомом), причем неправильными выборы признаются в том случае, если выборы более половины делегатов признаны неправильными. Последнею инстанциею по кассации советских выборов является ВЦИК.

Избиратели, пославшие в Совет депутата, имеют право во всякое время отозвать его и произвести новые выборы, согласно общему положению. Если, как мы видели, буржуазная наука для правильного народного представительства требует тесной связи его с избирателями, то здесь как раз она налицо. Право отзыва потерявшего доверие депутата является лишь дополнением к общим перевыборам Советов через каждые 12 месяцев.

Так рисуют конституция и изданная в силу ее инструкция порядок советских выборов. Надо признать, что практика еще далека от полного его осуществления, и особенно в деревне, лишь ныне делаются первые шаги к созданию действительной Советской власти. Тов. Ленин нашу задачу в этом отношении обрисовал словами: «Бороться с бюрократизмом до конца, до полной победы можно лишь тогда, когда все население будет участвовать в управлении. В большинстве республик это было не только невозможно, но и противозаконно. Самые лучшие буржуазные республики, как бы демократичны они ни были, имеют тысячи законодательных помех, которые препятствуют участию трудящихся в управлении. Этих помех у нас не осталось, но до сих пор мы не достигли того, чтобы трудящиеся массы могли участвовать в управлении. Кроме закона, есть культурный уровень, который никакому закону не подчинишь. Благодаря этому низкому культурному уровню Советы, будучи по своей программе органами управления через трудящихся, на самом деле являются органами управления для трудящихся, через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы. Здесь перед нами задача, которую нельзя решить иначе, как длительным воспитанием (Ленин, XVI, стр. 127, 128).

VI. ПОСТРОЕНИЕ (КОНСТРУКЦИЯ) ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

А. БУРЖУАЗНОЕ „РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ“ [1]

Одним из символов веры буржуазной демократии, несмотря на то, что ныне от нее на словах открещиваются даже многие буржуазные ученые, еще поныне служит теория разделения властей, как основной гарантии политической свободы. Можно даже сказать, что чем более от нее отказывается теория, и чем более теория эта расходится с практикой, тем чаще на нее на словах ссылаются практические политические деятели. Этой теориею пользуются для затушевывания классового и для пояснения «надклассового» характера буржуазного государства, а между тем эта теория сама является не чем иным, как именно теориею классовой борьбы. Если отбросить Аристотеля древней Греции, который в разделении властей на совещательную, исполнительную и судебную видел лишь просто деление функций государства, т. е. техническое разделение труда, то теорию деления власти первым выдвинул Джон Локк, деливший власть на законодательную, принадлежащую парламенту, и на исполнительную и союзную или федеративную (право внешних сношений), принадлежащие королю. Джон Локк был идеологом английской буржуазной революции, и он свою теорию разделения властей выдвинул в целях оправдания парламента в его споре с королем, т. е. по существу в целях острого проявления борьбы классов, во имя естественного права человека.

Теория разделения властей Монтескье (на законодательную, исполнительную и судебную), на которую главным образом опираются все демократы и прогрессисты, коренным образом отличается от теории Локка. Она, прежде всего, теория контр-революционная, реакционная. Известно, что Монтескье был противником революции бедноты, он стоял за богатых. Он и теорию разделения властей выдвинул в целях спасения хотя бы частицы

[1] См. ст. т. Челяпова, в «Э. г. и пр.» III, стр. 632 и сл.

королевской власти. И он ссылался на практику английского парламента, но только в защиту н е революции, а контр-революции. Он не строит теории мирного развития; он, напротив, исходит от «всеобщей, как внутренней, так и внешней, войны людей», ибо, по его теории, «соединение людей в общество и порождает войну». Напугав своего читателя этою общею войною, Монтескье и объясняет, что важен не вопрос о том, в чьих руках власть, всех ли, некоторых или одного, но в том, как она организована и обставлена. Говоря о политической свободе, Монтескье имеет в виду безопасность (sûreté) гражданина и находит, что с у щ е с т в е н н о ю г а р а н т и е ю ее служит только разделение властей на в з а и м н о н е з а в и с и м ы е исполнительную, законодательную и судебную власти.

Отстаивая исполнительную власть, как самостоятельную власть, Монтескье защищал частицу классового господства класса землевладельцев-дворян, во главе с королем, против грядущего класса буржуазии, требующего для себя организованного участия во всей власти, т. е. конституции и ограничения монархии. Мы, таким образом, видим, что Джон Локк пользовался в защиту б у р ж у а з н о й р е в о л ю ц и и в Англии теориею разделения властей так же, как Монтескье — в защиту короля и класса дворянства п р о т и в б у р ж у а з и и. А демократы из нее создали средство п р и м и р е н и я в с е х к л а с с о в.

В действительности государственная власть — за исключением лишь переходных эпох двоевластия — в с е г д а е д и н а, нераздельна, если рассмотреть ее как г о с п о д с т в о к л а с с а. В Англии было время единовластия короля (с дворянством или без него) и было время «полноты власти парламента» («omnipotentia parliamenti»); это последнее тогда означало диктатуру дворянства, «лордства», как результат его победы над королем. В дальнейшем мы видим борьбу классов уже в н у т р и парламента между дворянством и буржуазиею, но и тогда решающие моменты разыгрываются в н е парламента: английская революция, чартистское движение и т. д. Значит, вместо равновесия раздельных властей в Англии всегда п р е о б л а д а л а над всеми о д н а л и ш ь в л а с т ь. А даже современные буржуазные демократы, напр., проф. Макс Вебер, откровенно признают, что в современном государстве действительное господство, конечно, не проявляется ни в парламентских дебатах, ни в посланиях монарха, а в д е й с т в и т е л ь н о м о с у щ е с т в л е н и и у п р а в л е н и я (Handhabung der Verwaltung), т. е., говоря словами англ. проф. Дайси, в Англии вся власть находится в руках кабинета министров или, вернее, его председателя.

Е д и н а я в л а с т ь осуществляет всю власть в целом, как в л а с т ь к л а с с о в у ю. Это означает е д и н ы й к л а с с о в ы й с о с т а в исполнителей этих властей: как законодательной, так и исполнительной и судебной.

а) Монарх (царь, император, король, князь и т. п.) или суррогат его — президент республики

Первая форма классового господства — монархия. Не противоречие ли это? Нет, мы уже видели, что означала эта первоначальная монархия: если не считать древних монархий, то — союз вассальных государств (волостных или более крупных размеров). Если мы читаем (напр., у Градовского) описание английской монархии прошлого, то мы узнаем, что рядом с королем и его двором были десятки и даже сотни баронов, которые жили в пышных и укрепленных замках, где каждый барон имел не только свою фантазию, но и свой двор, своих должностных лиц и служилых людей. Но мы уже видели, что аппетиты верховного «сюзерена» возрастают за счет «вассалов», что приводит к борьбе — и в результате в Англии привело к сильному парламенту. Король теряет значение, сводится к нулю — его власть переходит к назначенному от парламента кабинету. Всемогущество парламента! Еще Энгельс (в 1844 г.) писал про Англию: «Власть короля на деле сводится к нулю, и если еще нужны доказательства для такой бесспорной истины, то одного того факта достаточно, что уже более 100 лет, как прекратилась всякая борьба против короля, и даже радикально-демократические элементы (напр., чартисты) находят лучшее употребление для своего времени, чем подобную борьбу . . . Но чем незначительнее монархический элемент стал в действительности, тем он значительнее стал для англичанина . . . Слово король, это — суть государства, как слово бог означает сущность религии, хотя оба слова ровно ничего не значат».

В таких же пределах, от всемогущества до полного ничтожества, колеблется власть монарха в прочих государствах. Он, прежний хозяин, даже воображаемый собственник «всей земли», «вотчины», помазанник и заместитель бога, — сохранил всюду звучные титулы и громкие права: представлять государство, объявлять войну и заключать мир, назначать все чиновничество, главное командование войсками и т. д., и все это безответственно! Значит, суверенная власть вся еще в руках монарха? А где нет монарха, т. е. в республике, там стараются создать суррогат (подделку) монарха в лице президента республики (во Франции, Германии, Америке и т. д.) с теми же «прерогативами», т. е. преимущественными правами.

Но еще Антон Менгер писал: «Правильнее всего признать, что государь является сувереном лишь в том случае, если соотношение сил в государстве таково, что он, в случае нужды, может с успехом произвести государственный переворот (coup d'état); народ же является суверенным, если он в силах произвести успешную революцию». А другой буржуазный писатель [1] пишет еще

[1] Theodor Dumichen, «Monarchie oder Mamonarchie». 1908 г.

более современно: «Уже сегодня король, может быть, бессознательно царствует не милостью божиею, но только милостью капитала. Но вскоре все содержание государства улетучится, и не останется ничего, кроме дикой (brutale) исполнительной власти на службе действительной, т. е. денежной (внутренней и иностранной) плутократии».

В конституционном государстве «король царствует, но не управляет». Он давно уже вместо дани со всего государства получает лишь определенный «выкуп», «жалованье» (Civilliste) на себя, семью и на двор. Он считается главою исполнительной власти; формально призывает к власти и увольняет министров или кабинеты министров. А на деле управляет государством «от его имени» кабинет министров и председатель кабинета министров, который, как ответственное лицо, [1] подписывает даже «тронную речь», произнесенную королем. Король сам и не говорит, а читает или разрешает прочесть ее. Для чего он существует? И еще больше может интересовать нас вопрос: для чего нужно было после смены короля изобрести суррогат его? Когда третья Республика во Франции ввела звание президента на 7 лет, безответственного, с правами главнокомандующего, с правами роспуска палаты и назначения чиновников, т. е. всемогущей главы исполнительной власти, то один из деятелей третьей Республики (Brie) выразился: «Национальное Собрание третьей Республики считало с самого начала, что без исполнительной власти, сжатой в кулак и способной на энергичные действия, не обойтись». Всем известно, что монархические фракции таким путем рассчитывали восстановить монархию. То же самое ныне в Германии. Последняя имеет даже возможность делать сопоставление президентства с.-д. рабочего (Эберта) и монархиста (Гинденбурга), а потом уже пошли Муссолини, Пильсудский и т. д. и т. п. В чем разница? Управляет на деле класс капиталистов, вернее финансовый капитал.

б) Парламент и „парламентское“ правительство

Парламенту, по Монтескье, была предназначена исключительно законодательная власть. Но, во-первых, законы вырабатываются главным образом министерствами, а парламент лишь принимает (с поправками или без таковых) или от-

---

Он приводит остроумную историческую параллель: «Калигула в Риме прекратил формальную республику тем, что назначил свою лошадь консулом Римской республики; вскоре Рокфеллер (американский миллиардер) будет назначать своих «ослов» на европейские троны».

[1] Как понимается эта ответственность в революционное время, показывают учащающиеся убийства первых министров взамен цареубийства. «Король никогда не умирает». «Король убит (или умер), да здравствует король!».

вергает их; а суть парламентаризма отнюдь не заключается в одном законодательстве. Там, где парламенту отведена лишь законодательная роль, нет парламентского режима, а есть лишь конституционный режим, т. е. исполнительную власть назначает монарх, и она более или менее независима от парламента. В лучшем случае парламенту принадлежит там право возбуждать судебное преследование против правительства. А судьи кто? Судей назначает глава исполнительной власти. И, наконец, лишь одна часть законодательной власти — право утверждения или неутверждения бюджета — может оказать известное давление на правительство — надо сказать откровенно — сейчас весьма слабое. Но в законодательной власти с парламентом делятся на деле еще и кабинет министров и судебные места.

Где существует так назыв. «парламентский» режим, там министерство в действительности назначается и увольняется (путем выражения недоверия) парламентским большинством, т. е. при партийном режиме — партиею или коалициею партий господствующего класса. Члены парламента независимы, пользуются иммунитетом, т. е. предание их суду зависит от (простого или увеличенного, так называемого квалифицированного) большинства парламента, получают обыкновенно диэты, т. е. содержание в виде суточных или в виде твердого жалованья, причем оклады эти бывают весьма солидные.[1] Все это в связи с ролью посредников и ходатаев, которую они охотно принимают на себя, чтобы обеспечить свои перевыборы, превращает их в ненавистных для трудящихся дельцов, к которым весьма подходит известная оценка Маркса. Их независимость (их отозвать нет возможности до срока) и так называемый парламентский кретинизм, т. е. «болезнь, лишающая их всякого понимания внепарламентской действительности», превращают их в глазах широких масс в пустых болтунов и продажных дельцов.

Парламент постепенно теряет всякое реальное значение, и так как ко всему сказанному еще присоединяется прямой подкуп со стороны финансового и прочего капитала, то вся власть переходит к исполнительной власти или, вернее, — к составляющим ее партиям.

Но бывают и моменты революционные, когда в стенах парламента отражается внепарламентская борьба за власть между классами или группами одного класса. Таковы были эпохи борьбы между двумя палатами парламента, верхнею, или «господскою» (в Англии — палатою лордов), и нижнею, где представлены разные группы буржуазии. Но с появлением на сцену пролетариата борьба между двумя палатами, как предста-

[1] В истории Англии мы, напротив, читаем в актах XIII и XIV ст.ст. о том, что «община выговаривает себе условие, чтобы посылаемый депутат не съедал более полубочонка сельдей в месяц, а некоторые общины по бедности совсем отказались посылать своих депутатов» (см. Градовского).

вительницами лишь двух фракций одной и той же буржуазии, и всякие иные серьезные разногласия прекращаются, и верхняя палата приобретает ореол сдерживающего начала против «крайних» элементов.

Такова действительность буржуазной демократии, где она еще не вытеснена окончательно фашизмом.

в) „Независимый“ суд

Третьею, независимою властью в программе демократов показан «независимый суд». По английской или американской теории в парламентском или правовом государстве независимому суду принадлежит даже решающая роль. Это означает в действительности суд, назначаемый буржуазиею, т. е. ее правительством, из рядов ее же класса, не исключая и классового состава так называемого «народного» элемента, — присяжных заседателей, которым, впрочем, политических дел, по общему правилу, не доверяют.

Маркс еще в своих первых работах высказал мысль, повторенную им неоднократно впоследствии, о смешных словах про беспартийный независимый суд: «Какая глупая, нереальная иллюзия вообще беспартийный суд, если законодатель сам партийный. К чему беспристрастное судебное решение, если закон сам пристрастен?».

Так исчезает фикция разделения властей, как гарантия какой бы то ни было свободы. И даже трезвый буржуазный демократ, как, напр., цитированный мною выше проф. Макс Вебер, прямо заявляет, что нынешние парламенты изжили себя: «Парламент должен быть не болтающим, а работающим парламентом, т. е. парламентом, контролирующим управление, в беспрестанном сотрудничестве с ним». А «в управлении будущее принадлежит бюрократии». Но жизнь делает другой вывод и заменяет парламентаризм фашизмом.

Б. ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ

Буржуазному действительному или мнимому разделению властей мы открыто противопоставили единую власть Советов. Наш лозунг «вся власть Советам» осуществлен в форме мощной диктатуры пролетариата. Простая по своему первоначальному построению, вся власть Советов превращается в «государство рабочих и крестьян» (см. Конституцию 1925 г.), в котором миллионы трудящихся сами собою управляют.

Я ограничусь здесь кратким изложением построения верховной власти, перенося описание аппарата этой власти и

его функций к отделу о государственном управлении, т. е. к государственной власти в ее движении. Если я организацию Советской власти дал, исходя от низшей ячейки, то этот аппарат в движении можно верно схватить лишь с командных высот центральной власти.

Во главе — диктатура пролетариата под гегемонией своей партии — верховная власть Союза — верховная власть союзных республик. Такова основная схема всей власти Советов.

а) Пролетарская партия ВКП(б) и ее отношение к диктатуре пролетариата

«Партийность есть результат и политическое выражение высоко развитых классовых противоположностей». «Строгая партийность — спутник и результат высоко развитой классовой борьбы» (Ленин). О политических партиях в нынешнем смысле слова не было и не могло быть речи, пока участие классов в правительстве не было организованным, т. е. в государствах доконституционных, добуржуазных. Настоящее буржуазное государство, напротив, немыслимо без партий. Но в то время, как партия на деле (и официально) играет решающую роль, особенно в парламентских государствах, как Англия (ср. роль вождей партии — как спикера в парламенте или председателя кабинета министров, в Соединенных Штатах Северной Америки на выборах, а равно и в самом парламенте в лице «фракций»), о них ни в конституции, ни в законе не упоминается ни одним словом. Партийные правительства буржуазии считают даже оскорблением, если их называют партийными.

Слово «партия» происходит от латинского слова «pars» (множ. число partes) [1] — часть. Что такое политическая партия по существу?

Партия ныне означает политическую, классовую организацию для политической борьбы, т. е. для борьбы за политическую власть (завоевывание, «взятие» ее или ее удержание или для организации такой власти). Из этого вытекает стихийное образование двухпартийной системы (в Англии, Америке) соответственно борьбе двух имущих классов или двух фракций буржуазии за власть: капиталистов и землевладельцев.

Там обе партии представляют собою официальные органы власти: настоящей и потенциальной, будущей власти (оппозиции), этому соответствует и схема Ленина: «Партия — власть государства; программа партии — закон новой власти. [2]

---

[1] Это слово указывает на то, что партии представлялись в известной мере как бы сторонами (partes) в судебной тяжбе.

[2] См. Сборник «Революция права», М. 1925 г., стр. 35.

Буржуазия не только не признает открыто, но прямо отрицает классовый характер партии, для нее партия является объединением идеи или интереса не классового, но национального, внеклассового, скорее надклассового. Ее лозунг — сотрудничество классов, однако под скрытою или открытою гегемониею, руководством буржуазии или господствующей группы буржуазии. И в этом отношении за буржуазиею идет предательская, примиренческая социал-демократия, даже в тех случаях, когда она на словах признает классовую борьбу и на словах называет себя даже единственною представительницею рабочего класса, хотя она во всех странах и особенно в стране наиболее пышного расцвета ее, в Германии, давно уже перестала быть единственною представительницею рабочего класса и давно уже перестала быть и по составу организациею одного рабочего класса, постепенно все более и более превращаясь в организацию наполовину или целиком мелкобуржуазную.

Каутский, который еще в 1906 году в статье «Классовые интересы» писал: «В действительности трем большим классам общества соответствуют также три больших партии, выступающие в политике современных государств: либералы, консерваторы и социалисты», — в своей «Демократии и диктатуре» доказывает азбучную истину, что партия не всегда совпадает с классом, т. е., что класс может быть разделен на разные партии и что в партию входят и члены других классов. Он ломится в открытую дверь, ибо на привлечении в свою партию членов и других, а именно угнетенных классов, основывается вся сила угнетательского меньшинства, а после слияния, или, по крайней мере, сближения двух классов угнетателей — землевладельцев и капиталистов — двухпартийная система буржуазных государств совсем потеряла свое прежнее значение и выражает лишь разные оттенки, группировки одного и того же класса угнетателей. Но по существу остаются в силе слова, что как человека никто не оценивает по тому, что он сам говорит о себе, но по его делам, так и партии можно верно оценить лишь по их классовому или групповому составу и по классовому интересу этого состава.

Партийный характер государственной буржуазной власти, как уже указано, основывается на так называемой двухпартийной системе: партия (или коалиция партий) правительственная и партия (или группировка партий) оппозиционная. Это деление когда-то имело реальный смысл двух борющихся между собою угнетательских классов — землевладельцев и капиталистов, впоследствии, говоря словами Маркса, двух фракций одного и того же класса капиталистов. Ныне это осталось лишь одною традициею, ловко приспособленною к обману масс путем разных красивых лозунгов, которых никто и не думает выполнять. На деле лишь в Англии и Сев. Америке существует

реальная двухпартийная система (консерваторов — «тори» и либералов — «вигов» в Англии, республиканцев и демократов в С. Америке). Во всех прочих государствах существуют более или менее многочисленные политические группы, которым для выполнения этой схемы, т. е. для составления правительства или сплоченной оппозиции, приходится временно образовать коалиции, т. е. временные объединения. Во время войны, когда политический обман достиг высшей степени развития, выдумали так называемые «большие национальные коалиции» с участием всех партий, в том числе и социал-демократии, которая до тех пор принципиально была против участия в таких буржуазных правительственных комбинациях. В эпоху всемирной революции, когда вся буржуазия на деле сливается в единую реакционную массу, она группируется, смотря по стадии революции, вокруг «чистой демократии»: в Англии сначала вокруг либералов во главе с Ллойд-Джорджем, бывшим радикалом, потом даже вокруг коалиции либералов с рабочей партией, чтобы перейти затем к открытой реакции, или в России вокруг «кадетов» (к.-д. — конституционных демократов), которые, будучи сообразительнее, сами сразу превратились в ярых реакционеров, или вокруг откровенной реакции, например, в Италии — вокруг националистов-фашистов и т. д. Промелькнула еще новая мысль образования так называемой «третьей партии», радикальной, из средних слоев, с пацифистской программой, т. е. проповедующей на словах эру всеобщего мира. Социал-демократия охотно вошла и в эту группировку в качестве главного ядра, но окрепшая буржуазия чрезвычайно быстро отказывается от этой мысли в пользу реакции, зная, что социал-демократия все равно настолько себя скомпрометировала, что вынуждена послушно поддерживать любое буржуазное правительство либо за подачки, либо из страха за свое личное благополучие.

Каким путем в буржуазном государстве осуществляется партийность правительства? Во-первых, на выборах. Вместо личных кандидатур выставляются кандидатуры партийные, т. е. партия выставляет одобренные ею списки членов партии и лиц, давших прямое обязательство или подающих надежду, что они будут проводить линию или директивы партии. При пропорциональной системе выборов по количеству голосов соразмеряется количество прошедших кандидатов. Конечно, тут играют громадную роль и крупные, видные фамилии кандидатов и т. д., но в общем дело сводится к назначению партией, соответственно поданному количеству голосов, лиц, избранных в парламент или на ту или иную должность. Правда, в последнее время раздаются голоса против этой системы, почему вводятся поправки к ним в виде передвижных кандидатур, т. е. права избирателя изменить очередь кандидатов внутри списка (избиратель может проставить, например, последнего кандидата вместо первого и т. п.), или даже заменить часть кан-

дидатов одного списка кандидатами другого списка, но этот протест отдельных лиц против желания руководителей партии обыкновенно служит лишь признаком мало развитой политической жизни, т. е. классовой борьбы данной страны.

Во-вторых, партия оказывает воздействие в порядке дисциплины на своих членов, занимающих то или иное место, как при голосовании, так и в правительственных мероприятиях (в министерстве, суде и т. д.). И это тем легче, что классовое сознание буржуазных классов все еще значительно выше пролетарского. К этому прибавляется торговля должностями, особенно в коалициях партий.

Что касается пролетарских партий, то они являлись на Западе в общем подражанием буржуазным образцам. Лишь в России революционные партии предшествовали легальным, пролетарская — буржуазным, что вполне соответствовало и ее роли в буржуазной революции и чем объясняются ее успехи во время революции и после ее победы. Ленин определяет истинную рабочую партию словами: «В эпоху капитализма, когда рабочие массы подвергаются беспрерывной эксплоатации и не могут развивать своих человеческих способностей, наиболее характерным для рабочих политических партий является именно то, что они могут охватывать лишь меньшинство своего класса. Политическая партия может объединить лишь меньшинство класса так же, как действительно сознательные рабочие во всяком капиталистическом обществе составляют лишь меньшинство всех рабочих. Поэтому мы вынуждены признать, что лишь это сознательное меньшинство может руководить широкими рабочими массами и вести их за собою. Что представляет собой организованное меньшинство? Если это меньшинство действительно сознательно, если оно умеет вести за собой массы, если оно способно ответить на каждый вопрос, становящийся в порядок дня, тогда оно, в сущности, является партией» (Ленин, XVII, стр. 270).

От всех прочих партий сознательная пролетарская партия отличается своим сплоченным классовым составом, объединенным классовым интересом, исключающим всякое внешнее влияние, и своею чистоплотностью в политике, тогда как партии буржуазные и социал-демократические характеризует их повальная коррупция (продажность, услужливость и т. д.).

В общем и пролетарская партия пользуется теми же техническими приемами, какие к нам перешли от развитой буржуазной государственности. Но сама жизнь вносит туда и свои изменения, сначала чисто количественные, превращающиеся, однако, вскоре в качественные. Коммунистическая партия, правда, в момент революции, т. е. до ее победы, всегда была и будет лишь мень-

шинством не только всего народа, но и рабочего класса. Так, в конце апреля 1917 г., в Коммунистической партии России было 80 000 членов, из них, наверное, не более 25 000 старых. А ко дню Октябрьской революции и сейчас после нее безусловно за нею стояло громадное большинство не только рабочего класса, но и вообще трудящихся. После ухода левых эсеров (и до их вступления) рабоче-крестьянское правительство было и есть партийное правительство коммунистов. Какова роль партии при таких условиях? Партия становится официальной властью, не скрывая того. Но она является партиею в смысле «Коммунистического манифеста»: «Коммунисты являются в практическом отношении наиболее радикальною, всегда движущею вперед частью рабочих партий всего мира». Ленин так и заявляет откровенно: «Когда нас упрекают в диктатуре одной партии . . . мы говорим: «Да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем . . . Эта партия слилась с рабочим классом, и она одна только могла его вести на глубокое и коренное изменение старого общества» (Ленин, XVI, стр. 296). [1]

Но, — прибавляет Ленин в другом месте: «В народной массе мы все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает. Без этого Коммунистическая Партия не будет вести пролетариата, а пролетариат не будет вести за собою масс, и вся машина развалится» (Ленин, XVIII, 2, стр. 55).

Как на деле осуществляется коммунистами партийность правительства? Так же выставлением своих кандидатов, тем же влиянием в порядке дисциплины на членов своей партии. Но она свои силы черпает из трудящихся масс, учитывая интересы громадного большинства. У Ленина мы читаем:

«Нам нужна такая партия, которая находилась бы постоянно в действительной связи с массами и которая умела бы этими массами руководить». «Признание главенствующей роли партии должно быть у нас в виду» . . . «Мы должны знать и помнить, что вся юридическая и фактическая конституция Сов. Республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу, чтобы связанные с пролетариатом коммунистические элементы могли пропитать этот пролетариат своим духом, освободить его от того буржуазного

---

[1] Т. Сталин характеризует партию ленинизма, т. е. ВКП (б), следующими тезисами:

1. Партия, передовой отряд рабочего класса.
2. Партия, организованный отряд рабочего класса.
3. Партия, как высшая форма организации пролетариата.
4. Партия, орудие диктатуры пролетариата.
5. Партия, как единство его воли.

(«Вопросы ленинизма».)

обмана, который мы так долго стараемся изжить . . . . . Для нас принципиально не может быть сомнения в том, что должно быть главенство Комм. Партии» (Ленин, XVIII, стр. 181).

В своей работе «Детская болезнь левизны» в 1920 г. Ленин подробно изложил, как понимается у нас смысл партийного правительства; к этой схеме он впоследствии прибавил лишь предложение объединения в единый аппарат советской РКИ и партийной ЦКК. Он писал: «Соотношение вождей — партии — класса — масс, а вместе с тем отношение диктатуры пролетариата и его партии к профсоюзам представляется у нас теперь конкретно в следующем виде. Диктатуру осуществляет организованный в Советы пролетариат, которым руководит Коммунистическая Партия большевиков . . .

«Партией, собирающей ежегодные съезды . . . руководит выбранный на съезде Центральный Комитет . . . причем текущую работу в Москве приходится вести еще более узким коллегиям, именно, так называемым «Оргбюро» (Организационному Бюро) и «Политбюро» (Политическому Бюро) . . . Ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний ЦК Партии.

«Партия непосредственно опирается в своей работе на профессиональные союзы . . . Фактически все руководящие учреждения громадного большинства союзов, и, в первую голову, конечно, общепрофессионального всероссийского центра или бюро (ВЦСПС — Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов), состоят из коммунистов и проводят все директивы партии. Получается, в общем и целом, формально не коммунистический, гибкий и сравнительно широкий, весьма могучий, пролетарский аппарат, посредством которого партия связана тесно с классом и с массой и посредством которого, при руководстве партии, осуществляется диктатура класса. Управлять страной и осуществлять диктатуру без тесной связи с профсоюзами, без горячей поддержки их, без самоотверженнейшей работы их не только в хозяйственном, но и в военном строительстве мы, разумеется, не смогли бы не только в течение двух лет, но и двух месяцев . . .

«Связь с «массами» через профсоюзы мы признаем недостаточной. Практика создала у нас, в ходе революции, и мы стараемся всецело поддержать, развить, расширить такое учреждение, как беспартийные рабочие и крестьянские конференции, чтобы следить за настроением масс, сближаться с ними, отвечать на их запросы, выдвигать из них лучших работников на государственные должности и т. д. . .

«Затем, разумеется, вся работа Партии идет через

Советы, которые объединяют трудящиеся массы без различия профессии. Таков общий механизм пролетарской государственной власти, рассмотренный «сверху», с точки зрения практики осуществления диктатуры» (Ленин, XVII, стр. 138 — 140).

Ленин сам определяет эту систему весьма образно, как «сложную систему нескольких зубчатых колес и не простой системы, ибо нельзя осуществлять диктатуру без нескольких приводов от авангарда к массе передового класса, от него к массе трудящихся».

На деле рядом с партийными товарищами в государственной власти, значит, участвуют и «беспартийные» члены класса трудящихся, которые поддерживают коммунистов или идут с ними вместе, т. е., группируясь вокруг них, становятся сами под их руководство, превращаются как бы в часть партии. Только с этой точки зрения становится понятным то живое участие, которое принимали, например, в процессе чистки Комм. партии беспартийные. Этой схемы, конечно, не имел перед собою сознательно ЦК партии, объявляя правила чистки партии, но на деле выдвинулся и этот новый признак роли Комм. партии в пролетарской революции, как нечто в высшей степени характерное и немыслимое в буржуазной партийной жизни. И только в сопоставлении с буржуазными порядками выясняется и истинное значение этих фактов.

Таким образом рабоче-крестьянское правительство является правительством партийным — коммунистическим, но в то же время непартийным — классовым. Партия остается частною организациею, но в то же время становится официальным органом. Коммунистическая партия делает по существу то же самое, что и всякая правительственная партия, но условия ее власти придают этому действию совершенно иное освещение и иной смысл.

Никогда не следует упускать из виду гибкого революционно-диалектического подхода Ленина к роли партии вообще. Уже в то время, когда она только еще борется за власть, она для Ленина является на деле потенциальною (возможно и, в более или менее отдаленном будущем, вероятною) властью. Статьи ее программы, если это серьезная и искренняя партия, это — будущие декреты ее правительства, которые она, став у власти, проводит в жизнь и исполнение. Ее роль по отношению к власти меняется в зависимости от ступени, на какой находится сама революция. Из чисто политической организации она превращается в руководителя и экономической и культурной жизни. Так, у нас наступает уже время, про которое Ленин мог сказать: «Лучшая политика — поменьше политики». Но в то же время «политика, это — сконцентрированная экономика». И вот партии приходится учиться заведывать хозяйством, вести торговлю и т. д. и вести все это не хуже, а лучше, чем это делали

*

капиталисты. Это самая трудная задача, диктуемая моментом. К этой задаче я и приурочил изложение устройства нашей Советской власти.

б) Верховная власть союза советских социалистических республик

Компетенция (круг ведения)

Основное нововведение по конституции Союза заключается в создании новой Союзной верховной власти. Союзное государство (федерация) тем и отличается от Союза государств (конфедерации), что оно имеет единую верховную (суверенную) власть. Но оригинальность нашего Союзного Советского государства, как мы уже видели, заключается в том, что эта новая власть не безгранична, ибо «суверенитет отдельных союзных республик» сохраняется и ограничен лишь в пределах, указанных в конституции, и лишь по предметам, отнесенным к компетенции Союза. Вне этих пределов каждая союзная республика осуществляет свою государственную власть самостоятельно, и именно Союз призван охранять эти суверенные права отдельных союзных республик (ст. 3-я). Одновременно особо подчеркивается, что: 1) за каждой из союзных республик сохраняется право самоопределения, т. е. свободного выхода из Союза (ст. 4-я); 2) территория союзных республик не может быть изменяема без согласия каждой из них; 3) для изменения, ограничения или отмены права свободного выхода из Союза вообще требуется согласие всех республик, входящих в Союз. Значит, в этих случаях недостаточно одного большинства Съезда Советов Союза, которому вообще одному принадлежит право утверждения и изменения основных начал конституции. Таким образом Съезд Советов Союза ограничен только в вопросе о праве на самоопределение (выход из Союза) и изменение территории; в первом случае необходимо согласие всех союзных республик (т. е. новый договор), во втором — согласие заинтересованной республики.

По первоначальному договору, всякое расширение компетенции Союза, т. е. предметов его ведения, требовало нового договора. По конституции Съезду принадлежит «компетенция определять свою компетенцию» (круг ведений), т. е. «Союз в целом определяет пределы власти Союза».

Верховными органами власти Союза признаются Съезды Советов Союза, а в период между Съездами — Центральный Исполнительный Комитет Союза (ЦИКС), состоящий из

Союзного Совета и Совета Национальностей.

Компетенция Союза определяется в общем уже в декларации целями внешних сношений, внешней обороны и централизации хозяйственной.

В настоящее время по ст. 2-й конституции к компетенции верховной власти Союза отнесено:

а) Вытекающее из суверенитета внешнее представительство Союза в международных сношениях, ведение всех дипломатических сношений, заключение политических и иных договоров с иными государствами, ратификация международных договоров, объявление войны и заключение мира, равно и изменение внешних границ Союза.

Значит, по отношению к внешнему миру, к прочим государствам, Союз един; всякий сепаратизм, само собою разумеется, исключен: единое представительство, единый мир, единая война, единая внешняя граница, единое социалистическое отечество, общесоюзный Наркоминдел.

б) Заключение договоров о приеме в состав Союза новых республик, урегулирование вопроса об изменении границ между союзными республиками и разрешение спорных вопросов, возникающих между союзными республиками, а равно и отмена нарушающих настоящую конституцию постановлений съезда Советов и ЦИК союзных республик.

Это все функции единого ЦИК и единого правительства.

в) Далее, — единая внешняя оборона: организация и руководство вооруженными силами Союза. Единые Красная армия и Красный флот и общесоюзный Наркомвоенмор и Реввоенсовет.

г) Единое руководство транспортным (общесоюзный Наркомпуть) и почтово-телеграфным делом (общесоюзный Наркомпочтель).

д) На втором плане стоит внешняя торговля, у нас в виде монополии: руководство внешней торговлей (общесоюзный Наркомвнешторг, ныне часть общесоюзного Наркомторга).

Дальше идет единство финансов, куда относится:

е) Утверждение единого государственного бюджета Союза, в состав которого входят и бюджеты союзных республик, установление общесоюзных налогов и доходов, а также отчислений от них и надбавок к ним на образование бюджетов союзных республик и разрешение дополнительных налогов и сборов на эту же цель.

ж) Установление единой денежной и кредитной системы, заключение внешних и внутренних займов Союза и разрешение внешних и внутренних займов союзных республик.

Отсюда вытекает объединенный Наркомфин.

Единство народного хозяйства требует:

з) Установления основ и общего плана всего народного хозяйства Союза, определения отраслей промышленности и отдельных предприятий, имеющих общесоюзное значение, заключения концессионных договоров, как общесоюзных, так и от имени отдельных республик, а равно установления общих начал пользования недрами, лесами и водами по всей территории СССР.

и) Установления системы внутренней торговли и ситемы мер и весов.

к) Установления основых законов о труде.

Отсюда вытекают: объединенные ВСНХ, Наркомвнуторг, ныне часть Наркомторга, и Наркомтруд.

Затем идет установление общих норм и мероприятий по целому ряду вопросов, в общем отнесенных к местным делам союзных республик, а именно:

л) Установление общих начал землеустройства и землепользования, общесоюзное законодательство о межреспубликанских переселениях и установление переселенческого фонда.

м) Установление основ судоустройства и судопроизводства, а также гражданского и уголовного законодательства Союза и основное законодательство о правах иностранцев по отношению к союзному гражданству.

н) Установление общих мер в области народного просвещения и охраны народного здравия.

о) Организация общесоюзной статистики.

п) Право амнистии, относящейся ко всей территории Союза.

Этот перечень предметов, отнесенных к кругу ведения Союза, весьма широк, но уже на второй год существования Союза проявилась некоторая тенденция к расширению его, особенно в области общесоюзного законодательства. Трудно предсказать ход развития. Самою трудною задачею во всех государствах всегда являлось правильное, т. е. рациональное распределение и разграничение предметов централизации и децентрализации. А наш Союз в этом отношении, конечно, не составляет исключения. Только характер его, как Союза трудящихся, внесет в этот вопрос коренные изменения. В 1925 году союзные республики внесли в свои конституции изменения их компетенции согласно конституции Союза.

Верховные органы власти Союза

Первым является вопрос: каковы верховные органы власти Союза? На этот вопрос ответ можно было бы получить чисто-теоретически. По Советской системе всегда верховным органом является Съезд Советов, на этот раз — Съезд Со-

ветов Союза; на время отсутствия Съезда — ЦИК Союза и его Президиум и, как высший орган управления, — Совнарком. Так вопрос и решается конституцией. Но тут-то и появилась та новая особенность: включение в верховную власть национального момента. Тогда как «суверенный Съезд Советов» остается единым, ЦИК Союза состоит из двух советов:[1] Союзного Совета и Совета Национальностей.

Вторая особенность заключается в образовании двойного Совнаркома. В столице Союза, какою конституция объявляет Москву, появляются рядом два Президиума ЦИК, два Совнаркома.

1. Съезд советов союза[2]

Съезд Советов в общем и целом является объединением съездов Советов отдельных союзных республик, поскольку избирательное право и нормы представительства в Союзе и республике (как, например, в РСФСР) одинаковы, а именно: Съезд составляется из представителей городских Советов и Советов городских поселений, по расчету один депутат на 25 тысяч избирателей, и представителей окружных съездов Советов, по расчету один депутат на 125 тысяч жителей. Делегаты избираются на окружных съездах Советов в тех республиках, где нет губернских или окружных объединений, делегаты избираются на съезде Советов данной республики. Съезд собирается регулярно один раз в 2 года на краткую сессию, и депутаты, разъезжаясь, теряют свое звание делегата.

Съезд является верховным органом власти Союза, выше которого иной власти в Советском государстве нет, ибо референдума, общенародного голосования, как противоречащего Советской системе, конституция не знает. Но по отношению к самому Союзу у Съезда нет того «всемогущества», каким до союзного договора обладал Съезд Советов РСФСР; он непосредственно может отменить только постановления центральных органов союзных республик, да и то только, если они нарушают конституцию Союза.

На время отсутствия Съезда и до следущего Съезда изби-

---

[1] У нас иногда говорят о двух «палатах» (в кавычках), но я в новом издании это сближение, хотя бы в кавычках, как вредное, отбрасываю.

[2] Всего до сих пор было пять Съездов Советов Союза:

I. (Учредительный)	Съезд	в декабре	1923 г.
II. (Второй)	»	» январе	1924 »
III. (Третий)	»	» мае	1925 »
IV. (Четвертый)	»	» апреле	1927 »
V. (Пятый	»	» мае	1929 »

рается ЦИК Союза, состоящий, как мы уже видели, из двух Советов: а) Союзного и б) Национальностей.

Я уже сказал, что Съезд созывается один раз в 2 года, но при чрезвычайных обстоятельствах, препятствующих созыву в срок Съезда Союза, ЦИК'у Союза предоставляется право отсрочки созыва. С другой стороны, чрезвычайные съезды созываются ЦИК'ом Союза по его собственному решению, по требованию Союзного Совета или Совета Национальностей, или же по требованию двух союзных республик.

Все важнейшие вопросы, подлежащие рассмотрению сессии Съезда, обычно подвергаются предварительному обсуждению коммунистической фракции Съезда, составляющейся из всех членов партии на Съезде с допущением иногда по особому постановлению фракции и беспартийных. Особое значение имеют заседания фракции по вопросам, не подлежащим широкой огласке, или требующим согласования разногласий.

2. Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК) Союза

ЦИК'и по отдельным республикам имеют уже свою историю. ЦИК Союза является новым учреждением и состоит из Союзного Совета и Совета Национальностей. Это нововведение вызвало много толков и недоумений, ибо в нем видели подражание буржуазной двухпалатной системе. Но это сходство чисто внешнее, и нечто подобное, но иного классового содержания, мы видим лишь в буржуазных федеративных республиках, особенно в Соед. Штатах Сев. Америки. Но и внешнее сходство далеко не полное:

а) Союзный Совет состоит из представителей союзных республик пропорционально населению каждой из них. Их всех избирает Съезд Союза.

б) Совет Национальностей образуется из представителей союзных и автономных советских социалистических республик, по 5 представителей от каждой, и из представителей (по 1 представителю) автономных областей РСФСР и прочих союзных республик. Он в целом утверждается тем же Съездом Советов Союза.

Значит, оба Совета, какого бы различного происхождения они ни были, свои полномочия получают от единого источника — Съезда Союза, пред которым они оба и ответственны.

В своей работе они равноправны. Они, под общим названием ЦИК'а Союза, издают кодексы, декреты, постановления и распоряжения, объединяют работу по законодательству и управлению Союза и определяют круг деятельности Президиума ЦИК'а и Совнаркома Союза. Все декреты, постановления и

распоряжения ЦИК'а Союза обязательны к исполнению по всей территории Союза. Так как ЦИК Союза собирается лишь на сессии, то в период между сессиями высшим законодательным, исполнительным и распорядительным органом власти Союза является Президиум ЦИК'а. Но все декреты и постановления, определяющие общие нормы политической и экономической жизни Союза, а также вносящие коренные изменения в существующую практику государственных органов Союза ССР, обязательно должны восходить на рассмотрение и утверждение самого ЦИК'а Союза.

Итак, ЦИК Союза, это — Совет Союзный и Совет Национальностей, вместе взятые; заседают они хотя и одновременно, но отдельно, и также отдельно обсуждают и решают все вопросы. Но по особому постановлению, как это ввела практика, они могут выслушивать доклады совместно и даже прения вести совместно. Но голосуют они всегда отдельно.

Каждый из них имеет свой президиум в числе 9 человек. Они созываются одновременно на сессии, не менее трех раз в год, и одновременно разъезжаются по домам. Они рассматривают все декреты, кодексы и постановления, поступающие к ним от Президиума ЦИК'а и Совнаркома Союза, наркоматов Союза, ЦИК'ов союзных республик, а также возникающие по собственной их инициативе. Законопроекты получают силу закона лишь при условии принятия их как Союзным Советом, так и Советом Национальностей и публикуются от имени ЦИК'а Союза ССР. В случае разногласия между обоими Советами вопрос передается в создаваемую ими согласительную комиссию, а при недостижении соглашения в согласительной комиссии вопрос передается на рассмотрение совместного заседания Союзного Совета и Совета Национальностей. Но если и тут, при отдельном голосовании, не будет большинства в том или другом Совете, вопрос, по требованию одного из них, может быть передан на разрешение очередного или чрезвычайного Съезда Советов Союза.

ЦИК Союза избирает особые комиссии для рассмотрения вопросов текущего законодательства и управления, а равно особую бюджетную комиссию.

Чрезвычайная сессия ЦИК'а может быть созвана по постановлению Президиума ЦИК'а Союза, по требованию президиума Союзного Совета или президиума Совета Национальностей, а также по требованию одной из союзных республик.

Центральный Исполнительный Комитет (т. е. оба Совета, вместе взятые) имеет право приостанавливать или отменять декреты, постановления и распоряжения Президиума ЦИК'а Союза, а также съездов советов и ЦИК'ов союзных республик и других органов власти на терри-

рии Союза. Поскольку это является текущей работой, постольку это последнее право чаще всего осуществляет Президиум ЦИК'а Союза, но вопрос о приостановлении постановлений съездов советов союзных республик Президиум обязательно вносит на рассмотрение и утверждение самого ЦИК'а Союза.

Союзный Совет и Совет Национальностей для подготовки их сессий и руководства работой последних выбирают каждый свой президиум, в составе 9 членов каждый, которые целиком входят в Президиум ЦИК'а Союза.

В период между сессиями ЦИК'а Союза высшим органом власти является Президиум ЦИК'а, образуемый ЦИК'ом в составе 27 членов, в том числе 18 человек от двух президиумов — Союзного Совета и Совета Национальностей. Выборы остальных 9 членов Президиума происходят на совместном заседании Союзного Совета и Совета Национальностей, причем каждый Совет голосует в отдельности. Тем же путем выбираются ЦИК'ом Союза из состава его Президиума председатели ЦИК'а Союза, по количеству союзных республик, которые свои обязанности исполняют по очереди. В настоящее время их 6.

3. Президиум ЦИК'а Союза

На время между сессиями ЦИК'а высшим законодательным, исполнительным и распорядительным органом власти Союза является его Президиум. Президиум в этом качестве действует как единый орган и не делится на отдельные президиумы Советов Союзного и Национальностей, которые, как таковые, имеют лишь подготовительные функции для своих Советов. Президиум ЦИКС одновременно наблюдает за проведением в жизнь конституции Союза и за исполнением всех постановлений Съезда Советов и ЦИК'а Союза всеми органами власти.

Я уже изложил, каковы функции Президиума ЦИК'а как заменяющего ЦИК органа. Но на нем лежит еще громадная техническая работа по взаимоотношениям между Союзом и союзными республиками и между отдельными республиками. Он приостанавливает и отменяет постановления СНК и отдельных наркоматов Союза, а также ЦИК'ов и совнаркомов союзных республик, разрешает вопросы о взаимоотношениях между СНК Союза и наркоматами Союза, с одной стороны, и ЦИК'ами союзных республик и их президиумами, с другой.

На первый взгляд отношения особенно сложны в Москве, где рядом, отчасти совпадающие по составу, находятся ЦИК Союза и ВЦИК. ВЦИК ныне, уступив часть власти ЦИК'у Союза, существует просто на правах ЦИК'а одной союзной республики, РСФСР, сохраняя одновременно свое верховенство по отношению к ЦИК'ам автономных республик РСФСР.

4. Совет Народных Комиссаров (СНК) Союза

Исполнительным и распорядительным органом ЦИК'а Союза является СНК Союза. Это — учреждение новое, ибо СНК Союза в значительной степени отличается от прежнего СНК РСФСР (его историю см. ниже). С одной стороны, его состав меньше, но, с другой стороны, его территория шире, ибо он охватывает всю территорию Союза.

СНК Союза состоит из председателя Совнаркома Союза, его заместителей (число их зависит от ЦИК) и десяти наркомов, а именно: пяти общесоюзных — по иностранным делам, по военным и морским делам, по внешней и внутренней торговле, путей сообщения и почт и телеграфов, причем Наркомторг относительно регулирования внутренней торговли пользуется лишь правами объединенного Комиссариата, — и пяти объединенных — Рабоче-Крестьянской инспекции (Рабкрин), Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ), труда, финансов и управляющий центральным статистическим управлением. Кроме этих членов, имеющих решающий голос, в СНК Союза участвует с совещательным голосом председатель ОГПУ (Объединенного Государственного Политического Управления).

Совнарком Союза на первый взгляд как будто только исполнительная власть, но, поясняет конституция, в пределах, предоставленных ему ЦИК'ом Союза, он издает и декреты, обязательные к исполнению на всей территории Союза. Проекты декретов и постановлений на рассмотрение СНК Союза поступают как от отдельных наркомов Союза, так и от ЦИК'ов союзных республик и их президиумов.

Одного перечня наркоматов достаточно, чтобы убедиться, насколько преобладающею должна быть роль этого центрального правительства.

Это, однако, не означает чрезмерной централизации, так как децентрализация в интересах местной инициативы на почве союзного устройства твердо поставлена, равно как и свободное развитие местных национальных культурных задач.

Для действительности заседания Совнаркома необходимо наличие не менее половины всех членов Совнаркома с решающим голосом. Вопросы вносят: председатель и члены Совета; Совет Труда и Обороны (СТО) или его председатель, ЦИК'и союзных республик, а равно и их президиумы и совнаркомы и, наконец, имеющие право совещательного голоса, какими являются представители союзных республик, члены ЦИКС, председатели ГПУ, а равно и председатели совнаркомов союзных республик и, по особому постановлению Совнаркома, другие лица.

5. Народные комиссариаты

Народные комиссариаты, по положению, проводят в жизнь постановления Съезда Советов, ЦИК'а, его Президиума, Совнаркома и Совета Труда и Обороны. При нынешней конструкции ЦИК'а из двух Советов для ЦИК'а Союза теряется прежнее представление о наркомате, как об отделе ЦИК'а, что их значительно приближает к типу министерства, конечно, только с внешней стороны. На них возложены функции: по своему ведомству, общего руководства и надзора, разработка проектов декретов и постановлений, издания, в пределах компетенции, обязательных постановлений, инструкций и т. д., разработка проекта смет и штатов и разрешение жалоб на действия подведомственных учреждений и лиц. О порядке приостановления исполнения их постановлений мы уже говорили (см. ЦИК).

Каждый наркомат состоит из народного комиссара единолично и находящейся при нем коллегии, состоящей из заместителя наркома и членов коллегии, назначаемых Совнаркомом. Народный комиссар в праве единолично решать все вопросы, доводя до сведения коллегии. Коллегия или ее члены могут обжаловать эти действия в Совнарком, не останавливая их исполнения.

У нас в Совнаркоме Союза, как мы уже видели, два вида наркоматов:

а) Общесоюзные наркоматы ведают порученной им отраслью государственного управления на всей территории Союза. Они при союзных республиках имеют своих уполномоченных, непосредственно им подчиненных, которые участвуют и в совнаркомах союзных республик с совещательным голосом, причем от местного ЦИК'а или совнаркома зависит предоставить им и решающий голос. Эти уполномоченные выдвигаются либо наркомом, либо ЦИК'ом союзной республики и утверждаются Совнаркомом Союза, причем местный ЦИК имеет право заявить отвод. Наркомат свои мероприятия проводит, по общему правилу, через своих уполномоченных, но в праве распоряжаться и непосредственно, обязательно одновременно доводя до сведения уполномоченного.

В случае получения распоряжения, противоречащего законам Союза или союзной республики, уполномоченный об этом сообщает наркому Союза, а равно и совнаркому союзной республики. Уполномоченные отчитываются в своей деятельности как пред своим наркоматом, так и пред совнаркомом союзной республики.

б) Объединенные наркоматы, как показывает уже их название, имеют иной характер: Союзному наркомату данного

названия соответствуют одноименные наркоматы союзных республик. Наркомов союзных республик назначают и отзывают ЦИК'и союзных республик, но они, подчиняясь местным ЦИК'ам и совнаркомам, осуществляют директивы и задания соответственного наркомата Союза, которого поэтому и называют директивным наркоматом и которому принадлежит и право приостановить и отменить распоряжения местного наркома по мотивам противоречия их общесоюзному закону и директивам наркома, с доведением до сведения местного совнаркома. Это право не относится к случаю, когда местный нарком исполняет прямое распоряжение местного совнаркома. Тогда союзному наркому принадлежит лишь право протеста в Совнарком Союза. Объединенные Наркомы Союза, значит, своего местного аппарата не имеют и действует чрез одноименных наркомов отдельных республик.

Для объединенных наркоматов (их особое название «одноименных наркомов») союзных республик, таким образом, получается двойная подчиненность: наркому Союза и совнаркому союзной республики. Они одновременно — представители центральной власти и местная власть. Свои директивы объединенные комиссары должны направлять на имя одноименных комиссаров союзных республик, а не через их головы, т. е. не непосредственно местным учреждениям.

Отдельные комиссариаты и прочие центральные учреждения мы подробнее будем рассматривать ниже, по группам, совместно с их органами в союзных республиках, в следующем порядке:

1. Рабкрин, как орган, организующий государственный аппарат и одновременно объединяющий его с партиею.

2. Наркоминдел и его представительства, как орган ЦИК для сношения с остальными государствами.

3 и 4. СТО, его комиссии (Госплан, ВАК и т. д.) и объединяемые им хозяйственные комиссариаты.

5. Военком и Реввоенсовет в связи с Красною армиею.

6. Центральное Статистическое Управление.

7. ОГПУ.

8. Верховный Суд Союза (см. «Революционная законность»).

6. Разные учреждения в составе центральной власти

Вместо Малого Совнаркома при Совнаркоме Союза образована подготовительная комиссия при СНК Союза из председателя, двух заместителей и 12 членов, назначаемых Совнаркомом для предварительной разработки вопросов, вносимых на разрешение СНК и СТО.

Вопросы, решенные большинством и неопротесто-

ванные в 3 дня в СНК или СТО, утверждаются председателем СНК или СТО, имеющим право либо предложить их пересмотр, либо внести их в заседание СТО или Совнарком. Председатель комиссии имеет право на меры распорядительного характера, обязательные как для членов комиссии, так и для всех учреждений Союза. Принятые комиссией постановления распорядительного характера вступают в силу по подписании их председателем. Комиссия имеет право образовать подкомиссии с привлечением представителей ведомств.

в) Верховная власть РСФСР, как союзной республики

Компетенция

По конституции 1918 года Всероссийский Съезд Советов является высшею властью РСФСР. Это была верховная власть в самом истинном значении слова. Он собирался сначала 4 раза, потом один раз в год на кратковременную сессию. В период между съездами высшею властью Республики являлся Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет. При таких условиях не было даже надобности особо перечислят предметы их ведомства, а если такой перечень все-таки был дан в конституции, то по чисто практическим соображениям, чтобы местные Советы раз навсегда знали, что относится к ведомству центра, т. е. что изъято из ведения мест, а ст. 50-я прибавила, что, «сверх перечисленных вопросов, ведению Всероссийского Съезда и ВЦИК подлежат все вопросы, которые они сами признают подлежащими их разрешению».

И ныне верховными органами власти или центральною властью РСФСР остаются Съезд и ВЦИК, но мы уже видели, что в отношении предметов ведения произошло коренное изменение с образованием Союза ССР, на центральные органы которого были перенесены верховная власть Союза и вместе с тем важнейшие предметы ведения, в конституции Союза особо перечисленные, причем однако лишь Съезду Советов Союза разрешено внести расширение перечня предметов ведения. Можно сказать, что все остальные верховные права за РСФСР и прочими союзными республиками остались, ибо они сохраняют суверенность, право самоопределения, т. е. даже право выхода из Союза.

Конституция 1925 г. соответственно тому изменяет прежний перечень предметов ведения верховных органов РСФРС с оговоркою, что сверх перечисленных вопросов ведению Всероссийского Съезда и ВЦИК'а подлежат и другие вопросы в соответствии с конституциею Союза, т. е. не изъятые этой конституциею

(ст. 18-я). Ныне, значит, в пределах территории РСФСР обязательную силу имеют:

а) постановления верховных органов Союза ССР по предметам, отнесенным к ведению Союза, причем, однако, решение вопроса, относится ли тот или иной предмет к компетенции Союза, окончательно решают верховные органы Союза;

б) постановления верховных органов РСФСР по всем предметам, не изъятым из ведения конституциею Союза. На территории РСФСР, кроме постановлений Союзной власти, ВЦИК и его Президиума и Совнаркома РСФСР, никто законодательных актов общегосударственного значения издавать не в праве. Союзные верховные органы в праве отменять неконституционные, т. е. неразрешенные конституциею Союза постановления верховных органов РСФСР, но одновременно они обязаны охранять обязательность конституционных постановлений верховных органов и вообще суверенитет РСФСР и прочих союзных республик. Порукою тому служит братство трудящихся и гегемония его классового авангарда ВКП (б).

Впредь исключительно Всероссийскому Съезду Советов РСФСР принадлежит право установления, дополнения и изменения начал конституции РСФСР и утверждение частичных изменений, внесенных туда ВЦИК, а равно и окончательное утверждение конституций автономных Соц. Сов. Республик.

Съезду и ВЦИК принадлежат ныне в кратких словах следующие права:

а) общее руководство всей политикой и нар. хозяйством РСФСР, включая и ее автономные республики;

б) установление границ и утверждение конституций этих автономных республик и разрешение споров их между собою или с другими частями РСФСР;

в) общее административное деление РСФСР, в том числе и образование краевых и областных объединений;

г) установление в соответствии с законодательством Союза плана всего народного хозяйства и отдельных отраслей на территории;

д) утверждение бюджета, как части единого государственного бюджета Союза;

е) установление, в соответствии с конституцией и законодательством Союза, государственных и местных налогов, сборов и неналоговых доходов, а также заключение (с разрешения Союза) внешних и внутренних займов РСФСР;

ж) верховный контроль над государственными доходами и расходами Республики;

з) утверждение кодексов законодательства в соответствии с конституцией Союза;

и) право амнистии, общей и частной, на территории Республики:

к) отмена постановлений съездов Советов автономных республик и автономных областей, а также других местных съездов Советов, нарушающих конституцию или постановления верховных органов.

Я уже сказал, что перечень этот по существу лишь примерный и что, в пределах конституции Союза, верховная власть РСФСР свободна принять к своему решению любой вопрос.

Верховные органы РСФСР

1. Всероссийский Съезд Советов

Центральными органами РСФСР попрежнему остаются Съезд Советов и ВЦИК. Всероссийский Съезд Советов избирается по тем же нормам, как и Съезд Советов Союза, почему можно сказать, что он входит целиком, как составная часть, в Съезд Советов Союза.

I Всерос. Съезд Советов (июнь 1917 г.) собирался еще до перехода власти к Советам; II Съезд (25 октября — 7 ноября 1917 г.) объявил власть Советов. В течение 1918 года было 4 съезда (III — в январе, IV — в марте, V — в июле и VI — в ноябре 1918 г.). С 1919 г. съезды собираются не чаще одного раза в год (VII — 1919, VIII — 1920, IX — 1921, X — 1922, XI — 1923, XII — в 1925 г., XIII — в 1927 г., XIV — в 1929 г.).

2. «Рабочий парламент» — ВЦИК.

Система Советов стихийно выработала особый вид «представительного учреждения» трудящихся; это — Всероссийский Исполнительный Комитет Советов. Первый ВЦИК был создан еще при буржуазном строе, после февральской революции 1917 г., когда первое Всерос. Совещание Советов избрало взамен революционного «Петроградского Исполкома» первый ВЦИК. Органом власти ВЦИК стал после II Съезда (в ноябре 1917 г.).

У нас первоначально роль ВЦИК, как органа власти, понималась в том смысле, что он состоит из небольшого числа членов (200), большею частью находящихся в центре, а именно представителей центральной власти, т. е. отделов ВЦИК или народных комиссаров и членов их коллегий и прочих ответственных товарищей, с меньшинством провинциальных представителей, из коих по одному депутату от каждой губернии предполагалось всегда налицо в центре. ВЦИК был как бы перманентен, т. е. всегда налицо. Его заседания созывались срочно, по мере надобности, а во времена,

когда фронт отнимал массу ответственных людей, довольно нерегулярно.

Еще до VII Съезда возникла мысль превратить ВЦИК в «рабочий парламент» (изречение тов. Ленина). Первый шаг в этом направлении заключался в введении сессионной системы. VII Съезд Советов постановил: ВЦИК созывается Президиумом каждые два месяца на сессионные заседания. Это начало получило дальнейшее развитие на IX Съезде, постановившем, что «ВЦИК созывается Президиумом ВЦИК на сессионные заседания не менее трех раз в год, причем устанавливается, что в целях подробного обсуждения вопросов сессии ВЦИК созываются на более продолжительные сроки». Сверх того, после Съезда созывается сессия ВЦИК для образования Президиума ВЦИК, Совета народных комиссаров и комиссий ВЦИК. Чрезвычайные заседания ВЦИК созываются по инициативе Президиума ВЦИК, по предложению совета народных Комиссаров или по требованию одной трети членов ВЦИК.

Но, кроме этого нововведения, Коммунистическая партия выдвинула и новый организационный принцип для ВЦИК, который ныне и проводится в жизнь. По этому принципу громадное большинство членов ВЦИК должно быть из рабочих от станка и крестьян от сохи.

ВЦИК является верховным органом всей власти безраздельно: и законодательной, и распорядительной, и контролирующей, в известной степени даже судебной (право отменять решения Верховного суда сохранилось, разумеется, до сих пор). Но он стал по преимуществу органом законодательным и контролирующим.

Свою исполнительную власть ВЦИК, по общему правилу, сам не осуществляет, а образует лишь народные комиссариаты, т. е., по конституции РСФСР, свои отделы, и утверждает в качестве заведующих этими отделами наркомиссаров, а равно и председателя Совета народных комиссаров и его заместителей.

ВЦИК, по конституции, принадлежит право в любое время отозвать любого из комиссаров или весь состав Совнаркома. В остальном он ограничивается направляющею и контролирующею ролью. Но надо сказать, что в этой области, особенно в порядке контроля, ВЦИК сделал большие шаги вперед. Система комиссий для ревизии и обследования и всестороннее обсуждение деятельности своих верховных органов либо в открытом заседании, либо в закрытом заседании коммунистической фракции (обыкновенно с участием беспартийных и представителей других советских партий) завоевывает себе твердую почву. Еще VIII Съезд поручил ВЦИК усилить контроль ВЦИК над работой ведомств и местных советов, в осуществление чего на сессии ВЦИК регулярно ставит отчеты наркоматов, доклады предварительного обследования их работ спе-

циальными комиссиями, а также отчеты отдельных исполкомов или циков автономных республик.

Но здесь преобладает чисто деловое отношение к вопросам. Поэтому редакционная деятельность по отношению к законопроектам (а в этом ведь вся суть трех «чтений» буржуазного парламента) во ВЦИК до сих пор занимала сравнительно очень небольшое место. Но там, где силен парламент, всюду главную роль как раз играет его контроль над правительством, который там, в виде запросов и выражения доверия или недоверия, превратился в игру около министерских мест. Вспомним слова хотя бы того же проф. Вебера (см. выше) «о контроле в постоянном сотрудничестве с управлением», как об идеале реформы буржуазного парламентаризма.

О Президиуме ВЦИК в конституции 1918 г. не содержалось ни одного слова, и он создался, так сказать, стихийно. Получилось в некотором роде не то двоевластие, не то «двухпалатная» система из Президиума ВЦИК и Совнаркома. Возникали даже предположения, в видах уничтожения параллельной работы, объединить Президиум ВЦИК и Совнарком в одном учреждении. Это предположение было, однако, отклонено, и началась регламентация круга ведения Президиума ВЦИК. Первые шаги сделал в этом отношении VII Съезд Советов (1919 г.).

В результате Президиум превратился в полного заместителя ВЦИК между его сессиями и вошел в таком качестве в ст. 27-ю конституции 1925 г.

IX Съезд в связи с введением и усовершенствованием сессионной системы вводит организацию постоянных бюджетной, федеративной и других комиссий, которые работают под председательством одного из членов Президиума ВЦИК. Мы видим, что мы вплотную подошли к вопросу о параллелизме между этими новыми комиссиями и комиссиями, учрежденными на II Съезде Советов, как назывались тогда нынешние Народные Комиссариаты, или, по словам конституции 1918 г., отделы того же ВЦИК. По отношению к Союзным Комиссариатам схема отделов ВЦИК'а, как мы видели, отпадает. Исключены эти слова и из конституции 1925 г., но это не означает сближения учреждения Наркомата с учреждением министерства.

О наших «рабочих парламентариях» — членах ВЦИК в конституции 1925 г. говорится только в одной статье — 21-й, а именно, что их в количестве, определяемом Съездом, выбирает Съезд Советов. По «наказу ВЦИК» члены ВЦИК не могут быть подвергнуты аресту без согласия Президиума или председателя ВЦИК и предаются суду лишь по постановлению ВЦИК и его Президиума («иммунитет»), но против этой «привилегии» поднимаются серьезные возражения. Члены ВЦИК не имеют права отказываться от тех или иных поручений, даваемых Президиумом. Члены ВЦИК обязаны присутствовать в заседаниях пленума или

отделов и комиссий, в которых они работают. Эти слова уже показывают, какая разница между двумя направлениями «парламентаризма» — болтающего и работающего.

От имени ВЦИК его члены могут выступать лишь по особым мандатам от Президиума. Но члены ВЦИК имеют право от всех советских учреждений РСФСР по предъявлении своих мандатов получать все необходимые им справки, кроме секретных данных по военному ведомству. Они пользуются совещательным голосом на всех заседаниях советских учреждений.

Они (а равно кандидаты) жалованья не получают, но если не состоят на службе, то получают суточные и проездные. Кроме того, получают билет на бесплатный проезд по железным дорогам и водным путям, а телеграммы, посылаемые членами ВЦИК по адресу ВЦИК, принимаются бесплатно за счет ВЦИК.

Член Президиума, сверх того, беспрепятственно пропускается во все без исключения советские учреждения РСФСР по предъявлении своего мандата, без каких бы то ни было пропусков, установленных для данного учреждения.

3. Совнарком РСФСР

(Конституция, ст. ст. 30-я, 32-я, 33-я)

По своему возникновению Совет Народных Комиссаров (Совнарком) является первым по времени верховным органом Советской власти. Было бы неправильно назвать его за первый период в целом одною лишь исполнительною властью. [1] Он был и, как мы увидим дальше, является и ныне также в известной степени законодательным органом. Но, заменяя прежние министерства, новое учреждение приняло некоторые качества прежнего совета или кабинета министров, с которым его охотно путают и сближают буржуазные писатели и ученые. Совнарком состоит из Народных Комиссаров, председателя Совнаркома и его заместителя с правом решающего голоса.

Когда Комиссия по выработке конституции приступила к редактированию соответствующих статей, она встретилась с большими затруднениями, как без ущерба для авторитета учреждения ввести его в схему Советской власти. Прошло предложение тов. Свердлова: «Отделы ВЦИК (Народные комиссариаты) — для руководства отдельными отраслями». В новой редакции это приравнение наркоматов к отделам ВЦИК, как мы уже видели, исключено.

---

[1] Союзный договор называет Совнарком СССР только исполнительным органом.

*

«Совнаркому принадлежит общее управление делами РСФСР», «в осуществление чего он издает декреты, распоряжения, инструкции и вообще принимает меры, необходимые для правильного и быстрого течения государственной жизни», «сообщая о всех своих постановлениях немедленно ВЦИК». Все постановления и решения Совнаркома, имеющие крупное общеполитическое значение, представляются на рассмотрение и утверждение ВЦИК, но мероприятия, требующие неотложного выполнения, могут быть осуществлены Совнаркомом непосредственно. ВЦИК и его Президиум в праве отменить и приостановить всякое постановление и решение Совнаркома.

По Конституции Союза и Совнарком РСФСР претерпел крупные изменения как по власти, так и по составу. По конституции 1925 г. ВЦИК для общего управления РСФСР образует Совет народных комиссаров (СНК). Его состав изменился. Он состоит из председателя, его заместителя и 12 народных комиссаров, а также из уполномоченных 5 общесоюзных народных комиссаров, имеющих совещательный, а если это решит ВЦИК или его Президиум, и решающий голос. Как уже сказано, ему принадлежит общее управление Республикою, и на основах особого положения он издает и декреты и постановления, обязательные к исполнению на всей территории. Он ответственен перед Всерос. Съездом и ВЦИК. Всякое его постановление может быть отменено или приостановлено ВЦИК или его Президиумом, а равно и ЦИК Союза или его Президиумом.

Каковы отношения Совнаркомов Союза и РСФСР? Это в пределах предметов ведения — параллельные органы власти, друг другу непосредственно неподчиненные, хотя Совнарком Союза и признается органом «вышестоящим». Совнарком Союза в праве лишь опротестовывать постановления Совнаркома РСФСР, но и последний в праве через ЦИК своей республики опротестовать незаконные постановления Совнаркома Союза. Постановления Совнаркома Союза обязательны для Совнаркома РСФСР и могут быть лишь опротестованы ВЦИК или его Президиумом в ЦИК Союза или в его Президиум, но не приостанавливая их исполнения.

При Совете Народных Комиссаров РСФСР состоят следующие центральные учреждения:

Малый Совет

Малый Совет, первоначально «Комиссия при Совнаркоме», образован «для подготовки и детальной разработки вопросов, подлежащих разрешению СНК в порядке за-

конодательном, и для решения в порядке управления дел», направленных туда постановлением ВЦИК, СНК и СТО, а равно возбужденных Наркомами, ВЦСПС и по собственной его инициативе, причем исполкомы свои вопросы вносят чрез НКВД. Все вопросы законодательные и бюджетные отдельными Наркомами в СНК вносятся чрез Малый Совнарком для предварительного рассмотрения, за исключением лишь вопросов государственной обороны и иностранной политики, которые разрешаются непосредственно в СНК и переходят на рассмотрение Малого Совета лишь по постановлению СНК или его председателя. Из бюджетных вопросов — вопросы, предусмотренные сметою, рассматриваются в Малом Совете лишь по жалобам на Наркомфин, сверхсметные ассигнования проходят в Малом Совете. Малый Совет в настоящее время состоит всего из 6 человек: председателя и членов от ведомств НКЮ, НКФ, НКРКИ и двух неведомственных членов по назначению СНК. Прежде любое решение Малого Совета могло быть опротестовано как любым членом Малого Совета, так и любой заинтересованной стороной. Теперь право опротестования принадлежит только народным комиссарам, членам Экосо и руководителям тех учреждений, которые имеют право совещательного голоса в Совнаркоме и Экосо, и председателю Малого Совета. Для опротестования назначены сроки: по ассигнованиям — 48 часов, по остальным вопросам — трехдневный со дня постановления. Протесты поступают в Совнарком. При отсутствии протеста постановления Малого Совета законодательного и бюджетного характера с визою Наркомюст поступают на подпись к председателю Совнаркома и публикуются от имени Совнаркома. Председатель Совнаркома может перенести дело на пересмотр или в Совнарком. Постановления Малого Совета распорядительного характера вступают в силу немедленно. Задача Малого Совета — разгрузка Совнаркома и более детальная подготовка работ.

Экономическое Совещание (Экосо) РСФСР

До образования Союза при Совнаркоме РСФСР состоял СТО. Совет Труда и Обороны действовал на правах комиссии Совнаркома. Ныне СТО образован при СНК Союза, а на прежнем месте осталось Экосо (об Экосо см. ниже).

4. Наркомы и их коллегии

Народные комиссариаты при их возникновении (1917 г.) назывались комиссиями Совнаркома, во главе которых стоят народные комиссары. По Конституции 1918 года они называются заведующими отделами ВЦИК, но народные комиссары являются уже властью единоличною.

При каждом народном комиссаре, однако, имеется под его председательством коллегия, члены которой утверждаются Совнаркомом. Народный комиссар в праве единолично принимать решения по всем вопросам, подлежащим ведению соответствующего наркомата, доводя о них до сведения коллегии. В случае несогласия коллегии с тем или иным решением народного комиссара, коллегия может, не приостанавливая исполнения, обжаловать его в Совнарком или в Президиум ВЦИК. Такое же право обжалования принадлежит отдельным членам коллегии.

Звание народного комиссара принадлежит исключительно членам Совнаркома, ведающим общими делами РСФСР, и никаким иным представителям Советской власти, как в центре, так и на местах, присвоено быть не может. Такое постановление потребовалось в виду чрезвычайной популярности названия наркома, так что таковые в революционный период появились не только в областях, но даже в губерниях и волостях.

В настоящее время имеются народные комиссары, общесоюзные и объединенные наркомы Союза, одноименные и местные наркомы Союзных республик и народные комиссары автономных республик. Самостоятельных комиссаров Республики всего — 6: внутренних дел, юстиции, просвещения, здравоохранения, земледелия и социального обеспечения. Эти комиссариаты никаких объединяющих органов в союзном центре не имеют, если не считать их частные совещания. Кроме того, каждая республика имеет 6 «одноименных», или директивных комиссаров: Высший Совет Народного Хозяйства, торговли, с частью функций общесоюзного Наркомторга, труда, финансов, рабоче-крестьянской инспекции и управляющего Центрального Статистического Управления, отношения которых к объединенным комиссарам Союза изложены выше.

Подробнее об отдельных Комиссариатах речь будет ниже в отделе об аппарате государственного управления.

VII. УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВОМ

В главе о формах государства мы имели дело с различием между формами государства и формами правления или правительства. Мы там же говорили по старой схеме о правительстве, как исполнительной власти в государстве. Но мы встречаем все чаще и чаще и у нас выражение: «управление государством», «порядок управления» и т. д. Так, напр., Президиум ВЦИК еще по постановлению VIII Съезда Советов имел право «издавать в порядке управления необходимые постановления от имени ВЦИК».[1] И термин государственного управления окончально ввел в общее употребление т. Ленин. Что же обозначает это понятие «государственного управления»? Чем оно отличается от «административного порядка»? В последнем случае слово из французского (administration), в первом случае — из германского опыта (Verwaltung); оба слова обозначают одно и то же. Эти слова практика даже смешивает; германский «суд по управлению» у нас известен под названием «административный суд». За каждым из этих слов, однако, стоит теория и история целой страны, давшие каждому из них особый смысл, по крайней мере, особый оттенок.

«В противоположность судоговорению и правотворчеству (законодательству, в широком смысле слова) — все прочие функции государства обозначаются многозначительным словом «управление» (Verwaltung), — пишет проф. Ленинг (Loening) в «Энциклопедии гос. наук». Проф. Цан в «Энциклопедии герм. госуд. и администр. права» говорит, что слово «управление государством имеет двоякий смысл: 1) противопоставление его конституции и 2) противопоставление его законодательной и судебной функциям. В последнем смысле управление обозначает государство в действии, его деятельность, «управление его делами», его государственный аппарат.

Мы имеем перед собою здесь в буржуазной теории еще отголоски того разделения и неосуществимого разграничения властей Монтескье, о котором мы уже говорили.

---

[1] При фактической невозможности определить, где кончается закон и начинается административное распоряжение, это противопоставление — простая фикция буржуазной науки и практики.

По этой теории управление или исполнительная власть заняты исключительно приведением в исполнение законов. Но ныне сама буржузная наука признает такое мнение заблуждением. Мы же видели, что в действительности и в странах парламентских ныне исполнительная власть является «всею властью», и что разговоры о разделении властей, имеющие в виду не одно только техническое распределение функций, — не что иное, как разговоры праздные, с целью обмана масс.

Так называемая «полнота власти» и называется правительством, а ее функции — управлением государством, т. е. осуществлением (реализациею) господства класса. Для этой цели она имеет свой аппарат, который делится технически на отрасли, ведомства, и та часть аппарата, которая не занята законодательством и судоговорением, называется аппаратом управления в узком смысле слова.

Этого понятия не было или почти-что не было в сословном государстве. Аппарат подавления масс и собирания с них дани мало похож на нынешний аппарат управления. Власть господствующего класса, тогда в форме сословия, была плохо и слабо организована. При помощи бога (церкви) — как аппарата убеждения, и кулака, т. е. беспощадных мер принуждения, — осуществлялся «порядок» тогдашних социальных отношений. Только в городах развились новые фукции управления, которые воспринял и развил дальше абсолютизм. Еще в средние века слово «полития» («политейа» — у греков в смысле демократии или же конституции) воскресло в учреждении полиции, охватывающей, особенно в Германии, всю область управления. А вскоре этот полицейский способ управления поглотил все остальные функции государства, в форме полицейского государства т. е. государства с широко развитым вмешательством во все «частные дела». Буржуазная революция, давшая победу, полную или компромиссную, буржуазии, внесла громадные изменения в жизнь человечества: она разделила все «общество», всю совокупность людских отношений, на две области: на область публичного, государственного, и область частного права. Она разделила каждого человека на две части: гражданина государства и частное лицо, «свободное» от вмешательства государства, живущее в «сфере свободы», т. е. в «анархии» капиталистического производства и обмена. Ясно, что необходима была полная переорганизация и управления государством, соответственно цели этого государства, как орудия нового способа господства. Но, — говорит буржуазная наука, — государственная власть не только заботится о «безопасности» (знаменитой «sûreté») права собственности и прибыли имущих классов, она сама «вступает в частноправовые имущественные отношения со своими же подданными» («mit den Beherrschten»). Все это изменяет коренным образом и осложняет понятие и вид управления государством. Вместе с

пролетарской революциею должна наступить новая эра и в методах управления государством, ибо Советская власть не может ограничиться лишь изменением формы государства и формы правительства.

В буржуазно-правовой порядок производства и обмена Советская власть и при «нэпе» вносит коренной перелом. Вместо «буржуазного» права общего оборота вырастает особая задача «внутреннего регулирования» советских учреждений и предприятий, производимого организованно путем закона, но с преобладанием экономической целесообразности. Эти отношения уходят из-под подчиненности общего суда и его контроля. Сто или Экосо уже ныне по соображениям целесообразности отменяет или чаще изменяет решения Арбитражных Комиссий (АК), по судебным делам между госорганами и предприятиями. Это будет новое, хозяйственно-административное право, которое пока только нарождается и составит прямую противоположность гражданскому праву.

Поэтому и мы не можем обойти молчанием этого вопроса.

А. БЮРОКРАТИЯ И БУРЖУАЗНЫЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ

Л. фон-Штейн, впервые в буржуазной науке серьезно поставивший вопрос о государственном управлении, исходил при этом от государства, как личности, имеющей свою волю в лице правительства. Отсюда он чисто дедуктивно, абстрактно построил свою систему управления. Эта его теория, конечно, не что иное, как теоретическое изложение вполне конкретного факта централизованного абсолютизма, с «хозяином»-правителем во главе. Но Штейн в то же время уже признает и классы, а на общество смотрит как на некоторое «состояние борьбы интересов вследствие свободного самоопределения личности». Значит, ему приходится допустить и так называемое «свободное управление», где государственная воля представляется коллективом, «народным собранием», а лишь воплощение деятельности относится к «управе», т. е. исполнительной власти.

Мы, рассматривая государство, как организацию господства класса, конечно, не можем себе представить этот класс в виде единой личности или простой совокупности личностей. Но вопрос об аппарате для осуществления этого господства и о движении этого аппарата чрезвычайно важен и для нас. Мы к этому вопросу должны подойти чисто эмпирически, на твердом основании фактических данных.

Первоначальный государственный аппарат (в целях взимания «дани» с подданных) весьма несложен. Это первобытный военный аппарат с параллельным или совместным религиозным (церковным) аппаратом, значит — аппараты «принуждения» и «убежде-

ния» при полном или почти полном отсутствии управления. Управление было еще целиком на «местах» в руках общины, еще неразрушенной. Но уже в византийском периоде мы видим громадное чиновничество (бюрократию), особенно в церковном аппарате.

В своей «Экономике переходного времени» тов. Бухарин говорит, что «каждый производственный тип имеет и соответственный тип государства», — значит, и соответственный тип управления. Я сказал бы, что в каждый период все формы производства, а равно и формы отношений производства и господства кристаллизуются в данной среде по господствующему типу организации: в обществе рабовладельцев — по рабовладельческому, в феодальном обществе — по феодальному, в капиталистическом — по капиталистическому. Но только в тенденции, ибо как раз в государстве, как в продукте истории, весьма важную роль играет история, традиция. Это яснее ясного видно при столкновении феодально-абсолютистской бюрократической системы с парламентской.

Не удаляясь слишком в историю, мы берем феодальный строй. Тут аппарат простой. Как хозяйство, так и управление переживает свой кустарный период. Общинное управление постепенно переходит в руки феодала, дворянского сословия, в городах — к цехам, гильдиям, корпорациям. А центральная власть короля, кроме своей дружины и своего «двора», особого аппарата пока не имеет. С усилением центральной власти около монарха разрастается чиновничество. Название чиновников указывает, откуда они взяты: маршалы (marechal = заведующий конюшнями), камергеры (camerarius = постельничий), министры (= слуги) и т. д. Это бароны при его дворе, потерявшие свои «вотчины», но сохранившие чины. Происходит централизация управления, и одновременно наступает разделение государственной власти на ведомства, деление, которое предшествует правовому понятию «разделения властей». Вы замечаете, что в правительстве повторяется то же самое, что в промышленности — в системе мануфактуры. Этот мануфактурный период правительства и является расцветом бюрократии.

Слово бюрократия одни производят от слова «bure» (сукно), которым покрывается стол в бюро (откуда и выражения: «под сукно» и т. д.). Другие производят его от слова «бюро», т. е. контора, канцелярия. Оно означает управление [1] чиновниче-

---

[1] Ленин, как известно, под бюрократией понимал управление государством «чрез оторванных от масс, стоящих над массами привилегированных лиц».

Очень интересные мысли для характеристики бюрократии мы находим в лишь недавно опубликованной работе К. Маркса «Критика философии Гегеля». По Марксу «бюрократия есть осуществление государственной власти замкнутой корпорацией, в роде ордена иезуитов», «основанной на тайне внутри корпорации». «Из круга бюрократии никто высko-

ства, притом чиновничества, основывающегося исключительно на бумажном производстве. Оттуда вера в бумагу: «чего нет в деле, того нет на свете», «протокол, составленный согласно форме, оспариванию не подлежит» и т. д. Бумага заслоняет, вытесняет действительность. Вы можете сами понять, что получается, если в бюрократическом режиме вся государственная жизнь разделяется на известное количество обособленных ведомств, которые соответственно тому разделяют и централизуют всю общественную жизнь в совокупности, причем аппарат, назначенный сверху и независимый от низов, превращается в нечто самодовлеющее. Это, конечно, еще не класс, а скорее сословие или каста, построенные по строго иерархической лестнице. Ведомственность превращает чиновника в «долевого работника» и, соответственно тому, калечит его, как и мануфактурного работника («канцелярская крыса», «человек 20-го числа» и т. д.). А своею строгой иерархическою формою субординации (подчинения и начальствования) и своею специализациею аппарат превращается в большую силу. Разоряющийся класс дворян, с одной стороны, дает все более многочисленный состав чиновничества. Одновременно появляется требование на специалистов — интеллигентов, «разночинцев».

С отчуждением монарха от «народа», т. е. от господствовавшего класса, это отчуждение проявляется в усиленной степени и в бюрократии, которая становится выше «народа» и усиленно проводит ту систему балансирования между классами, благодаря которой создается на время как бы бесклассовый или надклассовый абсолютизм. Одновременно происходит известное расслоение и среди самой бюрократии. Особое профессиональное образование, чинопроизводство, разница в окладах и пенсиях разделяют бюрократию резко на господствующую часть и на «канцеляристов», канцелярских «крыс» и т. п. Юридическое образование превращается в специфическое образование бюрократии; сама бюрократия проходит эру «обуржуажения», ибо, как отмечают буржуазные писатели, бюрократия легче всего приспособляется; «в правовых государствах ныне она в большей или меньшей степени примыкает к партиям» (Дживи-

---

чить не может», ибо «все знание всеобщего в ней сосредоточена в верхах но зато знание частностей сосредоточено в низах». Так «бюрократия», как особая замкнутая корпорация в себе, видит самоцель, конечную цель государства». «Для отдельного бюрократа государственная цель превращается в его личную цель, в погоню за чинами, за деланием карьеры». «Для бюрократа мир есть лишь объект его деятельности». Если к этому прибавить еще, что «бюрократия государство понимает, как формализм по своему существу», для которого «действительная наука представляется бессодержательной, действительная жизнь мертвой», «ее бытие есть канцелярское бытие», то мы имеем весьма реальную характеристику всякой бюрократии, к которой теория в дальнейшем прибавила лишь немногое.

легов). Чиновничья интеллигенция в эру пролетарской революции объявляет себя социал-демократами — меньшевиками или даже независимыми.

Значит, бюрократический способ управления основывается на количественно большем чиновничестве, и главными признаками его являются:

1. Назначение в порядке иерархической лестницы подчинения и начальствования, на твердом жалованьи, с повышением по службе (по чину или по классу), выслугою и пенсиею. Оно несменяемо, помимо воли назначающего его лица или органа; оно безответственно, за исключением лишь ответственности перед начальством.

2. Канцелярщина, бумажное делопроизводство, без которого ни одно дело не должно быть решено и которое вытесняет всю действительность.

3. К этому присоединяются ведомственная специализация и известное профессиональное образование. И осложнение жизни, особенно с наступлением и развитием буржуазного общества, еще способствует развитию этих тенденций и укрепляет их роль.

Пока государство необходимо, совсем без особого аппарата не обойтись, особенно, пока не удастся уничтожить искусственные «наросты» и «надстройки» буржуазного общества. Весь вопрос, значит, для буржуазии заключается в том, как его обезвредить и приспособить к господству нового класса. Бюрократия сама щеголяет своею рутиною, а обыватель, гражданин, больше всего проклинает эту мертвую рутину, превращающуюся в пустой формализм.

Ждали искоренения зла от революции, от «народовластия», т. е. от участия народного элемента в управлении. И буржуазии показалось, что она создала такой аппарат в парламентаризме, в парламентском правительстве. Вытеснил ли парламентаризм бюрократизм? Нет! Напротив, развитие капиталистического общества развило аппарат исполнительной власти до небывалых размеров, как это изложено у К. Маркса в его «18 Брюмера». Мы уже видели выше, что исполнительная власть заменила могущество всех прочих властей (короля, парламента и т. д.). В Америке так и говорят о правительственной машине.

Великая французская революция очень бережно сохранила старую бюрократическую систему. Она ее еще расширила, окончательно упразднив феодальный суд и введя свой республиканский, бюрократический суд. Она переменила лишь личный состав чиновничества, и эту работу продолжал Наполеон I, а завершила реакция, до Бонапарта включительно. Конечно, буржуазная революция внесла кое-что новое и здесь, но система сохранилась.

Говорят, что в Англии нет бюрократизма. Но, когда в Англии

происходит смена министерства,[1] т. е. смена классов или групп одного класса у власти, то уходят в отставку все политические, т. е. партийные деятели, не только министры. А аппарат управления, т. е. бюрократия, остается и переживает с незначительными изменениями смену партий, групп, классов. Это мы видели особенно рельефно в случае с «первым министром» Макдональдом, в связи с подложным письмом тов. Зиновьева. Почти то же самое мы наблюдаем во всех парламентских странах старого света. Эта-то бюрократия фактически и управляет страною, а министры только «дают направление», «кладут штампы» и «отвечают» перед парламентом, т. е., когда недовольство достигло известных размеров, получают «выражение недоверия» и «выходят в отставку». А это «направление», конечно, соответственным образом и хотя бы в незаметном виде, изменяется бюрократиею. Если, например, министерство в Англии желает внести законопроект, то проект этот изготовляется в особом учреждении — при министерстве финансов. Оно называется «парламентским», но оно состоит из одного советника и известного количества канцелярских служащих (клерков), которые все служат по назначению от правительства, а не от парламента.

Мы знаем, как недовольны были юнкера Германии бюрократами национально-либерального типа 40-х и 60-х годов из-за их хотя и крайне умеренных, но либеральных тенденций, и все-таки «либеральный тайный советник» оставался. А там, где появились «великие коалиции» всех партий военного времени или «малые коалиции» с социалистами послевоенного периода, чрезвычайно усилилась как раз бюрократия. Доходило даже до чисто «бюрократических кабинетов», и требование министерства из специалистов сделалось лозунгом целых партий.[2]

Мелко-буржуазная демократия, в случае победы, увеличивает чиновничество до небывалых размеров, ибо она смотрит на свою победу как на средство обеспечить своих партийцев должностями. Особенно ярая борьба из-за этих мест разгорается в странах со смешанным национальным составом, где она принимает характер националистической борьбы из-за официального языка, напр., в Чехо-Словакии, Латвии, Эстонии, отчасти и Финляндии. Так, напр., в Латвии после победы латышской мелкой буржуазии чиновничество, при 1 500 000 населения, достигает 40 000 чел.,

---

[1] «Вся история буржуазно-парламентарных, а в значительной степени и буржуазно-конституционных стран показывает, что смена министров значит очень мало, ибо реальная работа управления лежит в руках гигантской армии чиновников» (Ленин, XIV, 2, стр. 104).

[2] Во Франции особенно резко критикуются цивилисты в роли военных министров. Один французский политик остроумно высмеивает их роль, описывая, как специальные вопросы проходят низшие инстанции из людей сведущих, поднимаются в высшие учреждения, где таковых меньше и меньше (междуведомственные совещания), а окончательно решаются человеком, в деле ровно ничего не понимающим, т. е. министром.

в Эстонии на 1 милл. жит. — 23 000 и т. д. То же самое мы видим в Германии, где с.-д.-шейдемановцы поспешили после ноября 1918 г. занять не только места ландратов и разных президентов центральных и местных, но и полицейских управлений, охранных отделений и шуцманов («городовых»). Но верхи бюрократии, как незаменимые спецы, всюду остаются.

А Америка? И Америка не чужда бюрократизма. При тамошней «системе военной добычи» («spoil system») победившая партия своею армиею чиновников заменяет весь аппарат, всю машину. Надо сознаться, она не столько страдает рутиною, ибо не имеет собственных вековых традиций и более построена соответственно торгово-промышленным образцам управления фабрикою или трестом.

Парламентаризм не победил и не вытеснил бюрократизма. Введя известную политическую ответственность, он только смягчил его в одном месте, чтобы усугубить его в другом. И в то же время, когда буржуазия уже почти поголовно разочаровалась в парламентской «говорильне» («Schwatzhaus»), не только практики, но и теоретики как раз ищут спасения в реформе бюрократии, в «бюрократическом парламентаризме» из спецов и в фашизме.

Цитированный уже раньше проф. Макс Вебер приходит к заключению, что «во всяком современном государстве господство — как осуществление управления — находится в руках чиновничества, и в дальнейшем развитии бюрократического чиновничества, основанного на назначении, жалованьи, пенсии, повышении по службе (avancement), профессиональном образовании и разделении труда, твердо установленной подведомственности (компетенции), системе бумажного производства («aktenmässig»), иерархическом подчинении и начальствовании, — заключается определенный масштаб степени модернизации данного государства». Значит, по мнению этого буржуазного профессора, при буржуазии «бюрократии принадлежит будущее».

Б. ДЕЛОВОЙ МЕТОД УПРАВЛЕНИЯ

Я еще в первых главах своей работы указал на то, что человечество или, вернее, класс, господствующий в данную эпоху, и государство, т. е. аппарат своего господства, строит по своему же образу и подобию. Следовательно, капиталистическое государство должно было бы иметь аппарат управления более или менее делового характера. Но я также указал на то обстоятельство, что в государстве наиболее сильны традиции прошлого, исторические, если не доисторические, пережитки. Здесь больше чем где бы то ни было в силе пословица: «Le mort saisit le vif» — «мертвое пленяет живое». Бюрократия прошлого одолевает новые как государственные, так и чисто общественные учрежде-

ния, как-то профсоюзные, партийные и даже коммерческие. Необходима целая революция, чтобы стереть эти старые остатки с лица земли.

И первая стадия пролетарской революции разыгрывается в атмосфере капитализма. В борьбе за роль в производстве господствующее положение, вместо класса капиталистов, завоевывает пролетариат, присваивая себе одновременно все принадлежности власти уничтоженного им окончательно класса крупных земельных собственников. Капитал целиком или отчасти превращается в государственное достояние. Управление им держит в своих руках пролетариат.

К. Маркс, уже раньше глубоко изучивший организацию труда и общественных отношений в связи с революцией и давший великолепную характеристику и критику бюрократии в «18 Брюмера» в момент самого переворота, дает нам такую же блестящую картину изменений в организации управления в первой пролетарской революции, в Парижской Коммуне, чуть ли не в самый день этого переворота, в своей «Гражданской войне».

«В особенности Коммуна доказала, что рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей» (см. предисловие к «Коммунистическому манифесту»). «Париж... вместо армии сформировал, главным образом из рабочих, национальную гвардию». «Первым декретом Коммуны было уничтожение постоянного войска и замена его вооруженным народом»...

«Коммуна образовалась из избранных всеобщим изибирательным правом по различным округам Парижа городских гласных. Они были ответственны и в любое время сменяемы. Большинство состояло, само собою разумеется, из рабочих или признанных представителей рабочего класса. Коммуна была не парламент, а рабочая организация, объединяющая в себе и исполнительную и законодательную власть». «Полиция, бывшая до сих пор орудием государственного правительства, была лишена своих политических функций и превращена в ответственный орган Коммуны, сменяемый в любое время. То же самое чиновники всех остальных отраслей управления».

«Разумеется, что Парижская Коммуна должна была стать примером для всех крупнейших центров Франции. Раз коммунальный строй был бы введен в Париже и второстепенных промышленных центрах, и в провинции старое централизованное правительство должно было бы уступить место самоуправлению производителей».

«Не многие, но важные функции, которые оставались бы еще за центральным правительством, постановлено было не уничтожать... но предоставлять коммунальным, т. е. строго ответственным чиновникам...

Уничтожая все органы старого правительства, которыми эта старая власть пользовалась только в целях угнетения, Коммуна вырывает из рук этой власти, стремившейся стоять над народом, ее законные функции и передает таковые ответственным чиновникам общества... Теперь всеобщее право голосования должно было служить организованному в Коммуны народу так же, как индивидуальное право выбора служит работодателю, когда он ищет для своего предприятия рабочих, надзирателей и бухгалтеров. И всем достаточно известно, что общество само так же хорошо умеет, как и определенные лица, найти подходящего для своего практического дела человека, а если оно ошиблось, оно сумеет это быстро исправить. Но... для Коммуны не могло быть ничего более противного, чем вместо всеобщего права выбора ввести иерархическое назначение».

...«Уничтожая обоих потребителей самых крупных средств государства — армию и чиновничество, Коммуна привела в исполнение идеал буржуазной революции — создала дешевое правительство. Уже ее существование означает отрицание монархии, бывшей, по крайней мере, в Европе тяжелым балластом и маскою для классового правительства. Коммуна, однако, не поставила себе целью ни «дешевое правительство», ни «истинную республику», которые появились сами собою».

Эта длинная выписка необходима была, чтобы вполне усвоить себе глубокий ее смысл. Кроме ответственности и отзываемости каждого служащего Коммуны, которые подчеркиваются и в нашей конституции, и выборности его снизу, там подчеркивается внесение чисто делового момента в управление государственными делами. Уже в выборе служащего низы должны руководствоваться теми же принципами и методами, какими руководствуется ныне работодатель индивидуально, т. е. соответствием чисто деловым, а не по родственным, товарищеским или иным побочным соображениям, быстро и, прибавим, беспощадно исправляя свою ошибку. Но если проверить этот последний момент — выборность по чисто деловым соображениям — в таких современных государствах, как Америка, то мы видим, что там партийное кумовство буржуазных классовых партий взяло верх над всякими деловыми соображениями.

Но в чем же заключаются основные принципы делового управления? С одной стороны, я уже указал на то, что торгово-промышленная жизнь, наоборот, много заимствовала от государства прошлого. Всякая новая организация в буржуазном обществе прокладывает себе дорогу только путем конкуренции, борьбы за существование, как бы, говоря словами Маркса, по естественным законам природы, а отнюдь не сознательно.

Лишь недавно появилась в Америке система научной поста-

новки организации труда (scientific menagement), в системе Тэйлора, но и то прежде всего и пока почти исключительно в области физического труда и еще службы жел. дороги. Правда, при президенте Тафте Соединенные Штаты образовали особую комиссию для исследования способов применения этого нового научного способа «бюджетирования рабочей силы» и к государственной службе, но работы этой комиссии ничего существенного не дали.

И в процессе производства количество служащих конторы сильно возрастает по отношению к рабочим, и, напр., в той же Северной Америке оно уже в 90-х годах прошлого столетия составляло 9,2 человека на 100 занятых в предприятии лиц, значит, почти 10% (см. Кароль Райт, «Эволюция промышленности в Сев. Америке за 100 лет»). Отчасти это означает громадный рост производительных сил, но, с другой стороны, мы читаем у Тэйлора-Рослера речь одного американского представителя ж. д., что «сбережения путем введения новых принципов в управлении и эксплуатации всех железных дорог Соединенных Штатов составляли бы один миллион долларов в день». Я должен оговориться, что тут в Америке, и вообще в капиталистическом обществе, весь вопрос идет лишь о способе расчетливого использования каждой минуты оплаченной рабочей силы, и общеизвестно, как Тэйлор, увидев, что его рабочий после фабричной работы еще может работать 2 часа в своем садике, заявил, что рабочий у него украл эти 2 часа, и что он, значит, нечестный рабочий. Это означает научный способ борьбы против рабочего и против всяких профессиональных его организаций, и эта точка зрения отпадает только с победою пролетариата.

Поэтому вся научная система Тэйлора главным образом занимается «стандартизациею» труда, т. е. получением standard'a — высшей нормы выработки, доводя ее до минимума затраты энергии, и сущность ее заключается в исследовании производительности, продуктивности (efficiency).

Нас, прежде всего, интересует сторона организационная. Являются ли способности организатора прирожденными способностями или они даются и наукою, выучкою, навыком? В капиталистическом мире, как мы уже видели, лишь конкуренция «обнаруживает этих прирожденных организаторов». Но, не решая вопроса, прирожденны ли организационные таланты или они лишь вырабатываются жизнью, — всегда надо стремиться выбрать, как Маркс показал на Коммуне, подходящих людей. Если мы любому современному капиталисту представим список лиц, он не возьмет первых попавшихся 10 на одну и следующих 20 на другую работу, как мы в свое время назначали. Он поинтересуется их качествами, их склонностями и способностями и в лучшем случае согласится осторожно их поставить на работу для испытания, но он и легко «исправит свою ошибку». Это является единственным верным способом и для Коммуны в

Париже и для всякого иного рабочего правительства. Это и есть то, что советует Ленин: «проверить людей и проверять фактическое исполнение дела — в этом, еще раз в этом, только в этом теперь гвоздь всей работы, всей политики» (XVII, 2, стр. 17).

Деловой способ управления выдвигает вместо рутины систему и организацию. Правда, «есть многие, смешивающие систему и организацию с рутиною, но они не похожи друг на друга даже с внешней стороны. Система, это — урегулированное соединение или совмещение отдельных частей или предметов в единое целое, основанное на разумных началах; организация для такого соединения требует еще планомерности, тогда как рутина является застывшими ловкостью и искусством, основанными исключительно на навыке» (д-р Р. Гримсгард, «Организация»).

«Понятие организации включает в себе понятия: порядок (Ordnung), разделение труда и контроль», — пишет доцент коммерческих наук Г. Обст. [1]

Порядок, это, прежде всего, — планомерность, но, во-вторых, и точное проведение и крайняя аккуратность в проведении плана (peinliche Ordnung). Всякому развитому рабочему, например, металлисту, это понятие вполне вразумительно, его надо только перенести из области производства в область организации управления. Накопившуюся организационную энергию из производства, а равно и из рабочей и партийной организации, надо перевести, переработать в организационную энергию применительно к управлению. И этими способностями не следует пренебрегать как «буржуазным предрассудком». В том и заключается тот большой плюс для будущей революции на Западе, что там уже имеется такая накопившаяся энергия, которой у нас почти-что не было.

Планомерность, чистота, аккуратность исполнения — таковы моменты, тщательно проводимые в жизнь в любом примерно поставленном торгово-промышленном управлении; разумное распределение служащих и часов их явки на службу, чтобы служащие не слонялись зря без работы. Для этого, например, тот же Обст, вопреки нашей привычке, что «начальствующие лица» приходят позже, — сообщает, что, по общему правилу, за полчаса до начала занятий, по очереди, является один из распорядителей (владелец фирмы или «прокурист») для присутствия при разборке и распределении корреспонденции. Сюда относится и строгий учет всех необходимых — и только необходимых — сил с устранением всего лишнего. Значит, — назначение на должности по надобности, а не по наперед установленным по шаблону штатам. Сущность всякого бюджетирования человеческой силы сводится к удалению всего лишнего из области управления в об-

[1] См. Георг Обст, «Das Bankgeschäft», Leipzig 1914.

ласть производства, хотя бы в категорию необученного труда «чернорабочих».

Второе требование — разделение труда. Мы видели, что сами ведомства возникли по простому разделению труда, но только не научному, а весьма случайному и даже исторически нерациональному. «Сущность научного определения производительности основывается на двух мыслях: 1) на развитии и руководстве всякого рода промышленной деятельности с точки зрения разделения всех процессов на мельчайшие и простейшие элементы и 2) на определении и проведении в жизнь экономических мероприятий» (Taylor-Walliches, «Die Betriebslehre» 1919).

Всякое разделение труда, кроме разделения процесса на элементы, требует и нового планомерного соединения, правильного расставления этих элементов. Это весьма существенное требование, но к нему следует прибавить основное правило, выдвигаемое всеми «тэйлористами» единогласно, что частая ломка недопустима, и необходимо медленное, постоянное проведение этих новшеств. В связи с разделением труда находится деление на специальности.

В-третьих, — контроль. Деловое понимание контроля заключается в хозяйственном способе его применения. «Контроль должен оплачиваться». И если контроль обходится дороже, чем предупреждаемое им зло, то контроль подлежит отмене. Его надо понимать, прежде всего, как внутренний контроль, известный фабричному производству, где само производство (машина или процесс труда) контролирует работу. Правильное течение бумаги и внутренняя проверка течения ее — таково первое требование. Например, Баллевин-Левин («Fabriksbetrieb») предлагает: для контроля действительного разрешения всей переписки — ежедневное сообщение в исходящий пункт списка всех неразрешенных еще бумаг. Вообще, в видах контроля и экономии труда регистратура должна занимать не последнее, как прежде, в правительственных учреждениях (недаром «коллежский регистратор» — низший чин), а весьма ответственное место. Мы видели, что в банковом деле Обст требует при разборке корреспонденции присутствия ответственного распорядителя. Другой (Баллевин-Левин) говорит то же самое: поступающая почта записывается и тут же проверяется одним из распорядителей («прокуристов») или заведующих отдельными отделениями.

Контроль должен быть действителен, дешев и приурочен к самому удобному моменту процесса работы. Еще маленький пример для характеристики разницы между деловым способом контроля и бюрократическим. По последнему, как известно, всегда требуется три (и не менее двух) подписи, причем высшая подпись обыкновенно кладется по привычке, просто потому, что предыдущая уже имеется. Между тем в банковом деле часто практикуется лишь одна подпись, например, из двух кассиров —

*

подпись не лица, принимавшего деньги, а того, кто проверял, причем соответственность первого просто предполагается.

Остается нам еще коснуться вопроса о категориях служащих. Их делят на ответственных работников, исполнителей (секретарей, делопроизводителей и т. д., и т. д.) и низших служащих. Но это деление слишком часто проводится исключительно с точки зрения желательного оклада, а не рациональной постановки дела.

Деловой метод управления не злоупотребляет понятием ответственного работника. [1] В общем смысле слова, ответственным должен быть всякий служащий в пределах своей должности. Но если мы говорим об «ответственных работниках» в торгово-промышленном деле, то под этим понимаются не мнимые «управляющие делами», а действительные распорядители, т. е. те «немногие, но важные функции», о которых говорил выше К. Маркс, — где или требуются исключительные способности и познания и т. д. («спецы»), или же быстро соображающие директора, руководители, распорядители и т. д.

Второй разряд, это — исполнители. «Эта работа, вследствие все большего разделения труда, становится одностороннею, но все-таки было бы ошибочно посадить на эти посты неквалифицированного (unlearned) работника, хотя бы он в несколько дней и мог научиться этой работе... ибо он не должен терять из виду организации управления предприятием в целом» (см. Обст, «Das Bankgeschäft»). Тут, конечно, должна быть самая сложная специализация и т. д. И эта часть, пожалуй, представляет наибольшие трудности.

Третий элемент, это — низший исполнительный аппарат, состоящий из профессиональных работников (как машинисты, конторщики и т. д.) или из необученных чернорабочих, для самых простых механических функций. Здесь оценка должна быть чисто деловая и с соответствующею оплатою.

Что не следует гнаться за дешевизною рабочей силы во что бы то ни стало, это известно любому капиталисту, но зато следует принять все меры для рационального использования этой силы и в этих видах стремиться достигнуть «механизации работы». Я здесь приведу для примера из книги Паркгорста («От директора-распорядителя до рассыльного», 1919 г.) несколько слов из «инструкции для привратников»:

---

[1] Тов. Ленин в речи от 6 III 1922 г. высмеивает «коммунистов, мнящих себя администраторами». А крупнейший буржуазный организатор В. Ратенау писал: «Я знаю многих «ответственных» организаторов, которые воображают себе, что они должны все сами делать. Я их всегда считал хорошими исполнителями, но отнюдь не организаторами». «Мы должны знать все органы и за ними постоянно наблюдать, но никогда не делать лично того, что эти органы сами могут исполнить, ибо важнейшею работою является та, которой никто иной делать не может, и таковой всегда достаточно. Требуй, чтобы каждый из твоих людей имел заместителя, а никто не имел бы адъютанта».

«При указании ежедневных обязанностей привратника против каждого пункта проставляется в минутах время, в течение которого должны выполняться разного рода элементарные операции. Эти данные, на основании фактических наблюдений, устанавливаются с помощью секундомера и, по подведении итога для времени всех отдельных элементарных операций, итог излагается в часах и сотых долях часа и представляет нормальное время каждой операции». По этой системе распределяются поочередно все операции, а равно и необходимый отдых, время для еды, время прихода и ухода. Так достигается точное и своевременное исполнение всех возложенных обязанностей и только так предупреждается переутомление».

Комбинация всех отдельных частей процесса труда является, таким образом, одною из самых существенных задач. «Каждый служащий должен иметь вполне определенные обязанности и совершенно ясно формулированную ответственность», — таков принцип для системы управления, рекомендуемый тем же Паркгорстом.

Эти примерно перечисленные указания теории, в связи со словами К. Маркса о Коммуне, должны служить руководящею нитью для исправления нашей практики управления. Ныне кое-что и у нас сделано в этом отношении, но пока лишь в технической части работы. Тут предстоит еще серьезная научная работа. В своей речи на осенней конференции Партии 1921 г. тов. Каменев указал, что рабоче-крестьянское правительство является дешевым правительством, сравнительно хотя бы с царским, и поэтому оно вполне приемлемо для крестьян. Трудно, конечно, пока проверить подобные расчеты, но довод этот силен. Мы видели, что, по Марксу, Коммуна оказалась дешевым правительством, — идеал, недостижимый для буржуазии. Но он там же прибавляет: «Коммуна, однако, не ставила себе целью «дешевизны государства» . . . , которая появилась сама собою». И эти слова надо себе отметить.

В. СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И БЮРОКРАТИЗМ

При советской власти борьба с бюрократизмом становится определенно классовою борьбою. Это предвидел Ф. Энгельс еще до самого начала пролетарской власти; оно стало более явным нам в моменты усиления классовой борьбы.

«Ныне мы достаточно сильны, чтобы перенести и переварить любое количество этой интеллигентной дряни (Quark), и я предвижу, что мы будем в состоянии через 8 — 10 лет [1] навербовать собственных молодых техников, медиков, юристов, учителей, а

[1] Обратите внимание здесь на срок, поставленный Ф. Энгельсом.

также передать крупные имения в управление от имени нации своим членам партии. В таком случае наше вступление во власть будет протекать гладко. Но если мы благодаря войне неожиданно (vorzeitig) станем у власти, то техники (у нас «спецы») будут нашими специальными противниками и будут обманывать и предавать нас, где только смогут. Нам придется применять террор (den Schrecken) и нас все-таки обманут. Это в небольших размерах (im Kleinen) всегда случалось со всеми французскими революциями. Им даже в самых обыкновенных управлениях приходилось на действительно работающие нижние аппараты насаждать старых реакционеров, и те саботировали и подрывали все (hemmten und lähmten Alles)».

Так писал Ф. Энгельс в 1891 году. Это было время наплыва в германскую с.-д. массы молодой интеллигенции. И Энгельс с небывалою дальновидностью нарисовал возможную картину первых шагов победившей пролетарской революции, дословно изображающую действительность нашего 1918 года. Всем памятны первые шаги победившей пролетарской революции. Она нашла более дюжины старых ведомств, в которых надо было или продолжать работу по-новому, или, по крайней мере, ликвидировать ее. Среди них были такие сложные аппараты, как министерство финансов и капиталистические банки. Все чиновничество, почти без исключения, объявило забастовку по команде контр-революционной буржуазии и отчасти на средства международного финансового капитала. Новое рабоче-крестьянское правительство было вынуждено образовать совершенно новый аппарат вместо старой бюрократии из менее опытного материала, вследствие чего получился аппарат во многом хуже прежнего.

Может быть, эта забастовка, с одной стороны, и была счастьем для революции, ибо без нее еще в большей степени случилось бы то, что предсказал Энгельс относительно саботажа старых «спецов». Но, с другой стороны, она была громадным несчастьем, ибо для работы (хотя бы ликвидационной) пришлось пригласить новый состав чиновничества, также не из рабочих или, по крайней мере, далеко не целиком из рабочих. Этот новый состав был менее опытен и часто ниже по своим моральным качествам, чем прежний. Поэтому для той же работы потребовалось больше народа, чем прежде; а когда кончилась забастовка, то число чиновников сразу чуть ли не удвоилось. Вдобавок голод и материальная необеспеченность служащих не дали им возможности работать и превратили их массами в саботажников, мешечников, взяточников или довели честную их часть до полного истощения и упадка.

И в смысле работы результаты были крайне неудовлетворительны. Вступая в новую работу бюрократического режима, новое чиновничество не внесло и не могло внести сразу ничего нового, но, напротив, попадало под влияние старой закваски и до-

вело бюрократизм до невероятных пределов. У него не было системы и плана, но не было даже и рутины. Аккуренная ломка во время беспрерывного фронта сразу невозможна была не только в военном ведомстве, но и в весьма многих других. Надо сознаться, что об умелом строительстве нам приходилось говорить лишь изредка.

Как известно, Ленин выдвинул лозунг замены разбитого старого сословно-буржуазного аппарата властью Советов. Возможно ли это сразу? «Об уничтожении чиновничества сразу, повсюду, до конца не может быть речи. Это — утопия. Но разбить старую чиновничью машину и тотчас же начать строить новую, позволяющую постепенно сводить на-нет всякое чиновничество, это не утопия, это — опыт Коммуны, это — прямая очередная задача революционного пролетариата».

Так писал Ленин в 1917 году еще до октября (XIV, 2, стр. 335). Но если сущность всякого государства заключается в более или менее совершенной организации классового господства, то для Советского государства, имеющего в виду переорганизацию труда и хозяйства в государственном масштабе, потребовались великие организаторские силы. Важнейшим недостатком и самым слабым местом российской революции, вполне естественно, был как раз крайне ограниченный количественно и качественно состав организаторов. II Съезд Советов на скорую руку объявил «вся власть Советам», назначил Совет Народных Комиссаров и предписал ему провести эту программу «в тесном единении с массовыми организациями рабочих, работниц, матросов, солдат, крестьян и служащих». «Советская власть есть аппарат для того, чтобы масса начала немедленно учиться управлению государством и организации производства в обще-национальном масштабе», — писал Ленин в марте 1918 г. (XV, стр. 154).

Вначале освободившиеся от прежнего ига массы поняли новый демократизм как массовое обсуждение и решение всех вопросов, как протест против всякой принудительности, дисциплины; в лучшем случае, как коллегиальное управление, причем коллегии должны быть по возможности многочисленны. Как оценивает Ленин эти тенденции первого периода и их естественную закономерность?

«Мы успешно решили первую задачу революции, мы видели, как трудящиеся массы выработали в себе основное условие ее успеха: объединение усилий против эксплуататоров для их свержения. Такие этапы, как октябрь 1905 г., февраль и октябрь 1917 г., имеют всемирно-историческое значение.

«Мы успешно решили вторую задачу революции: пробудить и поднять те именно общественные «низы», которые эксплуататоры столкнули вниз и которые лишь после 25 октября 1917 г. получили всю свободу свергать их и начать

осматриваться и устраиваться по-своему. Митингование именно наиболее угнетенной и забитой, наименее подготовленной массы трудящихся, переход ее на сторону большевиков, проведение ею везде и повсюду своей советской организации — вот второй великий этап революции.

«Начинается третий. Надо закрепить то, что мы сами отвоевали, что мы декретировали, обсудили, наметили, — закрепить в прочные формы повседневной трудовой дисциплины. Это самая трудная, но и самая благодарная задача, ибо только решение ее даст нам социалистические порядки. Надо научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, митинговый демократизм трудящихся масс с железной дисциплиной во время труда, с беспрекословным повиновением воле одного лица, советского руководителя во время труда.

Мы этому еще не научились. Мы этому научимся», — писал Ленин в апреле 1918 г. (XV, стр. 220, 221).

Конституция, кроме принципиального лозунга: «вся власть Советам», никаких указаний для управления не дает. Только для народного комиссара она уже вносит единоличный принцип с образованием при нем коллегии, которая имеет лишь право совещания и внутреннего контроля (право жалобы, не останавливая исполнения постановления народного комиссара). Значительно труднее эта борьба была в области хозяйственного управления, где еще долго сохранялись поклонники коллегиальной системы, как более «демократической».

Таково создавшееся положение в советской бюрократии! Какой из него выход? И возможен ли вообще «мирный», т. е. не связанный с насилием, выход? Как уменьшить естественным путем перенаселение канцелярии? Опыт убеждает нас, что эта задача чрезвычайно трудна.

Еще VIII съезд Советов постановил: ускорить начатое упрощение соваппаратов в целях перевода служащих на производственный труд. Но тогда необходимо их «подготовить» к этому новому труду. [1] А когда с наступлением нэпа начались массовые увольнения, то вместе с тем появилась и безработица для весьма многих даже квалифицированных рабочих и служащих. В конце октября Президиум ВЦИК создал особую комиссию для упразднения целых учреждений и сокращения их состава. Этою центральною и ее местными комиссиями увольнялись невероятные массы людей. А результат?

---

[1] «Если ты признал человека неподходящим для его поста, то лучше отправить его на покой с сохранением оклада, чем оставить его на месте, ибо он причинит много вреда не только тебе и себе, но и бесчисленным посторонним лицам». («Тезисы для деловых людей» — Вальтера Ратенау. Собрание сочинений, т. IV.)

На IV сессии ВЦИК'а 1922 г. Ленин дал характеристику этой работы:

«Я сейчас должен кончить и коснусь еще только одного вопроса, который меня особенно интересует, и который, я думаю, должен также интересовать и всех вас, хотя формально ни на вашей повестке, ни в списке вопросов он не стоит. Это — вопрос о нашем государственном аппарате, старый и вечно новый вопрос.

«В 1918 г., в августе месяце, мы произвели перепись нашего аппарата в Москве. Мы получили число 231 000 государственных и советских служащих в Москве, число, обнимающее и центральных служащих и местных московских, городских. Недавно, в октябре 1922 г., мы произвели эту перепись еще раз, уверенные, что мы сократили наш раздутый аппарат, и что он должен уже, наверное, оказаться меньшим. Он оказался в 243 000 чел. Вот вам итоги всех сокращений. Этот пример потребует еще большего труда изучения и сопоставлений. Тогда, в 1918 г., когда мы, так сказать, в первом пылу реформы, произвели подобную перепись, мы, говоря попросту, почти ничего путного извлечь из ее итогов не могли. Не до того было. Гражданская война не оставляла нам ни малейшей свободной минуты. Теперь мы надеемся, что это будет сделано. Мы уверены, что наш аппарат, который страдает весьма многими недостатками, который раздут гораздо больше, чем вдвое, который очень часто работает не для нас, а против нас, — эту правду нечего бояться сказать, хотя бы и с трибуны высшего законодательного учреждения нашей Республики, — будет улучшен. Для того, чтобы его улучшить, нужно много труда и уменья» (XVIII, 2, стр. 83).

Итак, пока советский строй не упразднил бюрократизма, ибо он до сих пор стремился ликвидировать бюрократизм лишь тем же бюрократическим способом.

IX съезд партии (в апреле 1920 г.) в этом отношении принял определенное решение: «В целях более простой и точной организации управления производством, а также в целях экономии организаторских сил, Съезд считает необходимым приблизить управление промышленностью к единоличию, а именно: установить полное и безусловное единоличие в мастерских и цехах, итти к единоличию в заводоуправлениях и к сокращенным коллегиям в средних и высших звеньях административно-производственного аппарата». Но одновременно рекомендуется целый ряд мер, как привлекать к делу управления рабочие массы.

Борьба этим еще не окончилась, и многие долго еще придерживались мнения, что борьба против коллегиальности усиливает бюрократию. Это очень узкий взгляд, увлекающийся внешним видом какого-то «демократизма». Коллегия сама по себе вовсе не есть демократический способ управления, наоборот, наиболее вредный бюрократизм проявляется именно

в форме коллегиального управления, где коллегия обсуждает чисто бумажные доклады и по ним медленно решает вопросы живой действительности.

В действительности бюрократизм мы получили в наследство от прежнего строя вместе с его учреждениями, вовсе не упразднив его, а, напротив, во многих отношениях ухудшив его. В результате получилось не управление в руках самих масс, но ужасающие цифры учреждений и численности советских служащих. Ведь существовало же у нас особое учреждение «по переименованию учреждений»! Ленин весьма определенно предупреждал против этого типа строительства. «У нас ужасно много охотников перестраивать на всяческий лад, и от этих перестроек получается такое бедствие, что я большего бедствия в своей жизни и не знал. О том, что у нас существуют недостатки в аппарате по организации масс — это я знаю превосходным образом, и на всякие десять недостатков, которые любой мне из вас укажет, я сейчас же вам назову сотню добавочных. Но не в этом дело, чтобы быстрой реорганизацией его улучшить, а дело в том, что нужно это политическое преобразование переварить, чтобы получить другой — культурный — экономический уровень. Вот в чем штука. Не перестраивать, а наоборот, помочь надо тем многочисленным недостаткам, которые имеются в советском строе и во всей системе управления, помочь десяткам и миллионам людей. Нужно, чтобы вся крестьянская масса помогла нам переварить то величайшее политическое завоевание, которое мы сделали. Тут надо быть трезвым и отдавать себе отчет. Это завоевание сделано, но в плоть и кровь экономики обыденной жизни и в условия существования масс еще не вошло. Тут работа целых десятилетий, и на нее нужно потратить огромные усилия. Ее нельзя вести тем темпом, с той быстротой и в тех условиях, в которых мы вели военную работу» (XVIII, 1, стр. 449 — 450).

Г. ЗАВЕТЫ ЛЕНИНА

Ленин «завещал» нам два принципа: революционную законность и научное советское строительство. Эти два принципа, хотя и высказанные не в один день и не в одном акте, целиком охватывают наши задачи в области государственной жизни.

К принципу законности Ленин возвращается в последние годы, с момента отступления к нэпу, все снова и снова. Наиболее ярко его мысль высказана в опубликованном письме, писанном им во время болезни в ЦК партии по поводу централизации прокуратуры. И эти его слова повторяются (в разной форме) почти во всех его статьях последнего времени, по поводу ли «порядка», культуры и культурности и т. д. Но основная мысль эта в нем живет давно. Его взгляд на статью программы партии, как буду-

щий декрет положительного права, его вера в революционный декрет и т. д. повторяют ту же мысль, лишь в другой форме, в другой обстановке.

Отстаивая в интересах единой законности централизацию прокуратуры, Ленин делает вывод: «Если мы этого элементарнейшего условия для установления единой законности во всей федерации не будем проводить во что бы то ни стало, то ни о какой охране и ни о каком создании культурности не может быть и речи».

Значит, законность и культурность взаимно обусловливаются. И, заметьте, в этом письме-телефонограмме от 20 мая 1922 г. уже указывается на ту важную роль ЦКК, которую он ей отводит годом позже в выражении «своей последней воли» по поводу советского строительства.

Что касается советского строительства, то мы уж видели, что Ленин к действительности Советской власти у нас относился весьма критически: «мы переняли старый государственный аппарат, и это было нашей бедой. Государственный аппарат очень часто работает против нас. Дело было так, что в 1917 году, после того, как мы захватили власть, государственный аппарат нас саботировал, а мы тогда очень испугались и попросили: «пожалуйста, вернитесь к нам назад». И вот они все вернулись, это было нашим несчастьем. У нас имеются теперь огромные массы служащих, но у нас нет достаточно образованных сил, чтобы действительно распоряжаться ими. На деле очень часто случается, что здесь, наверху, где мы имеем государственную власть, аппарат кое-как функционирует, но что там, внизу, где они распоряжаются, там они очень часто работают против наших мероприятий. Наверху мы имеем, я не знаю сколько, но я думаю, во всяком случае, только несколько тысяч, максимум несколько десятков тысяч своих. Но внизу — сотни тысяч старых чиновников, полученных от царя и от буржуазного общества, работающих сознательно, отчасти бессознательно, против нас. Здесь в короткий срок ничего не поделаешь, это — несомненно. Придется работать в течение нескольких лет, чтобы усовершенствовать аппарат, изменить его и привлечь новые силы. Мы это делаем довольно быстрым темпом, может быть, слишком быстрым. Основаны советские школы, рабочие факультеты, несколько сотен тысяч молодых людей учатся, учатся, может быть, слишком быстро, но, во всяком случае, работа началась, и я думаю, что эта работа принесет свои плоды. Если мы будем работать не слишком торопливо, то через несколько лет у нас будет масса молодых людей, способных в корне изменить наш аппарат» (XVIII, 2, стр. 97).

Это — слова Ленина на IV Конгрессе Коминтерна (13/XI 1922 г.). Еще более резко по поводу старого аппарата он высказывается в своем политическом завещании, в полном смысле слова, в статьях «Как нам реорганизовать РКИ» и «Лучше меньше, да

лучше». Свои мысли тов. Ленин высказывает в плоскости необходимости сохранить во что бы то ни стало тесный союз с крестьянством, предупредить возможный раскол между двумя оставшимися классами: «Конечно, в нашей Советской Республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и «нэпманы», т. е. буржуазия. Если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами, тогда раскол будет неизбежен, но в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания такого раскола».

«Мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, доверие крестьян по отношению к себе и с величайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств.

«Мы должны свести наш госаппарат до максимальной экономии. Мы должны изгнать из него все следы излишеств, которых в нем осталось так много от царской России, от ее бюрократическо-капиталистического аппарата.

«Не будет ли это царством крестьянской ограниченности?

«Нет. Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее снабжение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя и проч.

«В этом, и только в этом, будет наша надежда. Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую; именно, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.».

«Вот как я связываю в своих мыслях общий план нашей работы, нашей политики, нашей тактики, нашей стратегии с задачами реорганизованного Рабкрина» (XVIII, 2, стр. 138).

«Если крестьянин увидит, что пролетариат строит свою государственную власть так, что умеет устроить порядок, а крестьянин его требует, его хочет и в этом он прав . . . — то крестьянин, в конце концов, после ряда колебаний, пойдет за рабочими . . . Он знает, что старое общество давало ему «порядок» ценою разорения трудящихся, ценою превращения их в рабство. Он не знает, может ли пролетариат дать ему порядок... Он поверит только делу, практическому опыту». Так говорил Ленин еще в 1919 году (XVI, стр. 222).

Мы уже знаем, как ценил Ленин завоеванную пролетариатом

власть. Но мало завоевать и разбить старую власть, надо уметь построить новый аппарат, новую машину власти.

«Наш госаппарат, за исключением Наркомпрода, в наибольшей степени представляет из себя пережиток старого, в наименьшей степени подвергнутого сколько-нибудь серьезным изменениям. Он только слегка подкрашен сверху, а в остальных отношениях является самым типичным старым из нашего старого госаппарата».

Что мы с ним сделали до сих пор? «Мы уже пять лет суетимся над улучшением нашего госаппарата, но это именно только суетня, которая за пять лет доказала лишь свою непригодность, или даже свою бесполезность, или даже свою вредность. Как суетня, она давала нам видимость работы, на самом деле засоряя наши учреждения и наши мозги.

Надо, наконец, чтобы это стало иначе».

«И вот, чтобы поискать способ действительно обновить его, надо обратиться, мне кажется, за опытом к нашей гражданской войне» (XVIII, 2, стр. 12).

К чему же сводился этот опыт? К умелому соединению партийной и советской работы. Отбросив старые образцы, научно, при использовании исследований технически-научных, медленно, не торопясь, но серьезно построить новый образцовый, рациональный, но одновременно дешевый аппарат. Во главе этого аппарата Ленин выдвигает Рабкрин и ЦКК.

VIII. РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЗАКОННОСТЬ

Ленин выдвинул, как предпосылку культурности, необходимой для перехода от нэпа к социализму, и как условие удачного советского строительства — законность.

Ленин говорит: «Советские законы очень хороши, потому что предоставляют всем возможность бороться с бюрократизмом и волокитой, возможность, которой ни в одном капиталистическом государстве не предоставляют рабочему и крестьянину. А что — пользуются этой возможностью? Почти никто! И не только крестьянин, громадный процент коммунистов не умеет пользоваться советскими законами по борьбе с волокитой, бюрократизмом или с таким истинно-русским явлением, как взяточничество. Что мешает борьбе с этим явлением? Наши законы? Наша пропаганда? Напротив! Законов написано сколько угодно! Почему же нет успеха в этой борьбе? Потому, что нельзя ее сделать одной пропагандой, а можно завершить только, если сама народная масса помогает» (1921 г., XVIII, 1, стр. 382—383).

Законность сама по себе не что иное, как организованный способ управления государством. Этим признаком отличается вообще современное государство от былого государства периода кулачного права или еще более отсталой формации, когда управление, по общему правилу, заключалось в единичных, более или менее случайных и бессистемных мероприятиях, а закон составлял лишь исключение. Закон и законность сами по себе являются лишь формою, содержание которой зависит от того, какой класс находится у власти и чье классовое право охраняет и проводит это государство.

Но в буржуазном государстве слово «закон» вообще впервые получает значение фетиша, чего-то чудодейственного. [1] Противопоставляя произволу феодального строя и абсолютизма, основанных на божьей милости, основной закон, основанный на естественном праве, на разуме человека-гражданина и на народной воле, — буржуазия создала в законе такой же идол власти, какой существовал в произволе прежней власти.

---

[1] См. «Введение».

Развитое буржуазное государство называет себя правовым государством. В последнее время и у нас для Советской власти стали пользоваться названием правового государства (ср. т. Малицкого). Правильно ли это? Если это означало бы только законность, то спорить было бы нечего. Но основной смысл этих слов заключается в том «самоограничении», которое «возлагает на себя государственная (предполагалось королевская) власть» в пользу народа. Законность, одинаково обязательная для всех, как для частного лица, так и для государственной власти в целом и ее отдельных органов, — таков основной лозунг теоретиков правового государства. Но мы уже видели, сколько лицемерия кроется во всяком буржуазном праве, где политическое равенство прикрывает экономическое неравенство, где за общедемократическою фразою прячется классовая сущность.

Естественно, что пролетарская революция, из всех революций впервые, имея перед собою столь развитую правовую систему, как буржуазную, или, как у нас, полубуржуазную, — должна разбить не только буржуазную классовую государственную власть, но и ее классовое право, ее законы. Ей ссылаться на законность на основе прежних законов нельзя. Когда Вольтер предлагал сжечь старые законы и писать новые, лучшие, он имел перед собою сравнительно небольшое количество законов старого строя. Пролетарская революция должна справиться с целою системою, с целыми возами законов и вкоренившеюся десятками лет в сознании масс буржуазною законностью. Эту законность она должна была разрушить. Разбивая эту старую законность, она проделала лишь необходимую революционно-разрушительную работу.

Но только злонамеренные критики-противники могли называть нас анархистами, отрицающими всякий закон и всякую законность. Как раз первые шаги победившего пролетариата заключались в издании крупнейших и ответственнейших декретов: о власти, о земле, о труде и т. д. Тогда нас обвиняли как раз наоборот — в чрезмерной вере в закон. И в самом деле, революция, проведенная с небывалой организованностью, не могла отказаться от наиболее совершенного, т. е. организованного способа действия государственной власти.

Для нас было ясно, что с Октябрьскою революциею все законы прежних правительств в принципе должны считаться отмененными. Первый декрет о суде формулировал эту мысль словами: «Суды руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революциею, не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». Наша осторожная формулировка объясняется тем, что мы знали, как твердо в памяти и сознании людей живут даже сожженные законы, но она недвусмысленно высказала определенную мысль, что все законы отменены, за исключением лишь

и т. д. А когда юристы, попадавшие в нар. судьи, все-таки стали нагромождать свои решения и приговоры ссылками на статьи старого свода, то в ст. 22 декрета о суде 25 ноября 1918 г. было помещено категорическое требование: «Ссылки в приговорах и решениях на законы свергнутых правительств воспрещаются». Конец старой законности!

Но новых законов, объемлющих все области, еще не было, и поэтому не могло быть еще и новой законности. Кроме того, мы переживали приподнятое настроение революции, когда революционная инициатива мест и отдельных лиц, как в центре, так и на местах, выражалась в разных «самочинных» неорганизованных действиях. То был период, когда острый момент гражданской войны заставил прибегать к разным чрезвычайным мероприятиям, в известной степени провозгласить чрезвычайные мероприятия целесообразности как общее правило. Условия внешнего фронта не дали ведомству юстиции фактической возможности вырабатывать всеобъемлющие кодексы остро-революционной эпохи вплоть до самого момента отступления, не говоря уже о том, что законы революции слишком быстро менялись.

Отступление стало возможным, а одновременно и необходимым, лишь с прекращением внешнего фронта. Но экономическое отступление, при отсутствии кодексов, одновременно было бы и правовым отступлением, ибо оно фактически вновь узаконило бы часть прежней системы отношений. Буржуазия чрезмерно обрадовалась, предполагая, что отступление уже превращается в паническое безоглядное возвращение к старой законности. Мы ей, однако, противопоставили законность революционную. Мы формулировали и на письме те законы, до которых мы отступаем, но во всем, что не помещено в этих кодексах периода отступления, остаются в силе революция и ее завоевания. Толкование этих законов должно быть ограничительное, а отнюдь не распространительное. Что это означает? Это означает, что все существование в правовой области до Октябрьской революции 1917 года кануло в вечность, и то, что восстановлено, является уступкою, ограниченною рамками закона и не подлежащею расширению без особого закона.

Вот почему мы и свою законность называем революционною. Наша законность должна проводиться строго, но со взглядом вперед, в сторону революции, а не в сторону контрреволюции.

Как у нас сейчас ставится вопрос о законности? С одной стороны, вместе с образованием Союза ССР, встал, как результат известного недоверия бывших угнетенных при царском режиме наций, вопрос законности конституционной, в защиту от чрезмерного централизма, с одной стороны, децентрализма — с другой. Был создан особый Верховный Суд Союза не как судебная инстанция, а главным образом в виде блюстителя

законности, только с точки зрения конституции и общесоюзного закона.

Гораздо важнее вопрос об общей законности, особенно когда он встал в связи с лозунгом «лицом к деревне». Обеспечить многомиллионному крестьянству тот «порядок», которого, по словам Ленина, оно ждало от буржуазии, а ныне ждет от коммунистов! Это очень трудная задача, над которой придется поработать весьма серьезно. Органы Советов должны проводить то, что дано в новых декретах и постановлениях крестьянству, так, чтобы крестьянство от этого действительно получило и почувствовало улучшение. Основным условием для проведения такой законности является постановка правильного и гибкого советского аппарата.

Первым условием законности является закон сам. Как этот закон издается и как он применяется? Возникает и у нас известное распределение функций власти: на законодательство, работу судебную и прокурорскую (по надзору над законностью) и, наконец, работу по управлению (то, что прежде называлось исполнительною властью).

А. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Наша конституция, как мы уже видели, отвергает теорию разделения властей — эту иллюзию буржузной демократии. Но она вместе с тем не отрицает технического деления труда. Поэтому и она должна была определить, кто у нас, хотя бы по преимуществу, законодательствует. В первой Советской конституции на этот счет было лишь несколько строчек: «ВЦИК Советов является (ныне в пределах, положенных конституцией Союза) верховным законодательным, распорядительным и контролирующим органом РСФСР» (ныне ст. 24-я). «ВЦИК Советов рассматривает и утверждает проекты декретов и иные предложения, вносимые Советом Народных Комиссаров или отдельными ведомствами, а также издает собственные декреты и распоряжения».

Ведь в буржуазных конституциях, а если не в конституциях, то в особых законах, весьма подробно излагается, кто имеет право «почина», т.-е. право возбуждения законопроекта; кто имеет право разрабатывать этот законопроект (правительство ли одно, или отдельные члены парламента), как и сколько раз (в трех чтениях) этот проект читается в парламенте, как он утверждается и как он подписывается и скрепляется. Это целая система «департаментов препон», чтобы не проводить скоропалительных проектов и не отменять также скоропалительно уже утвержденных законов, а вместе с тем и «благоприобретенных прав». Ибо раз издан закон, он свят и неприкосновенен, и его истолкование

принадлежит уже особым разъясняющим сенатам, где относительно той или иной буквы или запятой,относительно того или иного значения слова сословие юристов спорит годами. В том и заключается их «роль в производстве».

Наш строй, как революционный, был приспособлен к быстрому проведению новых законов и к столь же быстрому их изменению, если это нужно. У нас властвует живое дело, а не мертвая буква. Но, конечно, необходим известный твердый порядок законодательства, даже во время революции гарантирующий не только внимательное его проведение, но и быстроту необходимых изменений.

Этот порядок для РСФСР постепенно выработался в следующем виде:

Всем известно, что с самого начала революции вся главная работа, не только исполнительная и административная, но и законодательная, сосредоточилась в Совнаркоме, а рядом с центром и местные исполкомы и советы издавали свои местные законы. VIII съезд Советов в этом отношении внес некоторые твердые начала, приведшие наше законодательство к стройной системе.

Значит, по конституции, никакого ограничения законодательного почина не было, не было и лишнего формализма в «чтениях». Если проект прочитан один раз с толком, он утверждался. Окончательная разработка и, по крайней мере, проверка законопроектов принадлежали Наркомюсту, которому принадлежало и их опубликование. «Законодательные и важнейшие правительственные предложения отдельных ведомств подготовляются и редактируются в соответственном ведомстве и вносятся в отдел законодательных предположений Наркомюста не позднее как за три дня до внесения их в Совет народных комиссаров, за исключением случаев, совершенно не терпящих отлагательства, по соглашению с Народным комиссаром юстиции». Для общесоюзных законов существовала особая комиссия отдела законодательных предположений, работавшая при Совете народных комиссаров. Ныне она составляет часть «подготовительной комиссии».

Со временем, конечно, выработался известный порядок прохождения законодательных проектов и деления их на акты общегосударственного значения и прочие законы и т. д. Наконец, с образованием Союза ССР, пришлось внести известный формализм, вытекающий из сущности Союза и из существования системы двух советов.

а) Законодательство общесоюзное

Мы уже видели, какие предметы отнесены к ведению Союза, и по которым, значит, могут издаваться общесоюзные законы. Съезд Советов не ограничен ничем и никакими фор-

мальностями, кроме лишь вопроса о самоопределении (по которому требуется согласие всех союзных республик) и о границах отдельных республик. Но Съезд законодательствует лишь по важнейшим делам и чрезвычайно мало, ограничиваясь лишь общими директивами. Большинство законов издает Президиум ЦИК'а Союза и отчасти Совнарком Союза, который в пределах, предоставленных ЦИК'ом, издает декреты и обязательные постановления. Обязательные постановления издают и СТО и в известных пределах и Наркомы. Но все декреты и постановления, определяющие общие нормы политической и экономической жизни Союза и вносящие коренные изменения в существующую практику государственных органов, равно и кодексы законов, принимаются или, по крайней мере, утверждаются ЦИК'ом Союза.

Кто имеет право инициативы, т. е. право внесения проекта общесоюзного закона? Конституция и Положение о ЦИКС эту инициативу относят не только к законодательству, но и к «вопросам» вообще и предоставляют ее центральным органам Союза: Президиуму ЦИК'а Союза, Совнаркому Союза, Союзному Совету и Совету Национальностей, их Президиумам и Наркомам Союза, а также ЦИК'ам союзных республик и членам ЦИК Союза. При совнаркомах состоят особые подготовительные органы: по Союзу — «подготовительная Комиссия при СНКС»; по РСФСР — Малый Совет. Кроме того, и ЦИК автономных республик и Областные Исполнительные Комитеты автономных областей имеют это право, но лишь чрез Совет Национальностей. Для прохождения законопроектов установлен общий порядок прохождения вопросов вообще. Но законопроекты, возникшие по инициативе одного из Советов (Союзного или Национальностей), предварительно передаются в Президиум ЦИК'а Союза на заключение и для направления на обсуждение обоих Советов.

По принятии законопроекта в обоих Советах он публикуется Президиумом ЦИК'а Союза как общесоюзный закон. Закон вступает в силу, если в законе не определено иное, со дня получения, — в столицах ЦИК'ом Союзной республики, в Области — Округе или районе — исполкомом — Собрания Законов Союза, «Известий ЦИК'а» или «Экономической Жизни», в котором закон опубликован, смотря по тому, что раньше получено.

б) Законодательство РСФСР

И в законодательную работу РСФСР ныне внесен известный формальный элемент. Я не остановлюсь здесь на Съезде Советов, который, как высшая власть Республики, может издать и отменить любой закон, поскольку это его право не ограничено ныне конституцией СССР. Но он собирается не чаще одного раза в год

*

на непродолжительное время, и его законодательная роль никакой регламентации не подчинена.

И по конституции 1925 года (ст. 25-я) «ВЦИК издает кодексы, декреты и постановления в порядке собственной инициативы, а равно внесенные Советом Народных Комиссаров». В перерыве между сессиями ЦИК'а его права переходят на Президиум, причем декреты и постановления, определяющие общие нормы политической и экономической жизни РСФСР и вносящие коренные изменения в существующую практику ее госорганов, а равно и бюджет, обязательно восходят на рассмотрение и утверждение ЦИК'а.

По общему правилу, все декреты проходят через Совнарком и там, после предварительного рассмотрения их в Малом Совете (см. выше), утверждаются. В особенности это относится ко всем декретам и мероприятиям, не терпящим отлагательства, в том числе ко всем законодательным мероприятиям по делам военным и всем влекущим за собою обязательства для РСФСР мероприятиям по иностранным делам. Эти законы, по их утверждении Совнаркомом, обычно немедленно публикуются, но одновременно представляются в Президиум ВЦИК, который их утверждает, приостанавливает или даже отменяет, докладывая как в одном, так и в другом случае ВЦИК.

в) Законодательство автономных республик

Основные законы автономных советских социалистических республик принимаются их съездами Советов и представляются на утверждение ВЦИК, а окончательно утверждаются Всероссийским Съездом Советов.

Конституция 1925 г. определяет и законодательную власть каждой автономной республики. По общему правилу, на территории ее обязательны: общесоюзные законы, а равно и кодексы РСФСР с изменениями, вносимыми с разрешения ВЦИК (ст. 3 вводного закона к Земельному Кодексу, ст. 9 вводн. закона к Гражданскому Кодексу, ст. 4 вводн. закона к Уголовн. Кодексу и т. д.). Наконец, в области ведения самостоятельных наркоматов допускаются местные обязательные постановления, не противоречащие общереспубликанским законам.

Для автономных областей конституция заменяется «Положением об автономной области», принимаемым ее съездом Советов и утверждаемым окончательно ВЦИК.

г) Местные обязательные постановления

Местные исполкомы законодательной власти, в собственном смысле слова, не имеют, но они издают обязательные для своей территории и нижестоящих учреждений постановления в

пределах, установленных законом. Эти местные постановления публикуются за подписью председателя исполкома или его заместителя и секретаря. Отделы и учреждения свои предположения вносят в исполком или его президиум на утверждение.

Б. ПРИМЕНЕНИЕ ЗАКОНА

а) Судебная власть

«Судьи независимы и несут ответственность только перед законом». «Судьи назначаются на должность пожизненно. Они могут лишь в силу судейского решения и лишь на основании и в формах, установленных в законах, быть, вопреки их воле, временно или навсегда устраняемы от должности, переводимы на другое место или увольняемы в отставку». «Исключительные суды не допускаются. Никто не может быть изъят из ведения своего законного судьи». Я здесь для примера выписал несколько строчек из конституции «самой демократической» республики, президентом которой недавно еще состоял социал-демократ рабочий. Вы догадываетесь, что речь идет о Германии. Но не покажется ли странным, если вы в то же время прочтете о тысячах рабочих, осужденных за участие в «восстаниях» и «беспорядках» именно по приговорам исключительных судов? Стоит вам прочесть ст. 105 той же конституции, чтобы убедиться, что правило «о недопустимости исключительных судов» «не распространяется на законоположения о военных и военно-полевых судах», а президенту республики, сверх того, принадлежит право отмены всяких гарантий и т. д.

Таково общее положение всех демократий со времени возникновения теории разделения властей: независимый, несменяемый, справедливый суд! Но что означает справедливость в классовом обществе? Классовую «справедливость» и только! И лучшую критику судейской независимости дала Парижская Коммуна. Мы в «Гражданской войне» К. Маркса читаем: «Судейские чины потеряли свою кажущуюся независимость... Они должны были впредь избираться открыто, быть ответственными и сменяемыми».

Одной из самых трудных проблем пролетарской революции всюду будет вопрос о пролетарском следствии и суде.

Не потому, чтобы эта область относилась к самым важным функциям государства (об этом можно спорить), но потому, что она представляет исключительные трудности разрешения. Я уже неоднократно указывал на то, как медленно нам в 1917 г. удалось убедить своих собственных товарищей в правительстве, что необходимо провести решительную ломку суда. Колеблющиеся товарищи при этом ссылались на отсутствие необходимых законов. И когда я, уже после решения об отмене старого суда, предлагал делагации судебных деятелей Петербурга, состоящей из честней-

ших представителей прежней магистратуры, использовать наш декрет о допущении их к судейским должностям в новом суде, они мне с недоумением ответили то же самое: «Да у вас же нет законов!». Это был честный ответ, ибо они со своим классовым сознанием буржуазии и буржуазным мировоззрением без декретов пролетарских (да и с такими декретами) за судейским столом могли быть только судьями старого режима, т. е. буржуазии.

Сам народ, массы, легче решили этот вопрос. Еще до Октябрьской революции их недоверие к старому суду вырвалось наружу тем, что они стали просто бойкотировать старый и устраивать революционный суд, напр., в Выборгском районе в Ленинграде, в Кронштадте и в др. местах. Министерству Керенского пришлось еще до того сделать уступку и посадить к старым мировым судьям по одному заседателю из рабочих и солдат. Но эту меру Временное Правительство под давлением буржуазии вскоре отменило. Мы знаем отношение масс к зданиям и канцеляриям царских судебных мест (их сжигали!), к этим фабрикам «суда скорого и милостивого», но строго классового, в феврале 1917 г. А после Октябрьской революции «Следственная Комиссия при Рев. Военном Комитете» была органом, к которому люди обращались по всем делам, начиная от политических и уголовных и кончая гражданскими и даже бракоразводными.

Дней через 10 в правительстве победила мысль «Декрета о суде № 1», т. е. об отмене всех прежних судов и об образовании единого народного суда из рабочих, т. е. одного народного судьи и двух заседателей, главною руководящею звездою которого должно быть его классовое сознание. В эту первую эпоху, конечно, трудно говорить о применении закона и о законности, разве только об известной правомерности. Суд революционной эпохи выполняет одновременно в большей или меньшей степени роль правотворческую.

Эту мысль должны будут позаимствовать у нас все пролетарские революции, по крайней мере на первое время. Но если при быстром течении революции, когда революционный народ сжег все законы и провел решительно общую национализацию, общегражданские отношения настолько упрощаются, что, действительно, достаточно одного классового сознания, чтобы здравым умом решать их справедливо с точки зрения победившего класса пролетариата, — то значительно труднее найти соответствующих следователей.

Хороший судебный следователь, это — «спец», обладающий большим опытом и недюжинными способностями. Таких быстро создавать нет возможности. Старые же следователи, как в громадном большинстве своем сознательные члены класса буржуазии, конечно, не могут с такой же искренностью и с таким же искусством быть следователями против членов своего же класса. С другой стороны, у революционных рабочих, по крайней мере первого периода, было столько глубокого недоверия к представителям

старой следственной власти, что попытки провести в следственные комиссии наиболее честных бывших судебных следователей потерпели фиаско. Может быть, играло роль и то обстоятельство, что рабочие сами не сознавали трудностей этой работы и слишком охотно сами создавали разные следственные комиссии. Если общеследственная часть старого режима была технически плоха, то новая, конечно, чисто технически отставала от прежней.

Но с некоторым отступлением назад, к капитализму, мы внесли вновь осложнения и в гражданские правовые отношения. Это осложняет и роль суда, ибо суду пролетарскому приходится решать дела по праву буржуазному.

Октябрьская сессия ВЦИК 1922 г. постановила ввести единую систему судебных учреждений для всей РСФСР с Верховным Судом РСФСР во главе. Верховный Суд РСФСР действовал как объединяющий орган над всеми судами Республики. В нем концентрирован верховный судебный надзор в лице верховной кассационной инстанции Уголовной и Гражданской Кассационной Коллегии.

Верховный Суд по судебным делам был подчинен только президиуму ВЦИК, который персонально назначает его состав и в праве отменять его решения. Прокурору Республики принадлежит право только опротестовывать определения Верховного Суда во ВЦИК.

Верховный Суд РСФСР рассматривал по жалобам сторон, по протестам прокуроров в кассационном или, по собственному почину, в ревизионном порядке все поступающие к нему дела областных и губсудов, а по истребованию Прокурора РСФСР или Председателя Верховного Суда любое дело любого суда (значит, и Нарсуда) на территории республики. Однако задачи административного суда — судить о законности распоряжений советских учреждений с целью их отмены или представления к отмене — на наши суды не возложены. Пленуму Верховного Суда, сверх того, принадлежит право разъяснения законов по судебной практике с обязательною силою для всех судов Республики.

В целях приближения суда к населению Нарсуду ныне переданы почти все категории уголовных дел, которые кончаются по кассациям в окружных судах, а там, где проведено районирование, права Верхсуда почти полностью переданы обл. (край-) судам, но право надзора по истребованным делам принадлежит и впредь Верхсуду и будет осуществляться шире и планомерно.

б) Прокурорский надзор

Органом надзора за законностью является у нас государственная прокуратура. В первые месяцы революции этот надзор был предоставлен самим гражданам, а с введением

института правозаступников как обвинение, так и защита возлагались на них. Впервые особая должность публичного обвинителя создается в 1918 г. при Трибунале. Мысль о государственной прокуратуре возникла лишь с переходом к нэпу, и мы видели, какое живое участие в создании прокуратуры принял сам Ленин в 1922 г.

На прокуратуру возлагается:

1. Надзор от имени государства за законностью действий всех органов власти, хозучреждений, общественных и частных организаций и частных лиц путем возбуждения уголовного обвинения (в суде) и опротестования нарушающих закон постановлений (перед надлежащими учреждениями, ибо у нас так называемого административного суда нет).

2. Наблюдение за следствием и дознанием, не исключая ГПУ.

3. Поддержание обвинения на суде.

4. Наблюдение за содержанием под стражею.

Из перечня вытекают очень широкие права прокуратуры как по уголовным, так и по гражданским делам (право предъявлять иски в защиту граждан и опротестовывать и приостанавливать в лице Прокурора Республики даже вступившие в силу решения по гражданским делам).

Прокуратура имеет право присутствовать во всех заседаниях, не исключая Совнаркома, местных исполкомов и т. д.

Прокуратура является организациею, ограничивающеюся союзною республикою; общесоюзного прокурора пока нет, а есть лишь прокурор при Верховном Суде Союза для надзора за законностью конституционной.

Прокурором Республики по закону состоял Наркомюст, ныне его заместитель и помощники. На местах — местные губ. прокуроры и их помощники, назначаемые Прокурором Республики, т. е. из центра.

Автономные республики имеют своих прокуроров республики, пока не подчиненных Прокурору РСФСР.

Военная прокуратура по всему Союзу подчинена непосредственно прокуратуре Верховного Суда Союза, в составе которого находится военная Коллегия, как высшая военно-судебная инстанция и орган надзора за всеми военными трибуналами.

IX. СОВЕТСКИЙ АППАРАТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Я отбрасываю название «исполнительная власть», ибо оно совершенно устарело и, во всяком случае, к Советской системе неприменимо. Если относительно прокуратуры или суда еще можно сказать, что они только применяют или исполняют законы, то и это лишь с оговоркою, ибо и прокуратура и суд имеют право, хотя и в исключительных случаях, применять не один закон, но и принцип целесообразности (прекращая, например, уголовные дела по нецелесообразности их), руководствоваться общею политикою рабоче-крестьянского правительства (ст. 4 и 237 ГПК) и т. д. Но относительно всего остального государственного аппарата сказать, что он лишь исполняет законы или распоряжения верховной власти, было бы совершенно ложным представлением, основанным на пресловутой теории разделения властей. Он является а п п а р а т о м у п р а в л е н и я государством в буквальном смысле слова, а не просто аппаратом исполнения декретов или указов.

Обращаясь к изучению нашего гос. аппарата, мы, соответственно всему сказанному, должны избрать другую систему, чем прежде. О партии и роли партии я уже говорил, и более подробное рассмотрение ее построения выходит за пределы моей задачи.

Я поэтому начинаю с Рабкрина, как посредствующего звена между партией и госаппаратом и как органа, на котором лежит правильная и рациональная организация всего остального аппарата. Я перехожу вслед затем к Наркоминделу, как органу представительства Советского государства, перехожу к СТО с его Госпланом, вокруг которого группируются хозяйственные Наркоматы, далее к органам внешней и внутренней обороны (армии и ГПУ) и, наконец, к аппарату республиканских культурных задач и некоторым вспомогательным гос. органам (ЦСУ и т. п.). Я оговариваюсь, что эта группировка пока у нас в жизни недостаточно ярко выражена, но что эта тенденция намечается очень серьезно и с течением времени проявится сильнее.

ОБЩЕСОЮЗНЫЙ АППАРАТ УПРАВЛЕНИЯ

А. НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ ИНСПЕКЦИИ (РАБКРИН, ИЛИ РКИ)

Рабкрин, прежде чем, по политическому завещанию Ленина, превратиться в «основной орган Советской власти по проведению в жизнь мероприятий к усовершенствованию госаппарата, полному овладению им и приспособлению его к задачам социалистического строительства» (см. Положение от 12 ноября 1923 г.), имел довольно продолжительную историю. В конституции 10 июля 1918 г. его называли Наркоматом государственного контроля и к нему перешли функции дореволюционного Гос. контроля. Контроль был чисто бюрократическим и оказался более тормозом, чем содействием советской работе. В то же время нужда в действительном контроле была крайне чувствительна. Сами рабочие выдвинули идею особой пролетарской инспекции с значительным количеством участников из пролетарских масс, которая, производя обследования московских предприятий, проявила революционно-классовую инициативу. Тогда и была выдвинута идея замены бюрократического госконтроля рабочей инспекцией, и в результате состоялось примирительное разрешение вопроса, по которому оба учреждения объединились под названием Народного Комиссариата Рабоче-Крестьянской Инспекции. Таким образом Рабкрин был заражен бюрократическим Госконом, а Госкон освежен рабочими массами Рабкрина. Но в действительности получился результат, о котором Ленин мог лишь сказать: «Наркомат Рабкрина не пользуется сейчас ни тенью авторитета. Все знают, что хуже поставленных учреждений, чем учреждения нашего Рабкрина, нет и что при современных условиях с этого Наркомата нечего и спрашивать». Он говорит даже о таком «безнадежном деле, как Рабкрин». Но Ленин смело предлагает из него «через несколько лет выработать учреждение, которое, во-первых, само должно быть образцовым, во-вторых, всем внушать доверие». Задача реорганизованного Рабкрина — поставить один образцовый наркомат, но «этот один наркомат должен определить собой весь наш госаппарат в целом». Работа должна быть проведена с выдержкой («лучше меньше, да лучше») и на строго научных началах.

В основу этой мысли Лениным кладется предложение: соединить в единое учреждение — Партийную Центральную Контрольную Комиссию (ЦКК) с Рабоче-Крестьянской Инспекцией (РКИ). Ленин, прежде всего, отвечает на ожидаемые возражения о неудобстве соединения партийного и советского учреждения. «Как мы действовали в более опасные моменты гражданской войны?» — спрашивает Ленин и отвечает: «Мы сосредото-

чили лучшие наши партийные силы в Красной армии; мы прибегали к мобилизации лучших из наших работников; мы обращались за поисками новых сил туда, где лежит наиболее глубокий корень нашей диктатуры». «Почему бы, в самом деле, не соединить те и другие (т. е. советские и партийные учреждения), если это требуется интересом дела. Разве кто-либо не замечал когда-либо, что в таком комиссариате, как Наркоминдел, подобное соединение приносит чрезвычайную пользу и практикуется с самого его начала? Разве в Политбюро (ЦК) не обсуждаются с партийной точки зрения многие мелкие и крупные вопросы о «ходах» с нашей стороны в ответ на «ходы» заграничных держав?.. Разве это гибкое соединение советского аппарата с партийным не является источником чрезвычайной силы в нашей политике?» «А ведь Рабкрин и посвящен всему нашему государственному аппарату, и деятельность его должна касаться всех и всяких без всякого изъятия, государственных учреждений, и местных, и центральных, и торговых, и чисто-чиновничьих, и учебных, и архивных, и театральных и т. д., — одним словом, всех без малейшего изъятия.

Почему же для учреждения с таким широким размахом, для которого, кроме того, требуется еще чрезвычайная гибкость форм деятельности, почему же для него не допустить своеобразного слияния контрольного партийного учреждения с контрольным советским?» (XVIII, 2, стр. 133).

Соответственно этому политическому завещанию Ленина XII партийный Съезд принял резолюцию о реорганизации ЦКК и РКИ.

«Разделение труда между партийными органами и государственными органами, разумеется, необходимо, но без малейшего ущерба для руководящей роли партии. Для того же, чтобы партия не на словах, а на деле могла осуществлять направляющее руководство государственными и хозяйственными органами, нужно, чтобы в таких центральных пунктах, каким должна стать реорганизованная РКИ, создана была наиболее тесная организационная связь между руководящими органами государственного и партийного контроля.

Съезд выбирает 50 членов ЦКК, преимущественно из рабочих и крестьян, с серьезнейшим партийным стажем и пригодных для партийно-контрольной и советско-контрольной работы. Основной задачей ЦКК является работа по обеспечению во всех отношениях партийной линии в деятельности всех советских органов. В соответствии с этим функции ЦКК расширяются с сохранением, однако, заданий, предусмотренных уставом партии. Президиум ЦКК избирается Пленумом ЦКК в количестве 9 товарищей, высокого во всех отношениях стажа, т. е. работников, примерно, ЦК'истского типа. Нарком Рабкрина назначается ЦК партии по возможности из состава

президиума ЦКК. Параллельно в состав коллегии Наркомата должны войти несколько членов президиума ЦКК. Не менее половины остальных членов ЦКК делегируются для работы РКИ и в области выполнения возложенных на них советских заданий работают под руководством коллегии РКИ согласно директивам инструкции и положению о совместной работе, вырабатываемым президиумом ЦКК вместе с коллегией наркомата и утверждаемым ЦК партии.

Пленарные собрания ЦКК, по правилу, происходят каждые 2 месяца непосредственно перед пленумом ЦК.

ЦК партии делегирует на пленарные заседания ЦКК своих представителей с совещательным голосом.

Предложения относительно необходимых изменений и мероприятия по усовершенствованию госаппарата, хозяйственно-административной работы и проч., а также касающиеся замены руководящих работников на местах и в центре, ЦКК через свой президиум вносит в ЦК партии — Пленум, Полит- и Оргбюро, соответственно характеру вопроса.

Все основные вопросы, касающиеся работы РКИ и улучшения государственного аппарата, а также главнейшие практические мероприятия и распределение членов ЦКК для работы в РКИ подлежат обсуждению на постоянных совместных совещаниях президиума ЦКК и коллегии РКИ, созываемых периодически не реже двух раз в месяц».

Что же касается задач РКИ и ЦКК, то принципиально было постановлено:

1. Поставить вопрос о реформе органов управления и хозяйствования, как вопрос борьбы за госаппарат. В отличие от действующей, громоздкой, дорого стоящей и падающей тяжелым бременем на рабочих и крестьян структуры государственного аппарата, создать новую структуру органов управления и хозяйствования и новую технику ведения в них дел необходимо максимально упростить, построить на началах научной организации труда и управления, исключающих возможность бюрократических извращений и излишеств.

2. Для разрешения этой задачи потребуется целый ряд лет упорного и тяжелого труда.

3. Для этого необходимо функции и состав ЦКК расширить, а РКИ коренным образом реорганизовать, как в отношении конструкции и методов работы, так и в отношении состава.

4. Новая РКИ должна одновременно быть безукоризненной как в отношении своей собственной

структуры (в смысле постановки дела), так и быть абсолютно авторитетной для остальных Наркоматов как орган, действительно знающий и способный поставить на научную высоту дело совершенствования госаппарата.

Систематизация и суммирование достижений современной науки применительно к условиям аппарата Советской власти и потребностям и нуждам рабоче-крестьянского государства, в отличие от заданий науки, приспособленной к нуждам буржуазно-капиталистических государств, — такова особенная цель, которую должна преследовать реорганизованная РКИ.

5. а) РКИ должна отказаться от сплошного, повседневного и формального контроля над всеми денежными и имущественными операциями госорганов и производить обследование командных и узловых пунктов нашего хозяйственного и управленческого аппарата.

б) При изучении и установлении принципа в научной организации труда и управления, которое не должно быть только академическим, необходимо теснейшее слияние деловой практической проверки и научного обобщающего вывода.

в) Контрольная деятельность должна иметь своей основной целью выяснение практических достижений или недостатков хозяйственных и административных органов.

Вновь образованная коллегия РКИ начала работы с 5 мая 1923 г. Она поставила себе целью прежде всего преобразовать свой аппарат и выработать свой план. В результате этой работы появилось Положение об этом Наркомате, из которого я уже взял его основную цель.

Задачи ставятся в Положении чрезвычайно широко.

В первую очередь — это изучение и исправление нашего госаппарата, особенно там, где он приходит в соприкосновение с населением; руководство и объединение работы всех учреждений по научной организации труда, производства и техники управления, с образованием особых ячеек содействия по улучшению аппарата; тщательное изучение бюджета, производственного плана и производительности труда; изучение и обследование преступлений и безхозяйственности госорганов, постановка счетоводства и отчетности и т. д., и т. д.

РКИ имеет право не только делать ревизии и требовать всяких сведений, но тут же требовать и устранения недостатков или виновных лиц, предлагать улучшения и налагать дисциплинарные взыскания; право участия в заседаниях как высших, так и низших органов, созыв совещаний, приостановка злоупотреблений и т. д., — значит, не только ревизия, но и устранение замеченных ревизиею

недостатков; предъявление даже от своего имени исков об убытках.

Кроме коллегии, РКИ имеет 4 центральных управления:

а) оперативное управление, из отдельных инспекций (промышленной, торговой и т. д.);

б) по улучшению госаппарата, из двух секций: 1) труда и производства и 2) управления и техники;

в) по счетоводству и

г) общее управление (секретариат, организационно-инструкторский и хоз. финотдел).

Б. ВНЕШНЕЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СОВВЛАСТИ — НАРКОМИНДЕЛ

Внешнее представительство лежит на верховном органе власти — на ЦИК Союза и его Президиуме. Вопросы о мире и войне, о государственных договорах и т. д. сосредоточены здесь с предварительным их обсуждением в Совнаркоме. При отсутствии личного «главы государства», торжественный прием заграничных представителей, принятие от них верительных грамот и т. д. лежат по установившемуся порядку на одном из председателей Президиума ЦИК Союза (по очереди). Исполнительным органом центральной власти в этом отношении является Наркоминдел.

Наркоминдел осуществляет дипломатические сношения Союза ССР и входящих в Союз республик с другими государствами; в его ведении находятся и представители Совнаркома Союза при совнаркомах республик. В этом отношении НКИД является посредником между высшими органами Союза (Президиумом ЦИКС и Совнаркомом) и представителями других государств.

Его задачи:

а) защита внешних политических и экономических интересов Союза, а также находящихся за границею граждан Союза;

б) выполнение постановлений о заключении договоров и соглашений с иностранными государствами;

в) и г) руководство проведением в жизнь заключенных с иностранными государствами договоров, наблюдение за выполнением и содействие соответствующим учреждениям Союза и отдельных республик в осуществлении ими прав, установленных этими договорами.

Вся связь с заграницею идет через НКИД. Но он, как уже сказано, имеет своих уполномоченных и в совнаркомах союзных республик и, кроме того, своих агентов в портовых городах. Полномочные представители Союза при иностранных правитель-

ствах хотя и утверждаются Президиумом ЦИК, но их работою руководит Нарком. Прочие представители назначаются, смотря по важности их, либо Совнаркомом Союза, либо Наркоминделом.

В. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАРКОМИССАРИАТЫ СОЮЗА

а) Совет Труда и Обороны (СТО) как объединяющий орган

Ввести единый план во все народное хозяйство Советского государства, как основу перехода к социализму, было основною задачею Советской власти. Поэтому еще 5 декабря 1917 г. был опубликован декрет о Высшем Совете Народного Хозяйства, задачей которого была объявлена «организация народного хозяйства и гос. финансов». С этой целью Совет вырабатывает общие нормы и план регулирования экономической жизни страны, согласует и объединяет деятельность центральных и местных регулирующих учреждений и т. д. Как известно, ВСНХ шел по другой дороге и со временем превратился в Нарком, на котором лежало главным образом руководство промышленностью, а руководство гос. хозяйством и ведение планового хозяйства в целом выпало на долю органа, развившегося постепенно.

30 ноября 1918 г., когда, в виду угрожавшей опасности, Советская Россия была объявлена военным лагерем, полнота прав по мобилизации сил и средств страны в интересах обороны была передана вновь образованному Совету Рабочей и Крестьянской Обороны. С ослаблением внешнего фронта и переводом армии на трудовые занятия на Совет Обороны были возложены новые обязанности с прибавлением в названии слова «Труда»: Совет Труда и Обороны (СТО). СТО считался комиссией при СНК и означал сначала ускорение и упрощение прохождения вопросов, но вскоре оказался параллелизм работы, разграничение которой было проведено в 1922 г., причем на СТО были возложены: единый хозяйственный план РСФСР и проекты постановлений, содержащие нормы, направленные к объединению и усилению деятельности экономических Наркоматов, или проведение в жизнь отдельных мероприятий экономических Наркоматов, доклады об обороне страны и отчеты экономических комиссариатов, ВЦСПС и Центросоюза. С образованием Союза ССР единство государственного хозяйственного плана приняло общесоюзные размеры и вслед за утверждением Союзного договора было принято постановление об образовании единого для Союза Совета Труда и Обороны.

Задача СТО Союза — осуществление хозяйственного и финансового планов Союза, корректирование их в соответствии с экономическою и политическою обстановкою, а также ближайшее

руководство Наркоматами в области мероприятий хозяйственных и по обороне Республики. Его состав не имеет междуведомственного характера, а он, под председательством председателя Совнаркома, состоит из членов, персонально назначаемых СНК Союза. Он руководит экономическими совещаниями союзных республик и комиссиями при СТО (Концесс. Ком., Госплан, ВАК и т. д.). Постановления, распоряжения и инструкции его обязательны для всех центральных и местных органов власти, но могут быть обжалованы и приостановлены или отменены Совнаркомом Союза.

По единству хозяйства Союза СТО работает через свой Госплан (Государственную Плановую Комиссию), разрабатывая и предварительно рассматривая общесоюзный бюджет, регулируя через свою систему Арбитражных Комиссий (АК и ВАК) имущественные споры между гос. учреждениями и гос. предприятиями на правах судебных учреждений и т. д.

Я уже говорил, что это объединение хозяйственных Наркоматов вокруг и под руководством СТО пока находится только в первой стадии развития; в союзных республиках им соответствует Экосо — прежний СТО. Мы роль республиканских хозяйственных комиссариатов рассмотрим в связи с Экосо РСФСР.

б) Отдельные Хозяйственные Наркоматы Союза

1. Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ

Это — объединенный Наркомат, состав которого ныне назначается, как и все Наркоматы. На Высший Совет Народного Хозяйства Союза возлагается в пределах, установленных основным законом Союза, регулирование, руководство и управление общесоюзной промышленностью и директивное руководство ВСНХ союзных республик, а равно подведомственными ему торговыми предприятиями, в том числе наблюдение и за кооперативною и частною промышленностью, составление производственного плана, разработка вопросов рационализации производства, ведение промышленной статистики, созыв съездов и составление бюджета промышленности, а равно и издание обязательных правил, регулирующих промышленность вообще, как государственную, так и частную, и т. д. Роль Народного Комиссара принадлежит его председателю, а роль коллегии играет президиум.

2. Наркомат по Внешней и Внутренней Торговле (Наркомторг)

Это — общесоюзный Наркомат, на который возлагается руководство всей внешней торговлей (монополией), — значит, не

только разработка общих мероприятий и составление экспортного и импортного плана, но и осуществление этого плана, заведывание таможнями и таможенною политикою, участие в руководстве деятельностью торговых портов и т. д. Но он одновременно состоит и «объединенным» Наркоматом по регулированию линии внутренней. Как таковой, он директивно направляет общую торговую политику, регулирует всю торговлю и торговую деятельность кооперации и государственных промышленных и торговых предприятий, но не руководит непосредственной торговой деятельностью предприятий, находящихся в ведении других Народных Комиссариатов.

На нем лежат задачи: выработка и осуществление начал внутренней торговой политики, регулирование внутреннего торгового оборота, руководство биржами, торговыми палатами, ярмарками и т. д.; согласование торговой деятельности по сбыту и по заготовкам (на внутреннем рынке) государственных и кооперативных предприятий общесоюзного значения; установление и регулирование на началах, устанавливаемых Советом Труда и Обороны, оптовых и розничных цен на товары, перечень которых утверждается Советом, Труда и Обороны; установление стандартов на товары, обращающиеся на внутреннем рынке; контроль и наблюдение за торговой деятельностью государственных, кооперативных и частных предприятий на внутреннем рынке; непосредственное руководство торговой деятельностью государственных предприятий, которые находятся в его ведении.

3. Народный Комиссариат Финансов (Наркомфин)

Это — объединенный Наркомат Союза. На нем лежит руководство финансовым делом Союза и объединение финансовой политики, в том числе распоряжение металлическим и валютным фондом, организация и регулирование системы денежного обращения, составление проекта бюджета и контроль его проведения, регулирование государственного и коммунального кредита, банковое дело (с Госбанком во главе), общегосударственные налоги и т. д.

4. Народный Комиссариат Труда (Наркомтруд)

Объединенный Наркомат. На него возлагается регулирование условий труда на территории всего Союза. Ныне, с введением нэпа, на нем лежит большая задача, в том числе регулирование заработной платы, охраны и рынка труда, тарифно-конфликтные дела, распоряжение общесоюзным фондом социального страхования и проведение общесоюзных мер по соц. страхованию,

наблюдение за единообразным применением законодательства о труде, научно-исследовательская работа по вопросам труда и т. д.

5. Народный Комиссариат Путей Сообщения (НКПС)

Это — общесоюзный Наркомат. На него возлагается общее руководство и управление всем, находящимся на территории или в ведении Союза, железнодорожным и водным (морским и речным) транспортом, шоссейными и грунтовыми дорогами общегосударственного и стратегического значения и общий надзор за всеми видами транспорта.

6. Народный Комиссариат Почт и Телеграфов (Наркомпочтель)

Это — общесоюзный Наркомат. На него возлагается руководство и управление всеми видами народной связи Союза.

Я указал здесь лишь вкратце общие задачи отдельных хозяйственных Наркоматов и примерный, а не исчерпающий перечень подведомственных им дел. Общее определение отдельных «Положений» дает достаточно понятий о размежевании отдельных ведомств. А этого для общего образования достаточно. Подробные данные можно прочесть в отдельных положениях.

Г. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОБОРОНА (ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ)

а) Наркомат по военным и морским делам (Наркомвоенмор и Красная армия)

Этот общесоюзный наркомат состоит из народного комиссара, а в виде коллегии при нем — Революционного Военного Совета Союза (Реввоенсовета), состоящего под председательством наркома из заместителя его, главнокомандующего всеми вооруженными силами Союза (Главком) и членов Совета по назначению Совнаркома. По сравнению с другими наркоматами роль Реввоенсовета осложняется вхождением в него Главкома. Главком в пределах директив пользуется полною самостоятельностью во всех вопросах оперативно-стратегических, отдавая отчет наркомиссару и Реввоенсовету.

Реввоенсовету непосредственно подчинены:

1) Главком;
2) его помощник по Красному флоту и комиссар морских сил;
3) Особое совещание по снабжению армии и флота;

4) Штаб РККА;
5) главный начальник по снабжению армии;
6) Политическое управление (ПУР);
7) командующие округов (фронтов), армий и реввоенсоветы и т. д.

Этот наркомат ведает на всей территории Союза строительством всех вооруженных сил, их управлением и снабжением. Не перечисляя всех его функций, можно только сказать, что они весьма широки, даже в области издания обязательных постановлений и особого суда (военные трибуналы).

Оборона социалистического отечества от внешнего и внутреннего классового врага впервые в массовом масштабе создала вопрос о систематическом и организованном вооружении трудящихся. Задачи этого особого типа войны — гражданской войны в международном масштабе — выдвинули и новый тип армии.

Энгельс в своем «Анти-Дюринге» относительно дореволюционной французской армии замечает, что она была «военным слепком с абсолютизма». «Только такая революция, как французская, — говорит он, — могла изобрести массовую армию и в то же время найти для нее свободные формы движения, — военную силу, сумевшую разбить сражавшуюся в рядах союзных войск старую неуклюжую армию, представляющую собой военный слепок с абсолютизма».

Вот таким «военным слепком» с советского строя только и может быть советская армия.

В буржуазном строе государственная власть оторвана от народа, стоит над народом. Буржуазная армия, этот «военный слепок» с буржуазного строя, также оторвана от народа, противопоставлена ему, как орудие принуждения в руках буржуазии, стоит над народом. В советском строе государственная власть есть власть самого народа, власть подавляющего большинства народа, рабочих и крестьян. И советская армия, этот «военный слепок» с советского строя, не может быть не чем иным, как армией народной, армией рабочих и крестьян, армией, которая не стоит над народом.

Чтобы понять ее построение, мы должны вкратце остановиться на ее возникновении и развитии. Сказанное сейчас предопределяет направление этой работы: на первом месте — пролетаризация состава армии, как массы; на втором — пролетаризация, вернее, большевизация командного состава. Как и при абсолютизме, так и в буржуазном государстве армия в массе также состояла из трудящихся, которые под дисциплиною палки, проводимою командным составом из крепостников-феодалов или из буржуазной интеллигенции, защищали власть своих же угнетателей. Рабоче-Крестьянская Армия должна иметь и командный состав из трудящихся.

*

Рассматривая общие положения конституции, мы уже теоретически рассмотрели вопрос о вооружении пролетарской революции вообще. Теперь — в порядке изложения военного управления, во всей системе советской власти — нам остается вкратце остановиться и на самой армии.

Наша Рабоче-Крестьянская Красная армия (РККА) родилась на четвертый месяц существования Советской власти (годовщина 23 февраля) и представляет собою вполне однородное с нею пролетарско-классовое учреждение. Ее предшественницею была Красная гвардия, возникшая отчасти стихийно еще до октября 1917 г. на началах добровольного поступления, отчасти в виде партизанщины. Декретом от 23 февраля 1918 г. было объявлено о создании Красной армии на строго классовых началах, но вначале также из добровольцев: «из наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся масс». Новая армия является фундаментом для замены постоянной армии всенародным вооружением. 29 мая 1918 года, однако, пришлось и нам перейти от добровольческой армии ко всеобщей мобилизации рабочих и беднейших крестьян. Но и тут, как во всей советской системе, основное ядро образовалось из мобилизации коммунистов и наиболее сознательных и энергичных профработников. Внешний и внутренний фронт заставил расширить численность Красной армии от 200 000 весной 1918 г. до 1 250 000 в 1919 г. и 5 300 000 в 1920 г. Лишь в 1924 г. эта цифра упала вновь до 600 000 ч. на основах всеобщей воинской повинности. В то же время мы уже серьезно начали ставить вопрос о милиционной системе, чему особо способствовал более тесный союз пролетариата с крестьянством.

Но мы уже видели, что пролетаризация армии, как массы, составляла только часть (и даже не главную часть) задачи. Командный состав у нас состоял из старых спецов, которых вначале пришлось обезвредить приставлением к ним своих комиссаров. Мы знаем, какую существенную роль в Великой французской революции играли комиссары революции в революционной армии, но их задача была легче. Лишь постепенно у нас вырастают кадры вполне надежных спецов из коммунистов или рабочих вообще, и ныне мы, имея свои военные училища, вплоть до Академии Штаба, можем считать этот вопрос в значительной степени решенным.

Одновременно с демобилизациею революционных кадров мы переходим к обязательной воинской повинности для всех граждан мужского пола (общесоюзный закон, «Собр. Зак.», № 62, 1925 г., ст. 463).

По этому закону «защита СССР является обязанностью всех граждан Союза», но «оборона Союза с оружием в руках осуществляется только трудящимися, на нетрудовые элементы возлагается отправление

иных военных обязанностей (в тыловом ополчении)». Организации вооруженных сил присвоено название: «Рабоче-Крестьянская Красная Армия (РККА) СССР», которая разделяется на сухопутные, морские и воздушные силы; в ее состав входят и войска специального назначения: войска ОГПУ и конвойная стража Союза. Обязательная военная служба устанавливается с 19 до 40 лет и состоит из допризывной подготовки (2 года, с 19 — 21 г.), действительной службы (5 лет, с 21 — 26 г.) и состояние в запасе (до 40 л.). Днем начала состояния на действительной службе считается день приема призывной Комиссиею, а срок службы исчисляется с следующего за этим днем 1 января.

Действительная военная служба состоит: а) из службы в кадровом составе от 2 — 4 лет (по роду оружия) и пребывания в продолжительном отпуску, от 1 — 3 лет, с привлечением за это время на повторительные курсы не свыше 1 месяца за все время, или б) из службы в переменном составе территориальных частей, не более 8 — 12 месяцев за все время, или в) из обучения не войсковым порядком.

Граждане, состоящие на действительной военной службе, носят почетное звание красного воина (красноармейца или краснофлотца), получают служебную красноармейскую книжку и пользуются известными льготами.

На действительную службу призываются достигшие к 1 января года призыва 21-летнего возраста, причем производится жеребьевка. От жеребьевки освобождаются: окончившие высшие учебные заведения, рабфаки, техникумы, школы 2-й ступени и т. п., отбывающие действительную службу в особом порядке (чрез 2 месяца действительной службы могут поступать в войсковые школы и т. д.). Вводятся льготы по семейному положению и отсрочка для образования. Непринятые на действительную службу, но признанные при освидетельствовании годными, поступают в так называемые территориальные части. Допускается возможность и образования особых национальных частей.

Существенно новым явлением при РККА является ее Политическое Управление в Реввоенсовете (ПУР), как орган, ведающий и руководящий административно-политической и политически-просветительной работой в РККА и флоте. Ему подчинена вся система политически-просветительной работы в армии, которая в дисциплине армии трудящихся играет такую решающую роль. «Военная смычка с крестьянством» — так была озаглавлена одна статья (т. Гусева) к 5-летнему юбилею. [1] Нельзя найти

[1] Что вносит Рабоче-Крестьянская Красная армия в советскую

более подходящего лозунга, чем этот, ибо он объемлет мысль, высказанную Лениным еще в 1918 г.: «Уже создается рабоче-крестьянская армия; она в усадьбах и деревнях — это крестьянское население, вернувшееся к своей земле, вырванной у помещиков. Им есть, что защитить, и, если на Россию обрушится нашествие, мы встретим врага как один человек» (XV, стр. 291).

б) Объединенное Государственное Политическое Управление (ОГПУ)

В целях объединения революционных усилий союзных республик по борьбе с политической контр-революцией, шпионажем и бандитизмом учреждается при СНК Союза ОГПУ, председатель которого входит с совещательным голосом в Совнарком Союза и назначается Президиумом ЦИК Союза. ОГПУ руководит ГПУ союзных республик, а равно «особыми отделами» армии. На нем лежит и организация охраны границ Союза. В каждой союзной республике у него свой уполномоченный, имеющий право совещательного голоса в местном совнаркоме. У ОГПУ собственная смета и свои войска. Его представитель входит в состав Верховного Суда Союза, но над ОГПУ имеется надзор прокурора Верховного Суда Союза в лице особого помощника последнего.

ГПУ заменило в феврале 1922 г. Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контр-революцией, спекуляцией и преступлениями по должности (ЧВК).

Д. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЫЕ ОБЩЕСОЮЗНЫЕ ЦЕНТРАЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

а) Центральное Статистическое Управление при Совнаркоме Союза (ЦСУ)

Ведение статистики в РСФСР было возложено на централизованное управление, управляющий которым входил в Совнарком с совещательным голосом. Его выбирал Совнарком. Ему было, между прочим, декретом поручено статистическое наблюдение за всеми Наркоматами.

жизнь, покажут несколько цифр. В 1927 г. % бывших красноармейцев в сельсоветах СССР составлял 29,6%, среди председателей сельсоветов 45,7%, в ревизионных комиссиях 27,8% (см. Выборы Советов в 1927 г. — «Власть Советов», стр. 14). А по официальному докладу Красная армия дала за 3 года 65 000 обученных культработников в деревню (избачей и т. д.), 76 000 коммунистов, 87 000 комсомола, 550 000 грамотных, получив их неграмотными, и т. д.

В 1923 г. это управление было превращено в полноправный объединенный наркомат Союза.

б) ВЦСПС

Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов является чисто общественным выборным органом проф. союзов, но играет определенную роль и среди центральных государственных учреждений. Так, напр., его представитель входит с решающим голосом в Сов. Труда и Обороны и в М. Совнарком. Далее, на него был возложен целый ряд чисто государственных функций.

АППАРАТ ГОСУПРАВЛЕНИЯ РСФСР, КАК СОЮЗНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Так как Рабкрин является объединенным Наркоматом, одноименный Нарком которого в РСФСР действует по его директивам, то здесь на нем нет надобности останавливаться. То же самое относится к прочим объединенным (хозяйственным) наркоматам Союза и их одноименным наркомам в союзных республиках. Тем менее надобности излагать роль уполномоченных общесоюзных наркомов. Мы ограничимся ролью 6 местных наркомов РСФСР.

А. ВНУТРЕННЕЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО РСФСР — НАРКОМВНУДЕЛ

Если весь Союз нуждается в представителе, главе, по отношению к иностранным государствам, то РСФСР, как федерация и республиканская власть, особенно нуждается в органе для сношений и для регулирования отношений с автономными республиками и областями и с местными Советами. Таким органом является Президиум ВЦИК. Так как аппаратом Президиума в сношениях с Советами до сих пор считается Наркомвнудел, то о его функциях я скажу здесь несколько слов.

Наркомвнудел

Основными задачами Народного Комиссариата Внутренних Дел являются:

а) наблюдение за организациею и деятельностью местных ор-

ганов управления в качестве исполнительного аппарата Президиума ВЦИК;

б) наблюдение за исполнением постановлений центральной и местной власти административного характера и понуждение к их выполнению;

в) руководство по организации и развитию коммунальных хозяйств.

Из перечисленных задач вытекает целый ряд функций этого Комиссариата. Он, во-первых, в некотором роде возглавляет весь советский аппарат всей страны в роли исполнительного аппарата Президиума ВЦИК, наблюдает за законностью и правильностью его функций и о неправильностях докладывает Президиуму ВЦИК. Но, с другой стороны, — через этот Комиссариат поступают в Совнарком все дела, возбужденные отдельными исполкомами. Он наблюдает за соблюдением основных прав граждан РСФСР, а равно регулирует правовое положение иностранцев. Он руководит деятельностью органов административного управления, заведует организациею и управлением милиции, ведает вопросами о назначении военного положения и т. д.

В его ведение перешел и бывший карательный отдел Наркомюста, и он ныне ведает всем исправительно-трудовым делом. Наркомвнудел ведает и ведением записей актов гражданского состояния (ЗАГС); о рождении, браке, разводе, смерти, перемене фамилий и т. д.

Б. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАРКОМАТЫ РСФСР

а) Экосо РСФСР

Мы уже видели, что прежний СТО РСФСР превратили в СТО Союза. Прежний СТО РСФСР переименован в Экосо (экономическое совещание) РСФСР и является в известной степени местным органом СТО. Его задача: согласование всех экономических и хозяйственных мероприятий, проводимых экономическими народными комиссариатами РСФСР.

Его состав: председатель — председатель СНК РСФСР или его заместитель — и Наркомы: Внуторг, Финансов, Земледелия, председатель ВСНХ и представитель ВЦСПС. С совещательным голосом участвуют представители и других Наркоматов по делам их ведомств, уполномоченные общесоюзных Наркоматов, Центросоюза и Госплана. Срок обжалования в 3 дня в Совнарком.

Так как из хозяйственных наркоматов лишь Наркомзем относится к одной РСФСР и нами еще не рассмотрен, то я здесь скажу о нем несколько слов.

б) Наркомзем

Наркомзем имеет своею задачею «развитие и укрепление всех отраслей и видов сельского хозяйства Республики и реорганизацию его в направлении социалистических форм и отношений».

В. КУЛЬТУРНЫЕ И ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ НАРКОМАТЫ РСФСР

Далее идут отдельные Наркоматы РСФСР, имеющие лишь республиканское значение и не имеющие представительства в Союзном Правительстве.

а) Наркомюст

По новой конструкции НКЮ имеет целью внести единство в проведении революционной законности и в работе всех органов Юстиции (прокуратуры, суда, подготовка законов). Его заместителями в этих целях являются: председатель Верхсуда (по судебной линии) и прокурор республики (по прокурорской линии).

б) Наркомпрос

Народный Комиссариат по просвещению ведает всей научной, художественной и учебной деятельностью РСФСР как общего, так и профессионального характера. Этот Комиссариат ныне обнимает значительно более широкие задачи, чем прежнее министерство просвещения. Постепенно в этот Комиссариат передаются все культурные задачи как гражданского, так и военного и духовного ведомств, все книжное и издательское, как и театральное дело. Ему поручается заведывание и всеми делами бывш. министерства двора. Далее, Главполитпросвет (Главное Управление внешкольного образования и политико-просветительной работы среди взрослых), который объединяет и руководит всей государственно-агитационной и политически-просветительной работой среди взрослых. При нем Главпрофобр (Главное Управление по профессиональному образованию) и вся сеть научных учреждений.

в) Наркомздрав

Рядом с социальным обеспечением и нар. просвещением необходимо поставить заботы об охране здоровья населения, каковые функции возложены на Наркомздрав. Здесь концентрируются все мероприятия, имеющие целью поднятие уровня здоровья населения и устранение условий, нарушающих здоровье или влияющих на него.

г) Наркомсоцобес

Этот Комиссариат является новым ведомством. Первоначальное его название было Народный Комиссариат Социального Призрения, он был переименован в Нар. Ком. Социального Обеспечения. С изданием положения о соц. обеспечении (31 октября 1918 г.) он получил те широкие полномочия, которыми ему были подчинены заботы о трудящихся за все время неспособности их к труду (по малолетству, болезни, увечью, старости и т. д.). Нынешнее положение Комиссариата, после перехода от соц. обеспечения к социальному страхованию и после передачи социального страхования в ведомство Народного Комиссариата Труда, весьма сокращено:

а) обеспечение инвалидов и семейств инвалидов, а равно и семейств призванных в Красную армию и лиц комсостава;

б) организация государственной и общественной помощи при стихийных социальных бедствиях;

в) содействие созданию органов социальной взаимопомощи (напр. крест. общ., взаимопомощь) среди сельского населения, ремесленников, кустарей и т. д., а равно руководство и контроль за деятельностью этих органов;

г) организация использования труда инвалидов и т. д.;

д) защита правовых интересов обеспечиваемых.

X. АВТОНОМНЫЕ СОВЕТСКИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ РЕСПУБЛИКИ И ОБЛАСТИ

(Ст.ст. 44 — 48 конституции РСФСР)

В конституции 1918 г. только одна статья (11-я) предусматривала образование особых областей, как федеральных частей РСФСР.

В новой редакции конституции целая глава (5 статей) посвящена автономным республикам и областям, уже как факту. Однако, что означает тут слово автономия? Наша Советская система, если иногда и слишком поддается перенятой от буржуазии терминологии, в одном осталась верна Ленину, а именно в том, что всякое понятие она всегда ставит вполне конкретно. Говоря об автономии, она имеет в виду не какую-то автономию вообще, но определенную конкретную автономию — национальную, вернее национально-культурную. Уже прежняя ст. 11-я конституции говорила о допустимости «автономных областных союзов», «отличающихся особым бытом и национальным составом». Значит, «особый» быт и национальный состав тогда уже считались обязательным условием вхождения территориальных областей на автономно-федеральных основах в Российскую Федеративную Республику. Значит, в то время, как конфедеративные части («союзные республики») из уже фактически сложившихся, более или менее отделившихся республик переходят к федерализму, как к бóльшему сближению, в данном случае, наоборот, происходит противоположный (центробежный) процесс: области «самоопределяются», становятся из централизованных в отношения автономно-федеральные. Это своеобразный процесс. Перефразируя слова Ф. Лассаля, обращенные им когда-то к рабочим Германии: «Вам пока надо доказать, что вы рабочие», нам приходилось иногда говорить нашим бывшим «инородцам»: «Вас пока сперва самих надо убедить в том, что вы нация, народ, имеющие право на свою культуру». До тех пор они не были «иным» народом, но они не были и русскими; для них было изобретено слово «инородцы». Это лишь в редких исключениях (верхи) были кандидаты на поглощение их великорусским народом, чаще всего — «обреченные на медленное вымирание». Это

то, что «цивилизованные» народы Запада называют «аборигенами», туземцами завоеванных стран, колоний. Это было особое выражение для «обреченных» на гибель. У них были только «быт» и «просторечие», им надо было сперва внушить, что для их жизни необходимы культура и язык (литературный) с введением извне, иногда впервые, своего шрифта. Если их верхи иногда и успели уже денационализироваться, обрусеть, низы — трудящиеся — должны были проделать свое культурное не возрождение, а просто рождение.

Без помощи и поддержки братьев — трудящихся остальной России — они этого процесса проделать не могли. Вот чем объясняется их совершенно особое, исключительное положение.

Буржуазные ученые гадают на филологическом происхождении слова «автономия». Автономия, это — буквально «самозаконодательствование», значит, — учредительные функции и независимое (не требующее чьего-либо утверждения) законодательство. Сами буржуазные ученые сознаются, что конкретно эти понятия бессодержательны. Чем оно отличается от пресловутого «суверенитета»? Но сама буржуазия более скромна. Она задается разве только определением, чем отличается автономия от обычного самоуправления. Правда, строго различают автономию и просто местное самоуправление, но под первою понимают лишь более широкий вид самоуправления, более всестороннюю самостоятельность «с правом известного рода законодательных функций», но это различие и в буржуазном понимании самоуправления количественно трудно уловимо.

В самоуправлении одни усматривают просто децентрализацию, в противоположность централизму, как «требование большей самостоятельности местных органов для заведывания государственными делами на месте». Другие в самоуправлении подчеркивают «бо̀льшее (опять-таки сравнительная степень!) допущение участия народа к исполнению государственных функций при управлении местностью» (Кульчицкий). Но все эти крайне неопределенные пояснения, конечно, никакого определенного понятия нам не дают. Ибо где грань бо̀льшей или меньшей степени самоуправления?

Я уже сказал, что советская автономия имеет конкретное значение. Она стоит на почве экономического и политического единства, централизма, но одновременно за культурную (бытовую), национальную децентрализацию. Но быт превращается в культуру в атмосфере не буржуазной власти, а власти трудящихся; значит, не отчуждает взаимно, а сближает различные нации. А язык, по мере развития, поднимает культуру и превращает людей, не знающих ни одного языка (литературного), в знающих два языка

(образовательный minimum), т. е. из разъединяющего момента превращается в объединяющий.

Бесцельно гадать, как пойдет дальнейшее развитие и вскоре ли будет изжито национальное недоверие, как препятствие к сближению. Форма автономно-культурного федерализма создает именно форму, в которой, при условии Советской власти трудящихся, изживаются эти недоразумения и предубеждения буржуазного, феодального, царского прошлого.

Автономные республики посылают непосредственно по 5 представителей каждая, а области по 1 в Национальный Совет Союза, как часть Союзной центральной власти.

Отчужденность, и вообще особенности, имеют разные степени, отчего и разнится построение автономии. Общий тип отношений такой же, как и отношения Союза к союзным республикам. РСФСР имеет единый ВЦИК и Совнарком для всей федерации. Автономная республика имеет свой Съезд Советов и ЦИК и свой Совнарком из 6 Наркоматов, никак не подчиненных (кроме идейного и разве еще экономического подчинения) одноименным Наркоматам РСФСР. Это наркомы: внудел, юстиции, просвещения, здравоохранения, земледелия и соц. обеспечения и, кроме того, 5 объединенных комиссаров (подчиненных директивным одноименным Наркомам РСФСР, которые, в свою очередь, подчинены директивам объединенных наркомов СССР): финансов, труда, внутренней торговли, рабкрин и ВСНХ. «В зависимости от местных бытовых условий ЦИК'и автономных республик имеют право сократить количество народных комиссаров и соответственно изменить состав Совнаркома» (ст. 47-я конституции). Права центральных органов устанавливаются конституцией автономных республик. В пределах этих прав они имеют право издавать законодательные акты, обязательные на территории автономной республики.

Автономные области, собственно, лишь количественно отличаются от республик. У них Положение заменяет конституцию; в общем их власть построена по системе исполкомов. Но бытовой или культурный и национальный моменты одинаково действуют и тут. Подчинение Всероссийскому Съезду Советов, ВЦИК и Совнаркому РСФСР одинаково в силе как для автономных республик, так и автономных областей.

В состав СССР сейчас, кроме 6 союзных республик, входят 16 автономных республик и 15 автономных областей. В РСФСР — 11 автономных республик и 12 автономных областей.

Названия автономных сов. соц. республик РСФСР: Башкирская (Уфа), Татарская (Казань), Казакская (Кзыл-Орда, в будущем Алма-Ата, б. г. Верный), Дагестанская (Махач-Кала), Крымская (Симферополь), Якутская (Якутск), Карельская (Петрозаводск), Немцев Поволжья (Покровск), Бурят-Монгольская (Верхнеудинск), Киргизская (г. Фрунзе), Чувашская (Чебоксары).

Названия 12 областей: [1] Вотская (Ижевск), Калмыцкая (Астрахань), Марийская (Черемиса) (Краснококшайск), Коми (Зырянская) (Усть-Сысольск), Ойратская (Улала), [2] Адыгейская (Краснодар), Северо-Осетинская (Владикавказ), Ингушетская (Владикавказ), Карачаевская (Баталпашинск) и Чеченская (Грозный), а в составе Казакской автономной республики — Кара-Калпакская (Туркула).

Кроме того, объединенные автономные области: Кабардино-Балкарская (Нальчик). Это объединение имеет во главе объединенный исполком, выбранный на началах равенства Кабардою и Балкариею.

---

[1] Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Адыгей-Черкесская и Чеченская автономные области входят в состав Северо-Кавказского края.

[2] Ойратская автономная область входит в Сибирский край.

XI. ВЛАСТЬ НА МЕСТАХ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

А. ОБЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ВЛАСТИ НА МЕСТАХ

Мы видели вначале, что борьба за «суверенность» государственной власти с местным владычеством дворян-феодалов, завершившаяся современною буржуазною демократиею, постепенно привела к максимальной централизации властей: как законодательной, так и особенно исполнительной. Буржуазная революция окончательно распылила все «общество», разрушив все местные связи, — не только в деревне, где вместо прежнего объединения крестьян под властью феодала, как «посредствующего звена» между ним и центральною властью, создалось бесконечное количество независимых мелких крестьянских хозяйств, как самостоятельных ячеек, но и в городах, где и семейные трудовые ячейки экономически разрушались капитализмом, и где одновременно с отменою цехового строя было запрещено и всякое объединение рабочих (в Французской революции).

Но для проведения мероприятий новой централизованной власти необходимы были представители этой власти на местах, и она для этой цели постепенно стала назначать туда из центра своих особых уполномоченных, или «управляющих»: губернаторов (дословно — именно управляющих), префектов, комиссаров и т. д., с целым штатом подчиненных им и обыкновенно назначаемых ими же чиновников. Бывало, что этих своих представителей центральная власть выбирала из местных людей (местных землевладельцев или капиталистов), и тогда образовывалось, как в Англии, так называемое местное самоуправление по назначению из центра.

Местами, наконец, хозяйственные функции «доверялись» выборному представительству местного населения, но и в этих случаях функции самоуправления считались лишь делегированными, препорученными от центра. Естественно, что между центром и местным самоуправлением возникали бесконечные споры, борьба за власть, как мы это особенно ярко видели у нас на прежних земских самоуправлениях, пока таковые были учреждениями чисто выборными. Но это явление отнюдь

не было явлением одной только царской России, но явлением, по крайней мере, общеевропейским, и можно сказать, что этот антагонизм между центральною властью и ее представителями и местным самоуправлением является одною из основных составных частей современной демократии. Ею возбуждались вздорные иллюзии об особом демократизме местного самоуправления, откуда возникали всякие планы муниципализации, муниципального социализма и т. д., противопоставляемые национализации, государственному капитализму и т. д. Но трезвая действительность показывает, что всякое самоуправление есть лишь составная часть всего аппарата классового господства, к которой в центре относятся с большим или меньшим недоверием, пока идет классовая борьба между классом земельных собственников и капиталистов. На деле вся власть на местах принадлежит представителям, назначенным из центра, а местным самоуправлениям доверяются лишь ограниченные функции, определяемые обыкновенно словами «хозяйственные функции» и заключающиеся главным образом в разных возложенных на них обязанностях, т. е. в исполнении «предначертаний» центральной власти.

Б. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ САМОУПРАВЛЕНИЯ

Чтобы понятие самоуправления и власти на местах стало яснее, я дам краткую справку из буржуазных теорий, сопоставив эти теории с историческою их подоплекой.

Последовательно мы в науке о самоуправлении находим три течения:

1) общественную теорию общины (Ротган, Мауренбрехер, Аренс),

2) органическую теорию (Гирке, Прейс и др.),

3) государственную теорию (Л. Штейн и Р. Гнейст) и разветвление последней на юридическую и политическую. Я только вкратце передам сущность каждого течения в связи с историческими фактами, послужившими базою для каждой из них.

Мы знаем, что Великая французская революция выдвинула в противовес центральному буржуазному правительству местные коммуны. Интересно, что этот новый тип самоуправления получил свое первоначальное оформление в организации, образовавшейся из выборщиков для двустепенных выборов в центральное представительное собрание. Вещь была простая: отменяемую власть феодала на местах надо было чем-нибудь заменить, а в это пустое место весьма пригодилась организация, образовавшаяся революционным путем из неразошедшихся после выборов выборщиков. Эти

коммуны, как известно, сыграли важную роль в Великой революции. Новые самоуправления в несколько сокращенном виде на местах просуществовали до самого переворота Бонапарта. [1]

1. Организация общины вошла отсюда в Бельгийскую конституцию [2] и оттуда попала в германскую науку, как общественная теория самоуправления. Эта теория 30 — 40-х годов прошлого столетия заключается в том, что община является государственною властью, как государством по отношению к государству, значит, как бы демократическая федерация общин-государств. Из этого положения вытекает необходимость организации надзора центра за общиною, а для этого надзора создаются единицы высшего порядка. Значит, власть общины — собственная, а не делегированная (препорученная) высшими органами власть. Таково было и первоначальное объединение общин бывших родов или феодальных волостных государств. Эта теория излагает только реальную действительность, наступившую вместе с отменою феодальной местной власти.

2. Экономическое развитие привело к централизации, к образованию все более и более централизованной власти. Как это отразилось в теории? Прежде всего в органической теории самоуправления. Эта теория, как бы она ни была наивна, является большим шагом вперед. Она все государство приравнивает живому организму. Государство это — сложная личность (Gesammtperson). Низшая его организация это — община. Последняя хотя и является низшим социальным организмом, но обладает целым рядом публично-правовых полномочий, не делегированных от государства, а принадлежащих ей самостоятельно, по собственному праву, как социальному организму. На первый же взгляд видно, что популярность органической теории (а отдал ей известную дань и К. Маркс) объясняется именно тою постановкою вопроса, благодаря которой получается живая органическая связь между отдельными частями государства, центра и мест, чего механическая общественная теория не дала.

3. Централизм усиливается; община и вообще местное самоуправление превращаются в прислужников центральной власти. Создается новая теория самоуправления — государственная. Самоуправление, — это то же государственное управле-

---

[1] Наука вообще так плохо была информирована насчет местной жизни разных стран, что и Маркс и Энгельс впали в ошибку насчет отсутствия самоуправления во Франции, где оно просуществовало со времени Великой революции вплоть до «18 Брюмера» (см. новое издание «Разоблачение насчет процесса коммунистов в Кёльне», Цюрих 1885 г.).

[2] Бельгийская конституция 7 февраля 1831 г. повторяет во всем радикальную терминологию французской революции. Поэтому она, утверждая конституционную монархию, прибавляет, что «власть эта королю делегирована (препоручена) народом». Но прерогативы (преимущества) ему предоставлены чисто королевские («божьею милостью»).

ние (Selbstverwaltung-Staatsverwaltung). Нет принципиальной разницы между государственною и местною властью, все общинные дела — дела государственные, только одни из них — о б щ и е, другие — м е с т н ы е. Из представителей этой теории Л. Штейн еще близок к органической школе; он отстаивает выборность местного самоуправления и достаточную самостоятельность его на правах юридического лица публичного права. От Штейна идет направление ю р и д и ч е с к о е: Лабанд, Еллинек и др., у которых от Штейна осталось собственно только то положение, что самоуправление, хотя и выборное, имеет права не собственные, а п р о и з в о д н ы е, д е л е г и р о в а н н ы е, п р е п о р у ч е н н ы е от центра.

Другое течение государственной теории самоуправления, п о л и т и ч е с к о е, берет свое начало от Р. Гнейста. Гнейст на основании изучения старого английского «самоуправления» приходит к заключению, что сущность правильного самоуправления, мол, заключается в том, что власть на месте осуществляется не через чиновников-бюрократов, но через б е с п л а т н о исполняющих свои обязанности п о ч е т н ы х п р е д с т а в и т е л е й м е с т, каковыми были, например, английские мировые судьи, назначенные королем пожизненно из м е с т н ы х д в о р я н по представляемым ему спискам, на началах повинности. Он против в ы б о р н ы х и за п о ч е т н ы е должности местного самоуправления. Он называет этот «идеальный английский порядок местного управления» н а ч а л ь с т в е н н ы м в и д о м с а м о у п р а в л е н и я. Мы назвали бы его помещичьим (или смешанным помещичье-буржуазным, ибо в мировые судьи попадают и фабриканты и капиталисты-землевладельцы) классовым самоуправлением, тогда как первое течение представляет первоначальное буржуазно-демократическое самоуправление. Последователи Гнейста смягчили его теорию, требуя не чисто почетных должностей, но лишь чтобы они были больше почетными должностями, чем профессиею, т. е. как бы побочною профессиею, и т. д. Сам Гнейст, при всей его добросовестности, может быть, незаметно для себя, внес в английскую действительность свои германские юнкерские классовые взгляды. Англия не пошла по дороге, указанной ей Гнейстом; напротив, закон 13 августа 1888 года ввел выборные графские советы, но и они свой исполнительный орган выбирают еще совместно со съездом мировых судей. Медленно все-таки пробивает себе путь и в Англии выборное самоуправление.

Эта поправка в английскую систему самоуправления сразу была внесена в Сев.-Ам. Соед. Штатах и в английских колониях: в Австралии, Канаде и т. д. Там все должностные лица, как-то: губернаторы, судьи и прокуроры и т. д., обыкновенно выборные. Там нет на местах вообще назначенных от центра представителей власти. Местные органы являются одновременно местною властью и и с п о л н и т е л ь н ы м и о р г а н а м и ц е н т р а л ь н о й

власти. Это действительно своего рода демократия, но строго капиталистически-буржуазная демократия.

Если ознакомиться подробнее с порядком выборов местной общины (township) в Соед. Штатах, на общих собраниях (они называются избирательными митингами), [1] то мы там находим много похожего на наши местные Советы, только без выделения буржуазии, а, напротив, как раз с перевесом крупной и мелкой буржуазии, а где на местах проникает и власть капитала, там все дела предрешают буржуазные партийные организации («Caucus» — фракции), и общие собрания избирателей превращаются в пустую формальность.

Это и есть тот демократизм, который К. Маркс в своей критике Готской программы противопоставил европейскому бюрократизму, но с тех пор он принял другую форму; атмосфера партийной коррупции, охватившая всю буржуазную Америку, проникла, конечно, и в самоуправление, что ухудшается еще продажностью старых вождей рабочего класса.

Во Франции господствует противоположный тип местного управления — крайний централизм. Имеются местные департаментские и общинные выборные учреждения, но они имеют в значительной степени лишь совещательный характер, ибо утверждение всех постановлений зависит от центра или от представителя центра, префекта и т. д. Отсюда копировалось Всероссийское земство и самоуправление многих других стран. И в этой атмосфере возникла та несколько странная постановка вопроса, что «разрешаемая центром самоуправлению компетенция зависит от того, насколько центральная власть может доверять органам самоуправления». А не наоборот!

Конечно, основной вопрос в каждом самоуправлении — чисто классовый: какие общественные группы призваны, какие интересы представлены в самоуправлении, т. е. каков его классовый состав? Если те же самые, как и в центральной власти, то получается гармония сотрудничества; если нет, то возникает вопрос «о доверии, а вместе с тем и о контроле центра над самоуправлением.

Централизованная буржуазная государственная власть заинтересована лишь в том, чтобы капитализм свободно мог подчинить своему влиянию всю страну, и для этого стремится назначать на места своих политических, административных и судебных представителей, для проведения буржуазного правопорядка, буржуазной законности и т. д. Под надзором этих лиц она согласно

[1] См. Фэрли, «Местное самоуправление в С.-А. Соед. Штатах», — 1910 г., стр. 133. «Живые и поучительные прения — вот наиболее характерная черта таун-митинга. В каждом таком собрании половина всех речей приходится на 4 — 5 лиц, но каждый имеет свое право делать указания, вносить поправки; иногда даже неизбирателям разрешается делать сообщения, а прения часто бывают весьма интересны . . .».

*

на предоставлять местам известную долю «автономии», почисто экономическим и иногда лишь политическим вопросам (охрана безопасности буржуазии). Отсюда и фикция противоречия центрального управления и местного управления, игравшая такую роль в спорах о преимуществах муниципализации над национализациею и т. д. (ныне этот спор уже изжит). Так, мы получаем целый ряд типичных примеров систем самоуправления: английское так называемое самоуправление и развившееся из него американское действительное самоуправление, наконец, французский централизм с мнимым самоуправлением. Но при всех этих системах самоуправление и государственное управление относятся как часть к целому в единой организации классового господства, т. е. в государстве. Всякие трения и антагонизмы, вытекающие из различных ступеней развития разных частей страны, в этом ничего не меняют.

В. СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ НА МЕСТАХ

И наш советский строй является централизованною властью, ибо централизация еще более необходима при переходе к планомерному хозяйству вместо анархии частного капиталистического хозяйства. Это так называемый демократический централизм. Но он не имеет, как общее правило, особых представителей центра на местах. Местные советы являются всею властью на местах, т. е. они являются одновременно местною самостоятельною властью и единственными исполнительными органами центра. Тут нечего скрывать, что эта задача чрезвычайно трудно разрешима, да еще в таких грандиозных размерах, при российской отсталости и при крайнем разнообразии местных условий. Но для всякого ясно, что только так может быть решена задача получить работающий без трений громадный аппарат, в котором, как в правильном механизме, согласованы были бы отдельные частицы механизма для общего действия.

Проблема отношений центра и мест вообще является самою сложною проблемою самоуправления, ибо требует согласования самых различных местных и общих интересов. Развитие и осложнение буржуазного общества с ростом капитализма создает массу централизованных, всеобщих интересов, противопоставляемых отдельным местным интересам. С одной стороны, тенденция к чрезмерной централизации, с другой стороны, — так называемый местный сепаратизм, «местная колокольня». Известно, что, например, самая действительно демократическая конституция Европы, швейцарская, предусматривает даже экзекуции, т. е. насильственные меры против отдельных кантонов вооруженными силами соседних кантонов по поруче-

нию центра. Вполне естественно, что эти явления повторялись и в России, особенно после того, как царский и шедший по его стопам режим Львова-Керенского придерживался принципа безусловного подавления силою всякого проявления местного сепаратизма и местной самодеятельности вообще.

Этот местный сепаратизм должен был даже усилиться в первое время после Октябрьской революции, когда чрезвычайно развивались синдикалистские стремления (часто прикрывающие мелкобуржуазное шкурничество), объявляющие жел. дороги монополиею железнодорожников, пароходы — достоянием водников и т. д. И мы ныне можем с некоторою гордостью констатировать, что эти стремления в хозяйственной области уже изжиты. Такая же система в капиталистическом мире проведена в Северной Америке, Канаде, Австралии и некоторых других английских колониях, где также нет на местах назначаемых из центра чиновников, а губернаторы и т. п. представители власти избираются на местах, и местные органы, таким образом, являются не только самостоятельными местными органами, но и исполнительными органами центральной власти. Но там получается *согласованный* центральный и местный *режим буржуазии*, класса капиталистов, тогда как только *Советская система* гарантирует *единство рабоче-крестьянской власти*.

Обращаясь к практической постановке вопроса у нас, мы как наиболее яркую характеристику буржуазной системы недоверия к местам приведем опыт революционного Временного правительства Львова-Керенского. Сейчас после февральской революции Временное правительство назначало всюду своих комиссаров из бывших тузов земского и городского самоуправления, не взирая на протесты с мест, выражавшиеся местами даже в арестах этих земско-городских комиссаров и в выборе своих революционных комиссаров. Был созван съезд комиссаров, и на нем лишь при давлении Временного правительства проведен принцип назначения: «*вся власть на местах принадлежит комиссарам Временного правительства*».

Но одновременно прошла по всей стране волна *революционных выборов* органов самоуправления. Только под давлением этого факта и с целью сужения функций революционного самоуправления, и то лишь 1 мая 1917 года, появилось постановление о городских выборах, 30 мая — о волостном земстве и 14 июня — о губ. и земских выборах. Наконец, 8 июля («Собр. Узак.», ст. ст. 869 и 870, 1917 г.) вышли положения о городском и земском самоуправлениях. Эти положения можно назвать *самыми позорными* актами этого правительства, ибо они ограничились тем, что переработали с чисто внешней стороны прежние царские земские и городские положения 90-х годов. Кто-то из старых царских чиновников, просмотрев по поручению «революционного» Временного правительства прежние по-

ложения, так и написал: «такие-то статьи положения 1892 г. отменить, изменить, дополнить или изложить в следующем виде». Значит, изложить революцию 1917 г. в словах царского режима! Стоит только вычеркнуть эти дополнения — и старая власть восстановлена. И на подобное издевательство решились в то время, когда почти всюду уже образовалась революционная власть на местах! Вместо надзора и утверждения губернатора ввели надзор и утверждение комиссара — и «революционный порядок» был установлен.

Старая система самоуправления состояла в простом перечислении всех дел, «возложенных на земское и городское самоуправления» — без утверждения или с утверждением начальства. Насколько мелочен этот перечень, видно из двух-трех примеров. Городская дума, напр., могла издавать обязательные постановления (следует 34 пункта): «14) о порядке нумерации домов, а также об очистке дворов, об устройстве и содержании помойных ям... и отхожих мест и т. д., и т. п.». [1]

Сопоставьте с этими многословными положениями чрезвычайно простые статьи нашей Советской конституции 1918 и 1925 гг. о предметах ведения органов Советской власти на местах. Ст. 64-я ныне гласит: «Краевые (областные), губернские, уездные (окружные) и волостные (районные) органы Советской власти и их Президиумы, а также Советы Депутатов имеют своей задачей:

а) принятие мер к поднятию данной территории в культурном и хозяйственном отношениях и составление местного бюджета;

б) проведение в жизнь постановлений соответствующих высших органов Советской власти;

в) разрешение вопросов, имеющих местное для данной территории значение;

г) объединение советской деятельности в пределах данной территории;

д) обеспечение в пределах данной территории революционной законности и охраны государственного порядка и общественной безопасности и

е) обсуждение вопросов общегосударственного значения, как по собственному почину, так и по предложению вышестоящих исполнительных комитетов».

Основная мысль этой статьи проста и ясна и заключается в том, что местные съезды, советы и исполкомы являются всею властью на местах (для разрешения всех, а не только хозяйственных вопросов местного значения), а одновременно и единственными исполнительными органами центра на местах. Это означает, что в пределах общего законо-

---

[1] Меньшевики из коалиционного правительства (Церетелли тогда уже был министром почт и телеграфов) буквально поняли мечты ревизионистов 90-х годов о муниципализации отхожих мест, столь едко высмеянных еще революционным Каутским добрых старых времен.

дательства, общих правил и инструкций, местные органы имеют всю местную власть нераздельно: и исполнительную, и судебную (выборы нар. судей), и в известной мере даже законодательную (местные постановления, не нарушающие общих декретов), и т. д. Правда, конституция обходит молчанием самый сложный вопрос о пределах местной «автономии», т. е. о тех пределах, которые поставлены центральною властью, но это вполне естественно, раз конституция лишь «записала то, что завоевано». Распределение функций и пределов властей, это — вопрос длительного развития. Но конституция ясно и отчетливо ставит вопрос о единой местной власти, как политической, так и экономической, с правом обсуждения даже вопросов общегосударственного значения.

Ст. 65-я определяет право контроля съездов и их исполнительных комитетов над деятельностью местных Советов всего района, а областным и губ. съездам и их исполнит. комитетам, кроме того, принадлежит право отмены решений действующих в их районе Советов с извещением об этом в важнейших случаях центральной Советской власти.

Этою простою формулою конституции, конечно, не исчерпан сложный вопрос компетенции (подведомственности), который и у нас уже имеет свою историю. Первый период нашей власти был, с одной стороны, периодом чрезвычайно широкой местной власти, с другой же стороны — периодом обильного делегирования центром своих ведомственных представительств и всяких чрезвычайных и регулярных уполномоченных центра на местах.

Первое явление было естественным последствием революции. Чем интенсивнее в том или в другом месте была революция, тем она шире развертывала инициативу и свою власть: местные декреты самого общего характера, конфискации, контрибуции и др. налоги и т. д. Это — период разрушения старой власти, естественно создавший стремление к автономным действиям, сила которого определяла именно степень революционности. (Бывали изредка такие же стремления в обратном направлении, т. е. в направлении контр-революции.) Второе явление имело две причины: а) вытекающее из системы централизации вмешательство центра в местные дела (пока за отсутствием общих декретов — чисто фактическое), б) вытекающее из перенятой от старой власти системы ведомств чисто бюрократическое стремление механически подчинять себе места. Вмешательство центра, значит, происходило или путем уполномоченных или, с установлением более или менее правильной сметной системы, путем ведомственной бюджетной зависимости местных отделов. Эта последняя зависимость осуществлялась просто тем, что отдельные Народные Комиссары назначали или, по крайней мере, влияли на назначение заведующих, а то и всего состава соответствующих местных

отделов, и держали эти отделы в зависимости от Нар. Комиссариата путем сметы: не выполнил того или иного требования, наказа или т. п., — угроза закрыть кредит. Надо признаться, что известная доля вины падает на неловкую формулировку старой 63-й статьи конституции, что «при Советах образуются (местные) отделы», вместо того, чтобы сказать, что исполком образует отделы (нынешняя статья 57-я), или что его аппарат состоит из отделов. Все эти явления были сначала чисто фактического характера, и только из опыта вырастают те два определенных и противоположных течения, которые дали себя почувствовать с первого же дня успокоения фронта, и которые кончились известным компромиссом на IX партийном и на VII, VIII и IX Всероссийских Съездах Советов.

О борьбе против бюрократизма мы уже говорили выше. Здесь мы вкратце отметим лишь борьбу за местную инициативу, за местный контроль и за местную власть. Эти требования многим показались чуть ли не контр-революциею, по крайней мере, влиянием крестьянства, т. е., по тогдашнему пониманию, мелкобуржуазной стихии. Нельзя отрицать, что и такие причины играли известную роль, но корнем этой борьбы была просто борьба за местную Советскую власть, которая весьма многим товарищам, застрявшим в прежней идеологии, показалась запретною, не говоря уже об удобствах прежней системы для бюрократа-централиста: нажать кредитную кнопку, и готово, а то переписывайся, агитируй и т. д.

Но революция не признает легких решений вопросов; она является суровым и беспощадным критиком. И решения VII и VIII съездов Советов являются тому ярким доказательством. То, что робко прошло на VII съезде, было решительно подтверждено на VIII и IX. Решение, как я уже сказал, было компромиссным, и, вероятно, не раз еще в будущем придется изменять эту схему. Но если можно говорить о демократическом централизме, как системе, то он осуществляется именно в советском строе.

Основные принципы достигнутого компромисса между центром и местами заключаются:

1. В определенной и окончательной формулировке положения, что местные Советы и съезды, а между съездами и Исполнит. Комитеты, являются высшими органами власти на местах, а одновременно и единственными исполнительными органами центра, причем центральные управления, по общему правилу, ведут все дела через местные Советы и их Отделы, упраздняя неподведомственные местным Советам отделения и специальные управления (не исключая и временных для ударных работ).

2. Исключения из этого принципа допускаются лишь по постановлению ВЦИК или его Президиума для от-

дельных учреждений, а затем отдельных ведомств, как, напр., военного, жел.-дор. и т. п., и для трестированных и особо важных государственных предприятий, и впредь подчиненных своим центральным правлениям, а ныне для ведомств общесоюзных Наркоматов. Но край(обл)исполком имеет право контролировать и ревизовать деятельность всех правительственных учреждений, как временного, так и постоянного характера, не входящих в состав Исполнительных Комитетов (за исключением армии), немедленно доводя об этом до сведения соответствующего центрального управления.

3. Для исполнения всей местной работы и для проведения постановлений вышестоящих исполкомов и центральной власти исполкомы образуют соответствующие Отделы и ставят во главе их избираемых исполкомом заведующих причем соответствующий народный комиссар имеет право отвода. В случае разногласия вопрос решает Президиум ВЦИК.

4. Непосредственно исполкомам и их президиумам могут давать предписания только вышестоящие исполкомы (в том числе ВЦИК) и их президиумы и Совнарком. Им же только, а равно и вышестоящим съездам, разрешается отменять постановления местных съездов, исполкомов и их президиумов.

5. Нар. комиссары и Отделы делают свои ведомственные распоряжения соответственным Отделам, но все распоряжения, имеющие особо важное значение, одновременно сообщаются ими исполкому, который следит за правильным и своевременным их исполнением.

6. Отделы исполкомов состоят, таким образом, в двойном подчинении: местному исполкому и соответствующему нар. комиссару. Отдел должен исполнять распоряжения нар. комиссариата или вышестоящего исполкома и его отдела, но если он находит их невыполнимыми, то он о том сообщает президиуму исполкома, который, не приостанавливая проведения в жизнь, свои соображения об отмене представляет: крайисполком — в Совнарком или ВЦИК, окрисполком — в крайисполком, уведомляя одновременно органы, коими сделано распоряжение. Только в исключительных случаях, при явном несоответствии распоряжения постановлениям Совнаркома или ВЦИК и под коллективною судебною ответственностью крайисполкома, допускается приостановление. Как видно, это принцип внесен и в отношении объединенных наркоматов.

Положение о губсъездах и губисполкомах (IV сессия ВЦИК 1922 г.) подробно формулирует права и обязанности губсъездов, исполкомов и их отделов, причем перечень имеет в виду не столько разграничение функций, сколько напоминание особенно неотложных задач. Край(обл)съезд решает все местные

вопросы, но обсуждает и вопросы общегосударственного значения, утверждает местный бюджет, доводя до сведения наркомфин и внудел, а равно и отчет по исполнению сметы, утверждает отчеты исполкома, его отделов и окружных исполкомов, выбирает исполком и делегатов на Всероссийский съезд. Как съезды, так и заседания исполкомов происходят публично.

Так решила Советская система одну из самых трудных задач «государствоведения», организацию местной власти и одновременно местного самоуправления. Советская организация общества, как самое гибкое объединение отдельных ячеек общества в виде Советов, является одновременно и самою совершенною формою, какую мы до сих пор знаем.

Дальнейшее течение жизни внесло известные поправки в эту стройную схему. Когда переход к нэпу потребовал перехода к революционной законности, по настоянию т. Ленина была введена единая прокуратура, не знающая двойной подчиненности. Местные прокуроры (с упразднением отделов юстиции) назначаются из центра и подчинены только центру. Но роль прокурора — роль надзора, наблюдения; его мероприятия — протест (а не отмена неправильного распоряжения или действия) или привлечение к ответственности за неправильное действие.

С образованием Союза ССР по пяти ведомствам образуются централизованные общесоюзные наркоматы, которые на местах имеют своих неподчиненных местам уполномоченных, или агентов. Но все эти наркоматы отличаются исключительными особенностями, и положение о них не меняет основного принципа, что центральная власть в общем не имеет своего особого представителя на местах, кроме местного исполкома.

Г. КРАЕВОЙ, ОБЛАСТНОЙ И ОКРУЖНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Краевые или областные организации в своих съездах и исполкомах с их президиумами по существу повторяют, только на более широкой базе, все, что уже существовало для исполкомов вообще. Некоторые осложнения вносят в них вхождение по добровольному постановлению (с правом выхода) автономных СС республик, сохраняющих свой национальный характер. С передачею краевым судам прав суда последней инстанции — и краевые или областные организации приобретают в известной мере федеративный, по отношению к центру, характер.

а) Общее положение

Исполком между съездами Советов является высшим органом власти в пределах территории. Число членов его и кандидатов к ним определяется ВЦИК. Они избираются на 1 год. Исполком всецело ответственен перед избирающим его съездом Советов, который в праве отозвать членов его и до срока, т. е. до истечения года. В составе расширенного Исполкома могут быть приглашены представители окружных исполкомов, члены советов крупных промышленных центров и представители профсоюзов и т. д.

Президиум. Для проведения в жизнь постановлений исполкома и высших органов власти, а также для направления и объединения действий всех подведомственных Исполкому учреждений на его территории избирается президиум Исполкома. В период между заседаниями исполкома президиуму присвоиваются все права последнего за исключением принятия бюджета. Президиум состоит из председателя, его заместителя, членов президиума и секретаря.

Отделы. Исполком для выполнения всей работы, подлежащей ведению его власти, и для проведения в жизнь постановлений ВЦИК и центральной власти образует отделы, соответствующие в общем наркоматам, включая и Центр. Упр. Статистики, но за исключением иностр. и морских дел, почт и телеграфов, путей сообщения и внешней торговли, вместе с тем прибавляя особый Отдел Коммунальный (по ведомству Внудел) и ныне Отдел Политический и архивное бюро. Закрытие существующих отделов, а равно образование новых допускается по постановлению Совнаркома с утверждения ВЦИК или его Президиума. Военотделом заведует уполномоченный НКвоенмор; при крайисполкоме состоят уполномоченные НКПС и НКпочтел.

На Исполнительный комитет в целом возлагается ответственность за деятельность отделов и за точность и своевременность выполнения распоряжений центральной власти, почему все крупные мероприятия отделов, как принципиальной, так и практической важности, равно как и сметы отделов (до представления в центр), отделами вносятся на утверждение Исполкома.

Постановления Исполкома отменяют Совнарком или ВЦИК и его Президиум, а равно и Всероссийский съезд Советов. Туда же направляются и жалобы на его постановления. В свою очередь, Исполкому принадлежит право контроля над деятельностью всех местных Советов, а равно и право отмены решений тех же Советов с извещением о том, в важнейших случаях, центральной Советской власти.

Для наиболее важных вопросов созываются расширенные заседания исполкома с участием членов местных советов и исполкомов. С совещательным голосом в исполкомах участвуют заведующие отделами, не состоящие членами, и особо приглашенные лица. Заседания публичны и доступны для трудящихся масс.

«Положение» подробно излагает круг ведения очередных заседаний. Они имеют предметом ведения: а) вопросы текущей деятельности президиума и отделов, б) проведение в жизнь декретов, постановлений и распоряжений центральной власти, в) борьбу с контр-революциею и охрану революционного порядка и г) руководство, направление и объединение деятельности всех находящихся в пределах губернии сов. учреждений. В заседаниях с совещательным голосом участвуют и нечлены исполкома: заведующие отделами, прокурор и особо приглашенные лица.

Во исполнение своих задач исполком имеет право непосредственного сношения с центром вплоть до представления об отмене или изменении нецелесообразных постановлений, и в исключительных случаях — до приостановления под коллективной ответственностью явно незаконных распоряжений. Он посылает во ВЦИК докладчиков, издает обязательные постановления и имеет права юридического лица с правом заключения займов, как внутренних, так и заграничных.

«Положение» вводит подробный, хотя и примерный перечень функций исполкома, который можно делить на вопросы общей и местной политики и вопросы общего и местного хозяйства. По общим делам он является исполнителем центра, но ему предоставляется право «контроля и ревизии всех правительственных учреждений, не входящих в состав отделов (за исключением учреждений действующей армии и прокурорского надзора), но без вмешательства в административно-хозяйственную деятельность правлений предприятий, входящих в общегосударственные и областные объединения», и немедленно доводя до сведения соответственного центрального учреждения. «В экстренных случаях» это право доходит до временного отстранения должностных лиц.

Ему принадлежит борьба с контр-революциею и охрана революционного порядка, спокойствия и безопасности, обращение в случае надобности к содействию военной силы, с правом предания суду, с производством обысков, высылок, арестов и возбуждением ходатайства об объявлении военного положения.

Он может отменять и изменять постановления и распоряжения подведомственных ему учреждений и даже распоряжения уполномоченных центральных учреждений, за исключением лишь уполномоченных ВЦИК. Он назначает, устраняет, смещает, подвергает дисциплинарным взы-

сканиям и предает суду всех служащих подведомственных ему учреждений, а равно подвергает дисциплинарным взысканиям своих же членов (за неявку на 3 заседания) и членов нижестоящих исполкомов и их президиумов.

Он наблюдает за поступлением центральных налогов и сборов и при исполнении общей сметы имеет право передвижения кредитов по общей смете одного ведомства в другое не свыше 10%. Местный бюджет составляется из местных налогов, в пределах особого закона, из надбавок к общим налогам, из займов и доходов с собственных местных предприятий и из арендных платежей, кроме того, из отпущенных центром сумм. Они составляют производственные планы и сметы.

В дальнейшем «Положение» перечисляет задачи исполкома по всем ведомствам, не исключая кооперации («оказывать всемерную поддержку, предоставлять им всякие преимущества пред частными предпринимателями и принимать совместно с Центросоюзом участие в выборах органов потребительных обществ»), охраны труда и забот о помощи безработным и т. д. Наконец, всестороннее содействие рабочим совхозам и коллективам. Как я уже сказал, перечень имеет примерный характер, ибо «Положение» не отменяет слов конституции, что исполкомы между съездами являются «высшей» властью на местах.

Исполком созывает очередной годичный съезд, а равно, по своему усмотрению или по требованию $^1/_3$ части всего числа местных исполкомов и гор. советов — внеочередный съезд. Такое же право на созыв чрезвычайного съезда принадлежит и Президиуму ВЦИК, с правом требовать перевыборов на чрезвычайном съезде исполкома.

б) Отделы

В краевых и областных исполкомах имеются отделы.

Заведующие отделами избираются исполкомом сроком на один год. Соответствующий народный комиссар, как уже сказано, имеет права отвода; разногласия по этому поводу разрешает Президиум ВЦИК. Бывшие когда-то при отделе Коллегии ныне отменены. Смещение и временное отстранение заведующего может быть произведено исполкомом в случае преступления по должности, бездеятельности и несоответствия своему назначению, с немедленным доведением о том до сведения соответственного наркомиссара.

Отделы, как уже сказано, одновременно подчинены и исполкому и соответствующему наркомиссару в порядке, уже изложенном выше.

Обязательных отделов всего 15. Их функции в общем просты и понятны для всякого, кто знаком с функциями наркоматов, исполнителями которых они являются, и только для нескольких

из них необходимо дать кое-какие пояснения. К ведомству Нарком. внудел относятся целых 2 отдела: а) административный, б) Коммунальный. Политический отдел (Политотдел) ныне из подчинения НК внудел изъят.

Отдел юстиции заменяется прокурором, назначаемым (из центра) Прокурором Республики. Закрытие существующего отдела губисполкому разрешается лишь с согласия Президиума ВЦИК.

Заведующий отделом несет ответственность за ход работы отдела и всех подведомственных отделу учреждений как пред исполкомом, так и пред соответствующим наркомом. В своей деятельности Отдел направляется, инструктируется, контролируется и руководствуется постановлениями и распоряжениями как исполкома и его президиума, так и соответствующего наркомиссара. В случае разногласия между распоряжениями наркома и исполкома и его президиума или в случае технической невозможности их исполнить, отдел о том немедленно представляет исполкому и наркому. Исполком в этом случае не позже 7 дней или отменяет свое распоряжение, или на свой риск приостанавливает исполнение. Обжалование без приостановления не освобождает отделы от немедленного исполнения. Отдел может постановления президиума обжаловать в губисполком, но без права приостановить от себя исполнение.

в) Члены исполкома

Каждый член Исполкома исполняет определенные обязанности, на него возложенные исполкомом. Члены исполкома в пределах территории исполкома не могут быть арестованы без предварительного доведения до сведения Президиума.

г) Народный суд

По новому положению о едином суде низшею инстанциею суда является народный судья единолично или с двумя народными заседателями. Народный судья избирается исполкомом округа на один год и может быть отозван им же по собственной инициативе или по предложению НКЮ.

Народные заседатели призываются на сессии, не более 6 дней, по особым спискам, составляемым на 1 год.

Как состав народных судей, так и их заседатели должны быть исключительно из лиц, обладающих советским избирательным правом.

Следующею инстанциею является Окружный суд, состоящий из председателя, его заместителей, постоянных членов и народных заседателей. Он является высшим судебным

центром по округу, органом кассационным и судебным органом первой инстанции по важнейшим делам, отнесенным к его ведомству. К выборам и составу его относится все то же, что и к народному суду. Народные заседатели (по 2) участвуют в заседаниях судебной коллегии.

Над край(обл.)судом следующая и высшая инстанция — Верховный Суд РСФСР, над окружным судом — край-(или обл)суд.

С районированием средняя организация изменяет свой характер. Уездное деление исключается, а район, вытесняя и волость, является более широкой организацией, чем волостная. Все же она ближе стоит к волостной и поэтому мною переносится туда. Здесь же рассматривается лишь округ (и соответствующий ему кантон и т. п.).

д) Окружный исполком

Окружный исполком выбирается окружным съездом Советов не более 45 чел. на один год. Все сказанное о губисполкомах применяется и к окружному исполкому со следующими изменениями:

Окружные исполкомы в общем строятся по образцу край-(или обл.)исполкомов. Отношения их к край- или облисполкомам обсуждаются по правилам отношений Крайисполкома к ВЦИК и Наркомам. Их функции только несколько сужены.

Окружный исполком выбирает президиум из 9 человек. Окружные исполкомы созываются не реже одного раза в 2 месяца. Кроме заседаний пленума, созываются расширенные заседания с участием председателей местных исполкомов, представителей горсоветов и промышленных районов, — для обсуждения наиболее важных вопросов и докладов.

В период между заседаниями окр. исполкома президиум пользуется всеми его правами. С нижестоящими исполкомами исполком сносится через отдел управления, состоящий под председательством тов. председателя.

Отделы окружных исполкомов

К уездным отделам относится все сказанное о губотделах, но с большими сокращениями.

Отделов всего 10: административный, торговли, статистики местного хозяйства, народного образования, здравоохранения, социального обеспечения, земельный, военный и финансов. Кроме того: камера инспекции труда, уполномоченный ГПУ, уполномоченный краевого РКИ и архивное бюро. Уездный прокурор входит в заседании уисполкома с совещательным голосом.

XII. СОВЕТЫ — МЕСТНАЯ ВЛАСТЬ

Как трудно рождаются новые общественные и государственные формы организации, тому лучшим показателем может служить история городских и сельских советов, или, полнее, городских советов рабочих и сельских советов крестьянских депутатов. Когда они возникли в стихии революции, они как там, так и здесь были поняты неверно или вовсе не поняты. Они уже образовали в лице своих съездов и их исполнительных органов крупные и сильные организации, в лице Циков и Центральных исполкомов создали новые органы новой пролетарской власти, а основная ячейка этой власти за это время как бы исчезла и во всяком случае перестала быть органом власти, а в лучшем случае органом агитации, демонстрации и т. д., митингования — разговоров, а не работы. И стоило много усилий, много сомнений, доходящих моментами до полного разочарования, чтобы, наконец, найти настоящую дорогу, привести городские и сельские советы более или менее к одному знаменателю, создать действительно работающую, основную, низшую ячейку соввласти и подвести тот недостающий фундамент под советскую власть, о котором в области экономики и культуры в последние годы так много говорил Владимир Ильич Ленин. А пока не было и нет этого фундамента, и вся надстройка опирается на традиционных, буржуазных началах или, так сказать, висит в воздухе.

«До сих пор мы не достигли того, чтобы трудящиеся массы могли участвовать в управлении. Кроме закона есть культурный уровень, который никакому закону не подчинишь. Вследствие этого низкого культурного уровня советы, будучи по своей программе органами управления через трудящихся, на самом деле являются органами управления для трудящихся через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы. Здесь перед нами задача, которую нельзя решить иначе, как длительным воспитанием» (Ленин, XVI, стр. 127 и сл.).

Когда я пишу эти строки, идет серьезнейшая борьба, вернее уже продолжение борьбы, за образование этого фундамента, в виде избирательной борьбы к перевыборам Советов.

Быть или не быть новой пролетарской власти, в которой бы рабочий и трудовой крестьянин учились и начали сами управлять делами своего государства и своего общества (см. выше выборы).

В мою задачу не входит писать историю советов. Не могу дать и выдержек из таковой истории, ибо она в книжках еще не написана, а сейчас впервые пишется самой жизнью революции на страницах этой истории. А я вам могу пока дать только краткую нумерацию или схему этой истории.

Основная и низшая ячейка Советской власти, это — Советы Депутатов. Советы выбираются: а) в городах, фабричных и заводских поселках и б) в селах. В городах с количеством жителей свыше 100 000 чел. могут избираться и районные советы. История каждой из этих ячеек шла особыми путями. Город и деревня — две противоположности капиталистического мира. Это противоречие остается и в переходный к социализму период, в виде своеобразного двухклассового общества: пролетариата и крестьянства. Их Союз, их смычка должны получить выражение и в развитии этих двух типов советов. На первом месте, конечно, стоит чисто пролетарский горсовет.

А. ГОРОД И ГОРОДСКИЕ СОВЕТЫ

Роль города в истории и политической жизни всем известна. Мы знаем древний город, как древнее первобытное демократическое государство. Мы потом, при феодализме, видим город как очаг будущего буржуазного государства. Наконец, победа буржуазии развивает, вместе с усилением и централизацией государственной власти, капиталистический, промышленный и торговый город в то основное противоречие между городом и деревнею, на которое указывает К. Маркс в своем «Капитале». Но это развитие одновременно и подготовляет ту силу, которая должна свергнуть класс капиталистов, буржуазию. А форма новой власти — это Советы рабочих, как носители диктатуры пролетариата.

Переход от роли борца за власть к роли держателя всей власти на местах, не только политической, но и хозяйственной, обусловливает целый ряд последовательных перемен в самом понимании роли Советов. Начиная с замены Советами бывших гор. дум, сначала существовавших параллельно с Советами, горсоветы то расширяют, то суживают свою деятельность, и окончательная форма организации их работы только ныне устанавливается. Особенно большие колебания горсоветы пережили в связи с вопросом об их исполнительном органе, но доходило до того, что и сами горсоветы местами признавались как бы лишними. Уездные горсоветы в большинстве уездных городов не существовали. Затем стали объединяться губернские исполкомы и их отделы с горисполкомами, причем руководствовались главным образом

соображениями сбережения сил. Но при значительной многолюдности наших учреждений вообще этот мотив, конечно, играл не решающую роль. Повидимому, главною основою этой тенденции являлась тяга к бюрократизации. VII Всероссийский Съезд Советов открыл борьбу в общегосударственных размерах против бюрократизма. VIII съезд категорически требует восстановления и образования Советов во всех уездных и даже заштатных городах и фабрично-заводских поселках. Положение 26 января 1922 г. упраздняет как губернские, так и уездные горисполкомы. Но это Положение в текст конституции не включено. Одновременно Положение 1922 г. узаконило институт секций горсоветов, работающих в связи с Отделами. Положение о горсоветах от 24 октября 1925 г. вводит особые президиумы советов во всех городах, регулируя их отношения к губ- и уисполкомам.

а) Порядок выборов

По Положению от 24 октября 1925 г. нормы Конституции были изменены соразмерно с количеством жителей города. Так, в городах с количеством жителей свыше 1000 чел. избираются городские советы по норме: при населении в 1000 чел. — 1 депутат на 15 избирателей, от 1000 до 3000 — 1 депутат на 20 избирателей и т. д., а от 100 000 и больше — на 200 изб., в Москве и Ленинграде — на 400 изб. Советы избираются на 1 год. Мы здесь говорим о городах с преобладающим, по общему правилу, фабричным и вообще рабочим населением. Советы особенно крупных городов являются главными органами Советской власти вообще. Постановлением VIII съезда Советов (1920 г.) вменено было в обязанность производить регулярно выборы городских Советов повсюду, а по Положению 1925 г. — созывать эти Советы на Пленум не реже 1 раза в месяц. Во исполнение этого постановления предложено было всем губисполкомам восстановить городские Советы в тех уездных центрах, где таковые временно, в условиях гражданской войны, бездействовали, а равно приступить к организации их в тех уездах и заштатных городах, где таковые вовсе не были образованы. Это правило строго проводится Положением 1925 г.

б) Функции городского Совета

В границах своего ведения, т. е. в пределах города, городской Совет есть высшая на данной территории власть. Его основная задача — объединить все трудящееся население для участия в местном и государственном управлении и строительстве. Горсоветы имеют все права высшего органа власти: а) принятие мер

к поднятию культурно-хозяйственного состояния города и улучшению жизни и быта населения; б) разрешение всех вопросов местного значения; в) обсуждение вопросов общегосударственного значения; г) проведение в жизнь постановлений высших органов власти; д) объединение деятельности всех подведомственных гор. совету учреждений и руководство ими; е) составление, утверждение и исполнение гор. бюджета. При этом гор. советы, конечно, пользуются всеми правами особого юридического лица. Городской Совет путем практических предложений и указаний направляет и согласует работу секций и намечает план дальнейшей их работы.

в) Порядок заседания Советов

Пленум, общее собрание Советов, собирается не реже одного раза в месяц; он созывается Президиумом Совета по усмотрению последнего или по требованию не менее $^1/_3$ членов Совета. Заседанием и работою Совета руководит президиум Совета. На заседания Советов предлагается привлекать большее количество рабочих, устраивая эти заседания в рабочих кварталах, на крупных фабриках и заводах. Это — прямая противоположность тому стремлению, какое проводится буржуазными парламентами и прочими собраниями: устраивать свои заседания подальше от «улицы», запрещать всякие политические митинги и демонстрирования ближе 1 — 2-х или более верст от здания собрания и т. д. В заседаниях Советов участвуют и кандидаты, даже заведующие Отделами и вообще рабочие и крестьяне. Кандидаты и вообще не-члены Совета участвуют лишь с совещательным голосом, т. е. не участвуют в голосовании. Необходимо присутствие не менее $^1/_2$ всех членов не только при открытии заседания.

г) Права пленума горсовета

Права горсоветов перечислены в Положении 1925 г. Я на этих функциях подробно останавливаться не буду (перечень содержит более 60 пунктов).

На Пленум возложены следующие функции: а) утверждение бюджета, займов и отчетов по исполнению бюджета; б) рассмотрение вопросов местного сов. строительства; в) определение числа секций и распределение по ним предметов их ведения, а равно и членов совета; г) избрание делегатов на съезды Советов; д) выборы Президиума, утверждение его отчетов; е) доклады по вопросам местного хозяйства и управления; ж) доклады секций, доклады и отчеты

*

заведующих гор. отделами; з) план работ пленума совета и секций; и) утверждение мандатов своих членов. Но этот перечень Положения является лишь примерным, а отнюдь не исчерпывающим.

д) Исполнительные органы горсоветов

Мы уже видели, что первоначально гор. советы имели горисполкомы, которые были впоследствии слиты с губ- или уездисполкомами, — с общими у них отделами. Ныне только заштатные города и фабричные поселки имеют (сокращенные) исполкомы из 7 человек с сокращенным количеством отделов.

Но для остальных горсоветов Положение 1925 г. вводит особые Президиумы горсоветов, которые являются и исполнительным органом Советов. Президиум состоит из председателя и 10 членов. Лишь для Москвы и Ленинграда это число определяется особо Президиумом ВЦИК. Президиум выбирается из числа членов Совета на 1 год.

Президиум в пределах его ведения является также высшим органом между собраниями Совета. Но особые отделы он имеет лишь для непосредственного заведывания городским хозяйством в виде Коммунальных отделов. В остальном его исполнительными органами технически являются отделы соответствующего край-, обл- или окрисполкома, в которых для этого образуются особые городские части; по соглашению с заведующими этих отделов Совет назначает особых заведующих городскою работою.

е) Секции городских Советов

Помимо конституции, жизнь создала секции Советов. «Положения 1922 — 1925 гг. узаконило эти секции. Эти секции образуются по важнейшим отделам на основе добровольной записи членов, но участие каждого члена в одной из секций обязательно. Это делается для вовлечения членов Совета и широких масс трудящихся в строительство и практическую работу. Их задачи подсобные и контрольные. Обязательны секции: по коммунальному хозяйству, финансово-бюджетная, народного образования, здравоохранения и кооперативно-торговая. Другие образуются советами по надобности.

Работа происходит под руководством избранного бюро секции (из трех лиц) в качестве исполнительного и распорядительного органа. Здесь обсуждаются все существенные вопросы работы. Допускаются общие заседания нескольких секций, если вопрос относится не к одной только секции, собирается общее

заседание в определенные Пленумом или Президиумом сроки. Секция может образовать комиссии, приглашать сведущих лиц, а равно и представителей рабочих организаций, как-то: членов Комсомола, профсоюзов, фабр.-зав. комитетов и т. д.

Участие члена Совета в заседаниях секций обязательно, о своей работе в секции он должен докладывать избирателям. На время исполнения поручений секции член Совета может быть освобожден от непосредственных служебных обязанностей лишь по постановлению президиума исполкома. Секции собираются в нерабочее время.

Ныне о развитии работы секции уже имеются ценные данные;[1] недавно был проведен даже конкурс на л у ч ш у ю секцию. Повидимому, секция и является тою формою, которая призвана победить бюрократические замашки о т д е л о в исполкомов. Это, конечно, лишь «начало целой исторической полосы, задачей которой является постепенное вовлечение всего трудящегося населения в работу по управлению государством».

Это еще далеко до поголовного участия в управлении (см. интересно составленную брошюру С. И. Бессонова, «Как работают секции Совета». Госиздат, 1928).

Б. СЕЛЕНИЕ И СЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Если мы исходим от Совета, как низшей ячейки организации, то ближе всего было бы, по примеру города, основную ячейку в деревне организовать как сельский совет. На деле у нас долгое время о с н о в н о ю я ч е й к о ю власти на местах в деревне являлись — в о л о с т ь, но в о л о с т и с о в е т а н е т, а имелись лишь с ъ е з д ы советов и постоянно существовал лишь в о л и с п о л к о м (ВИК). Это объясняется тою громадною разницею, какая еще существует между городом, где экономическая жизнь, самопроизводство объединяет трудящихся, и деревнею, где обратный процесс в сторону капитализма, частной собственности и индивидуализма их разъединяет и куда объединение, советизация пока вносятся лишь из города. Если и существовали и существуют вытекающие из общинного владения с е л ь-

[1] Число участников секции довольно быстро растет; по Москве 19 000 человек; по всему СССР — до 3 миллионов. Но по отдельным фабрикам цифры еще неудовлетворительны. Так, например, по некоторым заводам и фабрикам Москвы:

	Число раб.	Число чл. секций
На текстильной ф-ке «Красная заря» .	2 700	185
На ф-ке «Трехгорная мануфактура» .	8 000	140
На заводе «Серп и молот»	4 900	70
На ф-ке «Красная Роза».	2 000	60
На ф-ке имени Маркова	1 400	55
На ф-ке «Электролампа»	500	26

ские сходы, то они при царском режиме искусственно поддерживались в целях круговой поруки за выкуп и государственные налоги, все более разлагаясь. Но и при советском режиме они трудно поддаются социализации, а проявляют сильную тенденцию в сторону гражданского оборота. Так, основною ячейкою власти на местах долго являлась волость, а волость слишком крупная по пространству единица, чтобы ее охватить единым советом.

Историческая роль «волости» («власти») в подробностях не выяснена; как она объединила переходящее на оседлость население в виде поселков, поселений, нас здесь не интересует. Факт тот, что волость представляла впоследствии всю территорию, находившуюся под одною властью князя, дворянина, вообще помещика. Значит, деление или объединение довольно случайное и притом в достаточной степени ненавистное, почему замену ее (при районировании) районом можно только приветствовать.

Еще до буржуазной революции в деревне началось серьезное движение за единую бессословную волость, как местную земскую единицу, с требованием включить в волость и землю и население привилегированного «имения», вотчины помещика. Эту борьбу завершил Октябрь, отдав крестьянской волости назад украденную у нее помещичью землю и уничтожив одновременно как форму сословия, так и экономическое его основание и содержание. Образовалась впервые трудовая волость, но с значительными остатками средневековья и задатками капитализма. Для борьбы с этими остатками и более еще задатками, имеющимися и находящими здесь благоприятную почву, был выдвинут лозунг крепкой экономической советской волости в виде таких мероприятий, как, напр., волостной бюджет, «превращающий волость в организм, имеющий право решать по-своему целый ряд основных вопросов своей жизни».

А доклад РКИ рисует перспективы новой волости следующими словами:

«Введение волостных бюджетов, как следствие общей линии децентрализации управления хозяйством страны, в основе своей было направлено к усилению самодеятельности мест наиболее полному привлечению широких кругов крестьянства к делу непосредственного управления государством и повышению уровня удовлетворения культурно-хозяйственных нужд деревни.

Разрешение указанных задач ставило целью — приблизить местное хозяйство к местным органам, заинтересовать и побудить самое население, а особенно его наиболее активные элементы, к наилучшему ведению своего хозяйства.

Пробуждение в низах активности, передача руля управления

хозяйством волости самому населению — лучший путь к укреплению союза города и деревни».

Оно только показывает, что сельские советы без помощи городского пролетариата не в состоянии выявить своей инициативы, но что от этой инициативы сельского совета все-таки зависит весь успех дальнейшего хода развития. Лозунг «лицом к деревне» имеет в виду не только и не столько волость, сколько именно поселение, селение, деревню.

Районирование упраздняет волость, заменяя ее более широким объединением, районом. Но район естественно будет играть роль волости. Поэтому возникают проекты селения объединить в группы с укрупненным Советом, оставляя сельсоветы в роли городских районных советов. Пока приходится вместо волости поставить район.

Два крупных события, резолюция XV съезда партии о резком и серьезном повороте к социализации сельского хозяйства и вообще деревни и издание основных начал земельного законодательства, закрепляющее в советском порядке постановление съезда, не могут оставаться без влияния на развитие именно сельских советов.

а) Сельские советы

В деревне низшей и, значит, основной ячейкой Советской власти является сельский совет, выбираемый в деревнях, селах, станицах и местечках, в городах с населением менее 10 000 чел. населения, аулах, хуторах и пр. по расчету 1 депутат на каждые 100 человек населения, но в числе не менее 3 и не более 50 депутатов на каждый сельский совет, сроком на один год. Существовавшее прежде правило, что в небольших селениях советы заменяются общим собранием всех избирателей, не вошло в новый текст конституции и, значит, отменено.

По положению о сельсоветах (от 16 октября 1924 г.) сельский совет, являясь органом власти в пределах своей территории, главнейшими своими задачами имеет поднятие крестьянского хозяйства, борьбу с невежеством, темнотою, болезнями и другими неустройствами сельской жизни; защиту прав трудящегося населения на основе союза рабочих с крестьянами, проведение в жизнь законов рабоче-крестьянского правительства, имеющих целью улучшение жизни трудящихся, широкое вовлечение крестьян и крестьянок в управление государством и дело улучшения государственного аппарата и, прибавим от себя, выборов своих делегатов на съезды советов.

Положение перечисляет не только права и обязанности сельсоветов, но и предметы их ведения (опять 67 пунктов). Его основная задача вовлечь в дело строительства местной жизни все трудящееся население, и в этих целях он созывает общие собрания граждан (сходы), объявляет и разъясняет законы и распоряжения правительства, исполняет сам или предоставляет высшим органам пожелания этих сходов и т. д. Сельсовет подотчетен районному исполкому.

И при сельском совете может быть образован исполком, но обычно во главе сельсовета стоит председатель, избираемый советом из своей среды, а исполкомы образуются лишь в больших поселениях по особому постановлению. В случаях особой надобности, сельсоветы могут иметь секретаря. Для проверки финансово-хозяйственной деятельности избирается особая ревизионная комиссия.

Сельсоветы собираются, по положению, не реже одного раза в две недели.

Состав сельсоветов пока очень мало удовлетворителен. Настоящей советской власти в деревне еще нет. Большой толчок внес в этом отношении закон о перевыборах и нынешняя борьба за выборы действительных сельсоветов.

В 1927 г. издано было Положение «о секциях или комиссиях» при сельсоветах, районных и вол. исполкомах.[1] Цель этого закона — вовлечение крестьян, крестьянок, батраков, батрачек, рабочих, служащих и трудовой деревенской интеллигенции в практическую работу названных исполкомов и сельсоветов. Установлено было 6 секций (сельско-хозяйственная, культурно-просветительная, здравоохранения финансово-налоговая, местного хозяйства и торгово-кооперативная), но эта цифра может быть увеличена или уменьшена. По секциям распределяются обязательно все члены сельсовета и исполкома, но кроме того — и это самое важное — привлекаются к участию в них широкие массы трудящихся, а равно и партийцы, комсомольцы, профсоюзы, но только не лица, лишенные избирательных прав. Непосещение заседаний влечет исключение из секций; участие бесплатно, хотя бы в роли председателя или секретаря секции. Работа их — обследовательская, наблюдательская, плановая; отчеты, доклады, борьба с бюрократизмом, волокитой, взятничеством, хулиганством, растратами, бесхозяйственностью и т. д.

Разработанные проекты идут на утверждение Совета (или исполкома), пред которыми секция обязательно отчитывается каждые 3 месяца. Таким образом секции являются: а) ор-

[1] См. ст. т. М. Резунова — «Секции сельсоветов» в «Революции права», 1928 г. № 6 — 33 до 52. См. того же автора «Сельсоветы и земельные общества».

ганизациями для вовлечения в практическую работу широких масс и б) органами подсобными и подготовительными. Развитие их работы впереди.

б) Районный съезд и их исполкомы [1]

Районный съезд выбирается всеми находящимися на территории советами (как сельским, так и городским, фабричным). Один делегат на 300 человек населения от Сельских Советов. Норма выборов на районные съезды от фабрик и заводов: 1 делегат на 60 избирателей.

Съезды бывают очередные или внеочередные, первые — раз в год, вторые — либо по собственному почину исполнительного органа (исполкома) или по требованию советов, представляющих $^1/_3$ населения, либо по предложению вышестоящих съездов или исполкомов района. Съезды заседают недолго и выбирают исполком РИК, сроком на один год, в количестве членов не более 21 человека.

По конституции, высшею в пределах волости властью (как политическою, так и экономическою) в границах своего ведения является съезд, а между съездами — ВИК — ныне РИК. А функции этой власти в конституции 1925 г. излагаются словами:

«Волостные (районные) органы советской власти — исполнительные комитеты и их президиумы — имеют своей задачей:

а) принятие мер к поднятию данной территории в культурном и хозяйственном отношениях; составление и утверждение местного бюджета;

б) проведение в жизнь постановлений соответствующих высших органов советской власти;

в) разрешение вопросов, имеющих местное для данной территории значение;

г) объединение советской деятельности в пределах данной территории;

д) обеспечение в пределах данной территории революционной законности и охрана государственного порядка — общественной безопасности;

е) обсуждение вопросов общегосударственного значения как по собственному почину, так и по предложению вышестоящих исполнительных комитетов».

Мы видим, что тут нет деления политики и экономики. Это — вся власть на местах, конечно, с естественным подчинением вышестоящим советским органам, состоящим из трудящихся и избранным, а не сверху кем-то назначенным. Конечно, дело не так просто, как пишется, ибо еще Ленин пояснял, что деревне еще не-

---

[1] Так как с 1 октября 1929 г. волости упразднены, я здесь более не рассматриваю.

измеримо больше нехватает культурности, чем нашему городу.

Если мы обращаемся к Положению о районных съездах и (их) исполкомах, то мы находим в пояснение этих общих слов весьма длинный перечень функций, из которых можно сделать только один вывод, а именно, что на выполнение одних требований высших органов уходит все время местных органов. Я на этом перечне дальше останавливаться не буду; он содержит еще известные пережитки старины, и нового типа инструктирования местных органов, как органов не только исполнения, но и управления, пока еще очень мало. Это все лежит еще впереди. Но права РИК'а от издания местных обязательных постановлений с наложением штрафа за их исполнение до контроля всех находящихся на территории района учреждений в связи с самостоятельным бюджетом — открывают весьма широкие перспективы.

Райисполком (РИК) между съездами является высшею властью в пределах своей территории и в границах своего ведения, как и высшие исполкомы. Он созывается не реже одного раза в месяц. Председатель созывает расширенные заседания членов РИК, их кандидатов и с совещательным голосом председателей находящихся на территории района сельских, поселковых и гор. советов, на котором ставятся на обсуждение вопросы, имеющие особо важное значение: хозяйственное строительство, административное управление, борьба с волокитою и доклады с мест. Приглашаются с совещательным голосом и представители профессиональных организаций, фабрик и заводов, а равно крест. обществ взаимопомощи.

Для внесения жизни в работу РИК'а необходим тесный контакт его как с массами, так и с высшими Исполкомами. Первая цель достигается привлечением на заседания возможно большего количества рабочих и крестьян. С другой стороны, на расширенных заседаниях должны присутствовать представители госучреждений и т. д.

При исполкоме — общая канцелярия, которой руководит секретарь, утверждаемый Окружным Отделом Управления. При РИК'е предусмотрено 6 отделов, и он имеет президиум в 3 — 5 чел.

Райисполком имеет широкие задачи высшей местной власти, которая «принимает все меры к поднятию данной местности в культурном и хозяйственном отношениях и самостоятельно решает все вопросы, имеющие чисто местное значение».

Исполком всецело ответственен пред своим съездом, как и пред контролирующими его вышестоящими съездами и исполкомами.

в) Крестьянские общества взаимопомощи и их комитеты (кресткомы)

В противовес свободе развития капитализма в деревне была сделана попытка создать сельскую общественность для бедноты и середняка в виде крестьянских обществ взаимопомощи. Эти общества составляются на основе добровольного членства из лиц, не моложе 18 лет, не лишенных избирательных прав, и состоят в ведении Наркомсоцобеса. Ближайшая их цель — организовать общественное обеспечение и оказание помощи семьям военнослужащих, маломощным крестьянам, пострадавшим от бедствий и вообще впавшим в нужду, защищать хозяйственные и правовые интересы сирот, развивать самостоятельность, содействовать кооперированию, создавать фонды помощи и распределять пособия и т. д. Помощь может быть: денежная, натуральная, трудовая, правовая. Управляют делами: общее собрание и избранный на один год комитет (Крестком). Общества учреждаются по районам но объединяются в окружные и т. д. крестьянские комитеты. Их работу определяет Наркомсоцобес. Общества получают, кроме членских взносов, выморочные и бесхозяйные имущества, доходы с арендованных имуществ, пожертвования и государственные пособия.

Рядом с читальнею и кооперациею это — первые зачатки сельской советской общественности.

г) Порядок сношений сельских властей

По общему правилу райисполком сносится лишь с окружным исполкомом и чрез этот исполком поддерживает свои сношения и с центром. Это вызывается просто удобством в целях ускорения решения дела, так как окрисполком одновременно представляет в центр, если необходимо, и без особого запроса справки, материалы и свое мнение.

«Но, — гласит постановление VII съезда Советов, — они, т. е. волисполкомы, не лишены права в тех случаях, когда они признают это необходимым, иметь непосредственно сношения и с высшими исполкомами и их отделами, минуя уисполком». Такое постановление необходимо, чтобы не создавалось никаких преград для живой связи центра и мест.

XIII. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЮДЖЕТ

(Ст. ст. 76 — 86 Конституции.)

Всем известно, что без бюджета современное государство существовать не может. Но что означает слово «бюджет»? Если справиться в английском словаре, то мы находим, что слово «budget» (по-французски bougette) первоначально означало кожаный мешок. Рассказывают, что в старину раз в год в парламент прибывал канцлер казначейства с мешком денег и произносил речь о распределении этих денег на будущий экономический год в государственном управлении. Эту речь впоследствии и называли «budget». Конечно, никогда у государства не было и нет в наличии средств для покрытия всех расходов будущего года. И это предание просто сказка. Другие поясняют, что первоначально слово это означало кожаный портфель с государственною сметою доходов и расходов. Мы уже знаем, что англичане любят образные выражения. Но суть дела заключается не в словах, а в смысле этой сметы.

Что мы разумеем ныне под понятием бюджета? И в настоящее время это слово имеет различное значение. По существу бюджет представляет собою «систему государственных доходов и расходов, приведенных в состояние взаимного равновесия», другими словами, это есть финансовая система данного государства в действии.

Другие говорят, что это есть просто «роспись государственных расходов и доходов», т. е. сумма государственных расходов и изысканных на их покрытие доходов.

По существу всякое государство существует на счет трудящихся, и в буржуазном государстве трудящиеся своим прибавочным трудом сами оплачивают аппарат, держащий их в подчинении. Но буржуазия умеет искусственно скрывать действительное происхождение своих доходов и представить дело так, как будто бы бюджет покрывается всеми классами равномерно. Но стоит только вспомнить, что у имущих классов нет других источников доходов, кроме неоплаченного ими труда трудящихся, и что, значит, все доходы государства, составляющиеся главным образом из «налогов»,

«перелагаются» на трудящихся. Классовая же борьба между имущими классами сводится в этой области к борьбе при распределении их военной добычи, дани с трудящихся.

Много было споров в науке государственного и финансового права о характере акта бюджета: закон ли это или особого рода явление? Все эти споры можно назвать в значительной степени праздными. Ясно, что это не обыкновенный, а особого рода закон, разрешающий на срок (обыкновенно на 1 год) правительству получать средства из наличного фонда государства и из доходов, т. е. налогов и займов, на ведение дел государства. Неразрешение бюджета в парламентском государстве означало отставку правительства; иногда даже сокращение его (напр., на знаменитый 1 рубль) [1] являлось недоверием, достаточным для провала правительства. И бюджет в те времена, пожалуй, был единственным реальным средством власти в распоряжении народного представительства.

Ныне, во времена власти финансового капитала, государственных займов и косвенных налогов, и бюджетное право стало в значительной степени мнимым правом. И если соц.-демократы до 1914 г. обыкновенно голосовали против бюджета, как содержащего военные кредиты, то это было лишь простой демонстрациею, да еще невинной демонстрациею, пока с.-д. всюду были в меньшинстве. А когда дело стало серьезным — в 1914 г., — то все они, как один человек, в решающих государствах голосовали за эти кредиты и за весь бюджет.

Всякое буржуазное правительство зависит от класса капиталистов, на первом месте — финансового капитала, ибо бюджет зависит от него.

Нас здесь не интересует историческая сторона бюджетного права, как бы ни были интересны отдельные ее моменты с точки зрения классовой борьбы. Мы ограничимся чисто практической стороною вопроса в наших условиях.

И для нас бюджет имеет значение как смета расходов и доходов, но мы ставим вопрос гораздо шире, чем его ставит буржуазное государство. В условиях военной разрухи и глубокого кризиса капитализма ни одно правительство Европы не покрывало своей сметы расходов сметою обыкновенных доходов. Не делало того и в довоенное время почти ни одно правительство, ибо военный бюджет пожирал всегда гораздо больше, чем составляли регулярные доходы: дефицит покрывался государственными займами, особым весьма выгодным способом получения процентов для денежного капитала, но еще более выгодным способом для колоссальной наживы финансового капитала путем

[1] В Государственной Думе кадеты, следуя заграничным бюджетным традициям, также предложили сократить смету неугодного им царского министра на 1 рубль, в знак недоверия, но за отсутствием реальной силы, без всякого успеха.

эмиссий (выпуска государственных займов). Во время войны эти займы в значительной степени были заменены принудительными займами, путем использования станка для бесконечных эмиссий бумажных денег.

Для социалистического государства проблема сметы заключалась в проблеме всеобъемлющего хозяйственного плана. И в эту смету должны были войти не только денежные доходы, но и все материальные средства, добываемые из производства и обмена. Раз государство перешло к общегосударственному хозяйству, в котором видели коммунизм, то существовала единая касса доходов и расходов. С другой стороны, здесь в смету расходов ставились не только обычные государственные расходы, но и жалованье и заработная плата почти всему рабочему классу. В то время как буржуазный бюджет имеет отношение лишь к излишку (хотя бы мнимому излишку) каждой экономической единицы, например, фабрики, хозяйства, отдельного хозяина и т. п., в революционный бюджет «военного коммунизма» поступали продукты хозяйственных единиц целиком в валовом виде без вычета расходов, а не только чистый доход, или по разверстке вся необходимая государству сумма, не считаясь с вопросом, остаются ли излишки у производителя, вернее, не допуская вовсе таких излишков. В эпоху, когда производство как в городе, так и в деревне упало ниже всякого минимума, только о таком бюджете могла быть речь. И в действительности слова «смета расходов» и, еще в большей степени, «смета доходов» были одною фикциею. Если эти сметы вообще имели какое-либо значение, то смета расходов — лишь как известное ограничение произвола ведомств, тогда как доходы, особенно «сверхсметные доходы», т. е. всякие конфискации, играли роль противоположную, давая в общей сложности суммы сравнительно незначительные, но расширяя расходы вне всяких пределов.

В конституции 1918 г. отдел о бюджете приходится назвать самым бедным по содержанию. Про него сначала даже совсем забыли и в последнюю минуту внесли в проект несколько статей, сводящихся к общему — правда, весьма ценному и для тогдашней тенденции революционно-верному — принципу. «Финансовая политика РСФСР в настоящий переходный момент диктатуры трудящихся способствует основной цели экспроприации буржуазии для подготовления общего равенства граждан республики в области производства и распределения. Для этого она ставит себе задачею предоставить в распоряжение органов Советской власти все необходимые средства для удовлетворения местных и общегосударственных нужд Советской Республики, не останавливаясь перед вторжением в право частной собственности».

Она не говорит ни слова о том, что недостаточно одного «вторжения в право частной собственности», т. е. в область накоплен-

ного труда прошлого, но что необходимо сюда же включить и «производство новых ценностей» и притом в достаточном или, по крайней мере, в возможно большем количестве. Возбуждая иллюзии, что экспроприации буржуазии достаточно для предоставления в распоряжение советских органов всего необходимого для местных и общегосударственных нужд,— она могла только еще понизить уже и так упавшую производительность труда. Я не утверждаю, что так случилось; скорее всего, статья оказалась без всякого влияния: ее не читали вовсе, ибо она писала то, что еще не было «завоевано». Более реальное значение имела статья 80-я, как основанная на реальных фактах: «Государственные доходы и расходы РСФСР объединяются в общегосударственном бюджете». То было грозным окриком на все местно-сепаратистические тенденции, может быть, слишком в сторону централизма, но безусловно необходимым и верным, по существу, окриком.

С переходом к нэпу и стабилизации денежного курса вопрос о бюджете и у нас принял совершенно новый характер. И мы снова раздробили все «единое» и «коммунистическое» хозяйство на отдельные экономические ячейки, стали считаться с их действительными «излишками», устанавливая систему налогов и т. д. Другими словами, мы стали строить бюджет снова по-буржуазному, что, конечно, не означает, чтобы мы закрывали глаза на нарождающееся у нас реальное общеплановое хозяйство.

Конституция Союза ограничивается тем, что она устанавливает общесоюзный бюджет, в котором бюджеты союзных республик входят как составная часть.

В тексте конституции 1925 г. отдел «о бюджетном праве» действительно ограничивается правовою стороною дела: определением порядка утверждения смет центральных и местных бюджетов и их исполнения.

Все государственные доходы и все расходы, включая сюда доходы и расходы автономных республик, объединяются в общегосударственном бюджете. Бюджет входит как составная часть в единый государственный бюджет Союза, в соответствии с конституцией Союза и издаваемыми в порядке общесоюзного законодательства правилами.

И распределение расходов и доходов, собираемых на территории РСФСР, на расходы и доходы Союза и РСФСР устанавливается в порядке общесоюзного законодательства.

Как утверждается бюджет РСФСР?

Сначала его утверждает Совнарком и за ним после просмотра особой бюджетной комиссии, ВЦИК, а затем он направляется для включения в общесоюзный бюджет в законодательные органы Союза, которые, конечно, в праве внести поправки и изменения.

В таком же порядке бюджет автономных

республик включается после принятия их ЦИК'ами, с утверждения Совнаркома РСФСР и ВЦИК, как составная часть в бюджет РСФСР — как в составную часть Союзного бюджета.

Мы знаем, какая трудная задача после бывшей разрухи согласовать необходимейшие расходы с весьма скромными доходами, после того как выпуск бумажных денег, как способ пополнения бюджета, отпал, а займы играют крайне ничтожную роль.

Первые бюджеты оставались «ориентировочными», т. е. проектами, по которым приблизительно можно «ориентироваться», т. е. справляться. Но наш бюджет уже превратился в реальный, действительный бюджет. Это возможно только при существовании жестких правил, а таковые вводят статьи 81-я и 82-я конституции: «Ни один расход из средств государственной казны не может быть произведен без установления на него кредита в росписи государственных доходов и расходов или без издания особого постановления законодательных органов Республики. Все расходы по росписи расходуются в пределах сметных подразделений по их прямому назначению».

И прочие местные единицы, наравне с автономными республиками, имеют свои местные бюджеты, утверждаемые их съездами или исполкомами под общим контролем центральных органов Республики. Даже волость, ныне район, получает свое бюджетное право и свой бюджет с предоставлением ей известных налоговых и неналоговых (напр., из производства) средств.

Но недостаточно утвердить бюджет, необходимо его и выполнить. Отчет по исполнению бюджета республики после просмотра его бюджетной комиссией утверждает ВЦИК.

Чтобы дать понятие о нашем нынешнем союзном бюджете, я приведу несколько цифр на 1928/9 год: общегосударственный бюджет намечен в сумме 7695 млн руб., местный — в 2355 млн, а всего в сумме 8965½ млн (тут в итоге исключены суммы, передаваемые из центра местам). Налоги покрывают 70% всего бюджета, неналоговые доходы (от промышленности, торговли, банков, лесов, недр и т. д.) 15,5%, от займов — 14,5%.

Особенно характеризует бюджет советского государства все большее сближение бюджета с общегосударственным планом всего хозяйства. Таким путем количество переходит в качество, государственный бюджет превращается в социалистический.

XIV. ЭМБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Если бы буржуазный историк, проспавший последние 11 лет, т. е. нашу революцию (а буржуазные историки любят спать с открытыми глазами), увидел подлинник Брестского мирного договора, он пришел бы в ужас. Ибо там рядом с орлом германского империализма (орлом, про которого еще Гейне писал: «Ты, мерзкая птица!») красуется воззвание: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». И к этим словам «руку приложили» мы, побежденные.

Когда в Германии приближалась революция, то (летом 1918 г.) берлинские рабочие, не доверяя известиям печати буржуазии и социал-предателей из России, каждое утро посылали разведчиков на улицу «Unter den Linden» («Под липами») посмотреть — развевается ли еще там (над Берлинским посольством Советской России) красное знамя РСФСР.

А когда германская цензура 1918 г. так притесняла печать, что о России можно было печатать только официальные декреты, то Советская конституция РСФСР да еще закон о социализации земли были единственными легальными агитационными брошюрами в пользу социалистической революции. Теперь эту агитацию ведет неукоснительное проведение в жизнь этой конституции в течение 11 лет.

Когда по поводу подписанного Брестского мирного договора поднимались возражения против помещения под текст нашего воззвания «К пролетариям всего мира», нам достаточно было предъявить постановление о госуд. гербе, впоследствии вошедшее в ст. 89-ю конституции, где читается, что «герб РСФСР состоит из изображений на красном фоне в лучах солнца золотых серпа и молота, помещенных крест-на-крест рукоятками книзу, окруженных венком из колосьев и с надписью:

а) Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

б) «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

А на основании ст. 90-й: «Торговый Морской и Военный флаг Российской Социалистической Федеративной Советской Республики состоит из полотнища красного (алого) цвета, в левом углу которого — у древка наверху — помещены золо-

тые буквы РСФСР или надпись: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика».

Для рабоче-крестьянского правительства показалось вполне естественным объявить своим знаменем красный флаг. Не так думало буржуазное Временное правительство. В Петербургском ИК было прочное большинство в пользу красного знамени, но не таково было мнение правительства. Керенский, который в своей балетной сценке на столе Пет. Совета 2 марта актерским размахиванием красного носового платка [1] победил сердца переутомленных в банной температуре маленькой комнаты (№ 41) членов Совета, открыто не выступал против красного знамени, но известно, что во Врем. Правительстве разрабатывались и иные планы, равно как и марсельеза была лишь *временно* признана гимном новой республики до представления на конкурс нового гимна. Этот новый гимн hors concours (вне конкурса) представила Октябрьская революция в лице Интернационала. Я помню, что последний протест против красного знамени был заявлен из недр коалиционного министерства путей сообщения и заключался в соображениях опасности по службе движения, так как, мол, красный флажок означает остановку поезда. Но Октябрьская революция преодолела и этот довод, и красное революционное знамя впервые попало в конституцию.

Революция в 1918 г. в Германии, например, решительно отвергла красное знамя, а своего орла решилась лишь превратить в еще более безобразную, чем прежняя, столь ненавистную не одному Гейне, птицу.

Итак, если в французской революции 1848 г. спор о красном знамени был лишь спором о символе социальной республики, для дальнейших пролетарских революций это уже — лозунг, а в Советской конституции РСФСР — даже средство агитации. И напрасно против него ополчились не только буржуазии, но и самые блестящие силы социал-предательского лагеря, с К. Каутским во главе, который, например, в венском журнале «Kampf», от 1920 г., № 7, писал: «Как Парижская Коммуна, мне и Российская Советская Республика кажется феноменом (явлением), не повторяющимся в истории. Как ни подавляющим было его впечатление на массы... преемника она не нашла, политическим идеалом она не сделалась». Это звучит так же, как если бы накануне Великой французской революции кто-либо писал (а бывали такие чудаки!), что английская революция 1640 г. преемника себе еще не нашла.

---

[1] Примиренец Суханов, сам член ИК, про эту сцену пишет: «Керенский . . . , пройдя несколько шагов, взобрался на стол . . . Речь его, особенно вначале, была несвязна и неожиданна . . . Бог весть, чего тут было больше — действительного исступления или театрального пафоса и т. д.». Это сказано крайне мягко: это была самая противная сцена всего первого действия русской революции. Про решающий дело красный платок Керенского Суханов совсем забыл.

По союзному договору мы сделали шаг дальше. И Союз ССР имеет свой флаг, свой герб и свою государственную печать. Союзный герб является яркою иллюстрациею к словам декларации об образовании Союза: «оно послужит верным оплотом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Соц. Сов. Республику». Союзный государственный герб состоит из серпа и молота на земном шаре, обрамленном колосьями, с надписью на шести языках: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» На верху герба имеется пятиконечная звезда, а государственный флаг СССР состоит из красного или алого полотнища, с изображением на его верхнем углу у древка золотых серпа и молота и над ними красной пятиконечной звезды, обрамленной золотой каймою.

XV. ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЙСТВИЕ: ГОСУДАРСТВО ОТМИРАЕТ

Из нашего определения государства, как аппарата господства классов, вытекает, что одновременно с прекращением существования классов, т. е. с наступлением бесклассового общества, прекратит свое существование и государство. Энгельс это исчезновение государства определяет словами: государство «отмирает», т. е. он вместе с тем подчеркивает, что это будет не событием одного момента, но процессом длительным.

Это просто логический вывод из всей истории классового общества. «Когда государство, наконец-то, становится действительно представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним. С того времени, когда исчезнут вместе с классовым господством, вместе с борьбою за отдельное существование, порождаемое теперешнею анархиею в производстве, те столкновения и эксцессы, которые проистекают из этой борьбы, — с этого времени нечего будет подавлять, не будет и надобности в особой силе для подавления, в государстве... Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другою излишним и само собою засыпает. Место правительства над лицами заступает управление вещами и руководство процессами производства. Государство не отменяется, оно отмирает» (Энгельс, «Ниспровержение науки господином Евгением Дюрингом»).

В вопросе об отмене государства коммунисты не одиноки. И анархисты требуют этой отмены. Но, — пишет Ленин, — «мы вовсе не расходимся с анархистами по вопросу об отмене государства, как цели. Мы утверждаем, что для достижения этой цели необходимо временное использование орудий, средств, приемов государственной власти против эксплоататоров, как для уничтожения классов необходима временная диктатура угнетенного класса. Маркс выбирает самую резкую и самую ясную постановку вопросов против анархистов: свергая иго капиталистов, должны ли рабочие «сложить оружие» или использовать его против капитали-

стов, для того, чтобы сломить их сопротивление? А систематическое использование оружия одним классом против другого класса, — что это такое, как не «преходящая форма» государства?» (XIV, 2, стр. 345).

Отсюда вытекает и глубокая разница между «гибелью» буржуазного и отмиранием Советского государства. «Буржуазное государство не «отмирает», по-Энгельсу, а «уничтожается» пролетариатом в революции. Отмирает после этой революции пролетарское государство или полугосударство» (там же, стр. 310).

Вопрос о необходимости переходного периода между капитализмом и коммунизмом с особым государством пролетарского типа, о самом переходном периоде и т. д. подробно разработан впервые в книге Ленина «Государство и революция», чтение которой для всякого сознательного человека (не только коммуниста) обязательно. Я по этому поводу скажу лишь несколько слов. Вслед за Марксом (см. его «Критику Готской программы герм. с.-д.») и Ленин делит переход на две фазы: социализма и коммунизма. «Научное различие между социализмом и коммунизмом только то, что первое слово означает первую ступень, вырастающую из капитализма нового общества, второе слово — более высокую, дальнейшую ступень его» (Ленин, XVI, стр. 248).

Чем отличается первая ступень от второй в правовом смысле? Ленин поясняет: «В первой фазе коммунистического общества (которую обычно зовут социализмом) «буржуазное право» отменяется не вполне, а лишь отчасти, лишь в меру уже достигнутого экономического переворота, т. е. лишь по отношению к средствам производства. «И постольку остается еще необходимость в государстве, которое, сохраняя общую собственность на средства производства, охраняло бы равенство труда и равенство дележа продукта» (XIV, 2, стр. 374).

Лишь на второй ступени развития возможно отмирание и государства и права. «Государство сможет отмереть полностью тогда, когда общество осуществит правило: «каждый по способностям, каждому по потребностям», т. е. когда люди настолько привыкнут к соблюдению основных правил общежития и когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться по способностям». «Узкий горизонт буржуазного права... будет тогда перейден» (там же, стр. 375 — 376).

Не утопия ли это? Ленин отвечает и на этот вопрос:

«С точки зрения буржуазной легко объявить подобное общественное устройство «чистой утопией» и зубоскалить по поводу того, что социалисты обещают каждому право получать от общества, без всякого контроля за трудом отдельного гражданина, любое количество трюфелей, автомобилей, пианино и т. п. Таким зубоскальством отделывается и поныне большинство буржуаз-

ных «ученых», которые обнаруживают этим и свое невежество и свою корыстную защиту капитализма.

Невежество, — ибо «обещать», что высшая фаза развития коммунизма наступит, ни одному социалисту в голову не приходило, а предвидение великих социалистов, что она наступит, предполагает и не теперешнюю производительность труда и не теперешнего обывателя, способного «зря» — вроде как бурсаки у Помяловского — портить склады общественного богатства и требовать невозможного.

До тех пор пока наступит «высшая» фаза коммунизма, социалисты требуют строжайшего контроля со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления, но только контроль этот должен начаться с экспроприации капиталистов, с контроля рабочих за капиталистами и проводиться не государством чиновников, а государством вооруженных рабочих» (XVI, 2, стр. 376).

«Ибо когда все научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль тунеядцев, баричей, мошенников и тому подобных «хранителей традиций капитализма», — тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно сделается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие — люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентики, и шутить они с собой едва ли позволят), что необ обходимость соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет привычкой.

И тогда будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе, а вместе с тем к полному отмиранию государства» (там же, стр. 380 — 381).

Но можно ли так ставить вопрос у нас, когда после взятия власти пролетариатом ему пришлось сделать как будто несколько или даже много шагов назад, когда длительность этого переходного периода, повидимому, весьма увеличивается? Конечно, при одном условии, что дело не доходит до победы контр-революции! Воспользуюсь я и здесь для характеристики этого процесса словами Ленина: «Задаются и такие вопросы — где граница отступления?.. Отступать будем до тех пор, пока не научимся, не приготовимся перейти в прочное наступление... потому что, только когда мы сможем за что-нибудь уцепиться, можно будет переходить к наступлению...» (XVIII, 1, стр. 408). Но «после победы пролетариата, хотя бы в одной стране, является нечто новое в отношении реформы к революции... До победы пролетариата реформы — побочный продукт революционной классовой борьбы. После победы они... являются для страны, в которой победа

одержана, кроме того, необходимой и законной «передышкой»... чтобы во-время приостановить отступление и перейти опять в наступление» (XVIII, 1, стр. 415).

При Советской власти, — говорит Ленин в одной из своих последних статей, — «раз государственной власти принадлежат все средства производства, у нас действительной задачей остается только кооперирование» (XVIII, 2, стр. 139). Ленин не забывает напомнить и о возможных жесточайших нападениях наших врагов. Но тут сила сопротивления зависит от успехов наших и всемирного пролетариата.

После победы пролетариата слово о «врастании в новое общество будущего» и о постепенном отмирании функции политической власти потенциально (в возможности) принимает вполне реальную форму. С ростом сил пролетариата и его власти уменьшается необходимость реальных репрессий, применения насилия. С другой стороны, как я уже показал в в отделе об избирательном праве, возрастает количество лиц с чисто трудовым цензом, пока, наконец, все население не становится трудовым, рабочим населением, а вместе с тем и не приобретает избирательного права. Тогда наступает истинная демократия, как Энгельс говорит в цитированном выше месте, — «государство делается действительным представителем всего общества». Но в тот же момент оно делается ненужным, излишним.

Если разделить все наши народные комиссариаты на группы: хозяйственные органы (производство и распределение) и органы принуждения (военное, внутренних дел и судебное), — а я это деление пытался провести в своем наглядном изложении их функций, — то вполне убедительным становится постепенное отмирание, атрофирование последних и рост первых, как управляющих экономическим оркестром.

Одно остается вне спора: государство, а равно и право в классовом смысле, вместе с исчезновением органов принуждения, испаряется, отмирает.

Но не надо слишком прямолинейно представлять себе линию развития. И очень опасным представляется «уклон» к слишком торопливым ожиданиям отмирания государства. Сейчас, в данный момент, напротив, усиливается классовая борьба внутри СССР, усиливается она и в мировом масштабе. Готовятся обе стороны к действительно «последнему» бою. Пока эта победа еще не одержана, будут еще существовать и классы, и классовое государство пролетариата.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

Игнатьев В. И. — Совет национальностей ЦИК СССР. Стр. 71. Ц. 35 к.

Автору удалось в популярной форме, доступной однако читателям с образованием не ниже рабфаковского, дать общую характеристику национальной политики советской власти, осветить образование Советского Союза и его законодательных органов, в частности Совета национальностей, структуру последнего, компетенцию и порядок его работы. Особенную ценность представляет глава о практике работы Совета национальностей и глава о первоначальных проектах его организации.

Игнатьев В. И. — Советской строй. Вып. I. Возникновение и развитие конституции Союза ССР. Стр. 148. Ц. 1 р. 50 к.

Предпосылки конституции СССР в программе ВКП (б) в классовой и общенациональной политике советской власти. Зачатки конституции СССР и конституция союзных республик. Декларация и договор об образовании Союза. История разработки проекта конституции, проекты БССР и УССР. Развитие конституции СССР. Положение о ЦИКе СССР, о центральных органах власти, разграничение компетенции и пр. — Приложены тексты.

Копылов С. и Глушков А. — Схемы конституции СССР и союзных республик. (Ленинградская окружная военно-политическая школа им. Энгельса.) Стр. 54 + 27 листов схем. Ц. 40 к.

В общедоступной форме даны разъяснения конституции СССР и РСФСР на ряде последовательно подобранных схем. Внимание сосредоточено лишь на главных вопросах.

Книга предназначена в качестве учебного пособия для военно-учебных заведений, совпартшкол, кружков политграмоты и т. п.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

1 р. 35 к.

Переплет 30 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

Кулаков Г. В. — Конституция СССР и образование съездов советов в схемах. Изд. 7-е, стереотипн. Стр. 95. Ц. 25 к.

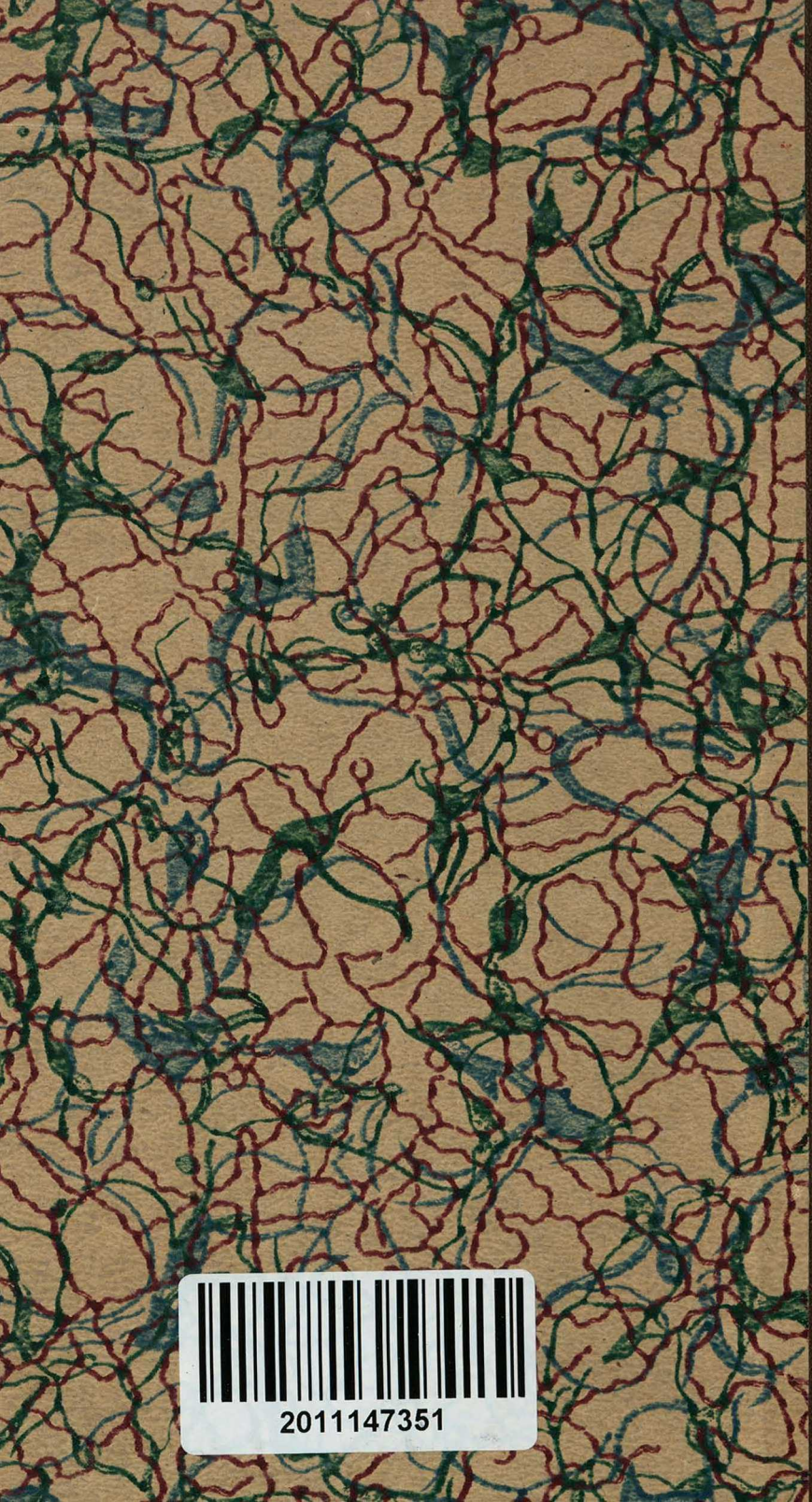
Книжка содержит доклад т. Енукидзе в заседании II сессии ЦИК СССР и текст конституции СССР, иллюстрированный наглядными схемами. Три издания этой книжки разошлись в самое короткое время, что свидетельствует о большой потребности в такого рода руководстве и полезности данной книжки. В 4-е издание вошли все изменения, внесенные в конституцию СССР III Съездом Советов Союза в связи с вхождением в его состав Туркменской и Узбекской республик.

Лозовский И. и Бибик И. — Советская политика за 10 лет по национальному вопросу. Систематический сборник действующих актов правительств Союза ССР и РСФСР по делам национальностей РСФСР (октябрь 1917—ноябрь 1927 гг.) С предисл. секретаря ВЦИК А. С. Киселева. Под общей ред. Г. К. Клингера. Стр. XXXV+499. Ц. 6 р.

Трайнин И. П. — СССР (Союз советских социалистических республик). Стр. 90. Ц. 25 к.

Основная задача, которую автор себе ставил, — это, по возможности, выпукло осветить практическое разрешение национальной проблемы в рамках Союза ССР. Обращено внимание на краткое освещение экономического и культурного состояния республик и областей, являющееся немаловажным фактором при практическом разрешении национальной проблемы.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

2011147351